

Э.М.Мурзаев

**ОЧЕРКИ
ТОПОНИМИКИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

Э.М.Мурзаев

**ОЧЕРКИ
ТОПОНИМИКИ**

Издательство «Мысль»
Москва • 1974

К читателю

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С давних времен человек интересуется географическими названиями. В трудах греческих и римских историков и географов можно найти попытки объяснения отдельных географических имен. Следует считать закономерным, что научная дисциплина, занимающаяся выяснением происхождения и развития географических названий, их формы, смыслового содержания и грамматического оформления, обозначается греческим словом «топонимика», в основе которого лежит *тоπος* — «место, местность» и *онома* — «имя».

Напрашивается существенный вопрос: зачем нужно их изучать и в глубине веков искать истоки того или иного имени? Не все ли равно, как и когда оно возникло, — важно, что сегодня географическое название продолжает служить человеку, удовлетворяет его экономические и культурные потребности, в большинстве случаев помогает правильно осмыслить географические представления, точно локализовать их. Читаем ли мы газету, слушаем ли радио, большинство из нас нередко воспринимает многие события и явления общественной жизни через географические названия, или топонимы. Они помогают понять пространственные соотношения и измерения проходящей жизни. Невозможно представить современное общество без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление. Без них немислима цивилизация, общение между народами и странами. А развитие культуры и науки и энергично развивающиеся международные связи приводят к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке. В этом, однако, видна лишь одна номинативная, адресная функция топонимов.

Все на Земле имеет свой адрес. Для человека этот адрес начинается с места рождения.

Но не следует думать, что значение топонимов ограничивается только этой функцией. Такое одностороннее представление не вскрывает богатства их содержания и большого информационного потенциала. Ведь географические названия, их совокупность суть народное творчество, создаваемое веками. Истоки его уходят в далекое прошлое и нередко теряются в истории человечества.

Топонимика представляет глубочайший интерес для ряда наук, в первую очередь для истории, географии и лингвистики, которые еще далеко не использовали все, что можно получить уже сегодня, не говоря о перспективе, когда степень изученности географических названий обязательно и неизмеримо возрастает. Географические названия окружают нас с детства. С первых лет нашей жизни они повседневно и постоянно входят в наше сознание, начиная с названия города, села, улицы, где находится родной дом. И естественным становится желание осмыслить географические имена, выяснить, как они образуются, развиваются и умирают, каково их внутреннее содержание. Нелегко ответить на простой вопрос: что значат названия частей света или материков, с которыми мы знакомимся уже в младших классах средней школы? Почему реки носят странные имена: Кондома, Омь, Аракс, Днестр, Вятка?

Топонимика изучает, анализирует совокупность географических названий, их происхождение, эволюцию, смысловое значение, распространение, повторяемость, модели. Не чужды ей также вопросы написания и передачи топонимов с языка на язык, чем она может способствовать их стабилизации и унификации.

Если десять—двадцать лет назад топонимическими исследованиями у нас в стране занимались ученые-одиночки, то теперь положение коренным образом изменилось. Топонимические темы стали предметом изучения большого количества специалистов. Оформились коллективы топонимистов в ряде академических научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений; работают на общественных началах комиссии и группы, как, например, при Географическом обществе СССР и его филиалах и отделах и в других учреждениях. Появилась и обширная топонимическая литература.

При этом следует особо подчеркнуть, что наряду с региональными топонимическими исследованиями стали публиковаться и работы методического характера, раскрывающие принципиальные вопросы теории и практики топонимики. Среди них следует выделить крупные труды В. А. Жучкевича (1968), В. А. Никонова (1965, 1966), А. И. Попова (1965), Е. М. Пospelова (1971).

Автор предлагаемой книги уже в течение тридцати пяти лет интересуется вопросами происхождения географических названий и народной географической терминологии и за это время опубликовал немало статей и заметок на топонимические сюжеты. Первоначально в своих изысканиях он ограничивался районами полевых исследований — Средней и Центральной Азией. Но постепенно, как это обычно бывает, в поисках закономерностей, параллелей, черт сходства и различий границы этих областей раздвигались, возникали новые факты и обобщения, а с годами, с появлением обширной литературы пришлось ее осваивать. В результате стало возможным предложить вниманию читателей, интересующихся географическими названиями, книгу, в которой уделено внимание как общим вопросам топонимики, так и региональным исследованиям отдельных районов СССР или зарубежных стран Азии, где автору пришлось работать в экспедициях.

Естественно, что автор при подготовке тех или иных очерков частично использовал свои более ранние публикации, однако все они обновлены, существенно переработаны в соответствии с планом этой книги и дополнены современными данными.

На ее содержании не могли не отразиться сотрудничество с коллегами по изучению географических названий в Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества, а также встречи с единомышленниками-учеными на топонимических конференциях в Киеве, Ленинграде, Одессе, Горьком, Софии и других городах.

Автор, конечно, хорошо понимает несовершенство своего труда. Ему еще многого не хватает для равномерной подачи материала, чему причиной разная степень изученности ряда общих вопросов топонимики и региональных топонимических систем. Нужно ли развивать мысль о том, что любой другой автор акцентировал бы иные аспекты, а не те, которые подчеркнуты

здесь, и привел бы другие примеры, иллюстрирующие те или иные положения, закономерности и ареалы географических имен. Следует учитывать, что писавший эту книгу — географ, что не могло не сказаться на ее структуре, материале и аппарате. В топонимике пока много неясного. Но еще В. Гёте говорил: «Человек должен верить, что непонятное можно понять; иначе он не стал бы размышлять о нем».

* * *

В книге приняты некоторые сокращения названий языков в такой форме, которая не требует специального объяснительного списка. Сокращения же названий литературных источников (заглавий журналов, сборников, многотомных изданий) раскрыты в самом начале списка литературы.

По техническим причинам при написании нерусских географических названий или народных терминов пришлось ограничиваться только графикой русского и латинского алфавитов. К сожалению, оказалось очень сложным привлечение тех знаков в национальных алфавитах народов СССР, основанных на кириллице, которые отсутствуют в русском алфавите. То же касается и многочисленных диакритических знаков, применяемых в специальных работах и у некоторых латинопишущих народов.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТОПНИМИКИ

Место топонимики. Терминология

Географические названия, т. е. собственные имена океанов, материков, морей, рек, озер, болот, плёсов, родников, колодцев, гор, холмов, лесов, городов, селений, хуторов, земельных угодий, урочищ и других географических объектов, — всегда разноязычные и всегда разновозрастные образования, которые совокупно слагаются в топонимическую систему в любом районе земного шара. Такое положение хорошо иллюстрируется топонимией Советского Союза. А в самое последнее время на примере формирования топонимической системы Арктики и Антарктиды, в результате искусственного, а не спонтанного процесса, ясно видна справедливость этого тезиса. В самом

деле, в этих полярных странах наблюдается соседство следующих разноязычных образований: в Арктике — рус.: Новая Земля, о. Комсомолец, хр. Ломоносова, мыс Дежнева; англ.: о. Виктория, море Баффина; норвеж.: Нордкап — «северный мыс»; немец.: архипелаг Шпицберген — «остроконечные горы», то же сканд.: Свальбард — «холодный край»; датск.: Гренландия — «зеленая страна». В Антарктиде — рус.: ст. Мирный, Восток, Советская, п-ов Вернадского, залив Лена; англ.: станции Литл-Америка — «Малая Америка», Мак-Мердо, Земля Мэри Бэрд; японск.: ст. Сёва; польск.: ст. Добровольский; сканд.: Берег Ларса Кристенсена. Такие примеры можно увеличить во много раз.

Каково место учения о географических названиях в системе наук? На этот вопрос ученые отвечают противоречиво. Так, в последних классификациях географических наук, предложенных географами (Рябчиков, 1959; Калесник, 1961), находит место и топонимика. О топонимике как географической науке специально писал А. В. Маракуев (1949, 1954).

Однако такая точка зрения вызывает протест некоторых лингвистов, которые считают, что любое географическое название — элемент лексики, слово в языке, — вне языка оно не существует, а потому топонимика — наука исключительно лингвистическая. Географы же должны ограничиваться потребительской стороной, используя достижения топонимики для своих целей.

Между тем многие топонимисты не согласны с таким односторонним подходом. Кажется, подобная точка зрения о месте топонимики страдает субъективностью, которая определяется главным образом научными интересами и специальностью авторов. Правильнее считать топонимику самостоятельной наукой, которая использует методы и лингвистического, и исторического, и географического анализа. Таким образом, топонимика как стыковая наука может добиться больших успехов при учете достижений языкознания, истории и географии. Другими словами, и лингвист, и географ, и историк могут считать себя топонимистами, если они овладеют необходимыми знаниями из указанных дисциплин и применяют их для конкретного топонимического анализа. Известно, что всякое явление или предмет могут быть изучены с каких-то определенных позиций; такое изучение будет односторонним. И только исследование с раз-

ных сторон и использование разных методов позволяют выяснить их сущность до конца.

Покажем правомочность такого утверждения. Конечно, географическое название прежде всего элемент лексики, категория лингвистическая и поэтому подчиняется законам языка. Топонимы активно или пассивно входят в состав языка, потому должны изучаться лингвистами. В то же время в большинстве случаев географические названия — особый, отличный от других языковых слоев элемент. Часто, почти всегда, мы употребляем в нашей речи топонимы только как имена собственные, как будто не имеющие никакого смыслового значения и обладающие лишь номинативной (назывательной) функцией. Нельзя поставить знака равенства между обычными словами, которыми мы пользуемся для передачи мысли, и топонимами, как правило не несущими смысловой нагрузки и отвечающими только служебной задаче — обозначению данного географического объекта, формированию его адреса. Профессор А. А. Реформатский (1964) видит отличие нарицательных слов от собственных имен в максимальной понятийности первых и максимальной номинативности вторых.

Отмечу, что громадное большинство географических названий, живущих столетия, вовсе неизвестны населению даже в пределах небольшой одноязычной страны, как, например, в Дании, Норвегии, Австрии. Более того, жители крупных городов вряд ли знают 3—5% названий улиц, площадей, переулков, топонимия которых реально существует, но остается неизвестной. В Москве, например, насчитывается более 5000 названий проспектов, улиц, переулков (см. «Имена московских улиц». М., 1972, стр. 4) *. А сколько из них известно каждому, отдельно взятому, москвичу? Сто — двести и вряд ли больше, если только знание географии столицы не является его профессиональной обязанностью. А за пределами своего города или района процент освоения топонимической лексики оказывается просто ничтожным.

Лингвистика — важнейший инструмент изучения географических названий. При исследовании современ-

* В действительности количество топонимов Москвы значительно превышает эту цифру, так как в книге не приводятся названия физико-географических объектов (рек, ручьев, холмов, оврагов), а также микрорайонов и многих деревень, вошедших в состав Москвы после расширения ее границ в 1960 г.

ных топонимических ареалов невозможно обойтись без помощи сравнительной фонетики, которая помогает осмыслить единые ряды топонимических образований, как, например, *даг, таг, тау, тоо, туу* для тюркских языков от Балкан до Таймыра в значении «гора, хребет». Без методов языкознания нельзя понять и роль суффиксов в формировании географических названий, играющих первостепенную роль при выявлении закономерностей современной топонимии (В. А. Никонов, 1959) и существовавших в далеком прошлом, как это хорошо показал Гр. Капанцян (1948, 1956). Так, при чтении многих географических названий Средней Азии и Ближнего Востока встречается громадное количество наименований мест, областей, стран, городов с формантом *-ан*. Приведем некоторые из них: Иран, Туран, Хотан, Шугнан, Бадахшан, Исфахан, Хорасан, Хамадан, Мугань, Ленкорань, Маргилан, Маргиана и т. д. Только историческое языкознание может рассказать о продуктивности суффикса *-ан*, употреблявшегося в прошлом при образовании географических названий. Этимологические исследования топонимов должны опираться на всю сумму накопленных лингвистических данных и достижений. Знание законов языковедения обязательно для топонимиста, если он только хочет выйти из стадии собирательства и любительства.

Однако это не значит, что лингвистика обладает монополией на изучение топонимики. Ее нельзя считать лишь частью лингвистики, как это делают некоторые видные ее представители, стремясь оградить топонимику от влияния других наук. В этом отношении показательна статья польского топонимиста В. Ташицкого «Место ономастики среди других гуманитарных наук» (1961). Ее автор стоит на позиции безраздельной принадлежности топонимики к лингвистике, отвергая возможность какого-либо участия в изучении географических названий со стороны исторических или географических наук. В этом случае топонимика не имеет перспектив стать самостоятельной научной дисциплиной. Тут кроется противоречие: ведь многие науки со временем делаются самостоятельными, первоначально будучи дочерними.

Опыт показывает, что и историки, и географы нередко давали интересные и содержательные топонимические работы, может быть, недостаточно аргументиро-

ванные, с точки зрения лингвистов. О том, что изучение географических названий осуществлялось с разных позиций, свидетельствует опыт России — СССР; вероятно, аналогичная картина наблюдалась и в других странах, где топонимикой занимались для нужд исторической географии и истории. Сошлюсь на свидетельство венгерского языковеда Г. Барци. Он писал: «В начале XX века... историческая точка зрения постепенно делается как бы единственно господствующей; исследования географических названий становятся такой вспомогательной отраслью истории (истории населения и населенных мест), в которой сотрудничество языковеда необходимо, но в которой его точка зрения отходит на задний план... исследование языковедами географических названий (помимо использования в области общей истории венгерского языка) стало почти целиком исторической целью, а собственно лингвистические аспекты сильно оттеснены назад» (Baczi Geza, 1958, стр. 144 и 145).

Легко понять, почему историки столь заинтересованы в топонимических исследованиях. Топонимы возникали в определенные исторические эпохи, менялись во времени по форме, а часто и по содержанию, распространялись в зависимости от конкретных исторических событий — миграции населения, войн, культурного, экономического и языкового общения. И в этом плане топонимика — часть истории, вернее, исторической географии. И не случайно именно историки, пользуясь анализом географических названий, обогатили историческую географию и одновременно топонимику.

Известный чешский топонимист В. Шмиллауэр утверждает, что «сущность топонимистики составляет соединение лингвистического и исторического подхода; следовательно, она не принадлежит ни к языкознанию, ни к историческим наукам, а является самостоятельной научной областью» (Smilauer, 1958). Взгляды, близкие к этим, развивал академик С. Б. Веселовский (1945), показавший, сколь продуктивен топонимический метод в исторических исследованиях. С другой стороны, без учета исторической географии нельзя ждать плодотворных результатов в топонимике, о которой, как об исторической науке, неоднократно писал профессор А. И. Попов (1957, 1964 и др.).

Следует помнить, что формальный лингвистический анализ основ, или формантов географических названий

может порою привести к совершенно превратным выводам. Первое, с чем приходится сталкиваться, — это несовершенство записи и передачи древнего названия средствами современной графики, что особенно заметно при передаче иноязычного имени. Громадное большинство топонимов попадает на карты и в литературу в искаженном виде. Причин тому несколько: невозможно передать фонетику средствами какого-либо одного национального алфавита; запись, производимая топографом, путешественником, лицами, не знающими местного языка и не имеющими специальной подготовки в области фонетики, всегда будет несовершенна; местные жители часто не знают смысла географического названия, унаследованные ими форма и звучание также бывают далеки от исходного оригинала. К тому же названия поселений в отличие от гидронимов крайне подвижны: они часто меняются и зависят от социально-политических условий, что ярко показал П. А. Баранников (1960) на примере городов Индии.

И конечно, в таких случаях на помощь могут прийти исторические и географические материалы. Если ими пренебречь, то нередко получаются такие этимологии, которые не имеют, помимо формально-лингвистических, никаких других оснований. Приведу примеры из географии Средней и Центральной Азии: название р. Кунгес осмысливается как «тихий». Но ведь рядом течет р. Текес. Такая пара рек названа по ориентировке течения: текущая на солнце (на юг) и противоположная (на север), Кулаб, Гулаб — «розовая (цветочная) вода», между тем здесь, конечно, *куль + аб* = «озеро + вода». Иркештам переводится как «мужчина проходит мимо стены», хотя *каш* и *там* = «камень» (и нефрит) + «жилище, дом».

Не случайно в ряде топонимических исследований, выполненных лингвистами, нередко привлечены данные археологии и исторической географии, что можно только приветствовать. Сошлюсь в качестве примера на работу Б. А. Серебренникова (1959). Особенно же мне хочется подчеркнуть значение исследований Гр. Капанцяна (1956), где собран обильный топонимический материал по древней Малой Азии, объясняемый с позиций как исторических, так и лингвистических наук, при рошом знании географии. Вспомним также работы, где используется топонимика для выяснения темных вопро-

сов древней истории: по Малой Азии и Кавказу — труды В. В. Струве (1947) и Л. М. Меликсет-Бека (1960), по Средней Азии — С. Г. Кляшторного (1951), по Сибири — А. П. Дульзона (1961) и по Поволжью — В. А. Никонова (1960б).

Географические названия — важнейший элемент карты. Они имеют пространственную привязку и нередко отражают природу ландшафта, говорят о характере заселения человеком новой территории, о природных богатствах и других географических особенностях территории. Географическая номенклатура, большей частью определяющая объект и метко характеризующая его, изучается и географами, которые ввели в научный обиход немало местных народных топонимических терминов. Именно географы лучше других специалистов могут разобраться в семантических нюансах местной географической терминологии и географических названий на широких пространствах. Часто название обусловлено сущностью самого географического объекта. И в этом утверждении нет ни «географического натурализма», ни противоречия тезису об историзме топонимики и топонимов. Все яснее становится закономерность образования географических названий от слов нарицательных. Генетическая связь между топонимами (гидронимами, оронимами) и местными географическими терминами очевидна. Именно последние лежат в основе многих топонимов и определяют их смысл. Эта связь может быть названа позитивностью географических названий. Большинство постоянно повторяющихся формантов современных топонимов, которые не имеют ощутимой смысловой нагрузки, в прошлом имели ее, представляя тот же простой географический термин (вода, холм, река, гора, родник, лес).

Лингвистический анализ одинокого топонима, вырванного из всей совокупности географических названий того или иного района, без привлечения сравнительного материала из топонимии других районов, — ненадежный метод, что можно подтвердить многочисленными примерами. Как известно, выяснение этимологии многих географических названий — в ряде случаев задача очень трудная. Географические характеристики могут быть использованы для доказательств, исходя из семантических категорий, особенно если топонимы одной модели повторяются в однотипных географических объектах,

даже если они находятся далеко друг от друга, на территориях, связанных ныне или в прошлом какой-то исторической или языковой общностью.

Существует весьма важный аспект изучения географических названий, который до последнего времени не привлекал внимания исследователей в той мере, в какой изучались структура топонимов, их этимология. Географы давно подметили особенности наименования географических объектов в разных странах, — особенности, позволяющие говорить о специфике топонимических систем, их неповторяемости. Так, в славянских странах реки, как правило, от истоков до устья имеют одно и то же название: Днепр, Дунай, Висла, Морава. В областях с пестрым этническим населением, говорящим на разных языках, может быть местная синонимическая номенклатура: р. Волга в мордовском — Ра, в тюркском — Итиль, в марийском — Иул; р. Белая — Аkitиль у татар и башкир (где *ак* — «белый») и т. д.

На громадных пространствах Переднего Востока, Средней и Центральной Азии гидронимика оказывается весьма усложненной: реки часто меняют свои названия после слияния с крупными притоками либо после резкого изменения течения, выхода из гор на равнины и т. д. Таковы реки Раскем — Яркендаря — Тарим; Вахджир — Пяндж — Амударья; Матча — Зеравшан — Каракульдаря и т. д.

В России города и селения часто получают имена рек, на берегу которых они расположены: Оскол, Воронеж, Уфа, Миас, Омск, Томск и новейшие образования типа Волжский, Волгоград, Днепропетровск, Нефтеюганск. Во многих областях Внутренней Азии видим обратную зависимость: реки получают имена городов, которые орошают, — Амударья (по г. Амудь), Яркендаря, Керия, Ния и т. д.

Интересные топонимические закономерности возникают при изучении географической ориентировки, принятой у разных народов. У тюркских народов передней стороны считается восток, у халха-монголов и китайцев — юг, у западных монголов — восток, а также юго-восток. При южной ориентировке происходит синонимичность понятий: южный и передний (*овор* у халха-монголов), северный и задний (*ар*), восточный и левый (*дзун*), западный и правый (*барун*), что и получает отражение в системе географических названий. У турк-

мен *юкары* одновременно означает «верх» и «восток» (там, где солнце поднимается), *ашаг* — одновременно «нижний, низ» и «запад» (там, где солнце опускается).

Аналогичные понятия встречаем у средневекового туркестанского ученого Махмуда Кашгари, который различает три Чина: Верхний Чин, или Тавгач, — на востоке, Средний Чин — Китай и Нижний Чин — Бархан, или Кашгар. Тавгач называется также Мачин. Х. Хасанов (1961), анализируя эти данные, справедливо отмечает, что слова *верхний* и *нижний* употреблялись автором в смысле «восток» и «запад». «Ведь Верхний Чин, — пишет Хасанов, — вовсе не гористая страна, а широкая равнина. Наоборот, Нижний Чин — высокогорная часть Китая».

В азербайджанском языке наблюдаются другие соотношения, крайне интересные для топонимиста: «Надо отметить, что прилагательный *аг* (*ак* — «белый») и *гара* (*кара* — «черный») в названиях ветров означают страны света: «восток и запад» (Р. М. Юзбашев, 1966). Ср. ассирийское *ереб* — «мрак», одновременно «запад», откуда, как считают, произошло и название Европейской части света.

Конечно, эти особенности систем ориентировки лучше всего выявляются с помощью географических методов исследования.

Повторяю, географические названия развивались исторически, их происхождение тесно связано с общественной жизнью и языками народов, населявших те или иные местности. В течение тысячелетий менялись исторические условия, языки и народы; поэтому ни в одной стране нет единообразной географической номенклатуры. Она создавалась постепенно и является многослойным образованием, всегда состоящим из разновозрастных и разноязычных элементов, искаженных временем, измененных в результате воздействия новых языков, новых насельников.

Правильное понимание географических названий дает географу богатейший материал для познания особенностей природных условий и хозяйственной деятельности человека, его расселения, для исторической географии, а правильное написание позволяет выяснить наиболее близкую к оригиналу транскрипцию, что очень важно для картографии. Между тем в топонимике еще плохо обстоит дело с установлением общих и частных

закономерностей в образовании, эволюции и распространении географических названий, что приводит к обилию фантастических домыслов, примитивных объяснений, базирующихся на легендах, на народной этимологии, весьма обычной в толкованиях генезиса топонимов, их семантики.

В итоге сказанного сформулируем следующее положение: топонимика — пограничная научная дисциплина, развивающаяся на стыке трех наук: языкознания, истории и географии — и комплексно пользующаяся их методами, преследует одну цель — всестороннее изучение географических названий. При этом необходимо подчеркнуть, что объект изучения — географические названия — показан во множественном числе. Это не случайно. Выше было сказано, что анализ одинокого названия редко приводит к положительным результатам. Нужна сравнительная основа, которая предполагает массовость названий, что позволит прослучить аргументированное объяснение как со стороны морфологии, так и со стороны семантики. А сравнительный метод всегда был и останется важнейшим и в географии и в языкознании. Развитие науки в недавнее время было связано с чрезвычайной специализацией и дифференциацией. Этот процесс неизбежно приводит к зарождению пограничных и новых комплексных наук. Такова и топонимика, где смыкаются интересы лингвистики, истории и географии. От согласованных усилий представителей этих наук в значительной мере зависит и будущее топонимики — их детища.

Следует согласиться с известным лингвистом проф. Б. В. Горнунгом, который отметил комплексный характер топонимики как науки: «Право лингвистов на изучение топонимов как одной из категорий языка не снимает специфики развития топонимов, их смены, специфики географического распространения типов и т. д.

Все это настолько зависит от внеязыковых факторов, что заставляет топонимиста быть не только лингвистом. Вместе с тем это дает право и историку, и географу, и этнографу заниматься топонимикой, но только при условии полного владения лингвистическими методами» (1964).

Плодотворные топонимические исследования могут развиваться при применении методов и достижений лингвистических, исторических и географических наук.

В этом случае топонимика, опираясь на них, может достичь больших высот и породить специалистов-топонимистов. Мы находимся у истоков такой специализации, и если ее еще нет, то сам ход развития науки неизбежно приведет к становлению топонимики как науки и появлению топонимистов, обладающих знаниями тех методов лингвистического, исторического и географического анализа, которые в первую очередь необходимы для топонимики. Другими словами, лингвисту, если он хочет плодотворно работать в области топонимики, нужно знать историю и географию; историк должен обладать лингвистическими и географическими познаниями, а географу, чтобы не ограничиваться пассивной ролью, необходимо усвоить данные и методы лингвистических и исторических наук или во всяком случае тех их разделов, которые более всего необходимы для топонимического анализа.

Нужно сказать, что такая точка зрения была изложена автором в докладе 15 мая 1962 г. в Москве на совещании, посвященном принципиальным вопросам топонимики (Мурзаев, 1964), и получила поддержку в ряде опубликованных работ. А. А. Реформатский свою статью «Топонимика как лингвистический факт» начинает следующими словами: «Заглавие этой статьи отнюдь не отрицает и таких положений, как «Топонимика как географический факт» или «Ономастика как исторический факт», но тем не менее претендует на первоочередность именно так сформулировать тему» (1964). По мнению автора статьи, разделение труда в этой области можно представить в виде такой схемы: географический метод — поиск, географ поставляет и комментирует географически; лингвистический метод — анализ и интерпретация, лингвист анализирует и объясняет лингвистически; исторический метод — применение, историк интерпретирует и применяет для истории.

Из приведенной схемы видно качественно далеко не равномерное распределение обязанностей между специалистами, но такой тезис не получил дальнейшего развития в топонимических дискуссиях. Споры на эти темы — пройденный этап, они потеряли остроту. В предисловии к сборнику «Географические названия» (1962), подписанном В. А. Никоновым и мною, было сформулировано: «Топонимист не должен быть лингвистом, или географом, или историком, он обязан быть топонимистом».

Различие методов не только неизбежно, но и плодотворно для нашей складывающейся науки».

Как будто напрашивается вопрос: кем же должен быть топонимист? Все, что сказано в этой главе, позволяет ответить просто, хотя и чуть-чуть повторяясь: и лингвистом, и географом, и историком. То же говорит и Е. М. Поспелов в последнем по времени обзоре о состоянии топонимики в СССР: «Необходимо подчеркнуть обязательность комплексного применения этих методов. Использование при топонимическом анализе данных и методов только одной какой-либо науки, без сочетания со смежными, неизбежно приводит к одностороннему изучению и не позволяет до конца выявить сущность вопроса» (1966).

В. А. Никонов, который своими трудами много сделал для развития топонимики в СССР, справедливо считает, что «споры о том, «кому принадлежит топонимика», возвращают ко вчерашнему дню споры «кому служит топонимика». В сотрудничестве с другими отраслями знания топонимика выступает как самостоятельная наука» (1965).

И все же первенствующее значение в становлении топонимики как науки отдает лингвистике, что видно из следующей дефиниции: «Топонимика — особый раздел языкознания... неразрывно связанный с историей, географией и этнографией».

Наконец, несколько слов о «потребительском» аспекте топонимики. Происхождение географических названий интересует если не всех, то почти всех, кто не безразличен к вопросу: почему родной поселок или город носит имя Вырица, Боромя, Балаклея, Псков, Нежин, Коростень? И отмахнуться от таких вопросов нельзя: мы обязаны по мере возможности удовлетворить их. А правильно ответить можно (конечно, далеко не всегда) при помощи достижений многих наук. Однако потребителями топонимики оказываются и сами науки — языкознание, история, география. И их представители могут с успехом использовать для своих целей топонимику, одновременно обогащая ее новыми исследованиями.

Очень плодотворно привлечение топонимических данных для показа изменения географии нашей страны за последние полвека. В этом отношении некоторые новые топонимы служат как бы вехами исторического развития Советского Союза, указателями его экономического

развития и политического роста. Разве мало говорят такие названия, как Магнитогорск, Целиноград, Гулистан (место цветов, роз), Электросталь, Пахта-Арал (хлопковый остров), или мемориальные, тесно связанные с историей России — СССР: Петрозаводск, Пугачев, Пушкин, Чехов, Ульяновск, Киров, Горький, Ленинград. Каждое такое название — тема для интересного рассказа.

Отсюда уже просто сделать вывод о необходимости внедрения топонимики в учебные программы по географии, истории, языкознанию в средней и высшей школе. По своему опыту автор знает, насколько полезным оказалось привлечение топонимического материала в учебный процесс при чтении курсов географии Центральной и Восточной Азии в Московском институте востоковедения (1945—1948). Было замечено, что усвоение студентами географической карты и других учебных материалов значительно повысилось при рассказе о происхождении и семантике географических названий Японии, Китая, Монголии и прозрачных топонимических параллелях, наблюдаемых в других странах Азиатского материка.

О роли топонимики и картографии писал Е. М. Поспелов (1962, 1971), показавший практическую связь между ними и ту большую роль, которую топонимика играет в поисках правильного выбора из двух-трех названий для одного объекта наиболее правильного и установлении транскрипции в форме, ближе всего соответствующей оригинальному звучанию на месте.

Мы еще вернемся к некоторым закономерностям топонимики. Особое внимание будет уделено значению местной географической терминологии — этом почти универсальном ключе к этимологии многих, если не большинства, географических названий.

Если читатель заинтересуется тем или иным вопросом, ему на помощь придет литература, упомянутая в библиографии. Она, конечно, далеко не исчерпывает всех источников. А они указаны в специальных работах по библиографии топонимики («Иностранная литература»... 1965; Кукушкина и др., 1962; Никонов, 1958, 1960; «Топонимический минимум», 1964; Корепанова, Симонова, 1968).

Научная терминология в топонимике еще недостаточно устоялась. Иногда, применяя одни и те же тер-

мины, авторы вкладывают в них несколько различающееся содержание. Так, например, не всегда отличают по смыслу топонимику и топонимию; некоторые авторы вместо «народная этимология» предпочитают сочетание слов «ложная этимология»; разные объяснения можно встретить в определении системы географических названий и т. д.

Ниже приводятся или общепринятые определения избранных терминов, или те дефиниции, которых придерживается автор в настоящей работе. Топонимическая научная терминология в последние годы привлекает внимание ученых, она разрабатывается в Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР, в Ономастической комиссии АН Украинской ССР, а также в международном плане — через комиссии, выделяемые всемирными ономастическими конгрессами. (О работе по развитию отечественной топонимической терминологии см.: Подольская, 1967; Подольская и Суперанская, 1969.) Здесь в алфавитном порядке даны определения терминов только в необходимом минимуме.

Аббревиация географических названий — принятая сокращенная форма: Донбасс, Кузбасс, АРЕ — Арабская Республика Египет, ЕТС — Европейская территория Союза (СССР).

Антоним — название с противоположным содержанием: Малая Вишера, Большая Вишера; Кунгей-Алатау, Терсей-Алатау, т. е. горы, обращенные на солнце, на юг и в противоположную сторону, на север; реки Белая и Черная; Верхний Ломов и Нижний Ломов; Новая Ляля и Старая Ляля.

Антропоним — имя, фамилия, прозвище людей. Оантропонимические географические названия, или антропонимы, — названия, в основе которых лежат такие имена. Эта топонимическая категория многочисленна, особенно для обозначения населенных мест: Ивановка, Николаев, Серафимович, Байрам-Али, Фрунзе, Туманян, Искандеркуль (озеро Александра), Вашингтон, Сухэ-Батор.

Ареал в топонимике — область распространения тех или иных топонимических фактов, повторяющихся моделей, географических названий, однотипных местных географических терминов и т. д. Например, ареал названий с окончанием на *-ичи* (Барановичи, Сухиничи),

на *-иха* (Плющиха, Карабиха), ареал терминов *шор, сор* — для солончаков, болот, мелководий и т. д.

Вторичный топоним — см. *Первичный топоним*.

Гибридные названия — сложные топонимы, разные части которых образованы разноязычными словами. См. *Калька*.

Гидроним — собственное название реки, озера, ручья, болота, источника, колодца. Иногда ограничивают понимание термина только названиями рек. Но можно различать: *пелагонимы* — названия морей, *лимнонимы* — озер, *потамонимы* — рек, *гелонимы* — болот.

Глагольные названия — см. топоним полностью предположения.

Детопонимизация — превращение собственного географического названия в нарицательное, процесс перехода от номинативности к понятийности: город Бостон — ткань *бостон*; государство Панама и шляпа *панама*, и крупное мошенничество — *панама*; Ломбардия и *ломбард*; река Иордан и прорубь в русском *иордань*; город Тюль во Франции и легкая ткань для занавесей — *тюль*.

Диакроническое изучение географических названий предполагает их анализ во времени, во все исторические эпохи прошлого, как бы во временном срезе. См. *синхроническое изучение*.

Изоглосса — линия, ограничивающая ареал, или сам ареал того или иного языкового явления (фонетического, морфологического, лексического). В топонимии топоизоглосса — граница области распространения одинаковых формантов географических названий, этимологий из каких-то определенных языков, фиксированных моделей.

Индикатор — см. *Местные географические термины*.

Калька — переводная копия названия, меняющая форму названия, но не его содержание, и сохраняющая этимологию (Белгород — турец. Аккерман, молдав. Четатя-Альба; кит. Хуанхэ — Желтая река; киргиз. и казах. Джетысу — Семиречье; тюрк. Бештау — Пятигорск и т. д.).

В географических названиях встречается и полукалька, когда одна часть сложного топонима переводится, другая остается в оригинале: Секиз-Мурэн—Восьми-

рече, где первое слово тюркское, второе — монгольское. Так возникают *гибридные названия* (см.).

Макротопонимия — названия обширных территорий, часто не имеющих четко очерченных границ, а также акваторий. Предлагается ограничить макротопонию именами материков, частей света, океанов и таких протяженных географических объектов, как Восточно-Европейская (Русская) равнина, Сибирь, Западно-Сибирская равнина, Туран, Казахстан, Тянь-Шань, Кавказ и т. д.

Никто еще никогда не составлял списка макротопонимов для всего мира или для СССР, поэтому неясно, какие названия считать макротопонимическими и какие нет. См. *Микротопонимия*.

Мемориальные (коммеморативные) имена — возникшие в память выдающихся людей или событий: Ленинанкан, Свердловск, Докучаевск, Шевченко, Пушкино, Кутузовская изба, Вашингтон, Александрия, Маккензи.

Местные географические термины — то же народные, то же номенклатурные, нарицательные, топонимические, то же индикаторы — указывают на род или вид географического объекта. Активно участвуют в образовании собственных географических названий: *клин* — «островной лес, участок болота, граница, каменная мель» в разных местах СССР; *коврига* — «массивный холм»; молд. *кодру* — «лес, лесистые горы»; якут. *алас* — «луговые равнины в плоских озерных котловинах, на широких террасах больших рек»; фин. *lahti* — «залив» и т. д.

Метафорические названия — образные, индизнавательные, употребляемые в переносном значении, обычные в топонимии многих стран и языков: гора Венец, Чатырдаг, т. е. Шатер-гора, скала Чертов Палец; сужение реки в ущелье Железные Ворота; источник Чешме, т. е. «глаз», из иран. *чешм* — «глаз».

Метафорические местные географические термины создаются в языке, когда его носители обычно индизнавательным образом используют названия частей тела человека и животных, названия посуды, строительных деталей и т. п. для обозначения элементов рельефа, гидрографии и других географических объектов: *горло, гирло*, тюрк. *богаз* — «пролив», «проход»; *нос* — «мыс»; *подошва* — «низ горы, нижняя часть

склона, переходящая в равнину»; немец. *Ногг* — «рог» (острая вершина); монг. *ам* — «рот», «пасть» (долина, падь, проход в горах) или *ар* — «спина», «зад» (север, северная, задняя сторона).

Микротопонимия — совокупность географических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами — выгонами, пожнями, угодьями, болотами, балками, урочищами, оврагами, курганами, колодцами, излучинами небольших рек. Неправильно в одном ряду перечисление: гидронимия, оронимия, микротопонимия. Последняя может включать имена самых разнообразных географических объектов, в том числе зимовье, одинокий охотничий домик, ручей и т. д.

Модель географического названия — его форма, построенная при помощи грамматических способов и закономерностей: при помощи суффиксации (Смоленск), префиксации (Загора), при суффиксации + префиксации (Замостье), словосложением (Красноуральск), словосочетанием (Старый Оскол) — либо при помощи других грамматических категорий: падежей (площадь Маяковского, пик Коммунизма, залив Посьета), числа (Красноярские Столбы, с. Кресты, г. Крестцы), императива или повелительного наклонения (скала Пронеси Господи) и т. д.

Народная этимология — объяснение по внешнему созвучию, по случайному фонетическому сходству, без учета законов языкознания и исторических условий, что приводит к полному переосмыслению географического названия и вызывает новые ассоциации. Широко распространена в топонимике. Общеизвестен пример: р. Сарысу (тюрк. «желтая вода») в Волгограде на русской почве получила форму Царица; имя алтайской р. Катунь объясняют из современных тюрко-монгольских языков — «река-госпожа, река-женщина, жена», между тем в древнетюркском минусинском отмечено просто — «река».

Нарицательные термины — см. *Местные географические термины*.

Народные географические термины — см. *Местные географические термины*.

Номенклатура географическая — а) сумма географических названий, то же *топонимия*; б) *местные географические термины* (см.).

Ойконим — название населенных пунктов: хутора, деревни, села, поселки, города и т. д.

Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена: личные имена и фамилии, прозвища людей, клички животных, географические названия, этнонимы.

Ороним — собственное географическое название гор, холмов, гряд, бугров, межгорных котловин, ущелий и других орографических объектов. Нередко в литературе суживают содержание только названиями гор и хребтов.

Патронимическое название — топоним, в своем происхождении связанный с именами отцов и вообще предков: Барановичи, Милославичи, Пуховичи — (все в Белоруссии).

Отантропонимический топоним — см. *Антропоним*.

Первичный топоним — тоже исходное, наиболее древнее географическое название, которое со временем порождает идентичные, уже вторичные, для других объектов. Имя Москвы-реки дало много вторичных: г. Москва, Замоскворечье, Московская область, Московская улица, колхоз «Москва», кишлак Московский в Таджикистане, г. Москва в США.

Посессивные названия возникли из фамилий феодалов, помещиков, владетелей: Каховка — по фамилии помещиков Каховских; Голицыно или Шереметьево под Москвой.

Семантика топонима — его значение, смысл географического названия.

Синхроническое изучение географических названий — изучение в одну определенную эпоху, анализ какого-либо стратиграфического горизонта в стратиграфической колонке топонимов, даже разноязычных, но сосуществующих друг с другом в пределах топонимической системы — настоящей или прошлых лет. Топонимический срез для какого-то заданного времени.

Система географических названий — совокупность специфических особенностей и признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования топонимии и в их современной стабильности, конечно относительной. То же *топонимическая система*. Определение не общепринятое.

Спелеоним — собственное название пещер.

Субстантивация географических названий — их изменение обычно из прилагательных в существительное: Черновцы из Черновский Торг; Уссурийск из Николаевск-Уссурийский; Брест из Берестов (вязовый).

Субстрат — дословно подкладка. Из латин. *substratum* — «подкладывать, подстилать». Тот топонимический (языковой, этнический) слой, который не объясняется из современных языков, а принадлежит языкам предшествующих народов, отдельные элементы этого слоя сохранились в языке последующих поколений и более четко в географических названиях, не поддающихся этимологиям без специальных научных изысканий.

Топоизоглосса — см. *Изоглосса*.

Топоним — всякое собственное географическое название.

Топонимика — учение о географических названиях.

Топонимическая система — см. *Система географических названий*.

Топонимическая стратиграфия — совокупность исторически разновременных и разноязычных горизонтов географических названий, выявляемых при исследованиях топонимии того или иного района и обязательно воздействующих друг на друга взаимным проникновением вниз и вверх по топонимической колонке в результате исторических и этнических процессов и языковых влияний.

Топонимический класс — сумма названий географических однотипных объектов: рек, озер, гор, морей, болот, населенных мест (селений, городов и т. д.). Это, как и некоторые другие определения, не общепринято.

Топонимический спектр какой-то территории, образуется географическими названиями, по своему происхождению относящимися к разным языкам. Так, на Урале такой спектр состоит из финно-угорских, самодийских, тюркских, славянских и иранских элементов. Спектр названий населенных мест, как правило, отличается от спектра гидронимов. М. В. Сергиевский (1946) составил топонимический спектр гидронимов Молдавской ССР, где славянские составляют 59%, молдавские — 20, венгерские — 16, тюркские — 5%.

«Весь комплекс названий данной территории составляет топонимический спектр, наибольший сектор в нем занимают названия топонимического фона» (Жучкевич, 1968).

Топонимический тип — см. *Модель*. В нашей литературе вкладывается в эту классификационную единицу разное содержание.

Топонимический фон — складывается преобладающими однородными в языковом отношении географическими названиями, среди которых всегда присутствуют иноязычные, вкрапленные в поле господствующих. Так, в Казахстане, особенно в восточном и центральном, на фоне тюркских топонимов выделяются русские: Петропавловск, Усть-Каменогорск, Целиноград, неэтимологизированные Иргиз, Иртыш и т. д.

Топонимия — совокупность собственных географических названий какого-то района, области, края и других региональных единиц.

Топоним полного предложения — такое географическое название, в котором присутствует глагол. Не характерен для славянской топонимии (Гуляй-поле), но не редок в тюркской: Барсакельмес (пойдешь — не вернешься).

Топономастика — часть ономастики (см.), изучающая собственные географические названия. То же топонимика.

Урбоним — название города. См. *ойконим*.

Формант — словообразующий элемент, самостоятельно не употребляющийся в языке. Это могут быть аффиксы, грамматические показатели. Широко распространен в топонимике: Иркут-ск, При-волж-ск-ое; Бий-Хем, Улуг-Хем, Ка-Хем и другие реки в Туве. В топонимике также топоформант.

Хороним — название больших областей, стран, обширных пространств.

Эллипс, эллипсис — эллиптические топонимы — усеченные, потерявшие первоначальную форму; Архангелогородск — ныне Архангельск, р. Кафирнингандарья — Кафирнинган.

Этимология географических названий — их происхождение, выяснение содержания и отношений с другими подобными (рус. Новгород, ит. Неаполь, семит. Карфаген, англ. Ньюсити и Ньюкасл, тадж. Новабад, тюрк. Джанги-Шаар — «новый город»).

Этиология географических названий — изучение исторических и географических условий их рождения и эволюции.

Этнонимические географические названия (этнонимы в топонимии) — названия, которые возникли из наименований народов, племен, родов: Ханты-Мансийск, Черкесск, Якутск, Братск из более правильной формы Бурятск. То же этнотопоним.

Развитие топонимики в нашей стране

Всегда сложно и даже невыполнимо дать исчерпывающий обзор работ в какой-либо отрасли знания в одной статье или в одной главе книги. Это положение справедливо и для молодой науки, не имеющей давних традиций. Ведь любая новая наука не рождается на пустом месте, а имеет предшественников. В последние десятилетия поток топонимической литературы стал столь бурным, что полный рассказ о ней потребовал бы специального издания. Напомним, что в указателе литературы В. А. Никонова (1968) только за пятилетие, 1950—1954 гг., в СССР лишь на русском языке насчитывается 129 работ по географическим названиям, а в одном 1964 г. их уже почти 100 (Поспелов, 1966).

В настоящем обзоре дается только канва развития топонимики в нашей стране.

Интерес к происхождению географических названий возник в нашей стране очень давно. Пожалуй, первым, кто из соотечественников специально занимался этимологиями топонимов, был ныне хорошо известный тюркский лингвист и географ Махмуд Кашгарский, который еще в XI в. составил свой знаменитый трехтомный словарь тюркской лексики «Диван лугатат турк» и несколько географических карт. Его географическое и топонимическое наследие анализировалось Х. Х. Хасановым (1962а), показавшим, какой большой интерес проявлял Махмуд Кашгарский к семантике географических названий. Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад аль-Кашгари родился и жил в Киргизии. Помимо тюркских языков он знал арабский и персидский, что позволило ему широко пользоваться сравнениями. Очень интересны его объяснения названий рек Тарим, Юрункаш, Ка-

ракаш, Окуз (откуда греческое Окс, Оксус для Амударьи и современный Унгуз в Каракумах), о чем будет сказано ниже. Вместе с тем у Махмуда Кашгарского можно найти типичные примеры народной этимологии в объяснении некоторых названий. Таковы, по нашему мнению, Иртыш от глагола *эртишмак* — «кто быстрее перейдет» и Самарканд — «жирный, тучный город».

В трудах среднеазиатских ученых средневековья и последующих столетий содержится немало интересных высказываний по топонимике Востока, но они касаются, как правило, только семантики отдельных, разрозненных названий. Таковы сочинения Абу Рейхана Бируни (Беруни) X—XI вв., который показал, что древний гидроним Сырдарья — Хасарт, а греческое Яксарт — только подражание оригиналу. Топонимическому наследию этого ученого-энциклопедиста посвящена статья Х. Х. Хасанова (1972).

Хайдар Мирза (XVI в.) называет Тянь-Шань Могулистанскими горами. Действительно, до сих пор один из юго-западных хребтов этой горной системы носит имя Моголтау. Много топонимического материала содержится в анонимной географической рукописи «Худуд ал-Алам» (X в.). Самобытны также экскурсии в книге «Бабурнама» султана Захириддина Бабур (XV—XVI вв.).

Об этих и других историко-географических сочинениях специально писал И. Ю. Крачковский (1957), а на их топонимическое богатство обратил внимание Х. Х. Хасанов (1967).

Топонимика прошлого должна быть широко представлена в старых трудах армянских и грузинских географов и историков. К сожалению, ученые Закавказских республик еще не смогли изучить и опубликовать топонимические материалы, содержащиеся в ценнейших трудах, скрытых в хранилищах древних книг и рукописей. Особенно выделяется уникальным собранием древних и старых географических источников хранилище «Матенадаран» в Ереване. Известны публикации армянского ученого Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского, VII в.) и грузинского географа царевича Вахушти, у которых среди текста можно встретить замечания о географических названиях. Многие из них в наше время даже трудно точно локализовать. Известно, сколько противоречивых толкований и комментариев появилось

о топонимах, приводимых Шота Руставели в его широко известной поэме «Витязь в тигровой шкуре» (Марушвили, 1969).

Однако, конечно, все эти замечания и случайные рассуждения на топонимические темы не могли заменить систематизированного, тематически направленного труда, который позволил бы говорить о начале научных поисков в данной области науки, о попытке обобщенно осмыслить всю сумму географических, окружающих нас названий и наметить какие-то закономерности их эволюции.

В России в ранних русских летописях, а в географических лексиконах уже в XVIII в. можно нередко встретить различные толкования географических названий. В настоящее время издано 29 томов собрания русских летописей, а для топонимистов интерес представляет географический указатель к первым восьми томам. Уже появилась литература о географических названиях «Слова о полку Игореве», а структурное и частично этимологическое исследование городских топонимов ранних русских источников IX—XII вв. произведено известным польским топонимистом С. Роспондом (1972). Интересны исследования и древних русских картографических источников, которые в последние годы привлекли внимание советских ученых. Так, географические термины и названия, отмеченные в «Книге Большому чертежу», частично анализировались А. В. Барандеевым (1973), топонимия «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова получила отражение в работе И. А. Воробьевой (1967), а названия на карте северо-востока Сибири Н. Витсена — в статье М. И. Наврот (1967). Г. П. Смолицкая (1967) считает одним из важнейших топонимических источников «Карты Генерального межевания».

В сочинениях В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Ф. Миллера и различных лексиконах* содержатся попытки дать аналитическую трактовку топонимам, часто наивную, а иной раз просто ошибочную.

В начале XIX в. появляется небольшая статья А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии»

* Полный перечень географических словарей приводится в работе И. М. Кауфмана (1964).

(1812), где впервые сформулирована точка зрения на возникновение гидронимов. Как показал В. А. Никонов (1963), и через полтора века мысли этого ученого показывают один из путей развития топонимики и ее методов. К положениям А. Х. Востокова еще придется вернуться в следующем очерке, где будет сказано о рождении учения о формантах.

Форманты в финно-угорской топонимии привлекли внимание и А. М. Шегрена, который заметил повторение в окончаниях имен: *-йонга, -еньга, -йега, -ога, -га*, считая их модификацией от финского *joki, jok* и др. Гидронимии на *-га, -нга* он относит к прибалтийско-финским языкам (Туркин, 1967).

Пионером региональной топонимики следует считать М. А. Кастрена, который в своих работах нередко возвращается к особенностям географической номенклатуры Европейского Севера и Сибири, раскрывая топонимические этимологии с финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков. М. А. Кастрен считал, что на Алтае длительно соседствовали тюрки и самодийцы, что родственность топонимий финно-угорских, самодийских и тюркских несомненна. Его собрания терминов и названий снабжены объяснениями и сегодня сохранившими интерес (Р. А. Агеева, 1967).

Северной топонимией занимался также Д. П. Европеус. Помимо работ по Скандинавии, он показал значение топоформантов *-енга, -еньга* на территории России. Область распространения финно-угорских гидронимов он оконтуривал на юге р. Окой, городами Полоцком и Витебском. Большое значение Европеус придавал повторяемости названий. Так, Печенга — имя 11 рек, что связывается с остяцким *печеиенг* — «сосновая вода» (Европеус, 1874; Туркин, 1967).

Из работ XIX в. следует отметить также «Толковый словарь живого языка великорусского» В. И. Даля (1912), содержащий такой обильный материал для понимания русской или, шире, славянской топонимии, что и теперь ни один исследователь географических названий России, Украины, Белоруссии не обходится без него. Н. П. Барсон составил весьма полезное пособие «Материалы для историко-географического словаря древней Руси» (1865), в котором содержатся извлеченные из древнейших русских летописей географические названия и их толкования. Впрочем, А. И. Попов замечает,

что «не все комментарии Н. П. Барсова к этому материалу заслуживают внимания» (1965).

Оглядываясь в столетнее прошлое, видно, что еще два ученых и сегодня вызывают благодарность современников. Речь идет о Н. И. Надеждине (1837) и И. П. Филевиче (1894, 1899). Оба они, хотя и в разное время, обратили внимание на важность изучения географической номенклатуры для исторической географии России. Первый из них говорил о большой стабильности топонимов, которые подобно окаменелостям помогают археологу установить последовательные стадии миграции народов и заселение земель народами, и считал, что нужно изучать всю сумму географических названий, а не какое-то одно, выхваченное из их массы. Именно Н. И. Надеждин показал, что изучение истории должно начинаться с географической карты: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта: должна, не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где, что случилось, но как богатый архив самих документов, источников». Надеждину принадлежат крылатые слова: «Топонимика — это язык Земли», часто употребляемые современными авторами. Эти слова включены в следующее определение: «Топонимика — это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре». И. П. Филевич (1894) помимо общих вопросов разрабатывал также историческую географию Угорской Руси.

Хочется упомянуть интересные статьи академика Я. К. Грота (1867, 1876). В одной из них он писал: «Нет сомнения, что учение географии приобрело бы несравненно более смысла и интереса, если бы встречающиеся в ней названия мест и урочищ были более, нежели до сих пор делалось, освещаемы филологией, то есть по мере возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя никогда не бывает случайным и лишенным всякого значения. В нем по большей части выражается или какой-нибудь признак самого урочища, или характерная черта местности, или намек на происхождение предмета, или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более или менее любопытное для ума и воображения».

М. П. Веске (1890) отмечает множество финноязычных гидронимов на севере России: Мудьюга — «илистая река»; Пинега — «малая река»; тура — «прямой»,

откуда Турий полуостров, р. Тура, горы Турадапай и т. д. Форманты *-йук, -йуги, -йога, -ига, -ега, -ога* означают «река». Но с другой стороны, финский г. Турку получил имя от русского «торг, базар, рынок».

Следует особо сказать о большом вкладе В. И. Ламанского, который впервые обратил внимание на богатство славянской народной терминологии и топонимии (Ербен и Ламанский, 1867) и, будучи профессором Петербургского университета и академиком, вернулся к этой теме уже в XX в. (Ламанский, 1915). А Е. И. Ламанский собрал картотеку русской народной географической терминологии, которая хранится и по наше время в архиве Географического общества СССР в Ленинграде.

В XIX в. в русской литературе появляется много небольших статей или отдельных глав в книгах, где рассматриваются вопросы местной географической терминологии или топонимии. Историко-географические проблемы нашей Родины, пишет Н. И. Толстой (1967), «глубоко волновали русскую гуманитарную научную мысль XIX в. (достаточно указать, что за период с 1825 по 1880 г. появилось до тысячи статей и книг, где подробно или хотя бы вскользь рассматривались отдельные топонимы, этнонимы и антропонимы)». В поисках славянской прародины А. и С. Будиловичам (1878) помогает анализ и ареалы местных географических терминов, научное познание которых дает богатейший сравнительный материал, что хорошо понимали также И. Верхтратский (1864, 1869) и Н. Ф. Сумцов (1886).

И. Я. Спрогис (1888) издал географический словарь Жомойтинской Земли (Литва) XVI в., куда включены названия, встреченные в 40 актовых книгах земского суда.

И. А. Износков был первым, кто внимательно и целеустремленно изучал имена населенных мест, желая показать значение этой части топонимии для исторической географии и археологии. В ряде статей Износков (1875, 1878, 1886) настойчиво пропагандирует топонимический метод познания прошлого.

В самом конце XIX в. появилась книга Н. И. Березина (1894), в которой систематизированы географические имена Австралии, Африки, Америки и Азии, возникшие на карте в связи с историей географических открытий и исследований Земли. Это особая часть топонимии

мики, слагаемая главным образом процессами познаний нашей планеты экспедициями и путешествиями, в результате которых зарождаются чуждые для местного населения топонимы, что, вообще говоря, не всегда можно признать оправданным, особенно для тех географических объектов, уже ранее как-то обозначаемых коренными жителями. Примеры обильны на любом материке.

В 1897 г. вышел топонимический словарь Псковского уезда Ю. Ю. Трусмана, в котором, к сожалению, нет ни параллелей, ни сравнений с окружающими районами.

Касаясь тюркской топонимики, следует сказать, что еще в первой половине XIX в. азербайджанский ученый А. А. Бакиханов (1794—1848) призывал к внимательному изучению географических названий: «Не только века, но даже тысячелетия не могли уничтожить первобытные названия многих мест и племен этой страны; Шемахи должно быть Камахи или Ксамахи... Город Нуху по местности можно почесть за город Нихия или Нагия, который в древних историях полагается в числе городов Ширванских...» (По Юзбашеву, 1966).

В конце XIX и начале XX в. большой топонимический и терминологический материал из тюркской лексики собрал и обработал наш крупнейший тюрколог академик В. В. Радлов в четырехтомном «Опыте словаря тюркских наречий» (1893—1911). Для этого ученого топонимика не была конечной целью, но он хорошо понимал ее значение для науки, почему обильно включал в свой словарь как местные географические термины, так и собственные географические названия, отдавая предпочтение гидронимам. У него можно встретить интересное объяснение названия Алтай (высокие горы), термина *карасу* (источник, ключ, ручей), что подтвердилось последующими изысканиями. Именно Радлов первым показал, что тюркское *баш* (голова, начало, исток) в сочетании с названиями рек образует оронимы, или названия рек и озер, а сами жители часто именуют себя по рекам, в бассейнах которых они проживают: *том кижжи* — «люди с реки Томь»; *мрас кижжи* — «люди с реки Мрасу». Г. Ф. Благова (1967, 1972), которая специально занималась топонимическим наследием этого ученого, отмечает значение его топонимических сборов, сохранившиеся и в наши дни, и пишет: «Глубокое изучение си-

бирской и монгольской топонимии, принципов топонимического наименования помогли В. В. Радлову выделить многочисленные топонимы при дешифровке древнетюркских рунических надписей с Орхона и Енисея, а в ряде случаев — идентифицировать выделенные топонимы с ныне существующими, фактически демонстрируя неизменность отдельных топонимов на протяжении тысячелетия» (Благова, 1967). По существу В. В. Радлова следует считать отцом сибирско-тюркской и монгольской топонимики.

Из иностранных ученых прошлого столетия, которые оставили заметный след в изучении топонимии нашей страны, следует назвать венгерского ученого Арминия Вамбери (1832—1913). Широко образованный, хорошо знающий восточные языки, он интересовался тюркологией, историей и этнографией Туркестана. Его путешествие под видом дервиша в Персию, в Бухару, Хиву, Самарканд дали ему богатейший материал и по топонимике, что позволило опубликовать большую статью о географических названиях Средней Азии (Vambergy, 1891). В ней даны переводы тюркских и ираноязычных топонимов. С тех пор прошло уже 80 лет, и, конечно, немало толкований Вамбери теперь кажутся неубедительными и наивными. И все же именно эта работа открыла список публикаций о топонимике Средней и Центральной Азии на европейских языках.

В XX в. среди отечественных ученых выделяется несколько имен, труды которых способствовали становлению и развитию современных представлений о сущности географических названий. Перечислим следующие фамилии: В. В. Бартольд, Л. С. Берг, В. А. Казакевич, Ф. Е. Корш, Н. Я. Марр, П. Л. Маштаков, А. Ф. Орлов, Ф. П. Саваренский, А. М. Селищев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. И. Соболевский, В. Б. Шостакович.

В. В. Бартольд — крупнейший историк Средней Азии. Его прекрасное знание источников и восточных языков и талант ученого позволили ему написать много капитальных работ, в которых рассыпана масса топонимических комментариев и этимологий географических названий. Для географа особый интерес представляют исследования об истории орошения Туркестана и о проблеме течения воды по староречьям дельты Амударьи, через Сарыкамышскую котловину в Узбой и Каспийское море. Специальных топонимических работ у

Бартольда нет. Тем, кто хотел бы выполнить сводку по топонимике среднеазиатских республик, в первую очередь пришлось бы проделать кропотливую работу по составлению единого списка всех объяснений географических названий, о которых писал В. В. Бартольд. Такая задача несколько облегчается тем, что в наши годы выходит его собрание сочинений в 9 томах (10 книгах, из которых уже опубликованы 9) (1963—1973). Бартольд охотно пользуется местными географическими терминами: *арык, джуй, кам, кыр, рабад, тархан, турткуль, шахристан, юрт* и т. д. Его трактовка топонимии Средней Азии: тюркской, ираноязычной, арабской, монгольской — отличается простотой, ясностью, убедительна и опирается на исторические данные. В одной из своих работ он писал о чрезвычайной важности изучения терминов, так как некоторые из них, возможно, сохранились с глубокой древности.

Крупнейший французский ориенталист П. Пельо писал в 1930 г., в год смерти В. В. Бартольда: «Как благодаря обширности его познаний, так и благодаря проницательности и тонкости критического ума труды Бартольда исключительно по своей фундаментальности и разнообразию. Никто не может сейчас занять место, оставленное этим великим ученым» (см. Бартольд. Сочинения, т. 1, 1963).

Л. С. Берг в своих трудах нередко подчеркивал значение сбора, систематизации и изучения народной географической терминологии (1915, 1945). Интересны его мысли об изменении смысла терминов от места к месту. В таком замечании можно усмотреть начало понимания ныне хорошо известного явления «смыслового сдвига» в местной географической терминологии.

Л. С. Бергом написана и специально топонимическая статья «О происхождении названия Москва» (1925). Как известно, подобный сюжет всегда нов, несмотря на огромную литературу, по-разному объясняющую это дорожное для русского человека имя. Автор, находясь под влиянием яфетической теории Н. Я. Марра, считает, что Москва получила свое имя от этнонима *мосх* — племени, известного еще Геродоту, и от финноязычного *ва* — «вода».

В. А. Казакевич — монголист, ученик академика Б. Я. Владимирцова, который также интересовался географическими названиями Центральной Азии и неодно-

кратно возвращался к их анализу в ряде работ. Одну из них он специально посвятил топонимам орхонских каменных писаниц (Владимирцов, 1929). Казакевич же за время путешествий (1923—1927) по Монгольской Народной Республике собрал драгоценный материал по географической лексике монголов, систематизированный им в отдельной брошюре (Казакевич, 1934), в которой он пишет: «Картография любой страны всегда должна строиться... с учетом правильной репродукции на карте всех географических названий. Без последнего фактора карта или остается немой, или, что еще хуже, приводит пользующегося ею к печальным ошибкам, иногда анекдотического характера».

Ф. Е. Корш был одним из выдающихся русских филологов, знатоком многих языков: античных (латинский, греческий, санскрит), славянских, романских, германских, тюркских, арабского, персидского. Будучи широко образованным полиглотом и сторонником методов сравнительно-исторической лингвистики, ученый обратил внимание и на местную географическую номенклатуру. В двух статьях (Корш, 1907, 1913), имеющих принципиальное значение, он показал обширные ареалы одних и тех же местных географических терминов, не считающихся с границами языковых семей. Так, проводятся сравнительные параллели между украинской *хатой* и остяцким *хат*, *кат* в том же значении с иранским *ката* (жилье, крепость), *кот* в арийской Индии — «крепость». Ср. Такот, Биркот, Коткала и т. д. Впрочем, об этом термине, весьма активно образующем многие топонимы, будет сказано ниже.

Н. Я. Марр охотно занимался топонимикой нашей страны. Интерес к анализу географических названий был присущ ему в течение всей жизни, начиная с гимназических лет, когда была написана первая школьная работа о происхождении имени Батуми от греческого *bathys* — «глубокий». Ученый часто возвращается к топонимическим сюжетам. Нужно сказать, что в большинстве случаев такие исследования географических названий не оказываются конечной целью, а используются для доказательства наличия яфетического начала в большом ряду языков Западной Европы, Поволжья и других районов.

В работах Н. Я. Марра можно видеть специальные разделы, анализирующие местные географические тер-

мины и собственные географические названия. Так, в работе «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» (1931, 1935) есть глава «Из топонимики», в которой рассматриваются термины *гурт* — «деревня» и *шур* — «вода», что сравнивается с армянским *джур* — «вода», кельтским (бретонским) *dur* — «вода» и основой русского глагола «журчать». Удмуртское *gurt*, *kurt* связано автором с русским *гурт* (*гуртом*) и *куча*. *Kuta* в Грузии — «город» и «тотем», откуда — Кутаиси.

Известны и отдельные работы Н. Я. Марра, целиком топонимические. К ним можно отнести: «К вопросу о топонимике Крыма» (1927) и «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории» (1926), которая написана под влиянием воззрений иркутского географа В. Б. Шостаковича, опубликовавшего статью «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири» (1926). В этом смысле также интересны работы «О происхождении имени Анапа» (1914, 1935), «Сухум и Туапсе. Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья» (1935) и др.

Топонимическое наследие Н. Я. Марра очень велико. Его значение противоречиво. Многие положения ученого и сегодня звучат современно. Приведу такие примеры: «Нет страны, где топонимический материал не представлял бы состава из наслоений различных эпох...» («К вопросу о топонимике Крыма»); «География и топонимика крепче и устойчивее, чем этнография и этнонимика в отношении первобытной культуры» («К вопросу о названиях рек Сибири...»); «Действительно первобытные названия реки сами по себе, без всякой добавочной прибавки определяющих слов, означают прежде всего нераздельно воду+реку...» (Там же).

Можно ли возразить против тезиса Н. Я. Марра о том, что пережиточные представления древнейших эпох современных народов особенно четко прослеживаются в топонимике, в культовых терминах и в этнонимике?

Последующая история отечественной топонимики показывает малую продуктивность этимологий Н. Я. Марра. В современных работах очень редко можно встретить ссылку на его труды или развитие его идей, особенно когда это связано с мыслями автора о яфетическом начале в географических названиях далеких от

Кавказа стран, четырехэлементном анализе топонимов или желанием видеть всюду тотемную основу («Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» или «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории»). Семантические ряды Н. Я. Марра в топонимии не принимаются современными топонимистами. Например: рука — женщина — вода — дерево; небо — вода — земля и др.

В заслугу Н. Я. Марру можно поставить его широкие сравнения однозначных местных географических терминов и собственных названий с разных территорий и из разных языков, даже не принадлежащих к одной семье. Ученый объяснял это — ныне хорошо известное топонимическое явление — единым глоттогоническим процессом.

П. Л. Маштаков проделал большую и кропотливую работу по составлению списков рек бассейнов Днепра (1913), Днестра, Буга (1917), Дона (1934). Эти каталоги послужили основой для многих исследований по гидронимии южной половины Европейской части СССР. Кроме того, им написана чрезвычайно ценная для топонимиста книга «Материалы для областного водного словаря» (1931). Инициатива такой работы принадлежит известному гидрологу В. Г. Глушкову. Осуществление этого издания показало богатство народных гидрологических терминов нашей страны, многие из которых весьма активно участвуют в образовании собственных географических названий: *аян* — «небольшое круглое полузасохшее озерко» (колым.); *вайгач* — «наносный, намывной, нижний (по течению) конец острова, наносная мель, коса, кошка»; *мокроводица* — «период весенних дождей и грязи» (псков., твер.); *чиганак* — «озеро, которое в межень почти пересыхает» (Дон) и т. д.

А. Ф. Орлов. О жизни Александра Федоровича почти ничего не известно топонимистам. Между тем он был очень интересным человеком, прожил долгую жизнь (1855—1940), знал несколько языков. Он работал в лесном ведомстве Симбирской губернии, а затем переехал на Север, где управлял лесами, рубкой и сплавом, лесопильнями, смолокурением, борьбой с лесными пожарами. Много ездил, плавал по Сухоне, Северной Двине, Ваге, Вычегде, Пинеге и другим рекам. По свидетельству его сына — академика Ю. А. Орлова (1961), считал

путешествие важным методом самообразования и утверждал: «Год путешествий равен двум годам учения в университете». Именно здесь — в лесах и на реках Европейского Севера — и зародился глубокий интерес к топонимике, который позволил ему опубликовать большую книгу «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей» (1907).

Концепция ее автора сводилась к утверждению, что все реки Европейской России получили свои названия от древних финских племен, языки которых не сохранились, и потому многие из гидронимов необъяснимы при помощи современных языков. Ни один гидроним не оказывается одиноким, каждое название реки повторяется дважды или многократно. Реки играли важную роль в жизни древних насельников, которые строили свои жилища и поселки на речных берегах и именовали их по рекам. Русские города наследовали финские имена рек и поселений. Даже отдельные группы населения, живущие в бассейнах рек, получали их имена: пинежане, кержаки, пошехонцы.

Современная топонимика не может принять некоторые выводы А. Ф. Орлова, его крайнее увлечение финноязычным субстратом, якобы формирующим географические названия не только европейской территории СССР, но также значительной части Западной Европы. А с другой стороны, автор зло высмеивал народноэтимологические объяснения типа: «Я сама Ра», т. е. Самара, и акцентировал внимание на неслучайный характер в распространении гидронимических формантов *-га*, *-ма*, *-ва*, *-ла* и др. В настоящее время большая работа А. Ф. Орлова почти не цитируется в трудах наших современников, редко можно встретить и ссылки на нее. В личном разговоре со мною Ю. А. Орлов летом 1961 г. рассказал, что Александр Федорович на склоне своих лет считал, что основные выводы и направленность работы следует пересмотреть, но это не значит, что нужно оставить географические названия без пристального изучения. Он верил в афоризм Платона: «Кто познал бы имена вещей, тот познает и вещи», почему и избрал его эпиграфом своей книги.

Ф. П. Саваренский — натуралист по специальности. При изучении почвенного покрова Тульской губернии он собирал и географические названия, систематизиро-

вал их, увязал их распространение с ландшафтами и сделал интересные выводы (1914). По его мнению, географические названия четко отражают природные условия. Иногда эти взаимосвязи кажутся необъяснимыми и парадоксальными. Но их внимательный анализ не оставляет сомнений во внутренней логике семантических категорий топонимов. Так, названия, связанные с лесом (Дубки, Залесье, Березняки), характерны для степных ландшафтов и нетипичны для лесных. В обводненных районах редко встречаются такие топонимы, как Белый Колодец, Озерки Поганые и др., зато в районах маловодных они обычны. И это понятно: там, где много воды, нет смысла в обозначении географического объекта «водным» названием, так как оно не отражает исключительности объекта, не обладает его характеристической функцией адресности, тогда как в засушливых местностях такой топоним несет все эти параметры. Такое положение позволило В. А. Никонову (1958а) позже сформулировать закономерность относительной негативности географических названий.

А. М. Селищев интересовался вопросами славянской топонимии. Помимо европейской территории СССР его исследования охватили Балканский полуостров: Македонию, Албанию. Наиболее известна его работа «Из старой и новой топонимии» (1939), в которой он рассматривает лингвистическую классификацию населенных мест: от личных имен, оканчивающихся на *-ов*, *-ин*; от профессии, специальности — Сокольники, Бортниково, Рыбаки; этнонимические — Меря, Мещёра, Корельское, Весь; от ландшафтов и т. д.

Интересен ряд типов поселений: *сельцо* — поселение, которое не было церковноприходским центром, также *двор*, *выселок*, *новоселок*, *новинки*; *братовщина* — где странноприимный дом. Ср. с Братовщина Московской области.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский оставил глубокий след в географии и был, как теперь принято говорить, «географом широкого профиля», «географом-комплексником». Вне его интересов не остались и вопросы топонимии. По мнению Е. М. Поспелова (1966б), специально изучавшего топонимическое наследие ученого, в его творчестве выделяются три направления: 1) топонимика и картография; 2) топонимика и историческая этногра-

фия; 3) связь топонимики с географическими особенностями территории. Он начал свою топонимическую деятельность еще в 1904—1907 гг., когда в Русском географическом обществе работала подкомиссия географических названий. В ней приняли участие известные географы, историки и лингвисты: Ю. М. Шокальский, В. В. Бартольд, А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург, И. А. Бодуэн де Куртенэ, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский.

После Октябрьской революции работа была возобновлена при участии И. Ю. Крачковского, Л. В. Щербы, Е. Ф. Карского, Э. К. Пекарского. В. П. Семенов (1940) мечтал о полной картотеке географических названий СССР — грандиозной работе, не завершенной и по сей день, без которой невозможна стабилизация названий.

По топонимическим данным, В. П. Семенов (1934) проводит прошлую границу балтийских народов до Белозерья, устья Угры (бассейн Оки) на востоке и на юге до Волыни. Именно по сборам ученого академик А. А. Шахматов установил наличие древнелитовских поселений в Белозерье: Перкумс, Музгумс, Пигумс и др.

В. П. Семенов обратил внимание и на форманты *-ex*, *-их*, *-ух*, образующие скопления имен с таким окончанием на границе Владимирской и Нижегородской губерний. Он понимал, что решение топонимических проблем возможно только при комплексном подходе, считая, что одних данных языка недостаточно для восстановления древних колонизационных потоков и прародины племен. Здесь должны привлекаться также археология, история, экономика. При этом сочетании возможно понять антропогеографические проблемы прошлого (1916).

Для географа интересна работа В. П. Семенова «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест» (1924). Автор привлек громадный топонимический материал в 120 тысяч названий. Это позволило ему четко определить большую роль местных географических терминов в формировании имен поселений, где термин уже выступает как бы вторично, теряя связь с первоначальным объектом. Так, в названиях сел обычны: *гора*, *бугор*, *волок*, *грива*, *лощина*, *яр* и т. д. В. П. Семенов заметил, что на севере

центральной части России для поселений чаще употребляются термины: *село*, *сельцо*, *город*, *починок*, *деревня*, *посад*, а на юге преобладают: *новоселки*, *слобода*, *выселки*, *хутор*.

В этой работе В. П. Семенов широко применил статистический подсчет топонимов и показал их плотность в разных губерниях России, выделив группы, в основу которых положены геоморфологические термины, названия растений, животных и т. д.

А. И. Соболевский — весьма интересная фигура в истории отечественной топонимики. Он с большой последовательностью разрабатывал вопросы происхождения географических названий, особенно южной части России и Украины, пользуясь главным образом этимологическим методом. Будучи славистом, историком русского языка, академик Соболевский оставил нам немало трудов, посвященных анализу древней истории Европейской части СССР по языковому и археологическому данным. Среди статей есть и чисто топонимические. Еще в 1895 г. он опубликовал статью «Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии». С тех пор он много раз возвращается к нашей теме и печатает работы о названии озера Селигер (1904), о топонимах Воронежского края (1926а), о названиях рек и озер Русского Севера (1927). В последней статье он пишет: «Исходный пункт моей работы — предположение, что эти две группы названий [гидронимы] родственны между собой и принадлежат одному языку индоевропейской семьи, который я пока, впредь до подыскивания более подходящего термина, именую скифским».

В подтверждение этого положения А. И. Соболевский находит много одноименных гидронимов как на севере, так и в центре и на юге нашей страны, включая и Западную Сибирь*. В топонимическом отношении богаты и статьи «Русские местные названия и язык скифов и сарматов» (1910), «Русско-скифские этюды» (1923), «Новые русско-скифские этюды» (1926), «Славяно-русские этюды» (1928, 1929). Основная позиция автора заключалась в отрицании автохтонности славян на территории от Дуная до Эльбы. Их прародина лежала где-то

* Значительно больший материал о гидронимах-тезках Сибири и Восточной Европы см. в статье Б. А. Серебрянникова (1959а).

за ее пределами*. Такие гидронимы, как Ворона, Гусь, Бобр, Сосна, только кажутся русскими, они переосмыслены народной этимологией, их исходные формы были другими. С этим тезисом многие топонимисты согласны и сегодня. На громадных пространствах европейской части России господствует субстратная ираноязычная топонимия, которая четко проявляется при внимательном изучении топонимической карты вплоть до северных областей.

Основные представления А. И. Соболевского не разделяются многими современными учеными. Его увлечение скифо-сакской топонимией не подкрепляется исторической действительностью. Критику этих положений см. А. И. Попов (1964).

На Украине, на юге Европейской части СССР удельный вес ираноязычных географических названий не так уж мал, но по мере движения на север он заметно падает, хотя такие отдельные географические термины говорят о каком-то языковом контакте северных народов с древними иранскими. Топонимические работы А. И. Соболевского богаты сравнительными примерами, и в них много этимологий, но далеко не все из них можно признать удачными. Он не прошел и мимо формантов, о которых пишет просто и логично.

«В окончаниях можно предполагать потомство нарицательных имен неизвестных нам (пока?) языков, именно: в названиях рек нарицательных с значением: река, вода (ср. тюркские названия рек с окончанием *чай, су*, финские с окончанием *joki, vesi* и т. п.), в названиях озер — нарицательных с значением: озеро, море, вода (ср. немецкие названия с окончанием *see*, финские с окончанием *ärvä*), ср. также русские названия населенных мест: Новгород, Белгород, Звенигород, Райгород, Кайгород, Давид-Городок и т. д. Из них первое повторяется на карте России несколько раз и т. д.» (Соболевский, 1919).

В. Б. Шоствакович может считаться родоначальником сибирской гидронимики. До него отдельные авторы публиковали свои заметки лишь по частным вопросам и одиночным названиям, как это сделал Н. С. Щукин

* Из новых работ о зарождении славянства см. кн.: *В. В. Горнунг. Из истории образования общеславянского языкового единства. V международный съезд славистов. М., АН СССР, 1963.*

(1856), и дали перечень некоторых терминов. В. Б. Шоствакович (1926) первым на массовом материале постарался показать гидронимию Сибири и отметил значение не случайно повторяющихся формантов в названиях рек для понимания древнего распространения сибирских народов. Эти работы получили новое содержание и несравнимый масштаб в наше время благодаря стараниям А. П. Дульзона и его учеников в Томске. Но об этом ниже.

Из зарубежных исследователей топонимики нашей страны вспомним польского ученого К. Мошинского (*Moszynski*, 1921), который изучал географическую терминологию в Полесье, Белоруссии. Для него как для этнографа и лингвиста географические термины не были самоцелью. Но благодаря сравнительному сопоставлению этих в общем консервативных и устойчивых элементов лексики, ему удается понять темные процессы исторической географии и выявления природных особенностей прародины славян. У Мошинского позже появились последователи, которые с успехом продолжали его направление (Толстой, 1967, 1968).

Финский этнограф А. Канниста изучал географические названия в низовьях Оби. По форманту *-я* в гидронимах он пытался восстановить места обитания манси в прошлом. Им собран большой материал и составлен список в 262 названия, но, как показал А. И. Туркин (1967), немало из них, оканчиваясь на *-я*, никакого отношения не имеют к мансийскому *я*—«река», а являются грамматическими показателями из других языков: русское р. Мысья — от существительного «мыс».

Я. Калима и Э. Тункело также заинтересовались большой группой топонимов с формантами *-ас, -ус*, что особенно часто встречается на обширных территориях Севера. Но происхождение их все же остается неясным и спорным (Никонов, 1960а; Матвеев, 1964; Поспелов, 1965).

Из этого краткого обзора топонимического наследия топонимистов первой половины XX столетия можно увидеть, что объектом пристального изучения стали топонимические форманты, внимание к которым привлекли еще А. Х. Востоков и А. М. Шегрен. В XX столетии учение о формантах продвинулось благодаря А. М. Селицеву, А. Ф. Орлову, В. Б. Шостваковичу. Была обнаружена одноименность рек, часто текущих на больших

расстояниях друг от друга (П. Л. Маштаков, А. Ф. Орлов, А. И. Соболевский, В. Б. Шостакович).

Наконец, следует отметить крайнюю субъективность в определении древнего топонимического горизонта на европейской территории России, объясняемую несовершенством методов топонимического анализа, а также специализацией и конкретными знаниями того или иного исследователя. А. Ф. Орлов считал, что вся топонимия этого большого района Восточной Европы сложена финно-угорскими элементами, А. И. Соболевский настойчиво проводил мысль об определяющем влиянии древних иранских языков, а Н. Я. Марр всюду видел яфетическое начало: на Русской равнине, на Волге и Урале и даже в Сибири. Следует ли повторяться, чтобы показать, что действительная топонимическая карта нашей страны гораздо более сложная в своем генетическом исходе, который и теперь во многом остается не всегда ясным.

В первой половине XX в., до начала второй мировой войны, у нас появился единственный тогда региональный обстоятельный топонимический словарь, охвативший Кольский полуостров (Географический словарь... 1939) под редакцией проф. В. П. Воцинина. В словаре помимо географической номенклатуры с этимологическими комментариями даны перечень саамских физико-географических терминов, алфавитный указатель географических объектов и карта диалектов саамского языка.

В послевоенные годы топонимические исследования в Советском Союзе значительно расширились, оживилась работа по сбору местной терминологии, десятками стали публиковаться статьи, вышли из печати научные монографии, популярные книги, словари, библиографические указатели. В ряде городов были созваны топонимические конференции (Киев, Москва, Ленинград, Рига, Минск, Ульяновск и др.), объединившие советских топонимистов. Появились топонимические (ономастические) комиссии при Географическом обществе СССР и его филиалах и отделах. Топонимические темы стали плановыми в ряде научных учреждений и кафедр на филологических и географических факультетах университетов и педагогических институтов. Впервые вошли в практику курсы топонимики, читаемые на этих факультетах, нередко темами дипломных работ стала народная географическая лексика. Топонимические проблемы

и региональная топонимика стали объектами многих кандидатских и докторских диссертаций, успешно защищенных на соискание ученой степени по лингвистическим, историческим и географическим наукам.

Можно сказать, что взрыв топонимических исследований в нашей стране приходится на конец 50-х и на 60-е годы. В результате топонимика заняла прочное место среди научных и учебных дисциплин, и уже даже скептики поняли, какую большую информацию несет сумма географических названий, какова их научная ценность и каков интерес к ним самых широких слоев советской общественности.

Рассказать обо всех исследователях-топонимистах—современниках и более или менее полно о топонимической литературе последних 20 лет в рамках этой книги просто невозможно. Такая задача требует специального и целенаправленного труда. Это задача будущего, когда последовательный ход развития самой науки ясно покажет, что первостепенное, а что второстепенное, отличит большое от малого, принципиальное от узкоместного, локального, отбросит ошибочные положения.

В Москве сосредоточены большие топонимические силы. Сразу же после войны была опубликована принципиально важная статья академика С. Б. Веселовского (1945), в которой он на материале названий населенных мест Московской области показал, сколь плодотворно применение топонимического метода для исторической науки.

Топонимисты, работающие в разных московских научных учреждениях, объединяются Топонимической комиссией Московского филиала Географического общества СССР и группами ономастики в Институтах этнографии и языкознания АН СССР.

Из московских топонимистов в первую очередь следует сказать о В. А. Никонове и его роли в становлении топонимии в Советском Союзе. Он явился инициатором организации Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества, позже возглавил группу ономастики в Институте этнографии АН СССР. Удивительная работоспособность и энергия, широкий интерес к языкознанию, истории, этнографии и географии позволили ему опубликовать ряд важнейших трудов, в значительной мере предопределивших направление в изучении географических названий. Им ярко по-

казана историчность топонимии, еще раз обращено внимание на значение суффиксов в образовании географических названий, особенно славянских, сформулирован закон ряда, дана типология и классификация, что в значительной степени способствовало формированию теории и методологии топонимики. Но не только в этом заслуга нашего крупнейшего советского топонимиста. Им опубликованы две книги: «Введение в топонимику» (1965) и «Краткий топонимический словарь» (1966). Первая из них содержит анализ географических названий, их значений, форм, эволюций. Вторая посвящена происхождению географических названий мира, их этимологиям. Это единственный в русской литературе подобный труд, выполненный на современном научном уровне и восполняющий большой пробел в литературе. Если не считать очень краткого и сильно устаревшего словарика А. А. Ивановского (1914) и небольшого школьного пособия М. Н. Мельхеева (1961), то можно сказать, что труд В. А. Никонова не имел предшественников в нашей стране. Благодаря его инициативе проводятся региональные Поволжские ономастические конференции, каждая из которых сопровождается изданием трудов («Ономастика Поволжья», 1969—1973).

Е. М. Поспелов начал свою научную работу с вопросов теории и практики транскрипции географических названий в связи с запросами картографии (1957). Топонимика и картография — вот главная тема его исследований, которая получила отражение в ряде публикаций и завершилась отдельной книгой на эту тему (1971). Их автор говорит о картографических источниках топонимики и о топонимических картах, на которых могут быть показаны: отдельные названия, интересные по тем или иным соображениям, группы названий, объединенные по какому-либо признаку, названия по национально-генетическому отличию, названия от личных имен, названия по времени их образования, топонимические суффиксы, стратиграфия, распространение или значение географических терминов, произношение названий. Автор различает синтетические и комплексные карты. Постепенно интересы Е. М. Поспелова стали расширяться: он разрабатывает сложные и во многом дискуссионные вопросы субстратной топонимии Русского Севера, успешно применяя при этом топонимические карты, на которых показаны ареалы и плотность топо-

нимов на *-ас, -ос, -ус*, что позволило ему справедливо утверждать (Поспелов, 1965): «Топонимические группы, объединяющие названия по формальному признаку единства их конечных элементов, могут содержать разноразличные компоненты... внешне одинаковые элементы названий могут принадлежать различным языкам и внутри одного языка выполнять различную грамматическую роль (ср. названия на *-ин*: Калязин, Бабушкин, Клин, Таллин и др.)». Очень интересно наблюдение над субстратными географическими терминами *вож, ега, икша*, бытующими в названиях северных рек и озер, без четкой дифференциации для этих гидронимических объектов: оз. Воже, реки Вож, Воже, Наровож, р. Онега, оз. Онего и т. д. Такое положение служит косвенным признаком большой древности подобных терминов (1970). Е. М. Поспелов не оставил без внимания и математико-статистические методы в топонимике (1966).

Б. А. Серебренников написал немало работ специально по топонимике, ее методам, а также охотно привлекал топонимический материал в своих лингвистических исследованиях. Его внимание больше всего устремлено в область финно-угорской топонимии Советского Союза, но ему не чужды и общие методологические вопросы топонимики, которым он посвятил специальную статью (1959). В ней говорится о географических названиях как особом слое языка, где преобладают сложные слова, словосочетания, отмечаются даже предложения (Камень-на-Оби, скала Пронеси Господи). Автор выдвигает тезис о формульности географических названий, когда они строятся по определенным конструкциям: прилагательное+существительное и т. д. Рассматривая стратиграфию Карелии, он видит четыре основных пласта: русский, карельский, лапландский, дофинно-угорский. По данным топонимики, ученый выдвигает гипотезу об исчезнувшем языке, близком к балтийскому, в Волго-Клязьминском междуречье, что иллюстрируется следующими примерами: Можайск — от литов. *masojis*, латыш. *mazs* — «малый»; Медынь — от литов. *medinas* — «деревянный, лесной, дикий»; латыш. *mezs* — «лес»; Руза — от литов. *gusza* — «покой, происхождение». Ср. приток Рузы — р. Искона, что оказывается осмыслением балтийского *руза* — «происхождение» и т. д. (1957). Серебренников уделял внимание и речным формантам Севера: *-ньга, -юга, -уга, -юг* (1966), а также

опубликовал большую статью «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» (1955) и др. В этой последней работе он заинтересовался речными названиями на *-ма, -га, -ша, -жа, -са, -та, -да, -ра, -ба, -на*, которые обычны на севере Европейской части СССР и в Сибири, но не делает подобных сравнений с западной топонимией, где есть названия-аналоги.

А. В. Суперанская широко интересуется собственными именами, как личными, так и географическими, в лингвистическом плане. В ее творчестве можно наметить четыре направления: 1) орфография и орфоэпия собственных имен (1957, 1960, 1965, 1966 и др.); 2) общие вопросы топонимики (1962, 1964, 1964а, 1965), в которых она пытается определить топонимическую системность как территориальную категорию, а не лингвистическую в каждом языке, ибо топонимы всегда индивидуальны (Подгорье, Подгорка, Подгора, Под горкой), говорит о типах и структуре географических названий на территории СССР и выделяет две большие их группы, связанные с «природно-физической и политико-административной географией». Вполне своевременно прозвучала статья «Против упрощенчества в топонимике» (1962), предостерегающая от наивных толкований имен населенных мест типа Петухово, Волково, Горохов, Дубровский и т. д. от соответствующих животных или растений. Гораздо более правильным представляется производить их от фамилий или прозвищ людей — переселенцев, помещиков и т. д.; 3) конкретный топонимический анализ какой-то области; 4) популяризация топонимики, что выполнено в отдельной книжке (1964). Расширяя свои интересы, А. В. Суперанская опубликовала большую книгу «Общая теория имени собственного», где в немалой степени использован топонимический материал (1973).

Н. И. Толстой провел интереснейшее исследование по славянской географической нарицательной лексике. В одной из работ (1968) ставятся задачи создания славянских региональных словарей географической терминологии, региональных терминологических атласов, монографий по сравнительному изучению славянских географических терминов, меняющих свое значение в разных диалектах одного и того же языка. Одну из таких монографий выполнил сам автор (Толстой, 1969), где анализируется распространение и сравнительная семан-

тика таких географических лексем, как *бор, вир, веретье, гай, полонь* (болото), *берег, луг, лядо, мочар, плесо* и др. Значение их в разных местах славянского мира может меняться на прямо противоположное: польское диалектное Иванов бор означает не Иванов хвойный лес, а Иваново болото, а в черногорском — Иваново ущелье.

В. Н. Топоров сделал вклад в развитие теоретической топонимики (1962, 1964), а также в познание региональной топонимики (1969). Недавно он выступил с большой статьей о балтизмах в топонимии Подмосья (1972а), к которым он относит, казалось бы, легко этимологизируемые из славянских или финно-угорских языков такие гидронимы: Понора, Стеблянка, Стебелька, Рудянка, Оканица, Ока, Шатуха, Нагатина, Пресня. Автор считает вероятным балтийскими по происхождению топонимы Москва и Кремль. В. Н. Топоровым совместно с О. Н. Трубачевым опубликована капитальная монография, посвященная лингвистическому анализу гидронимов Верхнего Поднепровья (1962). Книга эта отличается чрезвычайной детальностью исследования. Основная его часть посвящена рассмотрению словообразовательных типов гидронимов по формантам: *-ка, -ок/ек, -ца, -ищи, -ля, -аха*, всего выделен 71 тип. Заметим, что авторы дают этимологический словарь гидронимов в котором можно найти много интересных объяснений. В заключение в книге приводятся данные о лингвистической ситуации и древнейшей истории Поднепровья.

Через 6 лет О. Н. Трубачев продолжил свое исследование на правобережье Украины (1968), в котором составлен обратный словарь гидронимов, словообразовательный комментарий к нему, этимологии и этнолингвистическая интерпретация гидронимов, среди которых выделяются группы древнеславянские, тюркские, иранские, связанные с западнобалканскими (иллирийскими), с восточнобалканскими (фракийскими, дакийскими), балтийская, германская.

Следует заметить, что столь детальных исследований, какими были охвачены некоторые области Поднепровья В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым, не имеет ни один другой большой регион Советского Союза. Этот пример говорит о важности регионального топонимического изучения, которое, при надлежащем выпол-

нении позволяет выяснить вопросы древней истории и этногенеза и, кроме того, на конкретном материале разрабатывать многие теоретические и методологические проблемы топонимики.

Из актива Топонимической комиссии нужно отметить еще В. Д. Беленькую, занимающуюся топонимикой англоязычных стран и теорией науки (1969), Г. П. Бондарук, изучающую русскую географическую терминологию, а также топонимию Подмоскovie, Н. В. Подольскую, выполнившую интересные исследования о географических названиях берестяных грамот и систематизирующую научную топонимическую терминологию. Одна из ее работ посвящена кардинальному вопросу: какую информацию несет топоним (1964). В ряде других работ Н. В. Подольская показала процессы славянизации иноязычных топонимов (1962), образование и структуру микротопонимии (1965) и микротопонимы в русских грамотах, летописях, писцовых книгах, в которых сохранились первичные формы: урочище Пуп, урочище Камень, пожня Взвоз на р. Мсте, ориентир Черьмховый куст, колодец Кипун, У березы, Под сосной и т. д. (1967). Е. Л. Любимова с успехом применяет топонимический метод для восстановления картины природных условий прошлого на Русской равнине, изучая географические названия на крупномасштабных картах (Любимова, 1962, 1962а).

М. Н. Морозова (1966) доказала, сколь плодотворно может быть сопоставительное изучение топонимии двух близких областей — Тамбовской и Калужской — с одними языковыми условиями, но различающиеся этимологическим и словообразовательным анализом, что объясняется историческими условиями. В другой работе (1967) она поделилась результатами изучения структурных типов московской топонимии, в которой 44% принадлежит полным прилагательным, 39% — сложным образованиям (Матросская Тишина, улица Кашёнкин Луг, Шестой проезд Алексеевского студгородка) и 10% — родительным применным (шоссе Энтузиастов, проспект Маркса).

Г. П. Смолицкая проявила большую активность при изучении гидронимов Окского бассейна. Ее детальные исследования позволили выяснить характерные особенности формирования названий рек большого района Русской равнины (Смолицкая, 1971, 1971а).

Т. И. Тепляшина занимается вопросами финно-угорской топонимии. Она опубликовала несколько статей, среди которых отметим как большую удачу работу, где рассматривается слово *кар* — «город» (Сыктывкар, Кудымкар, Шуршкар и много других) и его топонимический ареал, четко показанный на картах (1970). Топонимика Псковской земли в диахроническом плане детально изучается Р. А. Агеевой.

Благодаря усилиям московских топонимистов и по инициативе Московского филиала Географического общества было проведено несколько больших топонимических совещаний, труды которых публиковались в виде отдельных сборников. Список совещаний и конференций дан в приложении к нашему обзору.

В Московском университете также представлена топонимика. В. Д. Беленькая и М. Н. Морозова читают лекции на топонимические темы для филологов. В издательстве МГУ опубликован сборник «Микротопонимия» (1967). В Институте этнографии АН СССР регулярно собирается группа ономастов. Они издали сборник «Этнография имен» (1971), а группа ономастов при Институте языкознания — сборник «Антропонимика» (1970), в котором большой раздел посвящен взаимоотношениям между личными именами и топонимами, и интересный сборник «Восточнославянская ономастика» (1972), где выделяется статья польского ученого проф. С. Роспонда «Структура и стратиграфия древнерусских топонимов».

Большая группа специалистов по географическим названиям сосредоточена в отделе географических названий Центрального института аэрофотосъемки, геодезии и картографии ГУГК СССР. Здесь ведется работа по унификации и стандартизации географических имен, их правильной передаче с языка на язык.

Большую помощь при топонимических исследованиях оказывают словари местных географических терминов и других слов, формирующих топонимию отдельных республик и национальных районов СССР, а также некоторых зарубежных стран. Перечень этих словарей и их авторов приведен в приложении к главе «Местные географические термины и их роль в топонимии».

Отметим, что некоторым сотрудникам этого отдела, деятельность которого больше всего направлена на выполнение практических вопросов стандартизации геогра-

фических названий и удовлетворение производственных нужд картографического производства, все же удается внести посильный вклад и в развитие топонимики. Среди них следует упомянуть Г. П. Бондарук, С. К. Бушмакина, Г. И. Донидзе, Ф. К. Комарова, И. П. Литвин, В. И. Савину.

В Ленинграде Географическое общество СССР создало форум топонимистов (28 января — 2 февраля 1965 г.) при представительном составе участников из разных городов СССР. К конференции был издан сборник тезисов докладов и сообщений (Всесоюзная конференция, 1965).

Старейший топонимист Ленинграда А. И. Попов — страстный пропагандист исторического метода в топонимических исследованиях (1948, 1957) — написал также немало работ по финно-угорской топонимии, в которых содержится много интереснейших параллелей географических названий из других нефинно-угорских областей (1948б, 1948в, 1949). Занимаясь изучением языков Восточной Европы, он уделяет большое внимание и топонимической лексике (1957а), использует ее для выяснения сложных вопросов этногенеза народов Поволжья, формулирует основы и принципы топонимических исследований (1964, 1965).

Его точка зрения о топонимике, как науке, сводится к положению, что она, находясь в тесной связи с историей, языковедением, географией, имеет свое особое теоретическое и прикладное значение. В своих выводах она опирается на письменные источники, на материалы тех языков, которые когда-либо имели хождение на изучаемой территории, на хорошее знание географических характеристик края.

Статистическая обработка даже однородных топонимов, но без учета их истории может исказить действительную картину, особенно учитывая, что большинство населенных пунктов нашей страны появилось всего 400—500 лет назад. Автор проявляет большой скепсис в отношении изучения суффиксов, которые не могут «служить надежным показателем путей колонизации». Они только в очень малой степени отражают переселение народов и дают слабое представление в перемещении языковых явлений. «Принципы определения общей языковой принадлежности топонимики данного края,— пишет А. И. Попов,— в то или иное время должны выте-

кать из соответствующих исторических и географических предпосылок» (1964).

В Ленинграде же регулярно разрабатывают топонимические сюжеты города на Неве К. С. Горбачевич и Е. П. Хабло (1961, 1962). Интересные в географическом отношении и детальные работы по топонимике Кольского полуострова и саамской географической терминологии выполнил А. Н. Казаков (1949, 1952). А. И. Лебедева занималась лингвистическим изучением топонимики Псковщины (1952, 1959). Славянские термины со значением «болото» изучает В. М. Мокиенко (1969). Г. А. Меновщиков первым обратил внимание на палеоазиатскую топонимию Чукотского и Камчатского полуостровов, Охотоморского побережья. Он подчеркивает необходимость детального исследования этих крайних районов северо-востока СССР, лежащих на стыке двух материков, что позволит понять пути продвижения палеоазиатов на Американский континент. Г. А. Меновщиков издал топонимический словарь Чукотского полуострова (1972), в котором систематизировал эскимосские и чукотские географические имена и показал их своеобразие в очерке «О чукотско-эскимосской топонимике».

Много сил отдала ираноязычной топонимии Средней Азии, особенно Памира, А. З. Розенфельд. В ряде статей ею показаны нормы формирования памирских географических названий, их семантическая интерпретация и географическое обоснование (1946, 1951, 1962, 1964). Г. Я. Симица подвергла детальному изучению бассейн реки Юлы в Архангельской области (1969). Работу по согдийской топонимии (бассейн Зеравшана в Таджикистане) выполнила О. И. Смирнова (1950). Ненецкую топонимию изучает Н. М. Терещенко (1965). Интересен факт, сообщаемый автором, что термин *мар* — «город», обычный раньше только в образной речи, лишь теперь появился в обиходе: Нарьян-Мар — «Красный город» или просто Мар, поскольку именно он главный на ненецкой земле.

Следует упомянуть также словарь географических названий Ленинградской области С. В. Кисловского (1968), в котором можно встретить объяснения с малоудовлетворительной этимологией: р. Сестра от финского *siestar* — «черная смородина» (встречается несколько раз и за пределами Ленинградской области); р. Со-

минка, получившая такое имя якобы потому, что Петр I выловил здесь сома; р. Тосна от *тъсьнъ* — «узкая» со ссылкой на А. И. Соболевского. Этот гидроним обычно объединяют с окской Цна (в древности Тьсина) от *tus-pap* — «тихий» в балт. яз. (Никонов, 1966).

В Ленинграде же опубликован полезный словарь топонимов Советской Арктики, в котором объяснены сотни названий, главным образом происходящих от личных имен и фамилий (Попов и Троицкий, 1972).

За последние 20 лет топонимические темы стали обычными во многих городах Российской Федерации. Можно перечислить 20—25 таких городов, в которых уже опубликованы статьи и книги по нашей тематике. Первый обзор областных работ был выполнен В. А. Никоновым почти 20 лет назад (1956). Он критически оценил исследования, проведенные в Рязани, Саранске и Томске. Мы же здесь кратко укажем на то, что сделано в некоторых крупных городах РСФСР по изучению географических названий.

В Новгороде местную микротопонимию разрабатывает В. П. Строгова (1961, 1966), а названия топонимов и ландшафтные термины систематизировал А. В. Никитин (1961). В Ярославле топонимическая работа проводится на кафедре русского языка под руководством Г. Г. Мельниченко. Здесь 23—24 мая 1965 г. совместно с Московской топонимической комиссией было проведено совещание (Смолицкая, 1966). В Ярославле же была издана небольшая книга краеведа А. Е. Богдановича (1966), оконченная им после 1936 г. и 30 лет остававшаяся в рукописи. Конечно, за это время ее материал и методика в значительной мере устарели, но интересные факты и хорошее знание автором литературы делают это издание полезным и для современного читателя.

Еще раньше, 11 мая 1963 г., подобное совещание состоялось в Рязани, куда приехали топонимисты Москвы, Саранска, Лебедяни и даже Оренбурга (Калакуцкая и Сталтмане, 1966). Начало работы в Рязани связано с именем Н. П. Милонова (1953). Ее продолжила З. П. Никулина (1964), сделавшая лингвистический анализ названий некоторых населенных пунктов.

Топонимию Курской области плодотворно изучал А. И. Яценко (1958, 1959). Им предложена программа и проводится работа по составлению гидронимического

словаря этой области, который, по мысли автора, должен быть не столько этимологическим, сколько историческим (1965). Из старых русских летописей известно очень небольшое количество речных имен: Локня, Оскол, Псёл, Сейм, Тускарь. Массовая гидронимия содержится в материалах Генерального межевания.

Начались топонимические изыскания и в Тамбове (П. Я. Горбунов, Б. И. Зимин), а также во Владимирской области (В. И. Тагунова из Муромы) и в Калуге (А. В. Грознов, Н. И. Маслов и др.).

О географических названиях Воронежской области рассказал В. П. Загоровский (1966, 1973). Он считает, что древняя форма Воронеж, встречающаяся в летописи, описывающей события 1177 г., произошла от славянского «ворона» (есть и такая река), т. е. Воронеж от «ворона» тоже. Сам автор считает такую точку зрения гипотезой.

Интересную работу по географической терминологии областей Черноземного центра выполнил в Воронеже Ф. Н. Мильков (1970), а В. А. Прохоров (1973) опубликовал большой историко-топонимический словарь населенных мест Воронежской области.

В Поволжье в ряде городов развернулась большая работа по изучению географических названий. Сложная история и современная этническая пестрота этого района СССР сделали важным и необходимым привлечение топонимического материала для решения ряда научных вопросов. Немало интересного сохранила топонимия Поволжья от прошлых эпох и языков. В Поволжье уже были созданы четыре топонимические конференции (см. список в конце этой главы).

В Горьком много лет трудится Л. Л. Трубе, опубликовавший немало работ по географическим названиям Среднего Поволжья (1962, 1966, 1967).

В Казани Р. Х. Субаева (1961, 1963) показала особенности топонимики Татарии, рассмотрела гидронимию Среднего Поволжья. Р. Х. Субаева хорошо подметила, что тюркское *карасу* — «родниковая вода, источник» в русском употреблении получает народную этимологию, связанную со словом «карась»: р. Карасинка, Карасевка и т. д. Но трудно согласиться, что московская Яуза от татарск. *яуз* — «злой» или оз. Индер от татарск. *киндер* — «холод». Более правильно калмыцкое *ундэр* — «высокий».

В Казани же опубликована большая книга Г. Ф. Саттарова (1973), целиком посвященная анализу географических названий населенных мест Татарской АССР, берущих свое начало от антропотопонимов. Таких топонимов оказалось меньше половины (из 3942 названий городов, селений, хуторов и т. д. антропотопонимов — 1368). Интересно, что в Татарию сохранились древне-булгарские названия. Их более 120, среди них местное название Набережных Челнов (*чаллы* — «каменистый» от *чал* — «камень», что сравнимо с монг. *чулуу* — «камень»). Эта книга издана на татарском языке и, к сожалению, не имеет русского резюме.

В Чебоксарах работает Г. Е. Корнилов (1965, 1966), который попытался классифицировать топонимы по степени развития свойств «быть собственным именем» и показал соответствие чувашских терминов с общетюркскими: чуваш. *шор* — «болото» с тюрк. *саз* — «болото, влажный луг», а в другой работе объяснил название известного Телеормановского леса (правобережье рек Хопер и Ворона) из тюрк. *тилэ орман* — «лисий лес». Благодаря стараниям Г. Е. Корнилова опубликованы два сборника, где содержится несколько топонимических статей, раскрывающих названия со словом «сарай», а также Тьмутарокань, Алатырь и др. («Диалекты и топонимия Поволжья», 1972, 1973).

В Ижевске в 1967 г. был издан сборник («Вопросы финно-угорского языкознания», 1967), посвященный проблемам этногенеза удмуртов. И здесь не обошлось без топонимики, которая представлена четырьмя статьями (Л. И. Калинина, Т. И. Тепляшина, Л. Л. Трубе и А. И. Туркин), не считая публикаций, которые включают анализ географических названий, но не ставят их в основу исследования. Этот сборник опубликован к конференции по финно-угорскому языкознанию. Такие конференции проводились также и в Ужгороде в 1963 г., Сыктывкаре в 1965 г., Йошкар-Оле в 1969 г., Саранске в 1972 г. И всегда в их программах присутствовали доклады на топонимические темы*.

Большие топонимические силы сосредоточены на Урале. В Свердловске под руководством А. К. Матвеева работает коллектив сотрудников, собравших карто-

* Еще о топонимических исследованиях, проводившихся в городах Европейской части РСФСР, см. «Изучение топонимии Центра и ее тюркского горизонта».

теку географических названий северных районов нашей страны и уже опубликовавших немало изданий, в том числе шесть небольших сборников («Вопросы топонимистики», 1962—1972). Свердловские топонимисты, используя все письменные источники, начиная с летописей, придают большое значение сбору топонимического материала на месте: они организовали ряд экспедиций для сплошного обследования отдельных участков бассейнов Пинеги, Северной Двины, Онеги, Мезени, Сухоны, Ваги и других рек.

Из Свердловска вышли топонимисты, расширившие свою тематику за рамки северных территорий СССР — Л. М. Майданова, Е. И. Рудных, А. С. Битанова и др. А. К. Матвеев уделит внимание субстратной топонимии Русского Севера, используя форматный анализ гидронимов: *-ньга*, *-юга*, *-незь*, *-вей*, *-важ*, *-исльда*, *-кса*. Эти форманты необъяснимы из современных языков, они свидетельствуют о древнем обитании прибалтийских финнов и древнепермских народов, которые не были непосредственными предшественниками карелов, вепсов и коми-зырян. Ясны следы и саамского языка. Актуальна проблема и нефинно-угорского субстрата (Матвеев, 1964). Эта работа вызвала большую дискуссию (Серебрянников, 1966; Поспелов, 1970). Для исследований А. К. Матвеева характерен историко-этимологический метод, стремление выяснить истоки субстратных элементов в современной топонимии (1960, 1961, 1961а). Вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях он посвящает специальную статью, в которой пишет, что географическое название «может получить достаточно убедительную этимологию в тех случаях, когда устанавливаемое значение названия находит полное подтверждение в свойствах соответствующего географического объекта, иными словами, когда значение подтверждается характером реалий» (1965). В интересной небольшой заметке этот автор (1961а) показал, что ороним Урал имеет исходное начало в тюркском, в частности казахском и башкирском (*арал* — «остров»), что видно из «Книги Большому Чертежу», где засвидетельствована форма Аралтова, Оралтова гора. Форма Арал-Тау сохранилась в Зилаирском районе Башкирской АССР.

В Пермском университете работает коллектив географов под руководством Ю. Г. Вылежнева, который

изучает местные географические термины и типологию топонимов Пермского Приуралья (1965). А. С. Кривошекова-Гантман (1965) в гидронимическом форманте *-юг, -юк*, — «река» находит следы древнепермской гидронимии в Прикамье. Эти форманты объединяются с *-ю*, которые лучше всего сохранились в Коми АССР, а в бассейне Камы претерпели серьезные изменения: Лемью — Лемья, Лонью — Лонья, Косью—Косья и т. д. В Перми же издан полезный топонимический сборник «Географические названия Прикамья» (1968) и популярная книга А. С. Кривошековой-Гантман (1973), рассказывающая о происхождении географических названий Пермской области.

В Челябинске М. И. Альбрут опубликовал небольшой словарь географических названий своей области (1966) и специально остановился на значении топонима Челябинск (1961). По его мнению, оно произошло от личного имени Циля-бей и не имеет ничего общего с башкирским *селяк* — «короб» якобы потому, что местность здесь напоминает котловину.

В Уфе разрабатываются вопросы башкирской топонимастики. Начало ей положил Д. Г. Киекбаев (1956), обнаруживший много этнонимов в составе географических названий, глагольные формы, что характерно для тюркских языков вообще. В Башкирии имена 247 поселений включают слово *иске* — «старый», 552 *янги* — «новый», 72 *баш* — «голова, главный» или *улу* — «большой». Далее автор указывает возможное объяснение гидронимов Яик (Ягак) (старое название р. Урал) и Инзер.

Специально о ираноязычных топонимах в Башкирии писали Н. Д. Гарипова и Т. Н. Гарипов (1964): *бала* — «верхний, высокий» — Бала-Четырман; *бустан, бостан* — «сад, огород, бастан» — Бастан, Бустанаево; *дошэнбе* — «понедельник» — Душамбеково (ср. Душанбе в Таджикистане); *сарай* — «дом, дворец» — Бахчисарай, Сараево, Сарайлы (ср. Бахчисарай в Крыму, Сараево в Югославии и Сарай в Турции); *чишме* — «источник, ключ» — Чишмэ, Чишма, Чишмали. Эти, как и другие, примеры, приведенные авторами, вполне убедительны.

Сибирской топонимической столицей можно считать Томск*, где в течение последнего десятилетия сложи-

* Именно здесь опубликована одна из первых топонимических работ послевоенного времени (Маракуев, 1945).

лась своя топонимическая школа, возглавлявшаяся А. П. Дульзоном. Для нее характерно: а) изучение массово-повторяющихся элементов в сибирской гидронимии, как наиболее устойчивой и консервативной части топонимии; б) сравнительный анализ гидронимических элементов, охватывающих территорию, лежащую за пределами Сибири; в) выяснение древних этнических связей и миграций населения по данным топонимики; г) выявление субстрата для понимания древней истории и археологии Сибири.

В томской топонимической школе формировались специалисты, работающие как в Томске, так и в других городах СССР: М. А. Абдрахманов (топонимия Шории), Э. Г. Беккер (селькупская топонимия), А. А. Бонюхов (топонимия Шории), Г. П. Вуоно (мансийская топонимия), И. А. Воробьева (русские географические названия в Сибири), К. Ф. Гриценко (Якутия), Л. И. Калинина (хантыйская топонимия), О. Т. Молчанова (сибирско-тюркская топонимия и общие вопросы топонимии), В. Н. Попова (северо-казахская топонимия).

Все эти специалисты издали немало работ. В их числе пять сборников «Языки и топонимия Сибири» (1966—1972). А. П. Дульзон показал наличие индоевропейского субстрата в Сибири (1964), пути расселения загадочного сибирского народа кетов, шедших с юга на север до Туруханска и севернее по Енисею, что удалось восстановить по гидронимическим вариантам на *-сес, -сет, -тет, -шет, -сисл-сес, -ул* (1959, 1962), топонимии Средней Сибири до прихода сюда русских (1966). Вообще этому автору присуще стремление связать данные топонимики с вопросами миграции охотничьего и скотоводческого подвижного населения Сибири и его этногенетических процессов (1950, 1959а, 1960). Все работы А. П. Дульзона представляют большой методический и теоретический интерес. И не случайно, что Всесоюзная конференция по проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков, созданная в Томске 14—16 июня 1973 г., была посвящена памяти этого замечательного ученого, инициатора комплексного изучения топонимии, и особенно гидронимии Сибири («Происхождение...», 1973).

В Томске же опубликована книга И. А. Воробьевой (1973), в которой автор анализирует русскую топонимию Томской, Кемеровской и Новосибирской обла-

стей. Ей же принадлежит популярная книга о географических названиях Западной Сибири (1973а).

В Иркутске на географическом факультете университета топонимические исследования Восточной Сибири проводит М. Н. Мельхеев. Им опубликовано несколько статей по географическим терминам и названиям, языковым ареалам и историческому значению топонимики Восточной Сибири, и, наконец, он издал словарь названий Иркутской области (1964) и два труда по топонимии Бурятии (1969) и Восточной Сибири (1969а).

Полезный географический словарь Кузбасса издал в Кемерово А. А. Мытарев (1970).

В Улан-Удэ большую активность проявил Э. Р. Рыгдылон, опубликовавший несколько статей (1955, 1955а, 1956).

Из районов Дальнего Востока лучше всего изучена Камчатка. Первую книгу, рассказывавшую об истории географических названий этого самого большого полуострова СССР, написал В. И. Воскобойников (1962). В ней содержится много интересного о топонимах, возникших в процессе открытий, исследований и освоения Камчатки. В. И. Воскобойников — пионер ее топонимического изучения. Вслед за ним словарь географических названий опубликовал В. П. Кусков (1967), сумевший объяснить 750 камчатских названий. Здесь же напечатана статья Б. П. Полевого о происхождении имени Камчатка, которое связывается с фамилией казака-землепроходца Ивана Камчатого (середина XVII в.), что из русского диалектного донского прилагательного *камчатый* — «изрытое, неровное, комовое место». Отмечу, что в словаре И. И. Срезневского (1893, 1) это слово дается в ином значении: *камчатый* от *камка* — «род шелковой ткани».

Началось изучение географических названий в Магадане и Владивостоке. В. Лешкевич (1955) опубликовал статью о топонимии Приморья, связанную с работами экспедиций, — имена моряков, кораблей и т. д. на карте побережья Тихого океана; Л. И. Сем и Ю. А. Сем (1965) рассказали о дорусской и русской топонимии южной части Дальнего Востока*, а П. В. Бабкин показал топонимию Магаданской области (1968).

* Об именах Курильских островов см. статью Ю. К. Ефремова (1951).

На Северном Кавказе в двух столицах автономных республик Российской Федерации систематически проводятся топонимические работы. В Нальчике Дж. Кокков (1966) опубликовал книгу о кабардинских географических названиях, он же в соавторстве с С. О. Шахмураевым (1970) — о балкарских топонимах. В Орджоникидзе А. Дз. Цагаева напечатала большую книгу по топонимии Осетии (1971). Дж. Кокков в своем словаре показал не только топонимию Кабардино-Балкарской АССР, но и кабардинские имена, лежащие за ее пределами: Анапа, Ессентуки, Мацеста, Сочи, Туапсе и др. Кроме того, им толкуются этнонимы *адыге*, *кабарда*, *черкес*. А. Дз. Цагаева анализирует осетинские топонимы, и особенно микротопонию. В ряде районов ею выполнены сплошные фронтальные записи всех собственных имен и показана стратиграфическая колонка: а) древнеосетинский пласт, названия часто не осмысливаются средствами современного языка; б) современный осетинский; в) кавказский, главным образом грузинский; г) тюркский.

В Черкесске также начались топонимические исследования. Х.-М. И. Хаджилаев (1970) показал особенности топонимики Карачая и Балкарии. Он утверждает, что топоним Карачай не связан с гидронимом Карачай — «черная река», а восходит к словосочетанию: *къарэсэй/къарачай* — «старая мать, место, где родились предки, родина предков».

Кубань этимологизируется из карачаево-балкарского *къобан*, *къобхан* — «бурная, вздувающаяся, разливающаяся». Х.-М. И. Хаджилаев отрицает иранское происхождение термина *кам* — «река, канал, поток», считая его исконно тюркским.

Дагестанская топонимия и микротопонимия получили отражение в статьях С. М. Хайдакова (1960, 1966 и др.).

В Украинской ССР уже много лет последовательно и систематически ведутся топонимические исследования. В Киеве при Академии наук Украины создан специальный орган — Ономастическая комиссия, объединяющая все работы, касающиеся изучения собственных имен, т. е. личных и географических, взаимосвязи и взаимодействие которых друг на друга уже давно стали очевидностью. Эта комиссия провела четыре республиканские конференции. По составу привлеченных участников

и широкой тематике эти конференции неизменно превращались во всесоюзные форумы топонимистов.

Деятельность Украинской ономастической комиссии связана прежде всего с именем К. К. Целуйко — зачинателя топонимического изучения республики в послевоенный период. Им опубликована большая работа о топонимии Полтавщины и Покровского района Днепропетровской области (Целуйко, 1954, 1957) и статьи о развитии топонимики на Украине и в СССР. Он же редактор сборников «Повідомлення Української ономастичної комісії», которых уже опубликовано восемь выпусков в период 1966—1970 гг. Отметим еще сборники «Питання гідроніміки» (1971) и «Ономастика» (1966).

Пристально изучал гидронимию отдельных областей Украины А. С. Стрижак и напечатал на эту тему две книги (1963, 1967). Он также попытался в научно-популярной книге проанализировать топонимию УССР в историческом плане, показав этнонимику в географических названиях этой большой республики (1967а). Гидронимии бассейна Северного Донца посвятил свою работу И. В. Муромцев (1966). В ней классифицируются названия рек по суффиксам существительных и прилагательных, создающих определенные словообразовательные модели.

Среди киевских топонимистов следует отметить А. А. Белецкого, М. Ю. Брайчевского, Р. В. Кравчука, А. А. Купчинского, В. В. Нимчука, А. П. Непокупного, В. П. Петрова, опубликовавших статью в сборниках Украинской ономастической комиссии. Большую работу по местным орографическим терминам выполнила Т. А. Марусенко (1968). А. А. Белецкий напечатал книгу (1972), в которой показал специфику собственных имен как особого разряда лексики, ономастическую терминологию и осветил другие вопросы ономастики.

Во Львове на филологическом факультете разрабатывают вопросы топонимики Л. Л. Гумецкая, Е. М. Посадкая-Черняховская, О. Ф. Рипецкая, которая интересуется германоязычной топонимией и показывает топонимические эквиваленты, формы адаптации славянских географических названий в Мекленбурге, Саксонии, Силезии. Известно, что на землях, ныне заселенных немцами, громадное количество славянских топонимов, хотя они и не всегда легко опознаются. Среди таких общезвестных — Лейпциг, Дрезден, Бранденбург и др.

Во Львове работает и Б. Я. Думин (1965), опубликовавший интересные наблюдения над переименованиями географических названий.

Топонимию Буковины детально изучал Ю. А. Карпенко; помимо региональной топонимики он занимается и общими вопросами ее теории и методологии. Им опубликованы конспекты лекций, прочитанные студентам филологического факультета Черновицкого университета (1964, 1965, 1965а), по общим вопросам топонимики. Он уделял внимание месту топонимии в лексическом составе языка, топонимическим вариантам (1966), становлению восточно-славянской топонимии (1966а), взаимосвязи географических терминов и собственным названиям (1970).

Топонимическими вариантами Ю. А. Карпенко называет разные формы одного и того же топонима, возникшие в разных языковых средах или диалектах одного и того же языка, или параллельное сосуществование официальной и народной форм и т. д. Восточно-славянская топонимия, во всяком случае названия населенных мест, возникла из прилагательных, что видно из анализа «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи).

Интересны мысли Ю. А. Карпенко о путях перехода нарицательных терминов в собственное название: «Так, термин *река* указывает на признак постоянности течения воды, а термин *гора* — на признак возвышенности (в обоих случаях им сопутствует также признак значительности размеров). Если к этим признакам прибавить еще только по одному, то вместо слов *река* и *гора* появятся десятки географических терминов, обозначающих разные виды рек и гор. Эти термины имеют обычно более узкое, локальное употребление.

Такую операцию можно повторить несколько раз, получив в результате для каждого общеупотребительного географического термина типа *река*, *гора*, *озеро*, *лес* и т. д. пирамиду географических терминов, в которой каждый нижний ряд отличается от верхнего большей локальностью и меньшей абстрактностью: термины каждого последующего ряда учитывают все большее количество признаков географических объектов, являясь все более конкретными. Одновременно количество предметов, составляющих объем географического термина, с каждым рядом все более уменьшается.

И самый нижний ряд такой пирамиды составляют... топонимы. Именно в топонимах завершаются все те тенденции, которые формируют описанную пирамиду географических терминов. Локальность сводится к точке, количество предметов — представителей — к единице, абстрактность исчезает, а количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта...» (Карпенко, 1970).

В Ужгороде работает П. Н. Лизанец (1967), нашедший много венгерских заимствований в географической лексике, особенно в орографической терминологии в закарпатских районах Украины. Таких терминов автор привел 54, из них: *варош* — «город, центр села» (ср. венг. *varos* — «город», от *var* — «замок», из иран. *var* — «стена, здание»); *табла* — «большой участок земли с ровной поверхностью, равнина» от венгерского *tabla* в том же значении (ср. латин. *tabula* — «доска». Добавлю, ср. рус. *табель*, *табельная доска*, *табельная книга*, *таблица* и т. д. из латин. *tabula* — «доска, список, таблица»).

Топонимическая работа проводится также и в других городах Украины: Днепропетровске (И. Д. Сухомлин), Донецке (Е. С. Отин), Глухове (В. А. Горпинич), Запорожье (О. Т. Волок, В. Г. Фоменко), Луцке (В. Ф. Покальчук), Ужгороде (И. О. Дзедзелевский, К. И. Галас) и т. д. В Одессе ономастическая работа сосредоточена только на филологическом факультете университета, где она проводится под руководством Ю. А. Карпенко.

Начало изучению топонимии Молдавии положил М. В. Сергиевский (1946), который использовал топонимы как показатель заселения территории республики.

Г. Ф. Богач (1959) показал происхождение одних географических имен Молдавии, установил народную этимологию других. Стратиграфию молдавской топонимии раскрыл А. И. Еремия (1965). В ней он отметил наиболее мощные пласты, образованные славянскими, тюркскими и молдавскими названиями. Этот же ученый опубликовал монографию о названиях населенных мест республики (1970).

Белоруссия — единственная из союзных республик, где топонимия систематизирована в обобщающих трудах. В этом прежде всего заслуга В. А. Жучкевича (1968а), который много лет целеустремленно изучал

топонимические аспекты республики и дал характеристику географических названий рек, озер, форм рельефа, поселений, показал топонимический ландшафт, провел районирование и составил топонимический словарь. Этим автором широко использованы разные методы изучения топонимии, в том числе статистической. В значительной мере благодаря его усилиям была создана представительная Белорусская ономастическая конференция, проходившая в Минске 1—3 декабря 1967 г. («Першая Беларуская...», 1967). Он же автор большой книги «Общая топонимика» (Жучкевич, 1968). Топонимическую работу в Минске проводит и М. Я. Гринблат (1965 и др.).

Топонимию Случчины изучал Е. М. Адамович (1966). Он показал способы суффиксации белорусских названий (1965). Словарь местных географических терминов составил И. Я. Яшкин (1971).

Говоря о топонимике Белоруссии, нельзя не упомянуть Н. В. Бирилу, который выявил литовские элементы в географических названиях республики (Бірыла, Ванагас, 1968), и В. П. Лемтюгову (1970), показавшую формирование названий населенных мест Белоруссии в историческом аспекте.

Латвийская ССР сравнительно хорошо изучена в топонимическом отношении. Заслуга академика Я. М. Эндзелина — в систематическом сборе географических названий Латвии, составлении картотеки, издании капитального словаря (Endzelins, 1956, 1961) и создании целой школы латвийских топонимистов. Его топонимические интересы стали впервые проявляться еще в 1922—1925 гг. Словарь названий Латвии построен по гнездовой системе; всюду, где можно было это сделать, даны этимологические объяснения. По мнению Б. В. Горнунга (1957), труд Яна Эндзелина может послужить образцом для топонимических исследований в других братских республиках Советского Союза.

После смерти Я. Эндзелина работу продолжали его ученики. В феврале 1967 г. в Риге была созвана большая конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. В ее программе были представлены теоретические и методические проблемы, вопросы региональной топонимики (балтийская, белорусская, украинская, русская и финно-угорская), а также практическая топонимика.

Обзор современных проблем топонимики Латвийской ССР сделала В. Ф. Дамбе (1966), показавшая состояние ее изученности. Исследованы вопросы грамматической структуры гидронимов, топонимы финноязычного происхождения на территории республики (Ниголь, 1961; Рудзите, 1966), балто-славянские топонимические связи (Семенова, 1970).

Существенная задача ученых Латвии — установление стратиграфии географических названий — может быть разрешена совместными усилиями многих специалистов. Для этого нужно изучать хронологию топонимов по источникам, начиная с XIII в., так как более древние источники пока неизвестны. Видимо, наиболее древний пласт в Латвии балтийский, на который наложился финский и славянский.

Литовская ССР имеет хорошую топонимическую изученность. Дореволюционные исследования И. Я. Спрогиса, В. Кальвайтиса, К. Буги были продолжены советскими учеными. Об устойчивости и даже монопольности литовской топонимии на территории республики писал Я. Отребский (Otrebski, 1961). Принципиально важную статью о методике этимологизации гидронимов опубликовал Б. Савукинас (1965). Продуктивность гидронимов в образовании названий населенных мест показал И. Бальчиконис (1961). В. Гуделис (Gudelis, 1960) рассмотрел топонимы с основой *гала(с)*, которая, по мнению автора, у древнебалтийских племен обозначала воду, а затем также реки, озера, болота. Анализируя названия болот в Белоруссии, на Украине и в Европейской части РСФСР с этой основой (приводятся две карты), типа Гольное, Голосиха, Голый Мох, Голя, Галь, Гально и др., автор считает, что область расселения древних балтийцев простиралась до северных окраин Вольно-Подольской возвышенности, до междуречья Волги и Оки на востоке и до бассейна р. Вятки на северо-востоке.

Происхождению гидронимии Литвы посвятил свой труд А. Ванагас (1966). Он же разработал схему семантической стратиграфии балтийских гидронимов (1966а) и выделил четыре типа: первичные, возникшие без изменения от апеллятивов или антропонимов, производные, сложные и составные. Автор находит, что семантика гидронимов очень широка и уложить ее в рамки «гидронимичности семантики» невозможно. К. Куза-

винис (1966) рассмотрел балтийские топонимы на -ava, -uva, -va, имеющие разный возраст, и индоевропейский апеллятив ava — «река»; Latava — «глинистая река». Индоевропейский корень el, ol сопоставляется с sel, sol — «течь», имеет соответствия на балтийской почве: seleti, salveti — «течь, сочиться». Из балтийских гидронимов нередко возникали названия областей, краев, земель. О работах по ономастике в Литве см. А. П. Ванагас (1968):

Ныне уже считается бесспорным наличие балтийских топонимов на широких просторах Русской равнины, при этом многие исследователи не ограничиваются пределами Белоруссии, северной части бассейна Днепра (например, в Смоленской области), но доказывают их присутствие в бассейне Волги.

В Эстонской ССР начиная с 1922 г. ведутся систематические сборы топонимов. К 1965 г. картотека насчитывала уже 227 000 названий (Паль, 1965). Это не малая величина для такой небольшой территории, какую занимает республика. Этот же автор опубликовал статью (1962), в которой подводятся некоторые итоги изучения эстонской топонимии, а в другой статье в тезисной форме приводятся мысли о структуре эстонской топонимии (1966).

В. В. Мазинг (1960) издал шестязычный словарь болотоведческих терминов. В нем собрано 645 слов, в том числе и такие, которые являются топонимообразующими: *старица, ручей, гряда* на болоте, *озеро, трясина* и т. д. Языковые указатели позволяют быстро найти нужный термин.

М. К. Норвик (1961) остановился на эволюции старых топонимов германского и шведского происхождения в эстонской языковой среде, П. А. Аристе (1966) показал латвийские элементы в Эстонии, а А. Кяхрик рассказал о марийских микротопонимах (1969). В Тарту работает А. И. Туркин. Он широко интересуется вопросами финно-угорской топонимии. Ему же принадлежит статья о гидронимии Коми АССР (1967а). Большая часть названий рек и озер этой республики легко объясняется данными современных языков: Ирва — «река с омутами», Созва — «чистая река, вода», Лунвож — «южный приток» и т. д. Однако и здесь кажутся загадочными гидронимы на -га, -нга, -ым, -ом, -ма (Яренга, Нювтюга, Пижма и др.).

О топонимических исследованиях, проводимых в Средней Азии и Казахстане местными учеными, специально сказано в региональной части нашей книги. Здесь следует упомянуть только А. Л. Хромова и В. Н. Попову. Первый из них в ряде работ (1963, 1965, 1966, 1967) показал специфичность топонимии Таджикистана, и особенно района Ягноба, что очень важно, так как ягнобская и зеравшанская топонимия по своей сути оказывается прямой наследницей согдийской, некогда господствовавшей на значительных пространствах бассейна Зеравшана и некоторых других районов Средней Азии. Именно на Ягнобе нужно искать ключи для понимания многих темных географических названий этой области нашей страны. На название Согдианы в Таджикистане уже давно обратил внимание С. И. Климчицкий (1937).

А. Л. Хромов (1968) остановился на словообразовании топонимов (топоформанты названий населенных мест *-обод*, что связано с *-абад* в других республиках Средней Азии; гидронимов на *-об* и др.), этимологии (Ягноб — «ледяная вода» из ягнобского *ихи нов* — «ледяное ущелье», Афрасиаб из согдийского *пар сиав ап* — «над черной рекой»). Этому же автору принадлежит и очерк истории изучения географических названий Таджикистана, где приводится обзор отечественной и зарубежной литературы (1969).

Топонимию Казахстана помимо казахских ученых в течение многих лет изучала В. Н. Попова из Чимкента. Она особенно детально исследовала гидронимы Павлодарской области и Северного Казахстана (1966, 1966а) и опубликовала интересную статью о происхождении гидронима Иртыш (1970), о чем еще будет сказано в соответствующем месте.

Закавказье — очаг древней и древнейшей цивилизации. Смена народов и языков, их множественность в прошлом и настоящем делают очень трудными вопросы диахронического и синхронического изучения топонимии трех республик — Армении, Азербайджана и Грузии. По существу до сих пор нет общепринятых и доказанных объяснений таким широко известным именам, как Кавказ, Кура, Аракс, Риони, Баку и др.

В Ереванском университете составляется большая картотека географических названий, которая охватывает не только территорию республики, но и так называемую историческую Армению (Армянское нагорье, включая

Малую Армению и Киликию). Эта картотека охватывает названия по происхождению хурритские, урартские, скифские, армянские, персидские, византийские, турецкие и др. (Т. Х. Акопян, 1965). Естественно, что с течением времени они подверглись изменению, искажены, а некоторые оказались забытыми. Так, имя самого большого озера Закавказья — Севана — относится к урартской эпохе, слово *сунна* — «озеро», прочитанное на клинописном камне, найденном в урочище Оцаберт на берегу Севана, дало современное название. Раньше производили от *се-ванк* — «черный монастырь». Это народная этимология. В прошлом армянские географические названия систематизировались в словарях Г. Гюбшмана, один из которых вышел в Страсбурге на немецком языке в 1900 г., а другой в переводе на армянский язык — в Вене в 1907 г., а также в словарях А. Аракеяна и Эффрикяна.

Из специальных работ по армянской топонимии выделяются труды Гр. Капанцяна (1940, 1948, 1956), в которых рассматриваются географические названия на широком историко-лингвистическом фоне, раскрываются многие этимологии, уводящие нас в глубь тысячелетий, и анализируется роль суффиксов в их образовании. Некоторые армянские топонимы оказываются в одном ряду с хеттскими и хурритскими, другие очень близки к ираноязычным. По утверждению Капанцяна, армяне в своем движении на восток перенесли многие названия из Малой Азии в долину Аракса: Ани, Аза, Аравис и др. Этот путь движения топонимов, извечный во все эпохи истории, продолжается и в наши дни. Вспомним хотя бы русские названия в Азиатской Арктике или даже в Антарктике у Южного полюса. Откуда в Сибири такие названия сел, как Бородино или Тарутино? Они даны мятежными солдатами Семеновского полка, участниками боев Отечественной войны 1812 г., высланными в Сибирь в 1821 г.

Н. В. Арутюнян (1962) показал древние урартские названия с основами Урме — Уруму и Лиги — Лики и имена богов в географических названиях.

Грузинские историки и языковеды дали интересные работы по топонимике своей родины. К сожалению, того же самого нельзя сказать о географах республики. Мы уже говорили о топонимических интересах Н. Я. Марра. В поисках решения этногенетических проблем Кавказа

привлекал топонимический материал и И. А. Джавахишвили (1939). Финали названий *-ани*, *-иани*, *-аины* он считает урартским: Тобаани, Джугаани, Коклиани — «местность, изобилующая орешником». Эти форманты указывают на качество. В Грузии много окончаний на *-анта*, а на севере Кавказа на *-та*, *-ада*, *-ода*. Важную работу опубликовал С. Н. Джанашиа (1940), показавший адыгейские элементы в топонимике Грузии.

В послевоенные годы тбилисские ученые провели немало интересных исследований. Местными географическими терминами занимаются Г. И. Зардалишвили и Д. С. Мгеладзе. Первый из них изучал топонимию Клухорского района. Опубликованная им статья (Зардалишвили, 1952) вызвала полемику и ответ В. А. Кузнецова (1954).

Географическим названиям, обнаруженным в древних грузинских исторических памятниках, посвятил свою статью М. Андроникашвили (1954). С. С. Джикия (1950, 1960) в ряде трудов разрабатывает топонимические сюжеты Грузии.

Н. Н. Джанашиа (1960) привел некоторые тюркские местные географические термины: *арха* — «спина, задняя сторона», *уст* — «верхняя сторона, поверхность» (вспомним Устюрт) и др.

Интересное гидронимическое исследование предложил Л. М. Меликсет-Бек (1960). Он останавливается на роли корня *ар*, очень продуктивным в Закавказье и Ближнем Востоке вообще: Арат, Аракс, Арагац, Армения, Урарту, Армавир и т. д., на что обратил внимание еще В. В. Струбе (1947), который считал его урартским, присутствующим и в таких личных именах и этнонимах, как Арам, арийцы и т. д. Меликсет-Бек убедительно показал о подгонке местных кавказских гидронимов типа Кура к именам монархов. Он пишет: «Имена первых ахеменидов — Кира (Кюроса) и Камбиса не имеют ничего общего с названием рек Закавказья, которые греческие книжники ухитрились подогнать под формы Кир и Камбис, между тем как последние на самом деле являются результатом искажения древнегрузинской этно- и топонимики: в первом случае от *кир* — *кор* (Кол—Кола—Кири, Куар—Кур—Кура), восходящему к племенному термину *кол* (*колх*), а во втором — от *Камэч* — *Камбэч* — *Камбэчовани*, имеющего в основе понятие тотемного животного буйвола, вола» (1960).

Топонимии Грузии посвятил некоторые свои работы А. А. Глонти (1955, 1965, 1965а). Он считает, что топонимическая лексика в силу своей специфики не может входить в состав обычного языкового словаря, а нуждается в специальном издании. А. А. Глонти показал народную этимологию в объяснении многих географических названий, встречающихся у известного грузинского историка и географа Вахушти: Арагви — «не мести»; Риони — «пусть перемешивают, смешают»; Тухариси — «ты крепость или нет?».

В образовании географических названий Грузии наиболее продуктивны суффиксы: *-ет*, *-ат*, *-ит*: Хорети, Аке-ти, Осети — Осетия, Русети — Россия; *-оул*, *-еул*: Бережоули; *-ур*, *-ўл*: Гагури, Гутури, Варджанаули; *-ев*; *-еб*: Натанеби, Накидоневи; *-ар*, *-ал*: Насакирали, Намериа-ли, Нагомари (все с префиксом *на-*); *-иан*, обозначающий происхождение, ныне смысл — «иметь»: Лулиани, Квиани, Мзиани; *-нар* для названий по растительности: Циннари — «где бук», Тхемнари — «где ольха».

А. А. Глонти (1968) выступил также как обозреватель топонимических исследований грузинских ученых. Он показал, что во многих сочинениях по исторической географии, сравнительному языкознанию и этногенезу народов Кавказа и Закавказья содержится анализ топонимического материала. В настоящее время грузинские топонимисты ведут свои работы в трех направлениях: 1) сбор и публикация материалов по отдельным районам Грузии: Нижняя Рача, Лечхум, Месхи, Самцхе, Ксанское и Мачахетское ущелья, Картли. К этой работе привлечены разные кафедры вузов республики и местные музеи; 2) изучение структуры и генезиса топонимических терминов. Здесь отмечены работы А. Шанидзе, М. Чиковани, А. Глонти и др.; 3) аспекты топонимических разысканий: исторический, географический и лингвистический.

Среди географов, оставивших определенный след в топонимике Грузии, известны имена А. Джавахишвили, Г. Зардалишвили и Л. Маруашвили.

В Тбилиси опубликована любопытная книга Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова (1965). Они перечисляют слова, возникшие в русском языке от собственных географических имен. Для таких слов авторы предлагают термин «топономы». Здесь виден переход имен собственных в нарицательные. Приведу некоторые интересные

примеры. Минералы: андезит — производное от Анды, топаз (по острову на Красном море); термины геологической хронологии: девон, кембрий, пермь, юра; названия местных ветров: афганец, баргузин, шелоник; растения: персик, каштан (по г. Каштана в Малой Азии), гречиха (от Греции); животные: битюг (по одноименной реке), болонка, сенбернар, холмогорка, индейка, леггорн (по г. Ливорно), канарейка, сардина; многие ткани: кашемир, крепдешин — «китайский креп, шелк», джерси (по о. Джерси у берегов Нормандии), муслин от г. Мосул; многие названия продуктов питания и напитков: майонез (по г. Маон на о. Менорка), сыр рокфор (по одноименному французскому городу), кофе мокко (по порту Моха (Мокка) на Аравийском полуострове), бордо и кагор (по французским городам), портвейн (по г. Опорто в Португалии), токай (по г. Токай в Венгрии), шампанское, цимлянское, мукузани, твиши, цинандали, шемаха, двин (по древней столице Армении г. Двин), коньяк (по г. Коньяк во Франции); почти все минеральные воды: боржоми, джермук, ессентуки; одежда: шляпа, панاما, плащ болонья, брюки (по г. Брюгге в Голландии), мех каракуль (по Бухарскому оазису в низовьях Зеравшана), саван (по г. Сабан близ Багдада); многие названия ковров, а также денег: афгани, бельга, гиней (от Гвинея), доллар из талера, первоначально иоахимсталер (по г. Иоахимстале, ныне Яхимов) в Чехословакии); танцы: краковяк, полька, полонез, мазурка, венгерка, тарантелла (по итальянскому г. Таранто) и многие, многие другие слова, которые мы нередко произносим, не локализуя их первоначальную родину, не связывая с географическими объектами: марафон (с. в Греции), академия (роща близ Афин), тальянка (от Италии), меандры (по р. Меандр в Малой Азии), карст (по одноименному известковому плато в Югославии), олимпиада (по горе Олимп в Греции), белая глина — каолин (по одноименной горе в провинции Цзянси в Китае) и т. д.

Автономные республики Грузинской ССР также оказались не забытыми топонимистами. Так, Ю. Сихарулидзе (1958—1959) издал два тома, посвященные географическим названиям Аджарии. Он считает, что недостаточно собирать и систематизировать топонимы по алфавиту в словари. Важно найти настоящий признак основы географического названия. Необходимо при этом

понимание географической специфики (Сирахулидзе, 1965).

М. Х. Партенадзе (1965) показал турецкие и гибридные — турецко-грузинские — названия. Однако они малочисленны: в Батумском районе их 5,8 и 2,3%, в Кобулетском — 0,34 и 0,78%.

Абхазия изучается З. В. Анчабадзе (1956), Х. С. Бгажбой (1956) и Г. З. Шакирбаем (1971). Первый из них показал некоторые этимологии: р. Бзыбь от убыхского «вода», Гагра от *gag-ri-ni*, т. е. собственное имя+суффикс принадлежности *-ri+ni* — вода в смысле «община».

Второй указывает на то, что р. Мзымта в античную эпоху называлась Абасх, Абхазской рекой. Абхазцы назывались также *аз*. Птолемей видел г. Аз-ара за устьем Танаиса, т. е. Дона. Ср. Азов, Азовское море*. Гидронимы обычны с исходом на *-та*: Мзымта, Хоста, Мацеста; на *-пта*: Кудепста, Мацепста; на *-ра*: Кудра (Кодор), Гагра, Лаура, Абгара, где *-ра* — собирательный суффикс. Г. З. Шакирбай (1971) рассмотрел значение основы *кэа* в абхазской топонимии. Древнее, но сохранившееся название Сухуми — Акэа, Акэ. Ср. Ткварчели (Ткэарчал), где *кэа* выступает в смысле «тухлый, пахнущий серой», что характерно для многих целебных источников, минеральных вод Абхазии.

В заключение обзора о топонимике в Грузии укажу, что при кафедре нэвогрузинского языка создана топонимическая лаборатория, которая уже составила обширную картотеку географических названий, ежегодно пополняющуюся по результатам экспедиционных сборов.

В Азербайджанской ССР топонимическим изучением занимаются географы, историки и лингвисты, плодотворность такого содружества стала особенно наглядной, начиная с пятидесятих годов. Одним из первых, кто обратил внимание на значение местных географических терминов в образовании собственных имен, был Г. М. Мамаев (1947). А. Ахундов (1956) опубликовал статью о происхождении гидронима Кура. По его мысли, азербайджанское Кюр не имеет ничего общего с греческим Кор, Кир. Это случайное совпадение. Азербайджанская форма восходит к кавказско-албанскому «кур», сохранившемуся в удинском языке в значении «коло-

* Другие возможные решения см. в кн. В. А. Никонова (1956).

дец», а первоначально, видимо, означало «водохранилище, низменное место». Низменность между горами Кавказа занята долиной р. Куры. Эта статья положила начало полемике (Джикия, 1960), но и в Азербайджане к этой теме вернулся К. Алиев (1959), который считает это название типичным для многих гидронимов со значением «вода, река». Он же в другой статье поднимает дискуссионный вопрос о древности тюркоязычных топонимов в Закавказье, присутствующих с первых веков нашей эры наряду с иберийско-кавказскими и иранскими.

С. Б. Ашурбейли (1958) рассказал о названии г. Баку как производном от племенного имени *бак*. А. Демирчизаде (1959) сопоставляет этноним *каз* (*хаз*, *кас*), древних каспийцев, откуда и название Каспийского моря с Кавказом — «горой касов». Последнее не общепринято.

Б. А. Будагов (1959) призывает ввести в научный обиход некоторые азербайджанские термины, которые коротко и точно раскрывают особенности и содержание того или иного объекта. К таким терминам он относит: *джилга* — «сухая долина, овраг», *гобу* — «котловина, ложбина, балка», *чынгыл* — «гравий, галька, щебень», откуда *чынгыллы* — «место, покрытое каменным материалом», и др.

З. И. Ямпольский (1961) показал продуктивность форманта *-ван* в топонимии Закавказья, в частности имени Нахичевань, которое стоит в одном этнонимическом ряду: Агван, Ширван. В районе Ленкорани 16 селений именуется с помощью *-ван*, что значит «селение, жилище», первоначально — «местопребывание, место покоя, приют, обитель, монастырь». Об этом термине уже существует большая литература (наиболее полно см. Гр. Капанян, 1956). А. Гусейнзаде (1970, 1971) отвергает этимологические варианты: Баку от персидского *bad* — «ветер», *bagavan* — «место бога, святилище», *баки* — от лакского «холм» и *беккюу* — от турецкого «бек+село, главное село» и от этнонима *bag*. Гусейнзаде находит у Махмуда Кашгарского слово *baķu* — «холм, бугор». Это древнетюркское слово и дало имя городу, старая часть которого действительно расположена на холме. Ученый рассматривает также топоним Кушчу, часто повторяющийся на Кавказе, в Иране, Турции, который связывается с этнонимом кушан, кушчу и другими в значении «охотник с ловчими птицами, спе-

циалист по ловчим птицам». Известные топонимы Азербайджана: Куба, Кубалы, Кубадереси и другие — вне этой республики: Кубадаг — в Туркмении, р. Куба — на Алтае, Кува — в Фергане и др. Во всех этих названиях тюркоязычный этноним куба (Гуссейнзаде, 1971а). Непонятно, почему он фигурирует в оз. Кубенском и р. Куба на север от Вологды, Кубинском под Москвой. Это трудно доказать, исходя из исторических данных.

Упорно и систематически изучает топонимию Азербайджана Рамзи Юзбашев, который опубликовал много статей и две большие работы (1966, 1968). В них он последовательно проанализировал азербайджанские названия ветров, дождей, снегов (и снегопадов), показал особенности азербайджанской топонимии, обычные и характерные искажения при передаче географических названий. Его книга «Азербайджанские географические термины» (1966) содержит богатый материал по местной терминологии: орографической и геоморфологической, метеорологической, гидрологической и др. Автор специально останавливается на роли азербайджанских терминов республики, а также на истории формирования научной географической терминологии и на транскрипции. Можно заметить, что без хорошего и детального словаря местной географической терминологии вряд ли возможно рассчитывать на успешное развитие топонимических исследований на местах.

Благодаря инициативе Р. Юзбашева в Баку был издан сборник докладов, посвященный изучению топонимии Азербайджана. В книге дана библиография работ по топонимике республики. В ней перечислены 120 работ, опубликованных на азербайджанском и русском языках («Материалы...», 1973).

Из приведенного весьма краткого обзора топонимических работ, выполненных за советское время, видно, какой большой размах приобрело изучение географических названий в нашей стране. Это положение получает конкретизацию на примере последних 15—20 лет, когда были проведены общие и региональные исследования географических названий. Важно отметить, что в настоящее время во всех союзных республиках, во многих автономных республиках, крупных городах Российской Федерации, не говоря уже о таких больших научных центрах, как Москва, Ленинград и Киев, ведутся работы, результаты которых регулярно публикуются их

авторами. Именно за этот период, период активного общения топонимистов — лингвистов, географов, этнографов, историков, были проведены многие совещания и конференции по топонимике и созданы капитальные общие работы и региональные исследования.

Конечно, в нашем кратком обзоре многие работы не упомянуты. Но они не забыты. На некоторые из них автор ссылается на последующих страницах, а другие просто не могли быть включены потому, что невозможно охватить всю топонимическую литературу в таком лаконичном обзоре.

Приложение

Приведу список наиболее крупных топонимических конференций и совещаний, проведенных в разных городах Советского Союза. Они все сопровождались изданиями тезисов или трудов, вышедших в виде отдельных сборников, и послужили важными вехами в истории советской топонимики. В список не включены различные научные совещания и конференции по географии, истории, языкознанию, этногенезу и т. д., на которых также обсуждались вопросы топонимики, но не они определяли основную тематику. Вот почему, к примеру, в перечне нельзя найти конференций «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», созданных Томским педагогическим институтом в мае 1969 и июне 1973 г., хотя в их программе примерно половина докладов топонимические. Здесь в хронологическом порядке, начиная с 1959 г., указаны только собрания, целиком посвященные топонимической (или ономастической) проблематике:

1. Транскрипция географических названий. 28—31 января 1959 г. Институт географии АН СССР. Москва.

2. Первая республиканская конференция по топонимике и ономастике. 30 ноября — 2 декабря 1959 г. Институт языковедения АН УССР. Киев.

3. Топонимика Востока. 10—13 апреля 1961 г. Московский филиал Географического общества СССР, Институт народов Азии, Институт географии, Институт этнографии АН СССР, Институт восточных языков МГУ, Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии ГУГиК. Москва.

4. Принципы топонимики. 15—16 мая 1962 г. АН СССР, Московский филиал Географического общества СССР. Отделения литературы и языка, геолого-географических наук и исторических наук. Москва.

5. Топонимика в вузах. 17—18 мая 1962 г. Московский филиал Географического общества СССР при участии Министерства высшего и среднего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР. Москва.

6. Вторая республиканская конференция по ономастике. 16—20 октября 1962 г. Украинская ономастическая комиссия и Институт языковедения АН УССР. Киев.

7. 1—14 августа 1963 г. Топонимический семинар. Московский филиал Географического общества СССР. Москва.

8. Микротопонимия. 7—9 апреля 1964 г. Московский филиал Географического общества СССР и филологический факультет Московского университета. Москва.

9. Всесоюзная конференция по топонимике СССР. 28 января — 2 февраля 1965 г. Географическое общество СССР. Ленинград.

10. Третья республиканская ономастическая (гидронимическая) конференция, 28—30 октября 1965 г. Украинская ономастическая комиссия и Институт языковедения АН УССР. Киев.

11. Местные географические термины в топонимии. 14—15 ноября 1966 г. Московский филиал Географического общества СССР, Институт русского языка, Институт славяноведения и Институт географии АН СССР. Москва.

12. Конференция по топонимике Северо-Западной зоны. 7—9 февраля 1967 г. Отделение общественных наук, Институт языка и литературы, Институт истории АН Латвийской ССР, историко-филологический и географический факультеты Латвийского университета. Рига.

13. Первая Поволжская ономастическая конференция. 18—22 сентября 1967 г. Институт языкознания и Институт этнографии АН СССР и Ульяновский педагогический институт. Ульяновск.

14. Первая белорусская ономастическая конференция (топонимия). 1—3 декабря 1967 г. Институт языкознания АН БССР, Белорусский университет и Белорусский отдел Географического общества СССР. Минск.

15. История топонимики в СССР. 18—19 декабря 1967 г. Московский филиал Географического общества СССР, Институт русского языка и Институт географии АН СССР. Москва.

16. Второе совещание «Топонимика в вузах». 20 декабря 1967 г. Московский филиал Географического общества СССР. Москва.

17. Среднеазиатский семинар по ономастике. 20—26 января 1969 г. Институт этнографии АН СССР, Самаркандский университет. Самарканд.

18. Ононимия. 21—22 апреля 1969 г. Московский филиал Географического общества СССР. Москва.

19. Вторая Поволжская конференция по ономастике. 23—26 апреля 1969 г. Институт языкознания и Институт этнографии АН СССР, Горьковский педагогический институт и Горьковский университет. Горький.

20. Четвертая республиканская ономастическая конференция. 1—4 ноября 1969 г. Украинская ономастическая комиссия, Институт языковедения АН УССР, Одесский университет. Одесса.

21. Кавказский ономастический семинар. 5—10 апреля 1971 г. Институт этнографии и Дагестанский филиал АН СССР. Махачкала.

22. Третья Поволжская конференция по ономастике. 21—25 сентября 1971 г. Институт этнографии и Башкирский филиал АН СССР. Уфа.

23. Конференция по топонимии Центра. Московский филиал Географического общества СССР. 21—23 марта 1972 г. Москва.

24. Четвертая Поволжская конференция по ономастике. 18—21 сентября 1973 г. Институт этнографии АН СССР и Мордовский университет. Саранск.

Топонимика и география

Географы всегда уделяли много внимания изучению географических названий. Особенно большие заслуги в этом отношении имело Русское географическое общество (Вальская, 1962). Не случайно, что и в наши дни и в Москве, и в Ленинграде работают топонимические комиссии Географического общества СССР.

Однако пока географы в своей печатной топонимической продукции, как правило, не выходят за пределы сбора материалов, их пропаганды в целях оживления педагогического процесса. Между тем уровень топонимических исследований во всем мире настолько поднялся, что стало возможным говорить о методах топонимических исследований, о закономерности и законах образования географических названий. Всякое рождение топонима вызывается историческими условиями, географической средой и осуществляется средствами языка. В качестве примера приведем появление современных топонимов: Целиноград, Темиртау, Комсомольск-на-Амуре и т. д.

Обширная литература по топонимике издается в разных странах мира: Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Англии, Франции; выходят специальные журналы: «*Onoma*», «*Names*», «*Revue Internationale d'Onomastique*», «*Onomastica*» и др. Регулярно созываются международные топонимические конгрессы, последние из них (десятый и одиннадцатый по счету) проводились в Вене и Софии в 1969 и 1972 гг. Географическими названиями, их стандартизацией занимается также Организация Объединенных Наций.

Для географов изучение географических названий не должно ограничиваться только педагогическими целями: не менее важен и исследовательский аспект. Через топо-

нимике можно выяснить некоторые физико-географические особенности территории, характер расселения, специфику формирования населенных пунктов и т. д. Географам не безразличны топонимические этимологии, в ряде случаев ясные и прозрачные (Новгород, Белгород, Дон, р. Каменка, Подолия и т. п.), но в большинстве трудные, спорные (Москва, Волга, Самара, Сибирь и др.). Изучение происхождения географических названий, их смысла, содержания (их семантики, как говорят лингвисты) — самое традиционное и давнишнее направление в топонимике, известное еще у античных писателей.

В естественном желании человека осмыслить непонятное географическое название возникло вторичное объяснение. Так родилась народная этимология, как правило ничего общего не имеющая с истиной и уводящая нас в мир новых, неожиданных ассоциаций. Так получают хождение объяснения: Обь — «река тетушка или бабушка», р. Катунь — «госпожа», р. Бия — «господин, начальник» и т. д. Тут уж раздолье и для топонимических фантазий, и для рождения легенд.

Трудность выяснения истинных первичных этимологий географических названий приводит даже к нигилизму, к отрицанию возможности плодотворно заниматься выяснением их семантики. Между тем топонимические работы показывают, что наука накопила много интересного именно в этой области, что обогатило историю, географию и языкознание. Пусть процесс расшифровки многих древних топонимов, особенно речных названий, наиболее устойчивых, противоречив; в ряде случаев он приводит к ошибочным построениям, но в конце концов продуктивен интереснейшими научными открытиями.

В основе большинства географических имен лежат нарицательные слова, со временем приобретающие собственное значение. Среди таких слов ведущее место занимают простые местные географические термины, номенклатурные, как их называют картографы. К ним относятся: вода, река, озеро, родник, холм, гора, хребет, селение, город и т. д. Некоторые из них всем известны. Таковы тюркские *даг* (Копетдаг), *булак* (Алтан-Булак), *су* (Аксу), *кум* (Каракум), *куль* (Иссык-Куль) и т. д. Именно такие термины несут основную смысловую нагрузку в географическом названии, тогда как другие слова в сложном топониме только определяющие или уточ-

няющие и часто, но не всегда оказываются в грамматическом ряду частей речи прилагательными, реже числительными. Содержание географических терминов может быть детальнее всего, во всех нюансах вскрыто географами при полевых исследованиях. Таким образом, изучение местной географической терминологии — важная задача топонимики, и в этом могут и должны участвовать географы. Иначе нельзя будет достаточно точно и авторитетно выяснить содержание того или иного народного географического термина, ибо определение его, как и другого специального термина, требует экспертизы со стороны представителя науки или техники.

Уже давно замечено, что многие топонимы имеют одинаковые, устойчиво повторяющиеся окончания. А. Х. Востоков (1812) еще 150 лет назад обратил внимание на то, что часто встречающееся сходство не может быть случайным, а объединяется каким-либо общим значением. Он писал: «Сии одинаковые, значительные звуки суть: 1) в названии рек и озер северной России *га*, также *ва*, *ба*, *ма*; 2) в названии некоторых больших рек не только по России, но и далее к югу, почти по всей Европе *д — н*, с какой-нибудь гласной; 3) в названии некоторых рек юго-восточной России: *к — л* или *г — л*, с какой-нибудь гласной». А. Х. Востоков иллюстрирует эти положения следующими примерами: 1) Пинега, Онега, Ветлуга, Молога, Свяга, Волга, Колва, Сытва, Нева, Москва, Пижма, Кострома, Клязьма; 2) Дон, Родан (Рона), Эридан (древнее имя р. По); 3) Оскол, Деркул, Ингул, Кагул и т. д. По мнению А. Х. Востокова, подобные элементы (форманты) обозначали на каких-то языках воду, поток, реку, текущую воду.

Со времени Востокова учение о формантах продвинулось далеко вперед, и, хотя многие из них так и не расшифрованы, тем не менее их повторяемость и приуроченность к определенным сплошным или разорванным ареалам позволяет вести успешно топонимический анализ и говорить о миграции населения, влиянии отдельных языков на тех или иных территориях. Часть таких формантов в прошлом, несомненно, представляла элементарные географические термины.

Другие же форманты выполняли только грамматическую функцию в виде суффиксов. Вспомним хотя бы суффикс *-ск*, весьма продуктивный в названиях старых русских городов (Минск, Свяжск, Хабаровск) и новых

(Дзержинск, Ленинск) и почти не встречающийся в названиях деревень, сел, хуторов. Распространение суффиксов также подчиняется пространственной закономерности, у них есть своя география, что хорошо показал В. А. Никонов (1959).

Изучение топонимов при помощи формантов сделало большие успехи за последнее десятилетие. Многие сторонники этого метода считают его весьма важным и надежным, так как массово-повторяющиеся элементы в названиях дают более точную базу для суждения об их однотипности, миграции населения, которое, переходя на новые места, называет их по своим привычным и знакомым моделям, принесенным из старых мест.

Но и здесь исследователя поджидают подводные камни и мели, незнание которых может привести к существенным ошибкам. Так, в названии Вязьма можно видеть формант *-ма*. Но если вспомнить р. Клязьма, то уже более правомочным окажется выделение *-язьма*. Можно возразить, что эти примеры не убедительны, так как в них, за вычетом *-язьма*, остаются ничего не говорящие основы: *в(язьма)* и *кл(язьма)*. Но они теперь ничего не объясняют, а в прошлом же, по-видимому, имели другой облик и несли определенную смысловую нагрузку. Возьмем другой формант, *-га*, и его разновидности: *-юга*, *-ега*, *-ньга* и др. или *-кса*, *-окса*, *-икса*. Где в этих случаях формант и что относится к основе топонима? Продолжим эту мысль на примере гидронима с окончанием *-ва*. В имени р. Солова финаль *-ва* считается не славянским, а финно-угорским. В таких случаях апеллируют к слову из коми языка: *ва* — «вода, река», *Кожва* — «мутная река» — приток Печоры, *Косьва* — «мелкая, перекатная река» — приток Камы. Но в примере Солова окончание *-ва*, видимо, не имеет никакого отношения к финно-угорскому *-ва*, а может быть более логично объяснено из славянских языков: Соловая с усеченным окончанием *-я*, что легко сопоставляется с *соловий* — «мутный, тусклый, серый». Ср.: соловая масть лошади — «желтоватая, со светлым хвостом и гривой»; соловей (о человеке) — «стать вялым, сонным, с помутневшими глазами», соловей, т. е. «серый, желтоватый» (по цвету своего оперения).

Таким образом, р. Солова — «мутная», что может вполне соответствовать ее природе. Но следует ли в этот ряд включить название Соловецкие острова (Соловки)

со знаменитым монастырем, основанным в начале XV в. Самый известный из островов именуется Соловец. М. Фасмер (1971) этот топоним сравнивает со словом «соловый», но В. А. Никонов (1966) считает возможной другую этимологию из финских языков: *salu* — «глухой, безлюдный лес», *salu* — «остров», *суоло* — «остров».

Выделение форманта названия без знания его основы далеко не всегда задача возможная, и она требует весьма осторожного и вдумчивого подхода при сравнении даже в пределах одного ряда с одинаковыми окончаниями. Трудно предположить, чтобы монгольское *ус* — «вода, река» можно было бы приравнять к названиям рек на *-ус* в междуречье Оки и Клязьмы или в бассейне Печоры и других северных рек: *Ус* — левый приток Мезени, *Ус* — левый приток Цильмы и приток Печоры, р. Гусь и г. Гусь-Хрустальный во Владимирской области.

Языковая принадлежность основы географического названия и его суффиксальное оформление не всегда совпадают. На территории СССР иноязычные названия очень часто перерабатываются и оформляются русскими грамматическими окончаниями, суффиксами, обычными в топонимических образованиях России. Например, свидетельствует Е. М. Поспелов (1965), «среди названий с русским суффиксом *-ово* можно найти и финские (Токсово, Кавголово, Мухтолово), и чувашские (Янтуково, Аблязово), и мордовские (Пичкасово, Пургасово, Мечасово), и многие другие». Активный русский «городской» суффикс *-ск* оказался конечным оформлением в названиях многочисленных городов, названиях отнюдь не славянских: Уральск, Томск, Ачинск, Мурманск и т. д.

Славянские топонимы в отличие от западноевропейских в громадном большинстве аффиксированы; основа в чистой форме крайне редка. Такие формы, как Гай, Белгород (две основы), — исключение; обычны же формы: Александровка, Замостье, Иваново, Барановичи и т. д. Анализируя состав названий населенных мест, В. А. Никонов (1962) нашел, что в Ивановской области суффиксальны 94% всех топонимов, в Тульской — 91%. Для сравнения он приводит данные, полученные из анализа названий населенных мест трех округов ГДР и ФРГ, где процент аффиксации колебался в пределах 11—14. Господствующая суффиксация — специфика славянской топонимики, и это позволило В. А. Никонову говорить о славянском топонимическом типе.

С другой стороны, славянской топонимии не свойственны, за малым исключением, глагольные формы, редкие для тюркской. В Средней и Центральной Азии возможны такие названия, образующие полные предложения: Барсакельмес — «пойдешь — не вернешься»; Эшек анкрен кыр — «плато — осел завопил» (видимо, народная этимология; современная форма Ишек-Анкренкыр); Кулан олди — «кулан окошел», Джульбарс аткан кол — «долина, где поймали тигра» и т. д.

В названии населенных мест наиболее часто присутствуют имена, фамилии, прозвища первых поселенцев, помещиков, феодалов и др. Даже в топонимах типа Волково, Медведево, Полыново, Дубово видна зависимость их от фамилий, а не от животных и растений, как это нередко пытаются показать некоторые авторы. Однако в ряде случаев, когда в названиях деревень и сел, рек и других географических объектов выступают названия растений, животных, полезных ископаемых, топонимы могут дать дополнительный источник знания для изучающих современные или восстанавливаемые природные условия того или иного района. Так, восстановлению истинной восточной границы бука и тиса в прошлом помогли топонимические данные, так же как и выяснению распространения зубра в Польше (Ташицкий, 1961).

Остановлюсь еще на относительной негативности географических названий, сформулированной В. А. Никоновым (1965). Нет смысла среди сплошного елового леса называть село Ельней, а среди многих белорусских поселений именовать какое-то одно Белорусским. В этом нет логики. Только на окраине еловых лесов или лесостепи, у еловой рощи может возникнуть топоним Ельня. Если в районах со сплошным украинским или польским населением переселенцы-белорусы обосновали какое-то селение, то оно получит от старожилов имя Белорусское. При этом география должна помочь в понимании истинного происхождения таких негативных названий.

На протяжении последних 200—300 лет изменилась растительность, животный мир Русской равнины, да и всей Европы, в отдельных районах под воздействием человека, его хозяйственной деятельности увеличилась овражно-балочная сеть. В результате таких изменений село, некогда бывшее у рамки леса (отсюда Раменье, Раменское, Раменка), оказалось среди открытых степных ландшафтов, а деревня Три Дуба своим названием будет

только напоминать о наличии дубовых насаждений, ныне встречающихся за 100—250 км от нее.

Но ни этимологический анализ, ни анализ формантов не исчерпывают задач топонимики, которая должна выяснить и своеобразие топонимических систем разных районов, областей, стран. Под топонимической системой следует понимать совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности, конечно относительной.

Система географической ориентировки, разная у разных народов, сказывается на топонимических образованиях. Например, у арабов, монголов, китайцев передняя, основная сторона — южная, откуда задняя, тыловая — северная, левая — восточная, правая — западная. У многих тюркских и частично у западномонгольских передняя сторона — восточная, ее туркмены называют иногда и верхней (где солнце поднимается), отсюда видно, что географическая ориентировка уже иная; задней (нижней) стороной уже оказывается западная. У азербайджанцев это направление еще именуется *гара*, т. е. «черное», тогда как восточное *аг* — «белое». Все приведенные интересные особенности ориентировки находят отражение в географических названиях, их системе.

Топоним — это слово на карте. Связь между топонимикой и картографией хорошо показал Е. М. Поспелов (1962, 1971); он считает, что вопросы первичной записи географических названий, их инвентаризация, орфография и орфоэпия (правильное произношение), топонимическая статистика — все это неотъемлемые части топонимики, одновременно все это крайне интересует картографию и картографов. Топонимика помогает топографу во время полевых съемок правильно записать и перенести на карту незнакомое ему географическое название, что особенно существенно при написании иноязычных топонимов. Таким образом постепенно можно освобождаться от ошибочных или грубо искаженных слов на карте засоряющих ее неверными формами, неизвестными на месте.

Передовые ученые всегда с уважением и пониманием относились к названиям, видя в них народное меткое слово, характерный признак, географический знак, говорящий о многом. Исследователь Тазовского Севера Р. Е. Кольс (1930) свидетельствует: «Я очень осторожно относился к названиям и записывал их только после

многократной проверки, стараясь исправить ошибки предшественников, но, понятно, не избавлен от них и сам».

То же относится к народным географическим терминам, очень часто формирующим собственные имена. Об этом аспекте будет специально сказано в главе «Местные географические термины и их роль в топонимии». Здесь же сошлюсь на авторитет известного советского географа и натуралиста академика Л. С. Берга, который еще в 1915 г. писал: «Будучи результатом многовековых наблюдений постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного отношения как филологов, так и в особенности географов... Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей».

На этот последний аспект будет многократно обращено внимание читателей на последующих страницах данной книги. А здесь ограничусь двумя примерами:

1. Термин *шор*, *сор*. Работая в области географии среднеазиатских республик он очень хорошо известен. Однако при знакомстве с топонимикой других районов, как СССР, так и зарубежных, оказывается, что присутствие его гораздо более широкое и отнюдь не ограничивается Средней Азией и Казахстаном. Термин этот активно участвует в образовании многих сотен современных географических названий. На этом примере видно, что вместе с изменением географического ландшафта, природных условий несколько меняется и содержание термина, однако изменение это от места к месту происходит настолько постепенно, что легко устанавливается связь между отдельными звеньями в общей цепи параллелей.

В персидском языке форма *шур* значит «солёный». Отсюда Шураб Средней Азии — «солёная вода». В Туркмении, в Каракумах, классически представлены солончаки разных типов: у туркмен *шор* — широко распространенное слово, оно известно и киргизам. Казахи соотносят несколько иначе: *сор*. Этот термин свойствен также Синьцзяну в том же смысле, а в Монголии мы его встре-

чаем в форме *шорбок*, что значит «засоленный, пересоленный, *шор* — «солончак».

Однако не только в зонах пустынь или полупустынь лежит ареал этого термина. Мы его встречаем и гораздо севернее, в иных зонах, с иной природой. У чувашей, на Волге, где нет типичных среднеазиатских солончаков, словом *шор* называют болота, заболоченные низины, котловины. Слово *шор* в смысле «ручей» живет до сих пор у удмуртов. У коми также бытует этот термин, здесь *шор* — «река, ручей, заводь». Отсюда Шор-дынь.

Если у коми *шор* — «река», то почему нельзя с этим термином связать форму *шар* в смысле «пролив между островом и материком, между островами в северных морях». Вспомним названия Маточкин Шар, Югорский Шар и др. Это нам кажется очень правдоподобным, ибо переход *шор* → *шар* фонетически вполне оправдан.

В словаре областного архангельского наречия А. Подвысоцкого (1885) находим объяснение слова *шар*. Согласно этому автору, *шар* — общее название проливов у Мезенского побережья и на Новой Земле. Л. И. Шренк считает его производным от зырянского *шор*, *шоор* — «пролив, рукав реки».

Проследим вариацию термина *сор*. И здесь мы столкнемся с удивительно большим ареалом нашего термина. У Е. И. Ламанского* (по материалам, хранящимся в архиве Географического общества в Ленинграде) находим, что в Западной Сибири, в бассейнах Оби, Тобола, в Томской области *сор* — «пойма, род залива, более или менее заболоченное пространство, весной заливаемое рекой»; отсюда ходкое, меткое выражение *соровое место* — «пойма, заболоченная пойма». Низкие берега Оби и ее притоков, ежегодно затопляемые, но заросшие березняком, талом, называются *сором*. У якутов в Восточной Сибири заливаемая отмель, поросшая камышом, — *сор*, а лотия Байкала отмечает, что лагуна у местного населения иногда называется *сором*. В Прибайкалье мелкое степное озеро также *сор*, отсюда очень распространенные термины для озерной рыбы: *соровая рыба* или *сорожина*. У народа ханты *сор* — «озеро». У Б. М. Житкова находим: «...сором на полуострове Ямал называют озеро, соединенное протоком с низовьями Оби» (1913).

* Е. И. Ламанский. Народные географические названия. Архив Географического общества СССР, дело 262, разд. 48.

2. *Лай, лайда*. Этот термин широко представлен в топонимике СССР, а также наблюдается и за его пределами, но пока никто не делал попыток сопоставить наличие его в очень разных районах и зонах Евразии, хотя он почти повсеместно имеет примерно одно и то же содержание. Термин *лай* у туркмен — «мягкая, жирная глина». После высыхания колодца «жидкая глина с песком» и т. д. также называется *лай* (Мурзаев, 1939, 1948). У киргизов *ылай* — «грязь, муть, вязкая глина, осадок»; это киргизская транскрипция слова *лай*, имеющего тот же смысл. В Каракумах известен колодец Лайлы, близ Балханских гор в Туркмении возвышается гора Сырт-Лайли (в другой транскрипции Сырт-Лели). В горных районах Средней Азии мы находим термин *лайсу* — «илистые ледниковые потоки».

Но этот же термин, несколько измененный в форму *лаг*, мы встретили наряду с *лай* и в Монголии, где он означает «ил, вязкую грязь». Действительно, в равнинной восточной Монголии лежит большое, обильно засоленное, илистое, топкое озеро Лагнур, где вода бывает только во влажный период. Монгольский глагол *лайдах* значит «чистить колодец».

Остается сказать еще несколько слов о наличии этого термина на севере. Здесь общеизвестен термин *лайда*, получивший распространение и в русской географической литературе. В Карелии и других северных краях под *лайдами* понимают отмели, отлогие песчано-глинистые берега рек и озер, затопляемые низины с илистым покровом, отмели; отсюда — «прибрежная равнина». В Восточной Сибири в ряде мест также известна форма *лайда*, где она обозначает «маленькое, пересыхающее озерко с некаменистым дном».

Важно указать, что этот термин присутствует в персидском языке: *лай* — «глинистые наносы, оставленные рекой или селом, мягкая глина» (Савина, 1971). Констатация термина в индоевропейских языках позволяет думать о возможности связи *лай* с украинским *глей* в том же смысле, а может быть, и с английским *clay* — «глина, ил, тина».

Все изложенное здесь демонстрирует, насколько живучим и распространенным на громадных территориях оказывается термин *лай*.

Легко представить, что через осмысливание многих географических названий открываются интереснейшие

страницы истории географического познания Земли и истории географической науки, так как топонимы отражают ее этапы. Разве мало говорят такие названия, как мыс Дежнева, Берингово море, остров Врангеля, Магелланов пролив, берег Миклухо-Маклая, ледник Федченко, Тасмания и т. д.?

Известны и довольно многочисленны случаи, когда географические названия помогают в поисках и открытиях полезных ископаемых. Крупное месторождение самородной серы Гаурдак в Туркмении точно отражает ее наличие в горах по правому берегу Амударьи. Гаурдак происходит из *кукурт* — «сера» и *даг* — «гора».

Вот удивительная корреспонденция Ю. Звягина из Грузии, опубликованная в газете «Известия» от 18 июня 1964 г. Привожу ее текстуально, но с некоторыми сокращениями: «Все началось с момента, когда кто-то из геологов, очевидно более склонный к игре воображения, чем остальные, заметил, что неподалеку от Самхитской глыбы, в районе Аджаро-Триалетского хребта на Кавказе, расположены микрзоны, которые испокон веков носят вполне современные названия — Маднеули, Поладаури и Саркинет. В переводе с грузинского *мадани* — «руда», *полади* — «сталь», *ркина* — «железо».

Георазведку начали еще до войны и в 1940 г. обнаружили богатейшие залежи барито-полиметаллических и медно-колчеданных руд. Детальное изучение недр продолжили в 1946 г.

И только теперь, в наши дни, здесь приступили к промышленной разработке баритовых карьеров, к добыче сырья, необходимого для лакокрасочной и нефтяной промышленности.

Однако геологи не ушли из этих заманчивых мест. Они упорно продолжали сверлить горы.

Анализ проб, взятых в штольнях, дал неожиданные цифры... процентное содержание меди в руде в десятки раз выше той цифры, которая позволяет считать запасы стоящими внимания промышленников.

Так геологи окончательно убедились, что топонимика — наука о географических названиях — в данном случае опирается на реальную почву, в самом прямом смысле слова. Совсем недавно этому удалось найти уже совершенно неопровержимые «вещественные доказательства» — древние штольни, шлак, остатки мастерских времен грузинского царя Ираклия II (XVII—XVIII вв.).

Советские люди вновь открыли подземную кладовую металла, ключи от которой были потеряны около двух столетий назад».

Большое значение географии для успешного развития топонимики признают не только географы, но и те лингвисты, которые вплотную занимаются топонимическими исследованиями. В этом отношении показательна статья доктора филологических наук Ю. А. Карпенко (1970). Ее название достаточно ясно отражает позицию автора: «Лингвистика — география — история (Проблемы топонимического этимологизирования)». Приведу из нее одну цитату: «...Найти в реалии признак, давший толчок к рождению названия, в топонимике особенно важно. Только в этом случае, только при переходе из сферы семантики в мир реальных вещей рассеивается облако неясности вокруг происхождения топонима. На этом... этапе этимологизации собственного географического названия мы и получаем возможность ответить на вопрос о причинах появления названий. Если лингвистика дает лишь обстоятельный анализ того, как возник топоним, то география зачастую может сообщить нам, почему он возник... Изучая объекты, имена которых составляют предмет топонимики, география на широком фронте исследований теснейшим образом связывается с наукой о собственных географических названиях. И одним из наиболее существенных участков этого фронта является топонимическая этимология».

Именно этимология географических названий была и остается, по выражению этого автора, проблемой № 1, хотя с течением времени в топонимике появилось много и других вопросов, слабо связанных или вовсе не связанных с этимологией. В самом деле, ненадежность этимологического метода и спорность этимологий становятся очевидными, если не опираться на географическую действительность и не учитывать данных истории.

В преподавательской практике при чтении географических курсов топонимика может оказать существенную помощь. В утверждении этого тезиса я опираюсь на собственный опыт. В течение нескольких лет мне пришлось читать лекции по географии Центральной и Восточной Азии в Московском институте востоковедения. Не трудно было заметить, что студенты плохо запоминают чуждые для родного языка географические названия, номенклатура карты остается неувоенной, а без этого невоз-

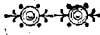
можно получить пространственное представление о размещении тех или иных фактов, явлений или географических закономерностей. Тогда на лекциях я стал раскрывать содержание топонимов, показывать их смысл в связи с географическими реалиями. Конечно, далеко не все упоминавшиеся в тексте лекций топонимы поддавались моему стремлению связать форму и содержание. И все же было радостно видеть, как пробуждается интерес у слушателей, как у них поднимается уровень освоения предмета, как осмысленно они подходят к пониманию карты.

Для иллюстрации сказанного приведу только один пример. В северной части Индокитая течет большая река, известная у нас под именем Красной. Это калька из вьетнамского Сонг-Хонг, или Хонгха, чему соответствует китайское Хунхэ. Красная сравнительно короткая по протяженности река (1183 км), но по водности в два раза превышает Амударью и в два с половиной раза — Днепр, хотя по длине она в два-три раза меньше их. Каждый год она выносит в океан 120 куб. км воды. Почему же река Красная? Летом, во время муссонных дождей, она сильно разливается, энергией ее притоков размываются окрашенные в кирпично-красные тона рыхлые горные породы в ее бассейне. Речная вода насыщается большим количеством несомой мути, которая придает реке соответствующий цвет. Даже в заливе Бакбо (Тонкинском), куда впадает Красная, летом эти тонкие взвешенные илистые частицы затуманивают прозрачную голубизну моря. Впрочем, Красных рек достаточно много и в других странах. Так, в Америке их несколько, но имена звучат тут по-английски — Red River. Нужно думать, что здесь при наименовании использован тот же признак. Но конечно, Красная площадь в Москве уже имеет другую этимологию: от *красной* в смысле «красивый». Ср.: прекрасный, красная девица, красная рыба, красный товар в смысле «красивый, хороший».

В течение тысячелетий рождались географические названия, они возникают и на наших глазах. Мы свидетели этого нескончаемого процесса. Каждая историческая эпоха вызывает новые топонимы, присущие только ей. Они как бы народные памятники, запечатленные на нашей Земле, на просторах нашей Родины. Только в послеоктябрьское время могли возникнуть такие названия городов, как Целиноград, Электросталь, Первомайск,

Пугачев. Но не нужно думать, что, родившись, географические названия не меняются. И они подчинены времени и проходят сложный путь эволюционного исторического развития, изменяется их форма, звучание, а на основе народной этимологии нередко появляется и новое содержание. Отслужив свой век, они умирают.

Невозможно представить современную цивилизацию без географических названий. Ими пронизаны все взаимосвязи стран и народов.

Местные географические термины и их роль в топонимии

Народная географическая терминология обладает значительным информационным потенциалом. Не случайно местными географическими терминами интересуются и лингвисты, и географы, и картографы. Поскольку на карте как обязательный ее элемент обычны собственные географические имена, в составе которых часто встречаются такие термины, картографам особенно важно их знание и правильное и осмысленное воспроизведение. Без этого неизбежны ошибки, влекущие самые разнообразные последствия.

В изучении народной географической терминологии можно видеть две стороны, конечно тесно связанные друг с другом. Первая — сбор и систематизация терминов. Для Советского Союза такая задача сама по себе представляется грандиозной, поскольку в нашей многонациональной стране насчитывается около 130 языков. Близкородственные языки имеют и сходную терминологию, но нельзя забывать и об отличиях, свойственных каждому языку в отдельности. В решении такой задачи первое место принадлежит картографам. Именно они для нужд картографии и картографического производства составили списки народных географических терминов, принимающих активное участие в формировании собственных географических имен.

Краткий перечень терминов входит как обязательная составная часть во все инструкции по передаче географических названий с языка на язык. Такие списки сопровождают и указатели географических названий капитальных картографических произведений, как, например, Атлас мира (два издания), Морской атлас и др.

Однако через некоторое время подобные списки при всей их полезности не стали удовлетворять топографов и картографов.

Отдел географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии предпринял издание серии словарей местных географических терминов и других слов, встречающихся в составе собственных названий тех или иных республик или областей нашей страны и некоторых зарубежных государств. Таким образом, начиная с 1959 г. в системе картографической службы развивается новое направление — составление словарей топонимической лексики.

Подобные словари — качественно более высокий уровень, достигнутый в результате большого труда целого коллектива научных сотрудников — лингвистов, картографов, географов. Важно отметить, что в этих словарях показано не только написание термина и его семантика, но и изменение содержания в разных местах, а также диалектные различия. Кроме того, авторы всюду привели примеры географических названий, образованных при участии терминов. Тем самым стало возможным судить о топонимических моделях, структуре топонимов, позиции терминов в названии. Такими словарями уже охвачены Азербайджан и Казахская ССР, Коми АССР, Восточная Сибирь и Дальний Восток (несколько выпусков), Белоруссия, Дагестан, Север Европейской части СССР, Хакасия, Горно-Алтайская автономная область и др. Из словарей, показывающих термины зарубежных стран, нужно упомянуть большой труд по Ирану.

Систематизация и выяснение местных значений народных географических терминов оказались столь увлекательной и интересной работой, что в нее включились и другие учреждения и отдельные авторы, прямо не связанные с картографией или картографическим производством. Так, Географическое общество издало Словарь географических терминов Западной Сибири (Розен, 1970), Академия наук Белорусской ССР опубликовала большой словарь белорусских топографических и гидрологических терминов (Яшкін, 1971), а украинские геоморфологические термины сведены в одном списке географических апеллятивов (Марусенко, 1968). Монгольская комиссия АН СССР уже давно издала список монгольских географических терминов (Казакевич, 1934).

Здесь нет возможности даже упомянуть о всех статьях, размещенных в разных топонимических трудах, записках, бюллетенях и других изданиях, где с большей или меньшей детальностью приведена географическая терминология народов СССР. Укажу только, что сбор и систематизация местных терминов позволили в отдельных центрах (Москве, Свердловске, Томске, Минске, Баку, Тбилиси и других городах) создать обширные региональные картотеки, содержащие большой материал, доступный для научных поисков и обобщений.

Подобный свод народных терминов в совокупности способствовал советским ученым перейти ко второй стороне изучения местной терминологии — выяснению сложных вопросов ее сравнительного анализа, изменения формы и содержания терминов в разных местах СССР и за его рубежами, выяснению ареалов и т. д. Разработка этих вопросов тесно связана с топонимическими исследованиями, которые получили широкий размах в Советском Союзе за последние 20 лет.

В 1966 г. в Москве была проведена научная конференция, посвященная теме «Местные географические термины в топонимии». Ее труды были опубликованы в 1970 г. («Вопросы географии», вып. 81). В Москве детальному семасиологическому анализу подверглась славянская географическая терминология (Толстой, 1969). В Ленинграде было проведено специальное исследование славянской болотоведческой терминологии (Мокиенко, 1969). В Баку опубликована монография об азербайджанских географических терминах (Юзбашев, 1966).

Обильное количество отдельных статей и заметок, посвященных интересующей нас теме, появилось в различных журналах и сборниках. Их библиография потребовала бы обработки сотен названий. Среди наиболее известных серийных изданий, в которых публикуются исследовательские работы, посвященные народной географической терминологии, можно назвать: 1) сб. «Вопросы топониматики» (6 выпусков, Свердловск, 1962—1972); 2) «Языки и топонимия Сибири» (5 выпусков, 1966—1972) и другие издания Томского педагогического института и университета; 3) «Топонимика Востока» (3 выпуска, 1962—1969); 4) «Ономастика Поволжья» (3 выпуска, 1969—1973); 5) материалы украинских ономастических конференций: «Питання топоніміки та ономастики», «Питання гідроніміки» (1962—1971); 6) научные сбор-

ники Московского филиала Географического общества «Вопросы географии» № 58, 70, 81, 94 (1962—1974); 7) материалы Московского филиала Географического общества — пять сборников «Топонимика» (1967—1971).

В топонимической литературе местные географические термины определяются по-разному; они одновременно индикаторы, номенклатурные, нарицательные, народные, в англоязычных странах generic term, указывающие на род, вид географического объекта. Строго говоря, такие слова, как «лес», «река», «гора», «вода», не отвечают категории местных терминов, так как имеют отнюдь не локальное, а широкое хождение на громадных пространствах. Но для иноязычного человека они все же остаются местными, специфически русскими, подобно тому как мы воспринимаем такие нерусские термины, как карпатское *бескиды*, северное *лайда*, среднеазиатское *тугай*, кавказское *нарзан*, восточносибирское *алас*, хотя они и известны специалистам.

Уже давно обратили внимание на активное участие местных географических терминов (МГТ) в образовании собственных географических названий. Разнообразные модели топонимов очень часто построены при помощи таких терминов, и, кажется, нет, или почти нет, стран или языков, в которых топонимия была бы лишена их. Вопрос только в удельном весе МГТ, он может быть большим или малым в разных языковых средах.

В составе славянских и некоторых других индоевропейских языков современные географические названия в меньшей степени испытывают влияние номенклатурной терминологии, чем в средах тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, в которых подавляющее большинство топонимов образовано с участием местных терминов. В ряде случаев они выступают и единолично, самостоятельно. Такие слова, как *бор*, *дон*, *подол*, *рамень*, *сала*, *гоби*, *дубна*, *ельня*, *починок*, *голец*, *кала*, *карасу*, *алатау*, *виска*, *курья*, *камень* и много других, подобных им, могут переходить в топонимы без помощи каких-либо добавочных слов. Уже не кажется удивительным, что названия крупнейших пустынь мира — Сахары, Гоби и Каракум — произошли от номенклатурных терминов. Сахара от арабского *сахра* — «пустыня». Этот термин употребляется и народами советской Средней Азии. О терминах *гоби* и *каракум* будет специально сказано ниже.

Переход нарицательного в имя собственное легко понять. Первобытное общество в гораздо большей степени подвергалось влияниям стихийных явлений и в большей мере зависело от природы в целом, чем современное человечество. Географические названия возникали из терминов в результате непосредственного общения человека с окружающей его средой, не говоря уже о том, что первоначально наименования не могли относиться к категории собственных имен. Только с развитием общества постепенно складывалась и система географических названий, как одна из лексических категорий языка. Такие собственные названия, как Бор (Борок), Хибины, Гиссар, Цайдам, Гавр, Городок, Кум, Мурэн, вошли в обиход как собственные названия, минуя какие-либо трансформации простых терминов. По сути все это элементарные понятия, простые, нарицательные слова.

Термины — основа топонимии, они оказываются той частью сложных, составных географических названий (а таких большинство), которые определяют смысловое содержание топонимов. В таких именах, как Ленинград, Запильский, Алатау, Башбулак, Ловозеро, Вудъявр, Хамар-Дабан, Копетдаг, Девкина Заводь, Белый Урюм, Тяньцзинь, Рио-Гранде, Стара-Планина, основными словами, определяющими принадлежность названия к географическому объекту и тем самым отражающими его природу, оказываются: *град*, *алатау* (тип гор в тюркоязычных районах), *булак* (источник), *озеро*, *явр* (озеро), *дабан* (перевал, гора), *даг* (гора), *заводь*, *урюм* (озерко, плёс), *цзинь* (ворота), *рио* (река), *планина* (гора, хребет). Топонимы населенных пунктов только частично отвечают этому правилу, происхождение их наименований исторически в значительной степени связано с именами, фамилиями, прозвищами людей первопоселенцев, помещиков, а также выдающихся политических деятелей, представителей науки, культуры, литературы. Не редки здесь названия, возникшие по роду занятий, жителей, их этнографической принадлежности.

Не равнозначна роль географической терминологии и в образовании географических названий разных категорий: гидронимов, оронимов, населенных мест. В Белоруссии только 10% гидронимов включают местный термин, но названия городов, сел, деревень, хуторов — уже 60% (Жучкевич, 1966). Какова же причина такого различия? Может быть, она кроется в давности одних и мо-

лодости других? С течением времени: а) термин отсекается — например, Дунай, а не Дунай-река; Вахш, а не Вахшдарья; Архангельск, а не Архангелогородск. Такие эллиптические названия в действительности явление гораздо более частое, чем мы предполагаем, изучая географическую карту или список топонимов в синхроническом аспекте; б) термин теряет свое смысловое значение, как бы лишается содержания и приобретает функцию форманта, что обычно происходит при смене языков и народов, особенно если эти процессы повторялись многократно.

Легко понять, что любое топонимическое исследование должно начинаться с изучения народных географических терминов и не может игнорировать местную терминологию, как современную, так и (что более сложно) субстратную, в которой очень часто такие индикаторы уже теряют семантику и переходят в категорию формантов, как будто лишенных смысловой нагрузки.

Многие, но не все форманты суть стершиеся термины, семантику которых иногда можно восстановить путем специального лингвистического исследования. Частое повторение одного и того же форманта в собственных географических названиях одного и того же объекта (реки, горы, озера) позволяет говорить со значительной долей вероятности о терминологическом происхождении формантов, которые в этом случае оказываются субстратными терминами. Возможно, к ним следует отнести *-еньга*, *-юга*, *-уга* в финно-угорских гидронимах или *-ега* (р. Онега, оз. Онего), *-икша* — термин, который встречается в ряде озер Карелии (Поспелов, 1970).

Более того, в современной географической номенклатуре можно обнаружить переходные формы между термином и формантом. Так, в Киргизии *-кол* в составе гидронимов (Каракол, Джумгал, Улахол и т. д.) не осмысливается местным населением как номенклатурный термин «река» и выступает в роли форманта, но в Центральной Азии, в районах с монголоязычным населением, общеизвестен местный термин *гол* — «река». Этот пример достаточно наглядно показывает наличие промежуточных звеньев в единой цепи: термин — формант.

При этимологическом анализе географических названий местный термин — универсальный ключ, который в умелых руках раскрывает многие простые и трудные

задачи, как семантические, так и информационные, помогающие географам, историкам, лингвистам, картографам. Последние используют их для целей унификации и стандартизации географических названий.

Не случайно сбор и систематизация МГТ за последние 10 лет в Советском Союзе получили громадный размах, что, конечно, связано с расширением и углублением топонимических исследований. Анализу подвергалась географическая терминология обширных районов Казахстана, Западной и Восточной Сибири, Украины, частично Средней Азии, Европейского Севера, Азербайджана и других районов и областей СССР. За рубежом также опубликованы капитальные работы, посвященные анализу народной географической номенклатуры. Назовем хотя бы книги И. Шютца (Schütz, 1957), Р. Бадьюры (Badjura, 1951, 1953), А. Пегорье (Pégurier, 1963).

Среди географических терминов можно легко различить две категории, исходя из их распространенности и функций в языке: родовые и видовые. Приведу примеры: а) родовые термины обозначают ландшафты, крупные элементы рельефа, гидрографии, почвенно-растительного покрова и т. д. Такие термины обобщают географические явления и объекты: река, озеро, болото, гора (горы), хребет, возвышенность. Наименования основных ландшафтных подразделений, географических зон: тундровой, таежной, лесной, степной, пустынной — получили «путевку в жизнь» первоначально от таких родовых терминов. В их ряду тюрко-монг. *тайга*, финно-угор. *тундра*, индоевропейское *лес*, рус. *пустыня*, индоевроп. *степь*; б) видовые термины характеризуют какие-то более ограниченные элементы природной среды, типы ландшафтов, а не их зональную структуру. Функция видового термина не обобщение, а указание на различительную специализацию и определение узкоспецифических черт объекта: *урман*, *белок*, *голец*, *пик*, *релка*, *гребень*, *старица*, *курья*, *сырт*, *затон*, *рукав*, *прилавок*.

Многие из видовых терминов, заимствованные в состав общелитературного языка или в научно-техническую терминологию, широко распространились, но в топонимии остаются ареальными словами. На Карпатах или на Кавказе нет гольцов или белков, в горах Сибири или Крыма нет полонин, на Крымской Яйле — камней, которые обычны на севере Уральского хребта, на берегах Черного или Азовского морей нет лайд и т. д.

А почему нет? Ведь географические реалии для данных конкретных случаев не препятствуют переносу терминов с одного места на другое. И все же они остаются глубоко локальными образованиями, что, конечно, объясняется не географическими, а историческими и лингвистическими причинами. Хорошо известно, что новгородские колонисты в своем поступательном движении освоили широкие просторы Европейского Севера и Сибири. Новгородцы принесли с собой и закрепили некоторые географические термины на громадной площади азиатской части России вплоть до Камчатки. Вспомним хотя бы *камень* — для обозначения горы, горной вершины, *шалоник* (*шелоник*) — ветер определенного направления и др.

В этом плане крайне интересен ареал слова *нос* — для обозначения скалистого мыса, узкого полуострова, гряды, косы, далеко вдающейся в море, озеро. В таком понимании термин обычен в географической номенклатуре наших северных областей: Канин Нос, Святой Нос в Малоземельской тундре и на Байкале, Лисий Нос близ Ленинграда, Болванский в Большеземельской тундре и много других. Ю. Г. Вылежнев (1960) нашел этот термин в уменьшительной форме (*носок*) на Чусовском озере в бассейне Вишеры. Любопытно, что в средней и южной полосе Европейской части СССР *нос* нигде не отмечен, но появляется в Болгарии на побережье Черного моря, где обнаруживается Маслен Нос. Не связано ли это последнее название с турецким *бурун* в том же смысле? Ср. мыс Инджебурун — самая северная точка Турции, Карабурун — в Мраморном море, Карабурун, Бозбурун, Едибурун и др. — на Средиземноморском побережье.

Между видовыми и родовыми терминами не всегда легко провести жесткую и постоянную границу. Бывает, что одно и то же слово в одном языке оказывается в первой категории, а в другом — во второй и наоборот. Это положение можно подтвердить следующей иллюстрацией: на Алтае и в Туве *тайга* — «безлесная гора, голец», но и «горный лес»; в Монголии — «горные лесные дебри», в русском же языке — «большие массивы глухих, нетронутых лесов вообще, преимущественно хвойных».

Такой переход обусловлен смысловым сдвигом — явлением обычным в географической терминологии, часто вызываемым сменой природных ландшафтов, системы хозяйства, типов населенных мест, жилищ и т. д. Семан-

тика одного и того же термина может быть полярной в двух соседних районах и обозначать как положительную, так и отрицательную форму рельефа, болото и в то же время сухую возвышенность среди болот и т. д. У Н. И. Толстого (1969) можно найти подтверждение на примере лексемы *бор* в славянских языках — «сосновый лес на сухих опесчаненных почвах, но и смешанный лес, лиственный лес, возвышенное место в лесу, просто возвышенное место, но и болото (в польском гуральском), глубокая карстовая яма в горах (в черногорском), овраг и т. д.».

В. А. Никонов (1960б) отметил множество названий с основой *гай*, которые занимают «широкую полосу от Адриатического моря до Нижнего Поволжья, соответствуя природным условиям (островки лесов в степи)». На примере этого географического термина тоже можно видеть, как меняется его семантика. Н. И. Толстой (1968) приводит 38 значений слова *гай*, в том числе «отдельное одинокое дерево (в польском), большой густой лес, болото, кладбище (в белорусском)» и много других.

Слово *курган* бытует на Украине, в Южной России, Казахстане и других районах СССР, но в разных местах оно имеет различные значения — от первоначального «защищать, защита, крепость, укрепление» до понятий «холм, сопка, древняя могила, высокая льдина в море». При этом интересно проследить его роль в образовании топонимов даже в районах, подчас далеко отстоящих от ареалов, где слово *курган* часто оказывается в активном лексическом запасе разных языков.

В славянских языках фиксируется слово *майдан*. В украинском языке находим три значения: «площадь, лесная поляна, завод для гонки смолы» (Гринченко, т. 2, 1908). Оно известно и в русском языке, хотя и в пассивном его запасе, а в тюркских и иранских языках это слово обладает достаточно большой активностью. В языке урду *майдан* — «долина, равнина, площадь». Интересно, что в северных лесах в Коми АССР, в Архангельской области слово *майдан* обозначает «площадку, где жгут уголь, добывают деготь».

Любопытен смысловой сдвиг слова *регистан*. Оно широко известно в Средней Азии. Значение — «центральная площадь в крупном городе». Например, название площади в Самарканде — Регистан. В Иране и Афганистане *регистан* — «базар, место торговли; место

демонстраций, парадов». Основа этого ираноязычного слова — *рег* (песок). Действительно, в таком значении можно встретить это слово в языке кабули (один из диалектов афганского языка), где термин *регистан* употребляется в значении «песчаная пустыня» или просто «пустыня» (*-стан* — местоименный суффикс, ср. Кухистан — «горная страна», Туркестан — «страна тюрков», Афганистан — «страна афганцев», Хайастан — Армения и т. д.). Таким образом, *регистан* в городах — «песчаное место; место, засыпанное песком», чтобы меньше было грязи на центральной площади или базаре. Подобно тому как мы покрываем улицы и площади камнем и асфальтом, так их в среднеазиатских городах посыпали песком.

Термин может несколько изменять как свое содержание, так и свою форму также в зависимости от употребления и окружающих ландшафтов, объекта названия. Так, слово *чай* — «река» в Турции и Азербайджане; в Туркмении — «овраг, ущелье, река в ущелье»; в Казахстане и Киргизии *сай* — «сухое русло, овраг, ущелье без воды»; в Монголии в этом значении *сайр*. Меняется также содержание таких терминов, как *лядо*, *веретье*, *лайда*, *елань*, *волок*, *дубрава*, *кыр* (см. ниже), *ендова*, *ерик*, *камень* и много других.

В отдельных случаях значение одного и того же термина меняется в прямо противоположном смысле. Характерным примером такого рода может служить *лядо* — «залежь, пустошь, заброшенная земля, вновь заросшая лесом, кустарником; плохой лес по болоту мочажина и т. д.» в северных областях СССР; в Смоленской области — «участок бывшего леса, используемый под пашню»; в Новгородской области — *ледина* — «сырые леса, которые противопоставляются борам». Противоположный смысл вкладывается и в слово *погода* (хорошая и плохая) на севере и на юге СССР.

Еще один вывод вытекает из анализа территориального распространения простых географических терминов. При сравнении терминологии Европейского Севера и Сибири ясно заметна их близость, а порою и полная идентичность. Такое положение объясняется движением беломорских поморов и новгородских вольных людей в Сибирь, т. е. тем историческим процессом, который наибольшего размаха достиг в XVII — XVIII вв. и распространился на сибирские просторы вплоть до берегов Тихого океана. Не случайно, конечно, русская географическая

терминология на Колыме или на Камчатке так близка к поморской и вообще северорусской — весьма своеобразной и самобытной. Следует подчеркнуть, что славянское, и в частности русское и украинское, влияние в топонимике Советского Союза исключительно велико.

С другой стороны, отмечается общность между терминологией Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии и Закавказья, обусловленная близостью тюркских языков, распространенных на этих территориях. Тюркские элементы оказались устойчивыми в топонимике этих частей Советского Союза и существенно повлияли на образование географических названий и на обширных пространствах Евразии, от Балканского полуострова на западе до берегов Тихого океана и Примурья на востоке, от Тибета на юге до Таймыра на севере. На севере Европейской части СССР, Урала, Сибири важную роль сыграли финно-угорские элементы, сильные терминообразующие факторы, получившие отражение в топонимике многих северных областей, а также прибалтийских республик и Поволжья. Поволжье явилось местом, где встретились славянские, финно-угорские, иранские и тюркские элементы, почему сравнительные топонимические исследования этого района обещают быть особенно плодотворными.

Примеры изменения содержания при сохранении термина приведены в Словаре местных географических терминов (Мурзаевы, 1959). Здесь же важно подчеркнуть, что смысловые модификации часты и в одной языковой среде, и в этом случае они интересны не только топонимстам или географам, но в первую очередь и диалектологам. Именно знание узлокальной семантики географических терминов (а она обычно локальна и меняется от места к месту) позволит более правильно решать этимологические вопросы, что было и остается важным направлением топонимической науки.

Общезвестна синонимия *лес — гора* в славянских языках. Уже давно обратили внимание на общность значений этих двух слов в славянских языках: рус. *гора*, но в старославянском слово *гора* обозначало также «лес». Такое совпадение сохранилось в сербо-хор., в котором даже отдельное дерево — *гора*. В чеш. *hora* — «гора», а в диалектах и «лес». А вот в болг. словом *гора* обозначается только «лес». В словац. *hora* — «лес, гора, поросшая лесом» (Толстой, 1969). Эти соответствия

можно продолжить примерами и из неславянских языков, но в границах индоевропейской семьи, что отмечено этимологическими словарями.

Такое лексическое совпадение *гора — лес* интересно и, видимо, не случайно. Оно может, как кажется, толковаться на некоторые любопытные выводы. Прежде чем изложить их, отметим еще подобные семантические соответствия в других языках.

В тюркских языках *тайга* первоначально; «голец, безлесная вершина; гора, покрытая лесом или лишенная его» — в языках Тувы и Алтая; в халха-монг. *тайга* — «горный дремучий лес». Таким образом, в примерах: *гора* → *лес* и *гора* → *тайга* виден один и тот же семантический сдвиг. Дополнив это только одним интересным сопоставлением. Ср.: казах. *тау*, кирг. *тоо*, алт. *туу* — «гора», в якут. этому слову соответствует *тыа*, но уже в значении «лес», а за пределами тюркских языков, в эвенк. *тэ* также «лес». Нельзя не обратить внимания на совпадение звучания китайских слов *лин*, *шаньлин* — «горный хребет» и *линь* (другой иероглиф) — «лес».

Уместен вопрос, почему многие горы в Средней Европе носят названия, в составе которых фигурирует слово *лес* (Чешский Лес, Тюрингенский Лес, Франконский Лес Шварцвальд, Штейнгервальд, Вестервальд, Моденвальд, где немецкое *Wald* все тот же «лес»)? Не кажется ли в данном случае, что и здесь наблюдается совпадение значений *гора — лес*? На границе ГДР и ФРГ возвышаются горы Гарц, этот топоним эволюционизировал из средневекового *Hardt* — «лес». Как объяснить такую устойчивую семантическую связь *лес — гора*? Какие реалии лежат в ее основе и какие географические выводы можно сделать из такого параллельного ряда? Подобные совпадения как будто нетрудно понять.

Видимо, первоначальное значение общеславянского *гора* — «лесная возвышенность; гора, склоны которой покрыты лесом». Синонимичность слов *гора — лес* могла возникнуть только в условиях засушливого климата, в степной зоне, где лес встречается исключительно на склонах гор. Есть такие районы, в которых формирование лесной растительности оказывается возможным только благодаря наличию гор или возвышенностей; другими словами, *лес — функция рельефа*. Это положение хорошо иллюстрируется примерами степной Украины, где даже такое небольшое поднятие, как Донецкий кряж,

уже вызывает к жизни леса. Более разительный пример можно наблюдать при изменении ландшафтов Крыма, где сухие и даже несколько засоленные степи на равнинах сменяются горными лесами.

Таким образом, синонимичность понятий *лес* — *гора* родилась в той географической зоне, в которой на равнинах господствовали степи, а в горах — леса, т. е. степной зоне Европы, где Карпаты, горы Крымского и Балканского полуостровов образуют большие лесные массивы. Не случайно в крымско-татарском языке *даг* одновременно значит и «гора» и «лес».

В горах Южной Сибири и Северной Монголии наблюдается другая природная обстановка. Здесь господствует горное лесостепье. В этих горных азиатских областях равнины занимают небольшие территории; но там, где они есть, всегда степи; на склонах же гор, особенно северных и западных, произрастают леса. В Монгольских горах Хангая или Хэнтея южные склоны, как правило, степные или даже сухостепные, а по периферии горных хребтов, где абсолютные высоты снижаются, даже пустынно-степные. И здесь географическая обстановка оправдывает и объясняет семантический сдвиг *тайга* — «гора» и *тайга* — «лес».

В русском языке слово *гора* имеет еще ряд значений. В северных областях *горой* называют землю вообще, сушу, материк, берег моря. В Киеве нагорную часть города в отличие от Подола именуют Горой. На Волге *гора* — «возвышенный, сухой правый берег». Жители побережий некоторых сибирских рек говорят: «Как от реки отошел, так горой пошел». Здесь *гора* — «сухопутье, часть страны, находящаяся вдали от берегов рек и людей».

Гора также «верхнее течение реки», «водораздельная возвышенность в верховьях рек», где наши предки перетаскивали волоком свои лодки из бассейна в бассейн. С таких гор «съезжали» или «сходили», откуда и сохранились географические названия Съезжа или Сходня. Ветер, дующий с суши на море, нередко называют *горой*, *горычем*, *горняком*. Так, на Байкале *гора* — «северный и северо-западный ветер».

Слово *гора* обычно в составе топонимических образований на громадных пространствах Евразии. Только в Горьковской области до 50 селений имеют названия, связанные с этим словом. Напомним, что старое славянское собственное название Карпат — Горы. Южная сторона

Прильменя, которая несколько возвышается над остальными сторонами данной местности, — *гора* (Никитин, 1970).

Тысячи названий в СССР и соседних славянских и неславянских странах образованы при помощи этого слова. Это лишний раз показывает активное участие географического термина в топонимии.

Географические условия, природная среда, специфика материальной культуры, ее история, направление хозяйства порождают географическую терминологию, ее детализацию и специфичность. У славян существует хорошо отработанная специализированная болотная терминология (Мокиенко, 1969); у тюрко-монгольских народов отмечается богатство терминов, связанных с классификацией пастбищ или с элементами микрорельефа, имеющих значение при ориентировке на плоских равнинах во время кочевий; у жителей пустынь, живущих в условиях постоянного дефицита пресной воды, имеется детализированная терминология водных источников. По данным Р. Капо-Рея (Capot-Rey, 1963), в Сахаре отмечено до 20 нарицательных слов для обозначения разного типа колодезев. У народов, занимающихся орошаемым земледелием, развилась сложная специализированная ирригационная терминология. Так, в древних земледельческих оазисах Средней Азии, даже там, где ныне преобладает тюркоязычное население, термины, касающиеся поливного хозяйства, в основе унаследованные ираноязычные. Таковы *арна* — «большой магистральный канал», *яб* — «оросительный канал значительных размеров» (ср. иран. *аб* — «вода»), *джуй* — «проток, русло», на смену которому пришел тюркское слово *арык* (ср. тюрк. *айрык* — «разделенный, раздвоенный»).

Среди видовых терминов особое место занимают эндемики, фиксируемые на ограниченных ареалах и более нигде не встречающиеся. Их сбор, систематизация, сравнительное изучение представляют выдающийся интерес для топонимистов. Сравнительный лингвистический анализ, как правило, позволяет обнаружить близкие формы и архетипы, указывающие на древние языковые связи современных насельников, сохранивших эти термины, с далекими предками. К таким эндемикам можно отнести тувин. *кем* — «река», монг. *мурэн* — «большая река», туркм. *тоголок* — «выдающаяся округлая вершина» в песках Каракум.

Эндемичными можно считать и замкнутые ареалы гидронимических формантов *-об*, *-ман*, *-дон*, *-тари* в Сибири. А. П. Дульзон (1964), анализируя топонимы с участием этих формантов, достаточно убедительно показал их ираноязычное происхождение. Из них *-об*, *-дон* хорошо известны своей продуктивностью в современной топонимии южной части СССР и Средней Азии. *Тари* восходит к популярной в Средней Азии лексеме *дарья* (у нижнетомских тюрков *тарья* имеет значение «море»). *Ман* связывается с индоевропейской основой *mano*, *ма-ни* — «влажный, мокрый».

Эти удивительные примеры проливают яркий свет на топонимику и историю Южной Сибири и находятся в согласии с археологическими данными последнего десятилетия, которые позволили увидеть много общих черт в материальной культуре первобытного человека, населявшего Южную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Прикаспийские равнины. Более того, в топонимическом плане эти форманты, или топонимические компоненты, с полным основанием могут быть отнесены к субстратным МГТ.

Позиция терминов в топонимах. В грамматическом отношении они могут выступать в разных позициях: а) в первой позиции: р. Яр под Зайчиком, Кохиستان, Курень-Рассоха; б) во второй позиции + суффикс: Заярск, Красноярск, Железноводск, Кисловодск, Солнечногорск, Дивногорск, Светогорск. В этом последнем ряду не всегда ясно, от какого слова образуются топонимы, происходит семантическое расщепление: *-горск* — «гора» (Пятигорск — калька тюркского Бештау); Хибиногорск, Магнитогорск, Железнодорожск и *-горск* — «город»: Светлогорск, может быть, Ясногорск, Солнечногорск*. МГТ образуют топонимы самостоятельно, переходя из нарицательного в собственное имя: г. Тайга, оз. Тенгиз, р. Кем, пустыня Гоби, с. Курья, р. Дон. Чаще же всего такие термины выступают либо в словосочетаниях, либо в словосложениях. Примеры обильны: Красный Лиман, Черная Речка, Веселый Кут; Беловодское, Краснореченское, Мазари-Шариф, Нефтегорск.

Теперь о дискуссионном вопросе — об ареалах терминов.

* Отмечу, что в последнее десятилетие эта модель на *-горск* стала весьма распространенной.

Увлекательная проблема выяснения первичного значения самых простых географических терминов требует глубокого исследования массового топонимического материала. Можно ли в исходе поставить знак равенства между словами хинди *ганг* — «река», индокитайским *конг*, южнокитайским *цзян*, корейским *кан(г)* в том же значении и южносибирским *кан* с восстанавливаемым значением «река»? Можно ли утверждать, что монгольское *гол* — «река», тюркское *гӧл*, *кӧл*, *куль* — «озеро» имеют одну первичную основу? Еще десять лет назад такой вопрос показался бы бессмысленным и лишенным всякого основания.

Внимательный топонимист заметит сходство семантики и фонетики во многих словах, относящихся к разным языкам индоевропейской семьи или даже за пределами ее. Приведу такой ряд с упоминавшимся термином *гора*: славянское *гора* точно соответствует афганскому *гар* в том же значении, грузинскому *гора* — «горка, холм». В албанском *гиг*, в армянском *кар* — «камень». В древнеиндийском *giris* и в авестийском *gairi* — «гора». Ср.: хинди *гар* — «замок, крепость», в тибетском *гархи* — «крепость»; название кишлака Гарзой, т. е. «горная земля», на Ягнобе в Таджикистане; в азербайджанском *отгар* — «гора с хорошими пастбищами», где тюркское *от* — «травы» (Юзбашев, 1966). Пока связь этих всех элементов легко объяснима: в тибетском языке можно думать о заимствовании из хинди или санскрита, в азербайджанском и грузинском — из окружающих индоевропейских языков, в первую очередь из иранских.

Более сложно объяснить такие удивительные совпадения: *гара* — «холм с твердыми склонами, скалистый останец, столовая гора» в Сахаре (Capot-Rey, 1963), что до странности точно совпадает с определением Г. К. Конкашпаева (1963) для казахского слова *кара*, которое «в конце сложного географического названия (типа Аманкара и Бериккара) означает сопку или другую сравнительно крупную возвышенность, сложенную из твердых пород с обнажениями темного цвета».

Г. К. Конкашпаев считает, что обнажения черного цвета оправдывают слово *кара* — «черный». В более поздней работе (Конкашпаев, рукопись) названия типа Ушкара, Нарын-Хара он считает эллиптированными, усеченными, только либо тюркскими, либо монгольскими. Здесь, по-моему, имеет место уже позднейшее перео-

смысливание в порядке народной этимологии, на что указывает и необычная для прилагательного вторая позиция слова в сложных тюркских названиях. Дальше на восток, в Монголии, в оронимах нередко то же слово, но уже в форме *хара*: Нарийн-Харуул, где монг. *уул* опять же «гора». Без сомнения, тюрко-монг, *кара*, *хара* можно рассматривать как субстратные местные географические термины индоевропейского происхождения. Наличие таких лексических элементов в Южной Сибири и Центральной Азии (Дульзон, 1964; Мурзаев, 1964), не говоря уже о Казахстане, не может казаться неожиданным.

Может быть, такой ряд представляется малоубедительным. Приведу другой интересный список. Монголия и южная часть Сибири славятся своими целебными минеральными и термальными источниками — аршанами. *Аршан* — слово монгольское и бурятское, словари монгольского языка дают его с пометой «санскрит»: «святая вода, минеральная вода, целебный источник, курорт». У В. А. Казакевича (1934) добавлено: «нектар». В Киргизии тоже много минеральных целебных источников — арасанов. *Арасан* — живое слово в киргизском языке, словари же отсылают нас также к санскриту. Радловский словарь отмечает это слово помимо киргизского еще в нескольких тюркских языках, но только сибирских — алтайском, телеутском, а также в таранчинском (т. е. у илийских уйгуров). Действительно, западнее Киргизии это слово неизвестно. Его нет ни в балкарском, ни в каракалпакском, ни в туркменском или азербайджанском языках.

Однако современная топонимия сохранила этот термин в составе собственных географических названий, смысл которых утерян местным населением.

В южной части Туркмении, у подножия Копетдага, известны минеральные источники Арчман. Такое же имя получили курорт и железнодорожная станция. Туркмены связывают этот топоним с именем пастуха, который к концу знойного дня обнаружил источник, искупался в его воде и обрел силу, а усталость исчезла. Правда, современная туркменская антропонимика как будто не знает такого имени. Конечно, это легенда, она повторяется, как будет показано, и в других местах. Вряд ли можно сомневаться в том, что *аршан*, *арасан* Центральной Азии, получив форму *арчман*, сохранился в топонимии

Туркмении, потеряв семантику, но уцелел только в номинативной функции. Переход *с* → *ч* обычен, вспомним хотя бы киргизское *сай* — «русло, временная река» и туркменское *чай* в том же значении.

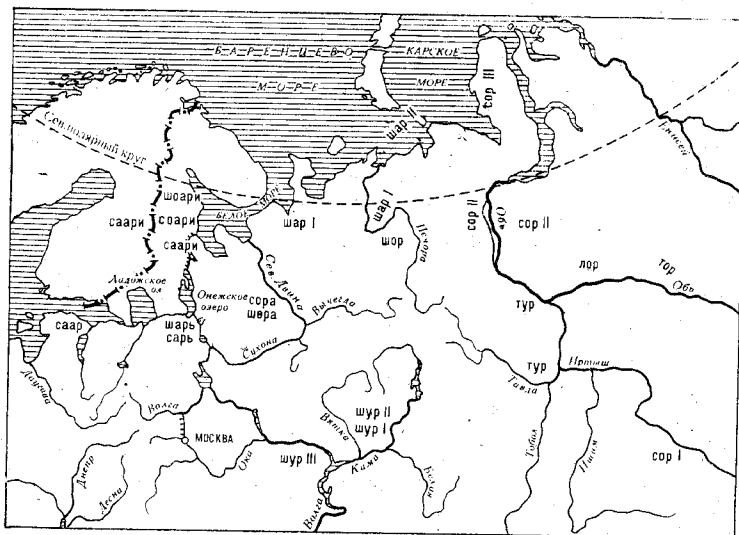
На Северном Кавказе известны нарзаны — минеральные источники, целебные воды. Опять легенда, опять пастух и опять вода, возвращающая силу и здоровье. Современные словари русского языка связывают это слово с кабардинским *нарт-санэ* — «напиток (какой?) сказочных богатырей нартов». Действительно, у Дж. Н. Кокова (1966) находим: «Нарцанэ (Нарцана) каб.-черк. название Кисловодска. Из *нартсанэ* — «нартский (богатырский) напиток». (Ср.: адыг. *санэ* — «вино», абазин. *нарт-дзанэ*. Сюда же черк. *санэ* — «смородина»).

Видимо, нельзя возражать о заимствовании русскими нарицательного *нарзан* из адыгских языков (Абаев, 1963), но можно и нужно сомневаться в правомочности адыгской этимологии, связанной с легендарным племенем нартов. Гораздо правильнее видеть в термине *нарзан* тот же *арасан*, *аршан*, тем более что единая семантика не допускает двух толкований. Она прозрачна. Это сравнение кажется еще более убедительным, если вспомнить армянское Арзни — название известных минеральных источников и курорта на р. Раздан.

Подобные примеры можно продолжить. Они показывают удивительную устойчивость МГТ на колоссальных пространствах. Иногда эти ареалы кажутся настолько обоснованными, что не вызывают дискуссии, но в большинстве случаев они требуют анализа и аргументации.

Случай первый. Ареал одного и того же термина громадный, в пределах Азии — от Юго-Восточной до Средней Азии, от Японии до Киргизии. Речь идет о китайском слове *шань* — «гора», весьма активном оронимобразующем элементе: помимо Китая, где примеры обильны, у вьетнамцев — *шонг* (Чыонгшон — «длинный хребет»), у японцев и корейцев — *сан* (Пусан — «горшок-гора»), в Киргизии — Тянь-Шань (небесные горы), видимо, калька с тюркского Тенгрига; сравним Хан-Тенгри (царь неба) — вторая по величине и первая по известности вершина этой горной системы.

Случай второй. Ареал евразийский, его единство требует анализа и аргументации. Широко известен термин *то*, *тор* — «озеро». Он обычен в составе географических названий на севере Европейской части СССР, в

Карта 1

Смысловые сдвиги и фонетические изменения термина *sor*.
Значение терминов:

sor 1 казах. «озеро с топким дном, солончаковое озеро» (Павлодар обл.); *sor 2* рус. диал. «непроходимые топи с озерами, заливной луг, озеро; пойма, низменное заболоченное место, старица, заливаемые низкие берега реки, низкие намывные островки на реке, заросшие тростником» (Зап. Сибирь); *sor 3* рус. диал. «озеро, соединяющееся протоками с низовьями Оби» (п-ов Ямал); *tor* — селькуп., хант. «озеро»; *tur* манси «озеро»; *lor* хант. «озеро, заливной луг»; *шор* — коми «ручей»; *шур 1* удмурт. «река»; *шур 2* бессермянское «лог»; *шур 3* чуваш. «болото»; *шар-1* рус. диал. «речная протока, рукав» (Арханг. обл., Печора); *шар 2* рус. диал. «морской пролив» (Карское побережье); *сора, шора* рус. диал. «ручей, рассоха, развилина, где поток разделяется на два рукава» (Русский Север); *шюари, соари, саари* — карел. диал. «остров»; *шарь, сарь* вепский диал. «остров», *saag* — эстон. «остров»; *saagi* — фин. «остров» (по Е. М. Поспелову)

Сибири, в Поволжье. Это слово в первой форме отмечено в Коми, ненецком, удмуртском языках, во второй — у ханты и манси (Колтор — «рыбное озеро»), р. Турья — «озерная река». Ханты-мансийское *tor* связано с *шор* — «ручей» в языке коми, удмурт. *шур* — «река». Как показал Б. А. Серебрянников (1965), переход спиранта *s* в *t* в таком ряду — закономерное явление. Эти языки относятся к финно-угорской и самодийской семьям, геогра-

фическая терминология которых близка. Но на приведенном сопоставлении терминологический ряд не оканчивается, он прослеживается до берегов Тихого океана.

Пьер Нор (Naert, 1962) приводит любопытные соображения об интересующем нас элементе. Этот автор сближает уральское *to* с айнским *to* и гиляцким (нивхи) *tu* — «озеро». Впрочем, по признанию автора, такое же сопоставление сделали и А. Соважо (Sauvageot) и Карл Буда (Bouda). П. Нор отмечает, что у айнов на Курильских островах *to* — «большое озеро», «маленькое» — *pono* или *toro*, буквально — «дитя озера». У камасинцев (хакасская группа тюркских языков) *tu* — «озеро», но и «рукав реки». Близок тунгусо-маньчжурский, эвенский *tonger*, старотюркское *tängiz*, *tängir* — «море» и различные формы этого слова в современных тюркских языках в значении «море, большое озеро», угрское *tenger*, халха-монгольское *tänges*, *tängis* с той же семантикой. С тюркским *tängiz* и эвенским *tonger* перекликается алеутское *тангах* — «вода». Конечно, к этому списку логично добавить венгерское *to* — «озеро» (например, Ферехто — «белое озеро»). Н. А. Сыромятников (1967) считает также общим с айнским *to* и японское *toro* — «завод, омут» и бурятское *тоором* — «озерцо».

Где уж тут лингвистические границы семей или групп! Один и тот же термин с одной и той же неоспоримой близостью семантики обычен в японском, айнском, палеоазиатских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, финно-угорских, тюркских языках. Чем это объяснить? Урало-алтайским единством? Субстратом? П. Нор отвечает так: «Некоторые считают неправдоподобным возможность в такую далекую эпоху лингвистическое евро-сибирское единство. Препятствия не имеют большого значения. Нет необходимости верить, что какой-либо народ Евразии 10 тысяч лет назад знал секрет атома и тем самым мог стать абсолютно господствующим, распространив свой язык по всему матеруку. Для этого было бы достаточно хороших ног, времени и рождаемости, превышающей рождаемость у соседей. Я позволю себе подчеркнуть, и очень настойчиво, что барьеры, царящие в сравнительных дисциплинах, принадлежат к истекшей эпохе...» (Naert, 1962).

Остановимся на одном интересном географическом термине — *кыр*, устойчивость которого поразительна на просторах от Северного Ледовитого океана до Средизем-

ного моря. *Кыр* — «поле, степь, плато, высокий берег, увал, возвышенность, гора, гребень горы, край, грань» (тюркские и др. яз.). Термин широко распространен в топонимике Евразии, он отмечен и в Радловском словаре, где, однако, присутствует ограниченный географический материал. Древнетюркский словарь (1969) дает одно значение — «плоскогорье».

В Туркмении *кыр*, *гыр* — «твердая поверхность плато, плоских увалов, останцовых возвышенностей, равнина, степь, меридионально вытянутые коренные третичные гряды Северных Каракумов — останцовые кыры — свидетели разрушенного плато». Благодаря большой длине и малой ширине этих кыровых гряд некоторые исследователи употребляют для их определения словосочетание «кыровая скамейка». В Киргизии — «горные хребты, гребень горы, возвышенность, мелкосопочник, грань». Турец. *кыр* — «поле, степь, равнина». В Казахстане — «возвышенность, холмогорье, мелкосопочник». Кроме того, у Г. К. Конкашпаева (1951) отмечается: *кыран* — «приподнятая местность, каменистая возвышенность» и *кырат* — «сравнительно крупная, но невысокая возвышенность». В современной казахской научной литературе Среднерусскую возвышенность переводят «Орта-Орыскыраты», Валдайскую возвышенность — Валдай-кыраты и т. п.

В дагестано-тюркских языках *кыры* — «побережье». В узбекском есть такие соответствия: *кыр* — «возвышенность, холмистая степь» и *кыргак* — «берег» (что отвечает азерб. *гырах*, *кырах* — «берег, край, отдаленный, крайний»). В башкир. *кыр* — «поле, нива; дикий». Термин присутствует в тюрко-сибирских языках: у тувинцев *кыр* — «горный хребет, увал, гора, возвышенность, грань, крыша», в хакас. *кыр* — «возвышенность, гора, край, граница». В алт. *кыр* — «гора, хребет, холмистая степь».

Анализируя этот термин, Н. А. Баскаков (1969) пишет: «В отличие от номенклатурного названия *туу* название *кыр* служит уже для обозначения не отдельной горы, а целого хребта гор. В этом значении данное название используется и в других тюркских языках, параллельно обозначая и другие понятия, например: «грань», «ребро», «бок». О. Т. Молчанова (1970) приводит также параллели из ногайск. *кыр* — «степь, поле, нива», тувин. *кыр* — «горный хребет», казах. *кыр* — «гребень возвышенности, небольшая возвышенность» и т. д. В Якутии, по данным

М. Н. Мельхеева (1958), отмечен термин *кырдалы* — «своеобразные формы микрорельефа... в виде удлиненных глив высотой до 2—3 м, тянущиеся параллельными рядами вдоль направления реки. Встречаются на широкой плоской террасе р. Лены и др. рек».

Давность термина в тюркских языках подтверждает древнетюркским словарем и словарем Махмуда Кашгарского (1967), у которого *кыр* — «возвышенность, холмистая степь».

Выйдем за пределы тюркских языков. В халха-монгольском легко обнаружить параллели: *хира* — «низкий горный массив, мелкосопочник, разрушенные и размытые возвышенности, предгорья». В. А. Казакевич (1934) отмечает локальную приуроченность термина к Восточной Гоби. Наряду с этим как в халха-монг., так и в бурят. языках видно абсолютно прозрачное соответствие: *хэр*, *хээр* — «степь, поле», употребление которого регионально не ограничено.

Легко обнаружить параллели и в финно-угорских языках. В Поволжье в удмурт. языке *кыр* — «степь, открытое место» (Т. И. Тепляшина, 1970а), у марийцев — *курык*, а в горномарийском диалекте — *кырык*; в коми *кыр* — «холм, небольшая гора, крутой обрыв, возвышенность, склон, утесистый берег»; *кыркетиш* — «высокий, крутой или обрывистый берег». Ср.: финское *kogkea* — «высокий, возвышенный», эстон. *кырге* то же, *кыргуйик* — «возвышенность». Близко и саамское *кырп* — «небольшая округлая возвышенность на плоскогорье или хребте». В. И. Лыткин и Е. И. Гуляев (1970) связывают это слово в финских языках с общепермским *киг* — «гора». «В топонимике, — пишут они, — слово может сохраниться в более архаичном фонетическом виде».

А. Соважо (Sauvageot, 1961), ссылаясь на сравнения, сделанные советскими учеными, между марийским *курык*, коми *кыр* и коми-язвинским *кварк* (Кварквож — так называют Уральский хребет), заявляет: «Однако в отношении этих последних слов мы вправе спросить себя: не заимствования ли они с тюркских языков, где имеется *кыр* в этом же значении, а также производные *корум*, *корым?*»

Что же можно встретить в индоевропейских языках? В тадж. *кир* — «возвышенность, каменистый холм» (что, видимо, не соответствует в памирских языках *кыр* — «пещера»), в арм. *кир* — «каменистая пустынная равни-

на», в болг. *кър* — «поле». Подобные параллели легко объясняются заимствованием; известно, что в этих языках нередки тюркизмы. Но сюда ли в один ряд халдское *kiga* — «земля», арм. *erkii* — «земля, страна»? Здесь уже невозможно говорить о заимствовании.

В нашей картотеке местных географических терминов оказалось одинокая карточка, без указания источника, где слово *кыр* употребляется в смысле «пашня» в южной части Западной Сибири. Если это подтвердится, то можно думать о заимствовании термина русскими крестьянами. От «поля» к «пашне» — один шаг.

Связь, намеченная Соважо, *кыр* — *корум* (в русской географической литературе чаще *курум*) — «каменная россыпь на плоской вершине плато или на склонах» позволяет расширить семантическое поле. И нет ли здесь соответствия с базисом сагга — «камень», который Вацлав Чихарж (1960) рассматривает как средиземноморский доиндоевропейский субстрат. Сохранилось в арм. *кар* — «камень», в алб. *кагре* — «скала», то же в болгарских диалектах в форме *карна*. В. И. Георгиев (1956) сближает армянский язык с фракийским и производит топоним Карпаты из индоевропейского (s) когра-та — «скалистые». Семантическая однозначность *камень* — *гора* общеизвестна, она подтверждается примерами из разных языков, в том числе и из русского. Нельзя ли *кар* связать с упомянутыми терминами *гар*, *кара*, *хара* в значении «гора»?

Выше были очерчены ареалы географических терминов, присущие физико-географическим объектам. Наши построения были бы неполны, если не показать ту же закономерность распространения МГТ, обозначающих «жилище, поселение, город», активно участвующих в формировании собственных названий населенных мест.

Для этого остановимся на слове *кат* и соответствующих модификациях. О нем мне уже приходилось писать в разных работах прошлых лет. Кажется, первым, кто обратил внимание на его топонимическую продуктивность, был А. И. Соболевский (1928), указавший на то, что многие городища по Днестру носят имена, в составе которых присутствует элемент *katai*, где *kata* — древнеиранское «углубление, яма, хижина», слово, перешедшее в славянские языки в форме *хата*. Название Сака-ката легко этимологизируется как «жилище (поселение) сак-ков».

Такой интересный лингвист, как Ф. Е. Корш (1913), давно проводил параллель между укр. *хата*, остякским *хат* и древнеиндийским *кат*, *кот* — «крепость». Еще Карл Риттер в своем «Землеведении» объяснял название древнего Хотан, что лежит у подножия Куньлуня, из санскритского *котга* или *кот*. Эти данные, как и некоторые другие, были использованы мною (Мурзаев, 1948) для того, чтобы показать происхождение топонима Хотан в одном ряду с монгольским *хото* — «город» и *хотон* — «поселение из нескольких юрт, хозяйственное объединение по выпасу скота», якут. *хотон* — «хлев, скотный двор», согдийским *кат* — «дом» и среднеазиатским *кент*, *канд*, обычных в составе названий городов: Ташкент, Коканд, Самарканд, Чимкент. С тех пор прошло много времени, и появились новые публикации, которые позволяют по-новому нарисовать удивительный ареал этого термина.

Прежде всего следует упомянуть принципиально важную статью В. И. Абаева (1956), в которой он показал, что основа *кат*, *ката* связана с корнем *кан* — «рыть, копать, насыпать (например, вал), громоздить». Отсюда и *kata* — «дом» и *kanta* — «город».

Начнем рассмотрение этого термина с индоевропейских языков, используя и данные В. И. Абаева. В авестийском *kata* — «погреб, склеп» (см. на след. стр. иные значения: комната, кладовая), в перс. *када*, *кад* — «дом», *канда* и в афган. *канд* — «ров». Отсюда легко представить переход к понятию укрепления, города, обнесенного стеной, окруженного рвом. Древнеиндийское *kantha* — «стена города», афган. *kandai* — «квартал города», а *kedai* — «деревня», уйгур. *kant* — «город, поселок». Согдийское *kad*, *kand*, *knt*, *kt* — «город», *ktk*, *kyk* — «дом», ягноб. *kant* — «город». В памирских языках также прозрачные соответствия: ваханское *kut* — «кров», шугнанское *cid* — «дом». В осет. *xatoen* (комната) этот исследователь видит звено данного ряда.

За пределами индоевропейских языков В. И. Абаев отмечает этот термин в финно-угорских языках: в хантыйском *хот*, *хат*, венг. *haz*, фин. *хота*, морд. *kud* — «хижина». Укажу также на саамское *кент*, *кинд*, *киндуш* — «зимние покинутые стойбища» (Казаков, 1952). Представляется возможным расширить этот список соответствий и в других, кроме иранских, индоевропейских языках: в англ. *cot* — «загон для скота, хлев» (в поэзии—

«хижина»), *cottage* — «загородный дом, дача, изба, хижина, небольшой дом».

В. Д. Беленькая (1962) видит на западе и юго-западе Англии значительное количество топонимов с элементом *cot*, он принесен на остров англо-саксами и имел первоначальные значения: «сарай, загон для скота, укрытие для путников», а позже «дом, жильё». Этот элемент обычен в названиях населенных пунктов: Булкот — «сарай для быков», Сомеркот — «летний дом», Вудкот — «лесной дом». Самостоятельно в топонимии встречается редко.

В немецком *cote* — «хижина, хата, солеварня». В древнерусском *кат*, *катун* — «воинский стан, крепость» (Срезневский, 1, 1893). Диалектное рус. *котух* — «хлев, свинарник, шалаш», в белорус. «курятник, тюрма»; рус. *котец* — «плотина, запруда для ловли рыбы», болг. *котец*, сербо-хорв. *кот*, *котац* — «небольшой хлев для ягнят, козлят, курятник», словен. *cotăc* — «курятник, свинарник», чеш. *cot* — «домик», польск. *sojes* — «курятник, перегородка в хлеву». Эти данные приведены в словаре М. Фасмера (1967), который делает важное заключение, что в данном случае нет оснований говорить о заимствовании из германских языков, и сближает *котух* и *котец* с авестийским *kata* — «комната, кладовая», перс. *kad* — «дом».

С. П. Толстов (1947) видит у печенегов, т. е. уже в тюркских языках, *кат* — «печенежский термин для обозначения развалин города — «ката»... — он в точности повторяет переданное Якутом средневековое хорезмийское слово *кат* в том же значении (в древнейшем хорезмийском — «город», откуда название древней столицы Хорезма Кята-Шаббаза)». По Якуту, замечает В. В. Бартольд (1963а), *кят* обозначало у хорезмийцев «вал в степи, хотя бы внутри этого вала ничего не находилось», т. е. употреблялось в том же значении, как теперь в Средней Азии *гурткуль*.

Тюркская лексика дает немало примеров применения слова *кат* — *кот* для близких понятий. Так, у казахов *котан* — «площадка, расположенная внутри круга, образованного группой юрт». Эта площадка служит на ночь загон для овец, и отсюда само стадо называется у казахов *котан-мал* (Конкашпаев, 1951). Так же «круг на земле, как след от убранный юрты». Сюда же *кутан* — «загон для скота». Аманкутан — известная пещера с

палеолитической стоянкой под Самаркандом. В. В. Радлов в своем словаре тюркских наречий приводит чагатайское *кат* — «дамба» (ср.: рус. *котец* — «запруда, плотина»), также «пруд, озерцо, лужа, холм». Мы уже упоминали якут. *хотон*. В том же значении он присутствует в эвенском. Говорили также о монг. *хот(о)*, *хотон*. Наконец, нельзя обойти молчанием и айнское *котан* — «селение, обитаемая земля» на Курильских островах, некоторые из них называются: Онекотан, Чиринкотан, Харимкотан, Шиашкотан, Шикотан и др.

Насколько активен наш термин в его различных формах, было видно по многочисленным топонимам, приведенным в качестве иллюстраций тех или иных положений. Здесь же укажу, что огромное количество географических названий образовано с помощью *кат* в Индии, Пакистане, Афганистане, Иране, Средней Азии. Среди них: Кал катта, т. е. Калькутта, Кот-Диджа в долине Инда — развалины и форт, по имени которых получила имя древняя культура, датируемая третьим тысячелетием до н. э.; древний Тункат при впадении Арыси в Сырдарью в Казахстане, кишлак Дахкат близ Уратюбе Таджикской ССР; населенные пункты в Иране: Кутек, Кутабад, Кутшейх; в Индии: г. Каттак в низовьях р. Маханади, г. Багалкот на западе центральной части страны; Коттиям в штате Керала, также столица Непала Катманду; Котабуна, Котабахару, Котадабок, Котаагунг в Индонезии и много, много других.

Подобные примеры можно было бы продолжить, тем более что новые публикации по топонимике СССР и зарубежных стран дают обильный материал для сравнительного анализа. А такие исследования МГТ выдвигают проблемы интересные и важные, и порою в столь очевидной форме, что нужно закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы не видеть и не слышать их, оставаясь равнодушным к поразительным фактам, раскрывающим яркие свидетельства древних языковых связей и формирования географических названий.

Другими словами говоря, некоторые географические термины наблюдаются на удивительно обширных ареалах, не считающихся с современными лингвистическими границами. Несмотря на семантическую прозрачность и фонетическую однородность или очевидную близость, идентичность таких терминов вызывает осторожность и скепсис. Проходят годы, увеличивается количество

фактов, неопровержимо показывающих единство ареалов, которые демонстрируют, казалось бы, необъяснимую устойчивость терминов и древние историко-географические связи на необозримых просторах Евразии. Но известно, что большой скепсис оказывает негативное воздействие на продуктивность научных исследований. Скептики с основанием спросят: какие же теоретические положения могут стать базисом для построения подобных ареалов?

В последние годы появляются новые работы, которые позволяют уяснить и обосновать ареальность топонимических терминов и родство топонимов, образованных с их участием на громадных трансконтинентальных просторах. В первую очередь нужно сказать о работе В. М. Иллича-Свитыча (1967, 1971). Упомянем и две статьи А. Б. Долгопольского (1967, 1968), развивающего идеи В. М. Иллича-Свитыча. Оба автора ностратической языковой большой семьей называют шесть языковых семей Евразии и Северной Африки. Сравнение древней лексики индоевропейских, алтайских, уральских, дравидских, семито-хамитских и картвельских языков «с очевидностью свидетельствует об их родстве» (Иллич-Свитыч, 1967). Составленный им словарь реконструируемых праформ ностратического языка — основы содержит 600 соответствий. Из них около 20 имеют прямое или косвенное отношение к географической терминологии. Приведу только три примера (по техническим причинам у меня исчезли многочисленные диакритические знаки, указывающие на специфику огласовки), а знак (?) означает невыясненную гласную фонему:

озеро (к) ol (?) : алт. яз. köl — «озеро, водоем», урал. kel (?) — «пруд, болотце, речной залив», дравид. kol — «водоем, пруд», семито-хамит. kul — «водоем, река» (чадское kula — «озеро»);

равнина gob (?) : алт. goby — «пустыня», семито-хамит. gb(b) — «равнина, поле»;

черный kaг (?) : индоевроп. keg, kers, алт. (k) aга, дравид. kaг, семито-хамит. (k)г.

Кто из топонимистов взял бы на себя смелость сравнить тюркское *кõль* — «озеро» с чадским kula или дравид. kol — «пруд, водоем», монг. термин goby — «пустыня» (вспомним центральноазиатскую пустыню Гоби) с семито-хамит. gb(b) — «равнина, поле», тюрко-монгольское kaга — «черный» и его соответствия в дравидских и

семито-хамитских языках? Многочисленны тюрко-монгольские: Каракум, Хара-Мурэн, Харэлис, Харул и т. д. А. Б. Долгопольский (1967) специально останавливается на анализе корня kaга — «черный»: в древнепрусском kirsnap — «черный», в древнеиндийском krsna, в тамильском kaгу, в языке малаялам kaгi, то же у телугу, в кушитских языках kaга (в западной части Эфиопии). Сюда же относится наше *черный*, учитывая, что перед *e* и *ë* древнее *k* в русском языке переходит в *ч* (кулак — кулачѣк; пеку — печѣт). В этот ряд ложится и японское *куро* — «черный». Вспомним хотя бы теплое течение Куросиво, дословно — «черная морская вода».

Об этом последнем соответствии мне пришлось писать еще 25 лет назад (Мурзаев, 1948), когда было обращено внимание на то, что на этнографическом конгрессе в Париже в 1878 году докладывалось, что турецкое название Черногория — Карадаг совершенно однозвучно с японским Куродаке, т. е. «черная гора» (Юферов, 1880). Но кто мог тогда думать о том, что появятся доказательства, которые убедят неверующих в сопоставимости тюркского *кара* и японского *куро*, что в таком сближении нет случайности.

Когда мы изучаем топонимию какого-либо района, мы часто игнорируем фактор времени, ее возраст. Он же может быть весьма различным. Обычно оперируют историческим периодом — несколькими тысячелетиями. Между тем человек живет, трудится и говорит по крайней мере миллион лет, а по археологическим данным, даже более двух миллионов лет. Отрезок времени в миллион лет географы не случайно называют антропогеном. Последлениковое время — голоцен — имеет продолжительность 10—12 тысяч лет. Формирование топонимического субстрата в южных широтах северного полушария, не испытавших оледенения, происходило последовательно многие десятки и даже сотни тысяч лет. В северных же и частично умеренных широтах человек стал называть географические объекты сравнительно недавно (говоря геологически), продвигаясь вслед за отступающим ледником. Поэтому формирование скандинавской топонимии, севера Восточной Европы и Сибири происходило значительно позднее.

Но процесс этот и здесь не был изолированным. Человек в своих миграциях вместе с языком приносил и географическую терминологию и строил топонимию по

уже ранее известным ему простым моделям. Нельзя забывать, что первобытный человек сначала гору называл горой, реки или озера — водой и т. д.; другими словами, вся топонимия некогда сводилась к МГТ.

Как итог этой главы сформулирую следующие положения, которые возникают из анализа местных географических терминов и на которые хотелось бы обратить особое внимание:

1. Некоторые термины рождаются из собственных географических названий в результате обратного процесса: из собственного имени в нарицательное, когда номинативная функция имени дополняется семасиологической. Бескиды — собственное название гор в Карпатах. Возможные этимологии сведены у М. Фасмера (1964) и В. А. Никонова (1966). Из этого топонима, как отметил А. И. Соболевский (1910), в украинском *бескид* — «утес, гора, крутой склон». Б. Д. Гринченко (1907) приводит такие значения: *бескид* — «гора, часть Карпат»; *бескед* — «крутизна, обрыв, непроходимый овраг»; *бескидина* — «крутой горный овраг», *бескидувати* — «пасти скот в горах, в бескидах». И в современных украинских словарях то же: *бескид*, *бескед*, *бескет* (обл.) — «утес, гора, крутизна, обрыв, глубокий овраг» (Украинско-русский словарь. Киев, 1964).

Другой общеизвестный пример: топоним Карст (Крас) в Далмации → *карст* — «определенная генетически обусловленная форма рельефа и геохимические процессы, приводящие к их возникновению». На среднеазиатской почве: Памир и *памилы* — «плоские высокогорья с сыртовой геоморфологией».

2. МГТ в составе топонимов определяют основу их реалий. Автор не разделяет точку зрения, будто в топонимах нельзя видеть прямого отражения свойств объекта, его природу и сущность. Очень часто, хотя и не всегда, как топоним, так и входящий в него МГТ прямо соответствуют называемому географическому объекту. Так, термин *булгунях* в Восточной Сибири обозначает «бугор, холм». Но *булгунях* не всякий бугор, а имеющий в своей основе ледяное ядро, бугор выпучивания, встречающийся практически только в районах вечной мерзлоты, гидролакколит. Учесть эту деталь может специалист. Но именно она (эта деталь) многое дает для правильного понимания всей совокупности названий, в составе которой присутствует слово *булгунях*. Нередко отражение

метафорично: араб. *айн* — «глаз», но и «источник», то же перс. *чешм* — «глаз», *чешме* — «источник». Монгольское *ам* — «рот», но и «ущелье, падь, проход»; русское «рот», «уста», но и «устье».

Очень часто, хотя и не всегда, как топоним, так и входящий в него местный термин по смыслу прямо соответствуют называемому географическому объекту. Такое соответствие может быть определено как топонимический позитивизм. При всех случаях топонимического исследования наиболее правильным и плодотворным методом оказывается путь от нарицательного термина к собственному названию, а не наоборот.

3. МГТ — основной фонд научной терминологии, многие из них вошли в географическую и художественную литературу. Широкие заимствования из языков народов СССР в русском языке позволили обогатить его словарный фонд. Такие повсеместно известные термины, как *тайга*, *тундра*, *сырт*, *голец*, *бор*, *ильмень*, *тугай*, *лайда* и многие другие, взяты на вооружение писателями и учеными. О роли народных терминов в терминологической системе специально писала Н. В. Подольская (1970). Из русского языка некоторые термины вошли в международный научный аппарат. *Тайга*, *тундра*, *степь*, *подзол*, *чернозем* и некоторые другие получили распространение во многих европейских языках. И в то же время следует отметить, что терминологическое богатство народов СССР еще мало используется за рубежом. Так, в международном словаре географических терминов, изданном в Нью-Йорке (Stamp, 1961, 1962), приведены только 29 русских или вошедших в русский язык из других языков СССР терминов. Между тем арабских включено 77, французских — 105, немецких — 90, из языков Индии и Цейлона — 127, шотландских — 41.

4. Сравнительный анализ местной географической терминологии Советского Союза позволил увидеть удивительные по размерам ареалы одних и тех же терминов на обширных территориях Евразии с устойчивой или несколько меняющейся семантикой. И одновременно много видовых (а не родовых) терминов остаются глубоко локальными, или узкореальными, в составе географических названий и в литературном языке.

5. Само по себе изучение народных географических терминов вне связи с нуждами картографии и топонимики представляет большой интерес и важно для ряда

наук — географии, особенно исторической географии, языкознания, этнографии.

Зная народную географическую терминологию, можно точнее записать и глубже понять происхождение многих собственных имен. Именно в народных терминах, часто специфичных и узкоспециализированных, иногда скрывается указание на наличие полезных ископаемых, состав и характер растительного и почвенного покрова, форм и типов рельефа и многих других особенностей природной среды, как и на наличие тех или иных типов поселений, что имеет исключительно большое значение для топонимических исследований в помощь историку, географу, лингвисту.

6. Итак, местные географические термины — ключ к раскрытию этимологии многих географических названий, но и сами по себе они интереснейший объект сравнительного научного исследования. Это вызывает в первую очередь необходимость их сбора и систематизации. Конечный итог — составление академического словаря географических терминов, отмеченных на территории Советского Союза. Такое издание, рассчитанное на несколько томов, можно осуществить примерно в течение 10 лет силами лингвистов и географов многих университетских и академических коллективов страны. Обязательное условие — единая программа. Подобный свод даст в руки исследователей богатейшие возможности для развития топонимики в СССР. Но этим, конечно, не исчерпывается значение словаря. Оно многообразно и многопланово.

Приложение

Региональные словари местных географических терминов,
изданные в Советском Союзе

(в хронологическом порядке по годам выпуска)

В. А. Казакевич. Современная монгольская топонимика. Ленинград, 1934.

Г. К. Конкашпаев. Казахские народные географические термины. Известия АН Казахской ССР, вып. 99, серия геогр., вып. 3. Алма-Ата, 1951.

М. Н. Мельхеев. Местные географические термины Восточной Сибири. Труды Иркутского университета, т. 24, серия геогр., вып. 1. Иркутск, 1958.

А. С. Титова. Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в названиях Казахской ССР. М., 1960.

Ф. К. Комаров. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964.

Ф. К. Комаров. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. М., 1967.

А. В. Беляева. Словарь географических терминов и других слов, образующих коми топонимию. М., 1968.

Ю. И. Боченкова. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в нанайской топонимии. М., 1968.

М. Б. Волостнова и Е. Н. Бушуева. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области. М., 1968.

Г. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. В кн. «Полесье». М., 1968.

Ю. И. Боченкова. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Горно-Алтайской автономной области. М., 1969.

Г. Г. Кузьмина. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в бурятских географических названиях. М., 1969.

М. Ф. Розен. Словарь географических терминов Западной Сибири. Ленинград, 1970.

Е. Н. Бушуева. Словарь русской транскрипции географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. М., 1971.

А. П. Алекса. Словарь терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях. М., 1971.

М. Б. Волостнова и С. А. Тюрин. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Тувинской АССР. М., 1971.

Ф. К. Комаров. Словарь чукотских, корякских и эскимосских терминов и других слов, встречающихся в географических названиях СССР. М., 1971.

И. Я. Яшкін. Беларускія географічныя назвы. Мінск, 1971.

В. И. Савина. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971.

Л. И. Розова. Словарь географических терминов и других слов, образующих хантыйскую, мансийскую и селькупскую топонимию. М., 1972.

Е. Н. Бушуева. Словарь географических терминов Дагестанской АССР. М., 1973.

Анатомическая лексика в народной географической терминологии

Многие географические термины метафоричны. Как известно, метафора основана на сходстве, его признаки весьма разнообразны. «Перенос наименования при метафоре основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п.» (Реформатский, 1960). О терминах-метафорах в географии и топонимике писали Э. и В. Мурзаевы (1959), А. А. Белецкий (Білецький, 1962), Н. И. Толстой (1969). Для Осетинской АССР об этом сказано у А. Д. Цагаевой (1971). Н. И. Толстой пишет: «Географическая терминология связана в лексемном, а в более широком плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела, посуды, частей ткацкого станка (ткачества), построек и их частей, погоды и в меньшей степени с другими сферами...» (Толстой, 1969).

Приведу примеры терминов-метафор: *купол*, *куполок*. — «небольшой, круглый островок леса, выделяющийся среди болот» в Костромской области; *котел* — «яма, глубокое место у прибрежных вод». В Мезенском заливе Белого моря *котел* — «место якорной стоянки судов», в других местах — «углубления, нередко занятые озерами». Славянскому *котел* точно соответствует тюркский метафоричный термин *казан* в близких значениях (котловина, впадина), давший немало топонимов в разных странах. Вспомним хотя бы Казанджик в Туркмении, Казанбулак в Азербайджане, Казанлык в Болгарии, Казан-абад в Иране. В груз. *кваби* — «котел», но и «пещера».

Другие примеры. *Криница* — «источник, ключ, яма, наполненная водой, топкое болото» и т. д., что сравнимо со славянским *кринна*, *кринка*, *криница* — «чаша, миска, мера зерна, стопка, масленка». *Окно* — «открытая вода в

болоте, глубокое топкое место в болоте, озере, прорубь во льду на реке, озере». *Гряда* — «вытянутая небольшая возвышенность, кряж, грива, каменная коса в русле реки, твердая почва на лугах и болотах», что сравнимо с *гряда* — «перекладина в виде бруса, жерди, деревянная перекладина в избе, полка» (Словарь русских народных говоров, 7, 1972).

Среди метафорических терминов первое место по частоте употребления в разных языках и по территориальному распространению принадлежит терминам, образованным переносом значений со слов, обозначающих части тела человека и животных. Кажется, не осталось подобных слов, которые таким образом не использовались бы для формирования народной географической лексики. В этот процесс оказались вовлеченными слова, указывающие на внутренние органы: сердце, кишка, легкое, мозг. Однако наиболее часто в разных языках употребляются: голова, глаз, нос, рот, локоть, колено, плечо, шея, грива, рог, спина, ребро и другие слова, семантика которых связана с наружными частями человека и животных. В целом данную категорию народной географической терминологии можно назвать анатомической. Для иллюстрации этого тезиса составлены два списка таких терминов с указанием их географического содержания для русского и некоторых восточных языков. Легко понять, что приводимые списки далеко не исчерпывают всего богатства метафор, а только показывают типичные примеры. Списки составлены в алфавитном порядке.

1. Части тела человека и животных и их географические аналоги в русском языке

Термин	Географическое содержание
бровь	бровка террасы, линия излома горного склона
глаз	глазник, глазина — лужа, окно в болоте, не заросшее травой и не имеющее стока
голова	исток, начало, вершина, верховье
горб	холм, пологая возвышенность, гора
горло	пролив, мелкое разбойное устье реки, дельтовая протока (ср.: укр. — гирло)
грива	грива, пологие и узкие увалы между ложбинами, лесная полоса, роща леса, гряда в пойме реки, водораздел
губа	залив с устьем реки в его глубине

Термин	Географическое содержание
жерело (горло)	устье реки, узкое и глубокое отверстие в начале бездны, узкий пролив, пучина, провал, источник, русло и др.
жила	жила горной породы, подземный поток воды, карстовый ручей в подземных пустотах
зуб	выступающая острая скала, неровные края прибрежного льда в северных морях, трещина во льдах, по которым отрываются отдельные льдины. Зубец — иглоподобная высокая и утесистая вершина горы, острая скала
кишка	излучина реки, крутая меандра, глубокая длинная канава
колени	излом реки, ее поворот, излучина
коса	длинная отмель, узкий, далеко уходящий в воду мыс (ср.: укр. — низменность у реки)
ладонь	открытое место, гладкая поверхность
лоб	лобное место, взлобок, холмик
локоть	излучина реки, лука
мозг	поверхность земли в твердых комьях
нога	отрог горы, отножина, отнога — ветвь горы; отнога на Алтае — разветвление рек
нос	узкий мыс, острый выступ горы, обрыв в конце горы. Носок — маленький мыс; носовина и т. д.
палец	острая скала, пик, отдельная столбообразная скала, недоступная вершина острой формы
пасть	провал, пропасть, долина, ущелье
плечо	выдающаяся часть берегового яра, уходящая под углом
подошва	нижняя часть горы, граница горы с окружающей равниной
пояс	горный хребет, протянувшийся узкой полосой на далекое расстояние
прыщ	ключ, бьющая струя воды (ср. прыскать)
пуп	лесная роща среди полей или кустарниковых зарослей, зеленый луг среди степей. Центр, середина (ср. пуп Земли)
пята	низ, подножие, подошва горы
ребро	скала, крутой склон горы
рог	острая вершина (ср.: укр. ріг — предгорье)
сердце	середина, центр
ус	коса, мыс, длинный изогнутый полуостров
уста	устье реки, вход в морскую губу, в прошлом и исток реки из озера
хвост	ухвостье — нижний по течению конец мелн, намывного островка в русле реки; верх, исток, вершина реки
хребет	горный хребет, цепь высоких гор
череп	снежный наст, гололедница
шея, шейка	перешеек

Термин	Географическое содержание
щека	скалистый, обрывистый, высокий берег реки; щеки суживают долину, образуют ущелья; утесы, расположенные друг против друга по обе стороны реки
язык	подводная льдина

2. Части тела человека и животных
и их географические аналоги в некоторых восточных языках

Термин	Язык	Перевод	Географическое содержание
агыз	азерб.	рот, пасть	вход, ущелье, проход в горах
айдар	казах.	чуб	конусообразный заметный холм, на котором обычно сложена куча камней
айн	араб.	глаз	источник, родник (ср.: в казах. аймбулак — зеркальный родник с прозрачной водой)
акн	арм.	глаз	источник, начало родника
ам	монг.	рот	горная долина, падь
анг	селькуп.	рот	устье пади, устье реки
анга	эвенк.	пасть	ущелье
ар	монг.	спина, зад	север, задняя, обратная сторона
арка	казах., уйгур.	спина, хребет	удлиненная возвышенность, длинный водораздел, горный хребет
ауз	балкар.	рот	ущелье
аяк	туркм., уйгур.	нога	низовье реки, устье
бак	лакск.	голова	вершина, верх, исток
барх	лакск.	спина	горная цепь, горный хребет
баш, баc	тюрк.	голова	вершина, начало, исток
беран	армян.	рот	гетаберан (дословно — рот реки, ее устье, место слияния рек)
бил	туркм.	талия	средний пояс гор (см. бэл)
богаз, бугаз	тюрк.	горло	проход в горах, проток, пролив
бурун	туркм.	нос	мыс, выступ, плечо горы
бэл	монг.	талия	склон горы, его нижняя часть у основания, подгорный наклонный шлейф, косогор

Продолжение

Термин	Язык	Перевод	Географическое содержание
вогн гэдэрэк	арм. монг.	позвонок зад	вогунк — горная цепь асимметричные горы с кру- тыми южными склонами и пологими северными ручей, источник, иногда реч- ка
геэ	туркм., азерб.	глаз	
далан	монг.	затылок	вытянутая возвышенность, холм, изъеденный эрози- ей, вал
дыл	эвенк.	голова	исток, верховье реки, вер- шина горы
дэл	монг.	грива	грива, каменистый кряж, пик
депе екаак жал	туркм. чукот. казах.	темя нос грива	возвышенность, холм мыс вытянутая возвышенность с крутым склоном и ясным гребнем (см. ял)
зурх иннын катар каш	монг. чукот. арм. уйгур.	сердце шея темя бровь	гора с овальной вершиной перевал, седловина, хребет вершина горы вал, холм, высокий берег, плотина
ком коу култук кулак	осет. кит. тюрк. тюрк.	рот, пасть рот подмышки ухо	ущелье долина, устье реки, ущелье тупиковый залив, затон неглубоко врезанный залив озера, начало арыка
кхау	вьет.	рот	устье реки, порт, проход в горах
кхау кьол лаб (и) ландж левыт	вьет. балкар. тадж. др. арм. чукот, коряк.	рог рука губа грудь голова	остроконечная вершина, пик рукав реки, балка берег, край склон горы вершина горы, верховье ре- ки
маз мангылай мий моюн	лакск. балкар. казах. тюрк.	язык лоб мозг шея	выступ горы открытый склон топкие места, жидкая глина перешеек, коса, узкая часть реки между горами
мурэ мун нгуа нгуен	лезгин. вьет. ненец. вьет.	ребро нос рука голова	гребень горы мыс рукав реки, приток ключ, родник, исток, плато, равнина
нуруу	монг.	спинной хребет	горный хребет, цепь гор
ных	осет.	лоб, ноготь	утес, резкий выступ скалы

Продолжение

Термин	Язык	Перевод	Географическое содержание
ошги	монг.	легкое	горы с впадинами, вывет- рившаяся горная порода, ноздреватая поверхность скалы, каверна; красно- цветы, покрытые впадина- ми, изобилующие нишами
пильгин	чукот.	горло, пищевод	
раг	осет.	спина	горный хребет, гребень го- ры, кряж
сар сей суджи	тадж. ненец. монг.	голова сердце бедро, бер- цовая кость	верх, вершина, начало центр, середина передовая цепь возвышен- ностей к северу от основ- ного хребта, колодец на север от гор
сыоп сырт	вьет. тюрк.	бок спина	склон горы плоские возвышенности, поднятые плато
сэр тамак тамак	монг. уйгур. балкар.	позвонок горло горло	холм, гряды устье реки теснина в горах, ущелье, горные ворота, устье реки сторона, косогор, склон го- ры
ташу	монг.	бок	торос льда, крутой, обрыви- стый берег
тибя	ненец.	зуб	излучина реки, залив излучина реки, лука, залив одинокий холм, сопка, вер- шина
тиргек токой толгой	туркм. тюрк. монг.	локоть локоть голова	излучина реки, лука, залив мыс склон, сторона
тохой тумшук фарс хавирга	монг. туркм. осет. монг.	локоть морда бок ребро	горный холмистый склон, выделяющаяся группа скал, утес, отрог
хамар	монг.	нос, рыло	мыс, отрог горы, выступ го- ры между долинами
хач хоолой	лакск. монг.	плечо горло, пищевод	склон горы пролив между озерами, ру- кав реки, широкая меж- горная долина, удлинен- ная впадина, ущелье
хошу	монг.	нос, клюв	мыс, плечо хребта, админи- стративная единица — хо- шун
цзуй цзяо	кит. кит.	нос, клюв рог	мыс мыс

Термин	Язык	Перевод	Географическое содержание
чешм	перс.	глаз	чешма, чишма (так же в тюрк., иран. и болг. языках) — источник, родник
ял	тюрк.	грива	гребень горы, грива, возвышенность
ян	туркм.	бок	склон, откос

Приведенные здесь списки, дополненные примерами из классических и западноевропейских языков, позволяют утверждать, что в большинстве случаев метафоры возникают по одним и тем же, жестко повторяющимся ассоциациям, независимо от языка. В этом сказывается одна из существенных универсалий народной географической терминологии.

Для доказательства высказанных положений построено восемь терминологических рядов, которые специально составлены так, чтобы слова, их слагающие, относились к разным языкам, в том числе не связанным между собой морфологически или генеалогически.

Ряд первый — *спина*: латин. *dorsum* — «спина», но и «хребет, возвышенность»; др. греч. *gaxis* — «спина», но и «хребет» (ср.: *gaxia* — «скалистый берег, береговая скала, прибор»); англ. *back* — «спина», но и «гребень холма» и *chine* — «спинной хребет животного», но и «горная гряда»; болг. *грѣб* — «спина», но и «гребень горы, холма»; казах. и уйгур. *арка* — «спина», но и «возвышенность, горный хребет»; турец. *sirt* — «спина», но и «горный хребет, гребень горы, вытянутая возвышенность»; лакск. *барх* — «спина», но и «горный хребет»; монг. *нурруу* — «спинной хребет», но и «горный хребет, горная цепь» и *сэр* — «позвонок, позвоночный хребет», но и «холм, гряда»; рус. *спинной хребет*, но и «горный хребет»; литов. *кирга*, латыш. *киоге*, *киога* — «спина, горб», но и «возвышенность, курган»; литов. *каубре* — «горб, спина», но и «холм, бугор, небольшая гора» и *gubrys* — «спина, загривок», но и «возвышенность, горка, холм, вершина, гребень»; фин. *selkä* — «спина», но и «кряж, возвышенность»; осет. *раг* — «спина», но и «хребет».

Ряд второй — *глаз*: араб. *айн*, *эйн* — «глаз», но и «родник, источник»; перс. *чешм*, *чешме* — «глаз», но и «источник, ручей»; туркм. и азерб. *гѣз* — «глаз», но и «источник, ручей, иногда речка»; рус. «глаз», а *глазовина* — «открытая водная поверхность на заросшем болоте, окно открытой воды среди болота, глубокая лужа»; арм. *акн* — «глаз», но и «родник, ключ».

Ряд третий — *рот*: монг. *ам* — «рот», но и «ущелье, падь, проход»; тюрк. *агыз*, *ауз* — «рот», но и «проход в горах»; эвенк. *анга* — «пасть», но и «ущелье»; рус. *уста* — «рот, губы», но и «устье, место слияния двух рек или впадения реки в озеро или море»; болг. *уста* — «рот, пасть, губы», но и «вход в пещеру» и *устие* — «теснина, узкий проход между горами». Есть также чешские, польские и словенские соответствия. Осет. *ком* — «рот, пасть», но и «ущелье»; кит. *коу* и вьет. *khau* — «рот», но и «устье реки, порт, проход в горах»; арм. *беран* — «рот», но и «устье, место слияния рек». Из западноевропейских языков параллели: франц. *bouche* — «рот», но и «устье, узкий пролив»; англ. *mouth* — «рот», но и «устье реки». Из классических языков: латин. *os* — «рот, дыра, вход, отверстие», но и «устье реки».

Ряд четвертый — *нос*: рус. *нос*, но на севере России и «мыс, коса»; болг. *нос* — «мыс»; тюрк. *мурун*, *бурун* — «нос», но и «мыс, окончание гряды, плечо горы»; сюда же относятся тюрк. *тумшук* — «клюв, конец носа, морда животного», но и «мыс, утес»; монг. *хошу* — «нос, клюв», но и «мыс, плечо хребта»; *хамар* — «нос, рыло», но и «мыс, отрог горы, ее выступ»; манс. *ньол* отвечает той же семантике; кит. *цзуй* — «нос, клюв», но и «мыс»; вьет. *туй* — «нос», но и «мыс»; чукот. *екаак* — «нос», но и «мыс».

Из западноевропейских параллелей вспомним: франц. *pez* — «нос», но и «острый мыс»; англ. *paze* — «нос», но и «скалистый мыс»; латин. *pasus* — «нос», но и «мыс, коса»; швед. *päs* — «мыс, часть суши между озером и впадающей в него рекой».

Ряд пятый — *рог*: рус. *рог* — «рог», но и много других орографических значений: «острая, зубообразная вершина, пик, мыс, коса, горный отрог, овраг, отвершек балки»; укр. *rig* — «рог», но и «острая вершина, предгорье»; болг. *рог* — «урочище с одним природным комплексом, вдающимся в другой природный комплекс» (например, лесной клин среди степей); чеш. *roh* — «рог,

угол», но *rokliņa* — «овраг, ущелье», что семантически переключается с балтийскими: литов. *gaiva*, латыш. *gaivas* — «овраг, обрыв, ущелье, узкая долина, тесный проход, крутая гора, вершина, глубокая яма»; немец. *Noch* — «рог», но и «горный пик, острая вершина». Отметим также кит. *цзяо* — «рог», но и «мыс»; вьет. *khai* — «рог», но и «пик, остроконечная вершина».

Ряд шестой — *горло*: рус. *горло* — «горло», но и «ущелье, горный проход, устье реки, морской пролив, проран, прорва, проток»; укр. *гирло* — «горло», но и «устьевой рукав дельты большой реки», гирла Дуная, Днепра. В румын. языке заимствовано из славянских: *gîrlă* — «рукав реки, река». В нижней части Дуная местное румынское население Гырлой называет Дунай. Сербо-хор. *grlo* — «горло», но и «ущелье, теснина»; чеш. и словац. *hrdlo*, польск. *gardło* имеют помимо основного значения также географические определения. Чукот. *пильгин* — «горло», но и «проток, пролив, устье реки»; монг. *хоолой* — «горло», но и «пролив, рукав реки, долина»; тюрк. *богаз* (слово, известное и в болгар. языке) — «горло, пасть», но и «проход в горах, ущелье, по которому проложена дорога, горный перевал»; тюрк. *тамак* — «горло», но и «ущелье, теснина в горах, устье реки»; франц. *gorge* — «горло», но и «узкий проход, ущелье в горах»; англ. *throat* — «горло», но и «узкий проход, жерло вулкана». Уместно вспомнить соответствия из классических языков: санскрит. *gargara* — «пропасть»; латин. *gurges* — «пропасть, пучина, водоворот, бездна».

Ряд седьмой — *голова*: рус. *голова* — «голова», но и «начало реки, исток, вершина»; болгар. *глава* — «голова», но и *глава на река* — «исток реки»; франц. *tête* — «голова», но и «вершина горы»; англ. *head* — «голова», но и «исток реки, мыс»; эвенк. *дыл* — «голова», но и «исток, верховье реки, вершина горы»; тюрк. *баш*, *бас* — «голова», но и «начало, исток, вершина»; лакск. (Дагестан) *бак* — «голова», но и «вершина, верх, исток, начало»; чукот. и коряк. *левит* — «голова», но и «вершина горы, верховье реки»; монг. *толгой* — «голова», но и «округлая горная вершина, холм»; тадж. *сар* — «голова», но и «верх, вершина, начало»; вьет. *пгуйен* — «голова», но и «начало, исток, родник, плато, равнина».

Ряд восьмой — *грива*: рус. «грива», но и «горная низкая гряда, возвышенность, удлиненная гора»; литов. *ketėgā* — «загривок у животного», но и «горный хребет,

верх, вершина»; монг. *дэл* — «грива», но и «острая вершина, каменная гряда»; казах. *жал*, *джал* — «грива», но и «вытянутая возвышенность с крутыми склонами и ясным гребнем»; англ. *crest* — «грива», холка, гребешок (петуха), но и «гребень горы». Вспомним: санскрит. *griva* — «шея, затылок», но в зендском — «горный хребет»; греч. *lofos* — «затылок», но и «вершина холма».

Примеры легко умножить. Но уже ясно, что перенос значений подчинен определенной закономерности. Термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых четко прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины, обладающие преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантикой.

Наличие лексем со значением частей тела человека и животных в географической терминологии — глобальная топонимическая закономерность. Конечно, интересно проследить ее в африканских или абригенных австралийских языках, где а *prigi* параллели, подобные приведенным, также должны быть обнаружены.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Названия географических зон

«Тундра», «лес», «тайга», «степь», «пустыня» — эти слова мы знаем со школьной скамьи, употребляем часто в научной терминологии и повседневной речи, но почти никогда не задумываемся над их происхождением.

Известно, что зональность отдельных природных компонентов подметил еще Александр Гумбольдт, но первым, кто четко сформулировал закон зональности, был замечательный естествоиспытатель, почвовед Василий Васильевич Докучаев (1846—1906). Ему принадлежат слова: «Зональность — это мировой закон». Правда, в ряде областей земного шара она не выражена. Причиной тому горы, а в прибрежных районах — близость океана и морские течения, которые на-

рушают общую картину распределения природных ландшафтов. Кажется естественным, что в учении о зонах, родившемся в России, были взяты на вооружение термины для их наименования из словарного запаса русского языка. Позже некоторые из них стали достоянием языков многих стран мира, где успешно развиваются географические науки.

У каждого научного термина своя история, своя судьба. Есть одна существенная черта, которая объединяет русские названия географических зон: в научный обиход они пришли из народного языка. В их номенклатуре нет ни одного искусственного образования или заимствований из западноевропейских или классических языков.

Самая северная, холодная зона — *тундра*. Это слово встречается в научной литературе уже больше 100 лет. Еще академик Л. И. Шренк (1826—1894) писал о финском *tunturi*: «плоская безлесная возвышенность, нередко покрытая мхами»; у саами — *tundar*. Но в русских северных диалектах наряду с *тундра* употребляется *тунда* — «северные голые равнины, болотистые моховые низменные местности, кустарниковые или торфяные болота, малоплодородная почва».

На Кольском полуострове с его пересеченным рельефом под тундрой нередко понимают «горный массив, плоскую открытую возвышенность, вершину, выходящую за пределы леса». Есть даже уменьшительная форма — *тундрица* — «небольшая с округлыми формами возвышенность». Вот как определяет тундру исследователь топонимики этого полуострова А. Н. Казаков: «Комплекс гор, горный массив, отдельная гора, место, удаленное в глубь полуострова, плоскогорье, покрытое низкорослой растительностью...» (1949). В топонимике это слово оставило четкий след: Хибинские тундры (горы), оз. Тундроявр и Талышим-Тундра, Мончетундра (красивая тундра), гора Плоские Тундры — все на Кольском полуострове.

Интересно, что вслед за русской колонизацией Сибири, вместе с землепроходцами, как правило шедшими из северных земель европейской части России на восток, этот термин совершает удивительное путешествие до берегов Тихого океана.

В Сибири, как и на Белом море, различают сухую, моховую и мокрую тундру. На Западно-Сибирской низменности, где болота занимают необозримые площади,

часто под тундрой понимают торфяные болота. Весной они заливаются полыми водами, превращаясь в мелкие, но обширные озера-моря. Знаменитые Васюганские болота именуют и Васюганской тундрой. В Восточной Сибири — Забайкалье нередко *тундра* — «торф». Говорят: «На пойме тундра горит». На Камчатке и Сахалине *тундра* — «болото, луг, верховое болото, безлесное или с разреженным древостоем, обычно из даурской лиственницы». Здесь различают сухие тундры на песчаном или каменистом субстрате и бугристые по сфагновым торфяникам.

Из всех значений термина *тундра*, приводимых здесь, первичным следует как будто считать — «плоская безлесная возвышенность».

Зона тундр постепенно сменяется лесной зоной. Между ними различают переходную полосу, которую именуют обычно лесотундрой.

Лес — слово общеславянское. Оно фиксируется, например, в укр. *ліс*, белорус. *лес*, в польск. *las*. Первоначально, видимо, только «лиственный лес». Ср.: древнечеш. *les*, *lesy* — «листва, побеги». М. Фасмер в своем этимологическом словаре (1967) с этим словом связывает и англ. диалектное *leason*, *lesew* — «выгон». В топонимике СССР слово оказалось весьма продуктивным: Полесье, Лесное, Лесные Поляны. Залесье — префиксно-суффиксная форма, но и более редкая префиксальная форма — Залес. Отсюда и такие народные географические определения: *лешая земля* — «пустошь, необработанная, неиспользуемая» (Даль); *лешая, лесовая вода* — «темная, богатая перегнойными веществами, болотистая вода, особенно вешняя»; *лесинник* — «высокоствольный строевой лес» (северо-запад РСФСР).

Леса для многих славянских племен были тем родным ландшафтом, в среде которого развивалось сельское хозяйство, в частности подсечное земледелие, оголившее значительные площади южной части лесной и лесостепной зон на Русской равнине. Не один писатель, учёный, художник вдохновлялся красотой леса. Н. М. Пржевальский (1947) так передает свои впечатления от уссурийского леса: «Невозможно забыть впечатления, производимого, в особенности в первый раз, подобным лесом. Правда, он также дик и недоступен, как и все прочие сибирские тайги, но в тех однообразная растительность, топкая, тундристая почва, устланная мхами

или лишайниками, навевают на душу какое-то уныние; здесь, наоборот, на каждом шагу встречаешь роскошь и разнообразие, так что не знаешь, на чем остановить свое внимание...»

И торжественное величие этих лесов не нарушается присутствием человека...»

Лесная зона неоднородна. На севере она представлена тайгой, т. е. лесом с преобладанием хвойных, на юге — широколиственными лесами. Ландшафт тайги характеризуется дремучими хвойными лесами, где господствует ель, кедровая сосна, пихта (черневая тайга) и особенно лиственница. Нередко тайга заболочена, переувлажнена. Тайга также и «лесная глушь, дебри, лесная пустыня». У В. И. Даля можно встретить и форму *дайга* — «горы в верховьях рек».

Слово *тайга* кажется исконно русским. В действительности этот термин заимствован русскими сравнительно поздно из сибирских тюрко-монгольских языков. У И. И. Срезневского в его «Материалах для словаря древнерусского языка» (1893—1903) он не приводится. В этом нас убеждает и отсутствие в славянской топонимии географических названий, образованных при помощи данного слова.

В монгольских языках *тайга* — «дремучий горный лес». В тюрко-сибирских языках можно найти следующие значения: «ненаселенная лесистая местность, прорезанная хребтами; горный лес; скалистые горы; горы, лишенные леса; голец, т. е. вершина, поднимающаяся выше верхней границы леса». В алтайском языке есть словосложение *алтайга*, т. е. «самые высокие, неприступные дикие горы». В ряде тюркских языков нельзя сказать *тайга* — «лес вообще, лес на равнинах и в долинах». Это дает основание полагать, что первоначально термин *тайга* был орографическим, а не ландшафтным и отвечал понятию «гора».

Концентрация топонимов со словом *тайга* в горах Южной Сибири говорит о первоначальной родине этого слова, которое со временем перешагнуло за пределы не только всей Сибири и Дальнего Востока, но пересекло и границы СССР, стало известным в некоторых западноевропейских языках. На Алтае есть хр. Тайга и гора Кызыл-Тайга. В Восточном Саяне — гора Тайга-Ужасы, в Туве — горы Такыр-Тайга, т. е. «голая гора», Хор-Тайга, Донгул-Тайга, Тумат-Тайга, Ондут-Тайга, Оттуг-Тайга,

Кадырэги-Тайга, Бай-Тайга, голец Таскыл-Тайга (каменистая гора), Узун-Тайга (длинная гора), Демир-Тайга (железная гора). Наиболее известные названия: хр. Улан-Тайга (красная гора), хр. Ергиктаргак-Тайга, массив Сын-Тайга, горы Хан-Тайга по левому берегу Енисея, в его верховьях. Русскими топоним перенесен в другие места: г. Тайга на юг от Томска; полуостров и горы Тайгонос на побережье Охотского моря.

На примере слов *тундра* и *тайга* видна общая судьба орографических терминов, которые со временем приобрели функции ландшафтных терминов.

Лесная зона через лесостепь переходит в степную, простирающуюся на юге РСФСР, на Украине, в Западной Сибири, на севере Казахстана.

Среди всех ландшафтных терминов наиболее неясным оказывается степь. В физической географии *степь* — открытое безлесное пространство с черноземными и каштановыми почвами и травянистой растительностью, со значительным количеством злаковых. Осадков выпадает немного, с сухостью связаны признаки засоления почв, особенно заметные на южной окраине степей, где они постепенно, без четких рубежей, переходят в полупустыни. Степная зона — основная единица в географической классификации ландшафтов (В. В. Докучаев, Л. С. Берг и др.). В литературе иногда употребляется для обозначения всяких открытых равнинных слабозасоленных пространств больших размеров, также полупустынь и пустынь. Говорят и пишут: Муганская степь в Закавказье, Голодная степь в Средней Азии. В науке произошло дальнейшее расширение понятия: горная степь — высотный пояс со степной растительностью, например, на склонах Тянь-Шаня и Алтая, даже в условиях резко пересеченного, отнюдь не равнинного, рельефа.

Происхождение термина, его этимология не получили удовлетворительного объяснения. В связи с этим отметим диалектное: *степь* — «плоская безлесная возвышенность, водораздел, междуречье, гривка, сухая полоса» в северных областях и на Урале, что определяется В. И. Далем. У И. И. Срезневского (1903, III) находим, что это слово в древнерусском языке употреблялось в значениях «ступень, порог... подножье, возвышение». Если связь «ступень, степь — возвышение, возвышенность» справедлива, то и в этом случае прослеживается переход орографического термина в ландшафтный (ср. *тайга*,

тундра в той же закономерности изменения семантики).

В сборнике «Этимология» у О. Н. Трубачева (1967) читаем: «Вероятно, старым элементом восточнославянского словаря является рус. *степь*, укр. *стен* — название равнинного, иногда низменного, безлесного пространства. В русской исторической лексикографии слово засвидетельствовано относительно поздно (обычно ссылаются на Хождение Котова, начало XVII в., как на источник, где это слово употреблено впервые). Эта поздняя дата будет впоследствии, бесспорно, отодвинута далеко вглубь, о чем говорит на первых порах хотя бы такой внешний факт, как употребление Шекспиром слова *steppe* — «степь» в тексте, написанном до 1600 года («Сон в летнюю ночь»). Слово *степь* не имеет пока ни ясной этимологии, ни более или менее единой реконструированной праформы. Важно иметь в виду, что недавно предложено специальное сближение этого восточнославянского слова с иранским на правах родственных образований». Далее приводятся соответствия из осетинского (дигорского) в значении «плоский, ровный», из общеиндоевропейского (s)ter — «быть плоским, ровным, низким». К этому добавим сравнение с диалектным армянским *տարհ* — «плоскость, плоское поле, вообще земельный участок на сравнительно ровном месте», *տառստան* — «степь». Можно продолжить этот ряд: *тапа* — «пространство, площадь, пустырь» в хинди и *тап* — «открытое ровное место в предгорьях, где обычно делают временные остановки кочевники [в Азербайджане] при перегоне скота в горы и обратно — на низменность» (Юзбашев, 1966).

Слово *степь* также оказалось продуктивным в образовании географических имен: с. Степь в Калужской и Курской областях, ст. Лесостепь Северо-Кавказской ж. д., Степь Забайкальской ж. д.; Степьянка Белорусской ж. д. На Русской равнине *степь* — «1) уцелевшие от распахки участки степной целины, имевшие свои собственные названия: Стрелецкая, Казацкая, Ямская, Хреновская и т. д.; 2) массивы полей на месте недавно распаханной степной целины» (Ф. Н. Мильков, 1970). Наиболее известен заповедник Каменная Степь в междуречье Хопра и Битюга, где находится Институт сельского хозяйства имени В. В. Докучаева.

Наконец, пустынная зона занимает обширные прост-

ранства Южного Казахстана, всех среднеазиатских республик, ее фрагменты можно наблюдать в Закавказье. В физической географии есть несколько определений пустыни, но нет ни одного универсального, общепризнанного, хотя этимология термина кажется прозрачной и не требует объяснений. Как будто бы ясно: пустыня — «где пусто, где нет человека, нет растительности, животных и, конечно, воды». Но такому определению могут отвечать небольшие, весьма ограниченные участки наших пустынь (да и не только пустынь, но и степи и другие зоны). В целом пустынная зона СССР обладает и растительностью, и своеобразным животным миром, местами пересекается редкими реками, там много колодцев, а человеком она заселена крайне неравномерно, но в целом гораздо плотнее, чем зоны тундр или тайги. Оазисы среди пустыни обладают высокой плотностью, города ее многолюдны. Но зато в других местах проедешь десятки километров и не встретишь человека.

Ясна и четкая связь ряда: *пустыня, пустынь, пустошь, пуца*. Но в литературе можно встретить необычное сочетание — «цветущая пустыня». Действительно, во время скоропроходящих весенних дождей наши песчаные пустыни пестрят ярким ковром цветущих растений — эфемеров и эфемероидов, к лету, с наступлением жары, прекращающих свой цикл вегетации. В пушкинском «Путешествии в Арзрум» можно найти строку: «Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами». Говорят: холодная пустыня (о тундре), ледяная пустыня; пустыня: болото, лес, лесная чаща. В последнем случае более привычно *пуца* — «густые заросли, дремучий лес, где нет постоянных селений». *Пуцага* — «мелкий лесной кустарник, куда пускают скот, залежи, запущенная пашня, перелог» (Даль); «пустое место в поле, иногда заросшее кустарником» (Вологодская область); *пустоплесье* — «пустынный берег реки, безлюдный плёс» (Сибирь).

Обычны соответствия в славянских языках: польское *puszcza* — «лесная чаща, пуца»; *pusty* — «лесные дебри, пустыня»; чешское *pusty, poust* — «пустыня»; древнерусское *пуца* — «пустынное место, лес». Видимо, венгерская сухая степь *пушта* — *puszta, pusztasag* (пустыня) — слово, заимствованное из славянских языков. То же можно сказать и о румынском *пусту* — *pusti* (пустыня).

Есть еще немало значений наших терминов, которые уже потеряли видимую первичную семантику «пустой,

безлюдный»: *пуци* — «подводные пни, карши» по р. Днестр; *пустынь* — «монастырь, скит», первоначально «одинокая обитель, жилье отшельника»; *пустынный* — «одинокий». Некоторые авторы производят отсюда и *пустельга* — «хищная птица из семейства соколиных» и несколько растений: *пустырник* и др.

Наш терминологический ряд широко представлен в современной топонимии: Оптина Пустынь — монастырский памятник русского зодчества XIV в. близ г. Козельска Калужской области, с. Нилова Пустынь в Бурятии, ст. Пустошка недалеко от Великих Лук, ст. Тихонова Пустынь между Москвой и Брянском. В списке монастырей Переславль-Залесского уезда насчитывалось девять пустыней: Успенская, Ошнова, Вепрева и др. (Смирнов, 1929). Кто не знает Беловежской Пуци? На Украине работает курорт Пуца-Водица. В Латвии есть с. Заля-Пуца (Зеленая Пуца).

Из приведенного обзора видно, что все имена географических зон отражают многонациональность нашей страны, ее многоязычие. Научная географическая терминология заимствовала эти названия из народного языка. Наряду со славянскими терминами *лес, пустыня*, наблюдаются финно-угорское *тундра*, тюрко-монгольское *тайга*, индоевропейское *степь*.

Некоторые из них стали достоянием западноевропейских языков как заимствование из русского. Так в англоязычных странах: *taiga, tundra, steppe* (современные словари дают их с пометой *рус.*). Но *пустыня* — *desert, лес* — *wood, forest*. Во французском *taiga, toundra, steppe* (но и *lande*), но *пустыня* — *desert, лес* — *bois, forêt*. В немецком: *Taiga, Tundra, Steppe*, но *лес* — *Wald, Forst, пустыня* — *Wüste*. А в румынском *пустыня* — *desert* и одновременно *pusti*, *pustie* — очевидный славянизм.

Топонимические свидетельства географических условий прошлого Русской равнины*

Опыт применения топонимических методов для восстановления ландшафтов позднего голоцена вполне себя оправдал. В ряде стран, где широко поставлено изучение географических названий, удалось восстановить былые ареалы некоторых растительных ассоциаций и отдельных видов ныне исчезнувших животных. В этом отношении работы, проведенные в Чехословакии, Польше, Румынии, весьма показательны. По ним можно судить о природных условиях, а также о хозяйственной деятельности человека в глубоком прошлом. «С течением времени,— пишет В. Тащицкий (1961),— географические названия получают все большее признание и находят все большее применение в исследованиях самого широкого исторического профиля. По примеру представителей гуманитарных наук на них обратили внимание и естественники. В стремлении установить географические границы распространения на наших землях некоторых растений и животных, в поисках следов несуществующих у нас больше, давно вымерших или только остаточно сохранившихся растений и животных они ввели в сферу своих рассуждений территориальные названия, возникшие на базе соответствующих названий растений и животных. Так, например, в определении восточной границы бука и тиса большую помощь оказали местные названия, образованные от этих слов. Существование в прошлом тура на территории Польши подтверждается территориальными наименованиями, производными от его названия. Наконец, на распространение зубра на польской территории, го-

раздо более широкое, чем в настоящее время, указывают местные названия, основу которых составляет имя существительное — *зубр*».

В Советском Союзе уже давно обратили внимание на связь между ландшафтами и географическими названиями. В этом отношении наиболее показательны две работы, опубликованные натуралистами. Одна из них принадлежит Ф. П. Саваренскому (1914), который показал связь между природными условиями и местными названиями на примере Тульской губернии.

Вторая статья написана В. П. Семеновым-Тянь-Шанским (1924). Он подверг систематическому и статистическому анализу имена населенных мест 20 центральных и северо-западных областей Русской равнины и суммировал их по элементам рельефа, по видам растений (сосна, ель, береза, ольха, дуб, липа, вяз, орешник, осина) и видам животных (медведь, волк, лиса, лось, барсук, заяц, бобр, тур и др.). Он писал: «Если внимательно проследить народные названия оседлостей в таких географических областях, где естественный географический пейзаж неоднократно претерпевал глубокие катастрофы, то по этим названиям можно во многих случаях хорошо восстановить первоначальный пейзаж отдельных мест в древности».

На этом пути, по нашему мнению, возникают две опасности. Первая заключается в происхождении названия населенных мест от фамилий, имен, прозвищ, образованных в свою очередь от названий животных и растений. Такие личные имена обычны чуть ли не у всех народов мира, они часты и у русских: Орлов, Сидницын, Барсуков, Грачев, Комаров, Ракитников, Дубов, Соснин, Березин и т. д. Фамилии первопоселенцев, феодалов, помещиков, собственников земельных угодий нередко переносились на названия населенных мест. В таких случаях трудно или просто невозможно установить прямую связь между топонимом, с одной стороны, и животным или растением — с другой. Так, с большим основанием можно утверждать, что имена сел Бараново или Орехово скорее связаны с фамилиями, чем с соответствующим животным или растением. О такой опасности механического перенесения в топонимику имен, якобы происшедших от отдельных элементов природной среды, убедительно предупреждала А. В. Суцеранская (1962).

* Глава написана в соавторстве с Е. Л. Любимовой.

Вторая опасность заключается в относительной негативности географических названий, сформулированной В. А. Никоновым (1958). Еще Ф. П. Саваренский (1915) подметил обратную связь природных материальных объектов с семантикой их отражающих топонимов. Такие названия, как Ивняки, Ракитки, Сосняки, не могут рождаться в районах сплошного распространения ив или сосновых лесов. Точно также топонимы, отражающие водные объекты типа Белый Ключ, Семь Колодезей, обычны в сухих местах, где давно ощущается нехватка воды, и не характерны для зоны, богатой реками и озерами.

С учетом этих замечаний мы все же постараемся показать, как изменились географические условия Русской равнины за последнее тысячелетие, судя по топонимическим данным. Такие изменения происходили первоначально в скромных масштабах, но по мере роста производительных сил масштабы воздействия человеческого общества на исходные ландшафты прогрессивно увеличивались, что привело к резкому уменьшению лесистости Европейской части СССР.

В настоящей работе мы ограничиваемся анализом названий населенных пунктов, связанных с двумя видами широколиственных пород — дубом и грабом. Судя по топонимическим данным, в позднем голоцене эти два вида были распространены гораздо шире, чем в настоящее время.

Для такого анализа собраны сотни топонимов, отражающих имена этих видов деревьев. При этом исключены такие географические названия, которые могли произойти от личных имен. Для доказательства тех или иных положений использованы только формы, которые демонстрируют прямую связь: топоним — растение. В качестве примера приведем следующие названия деревень: Горелый Дуб, Дубовая Балка, Девять Дубов, Дубовая Нива, Дубовая Роща, Дубовый Пень, Горный Дубняк, Дубовая Колода, Редкодубы, Граб, Грабовый Лес, Великий Граб и т. п.

Как будто в подобных случаях не может возникнуть двойное толкование по вопросу о происхождении данных или аналогичных топонимов. Кроме того, для подтверждения топонимических данных мы привлекли данные палинологического анализа. Уже накопилось довольно много свидетельств о нахождении пыльцы дуба и граба

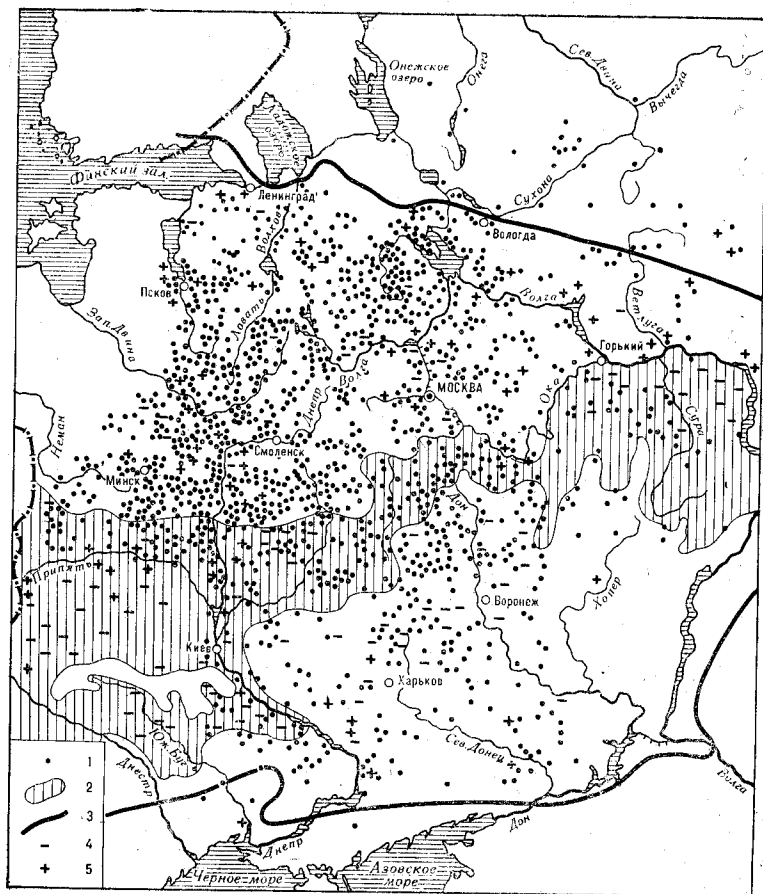
в отложениях позднего голоцена в районах, где эти два вида в настоящее время совершенно отсутствуют. При этом важно подчеркнуть, что находки пыльцы этих двух видов древесной растительности не случайны, а закономерно повторяются в определенном ареале широколиственных лесов, совпадающем с топонимическим.

Дуб. Учено более 3000 названий. Ботаническая северная граница дуба на севере протянулась от Ленинграда до Вологды и далее на юго-восток. На юге она проходит через нижние участки рек Днестра, Днепра, Дона и Волги ниже Волгограда. На большей части этой обширной территории Русской равнины в настоящее время дуб встречается спорадически. Значительные массивы сохранились под Москвой, Тулой, Киевом. Более всего он приурочен к подзоне широколиственных лесов (см. карту, стр. 148).

Интересно, что топонимические данные о распространении дуба, весьма обильные по всему ботаническому ареалу, образуют наибольшие плотности в бассейне Днепра выше устья Припяти, в верховьях Волги. Названия населенных пунктов, образованных от дуба, отмечены и севернее границы его обитания — в бассейнах Сухоны и Юга, в верховьях Онеги.

В географических названиях со словом *дуб* отмечены как отдельные деревья (их количество, возраст, особенности), так и насаждения (их характер, местоположение, связь с рельефом), например селение Три Дуба, Дубовый Пень, Дубовая Гряда.

По данным топонимики, в сравнительно недалеком прошлом дуб и другие широколиственные породы в изобилии росли на возвышенностях и были приурочены к наиболее высоким и расчлененным участкам рельефа. Судя по названиям, широколиственные леса здесь отличались большим разнообразием: дуб, липа, ясень, клен, ильм, вяз, орешник, яблоня, местами граб и бук. Например, на Белорусской гряде таких названий более 50, причем топонимы, связанные с дубом, указывают, что дубравы занимали наибольшие высоты (320—335 м). На прилегающих территориях со слабо расчлененным равнинным рельефом такие названия редки. Но их много на Валдайской возвышенности, нами отмечено более 100. Они приурочены преимущественно к вершинам моренных холмов и гряд и сосредоточены на западном, сильно расчлененном склоне возвышенности. Здесь кое-где и по-

Карта 2

Распространение дуба по данным топонимики:

1. Названия, связанные с дубом; 2. Подзона широколиственных (дубовых) лесов; 3. Граница современного ареала дуба; 4. Отдельные сохранившиеся дубравы; 5. Пыльца дуба в позднем голоцене

ныне уцелели небольшие участки дубрав и отдельные дубы.

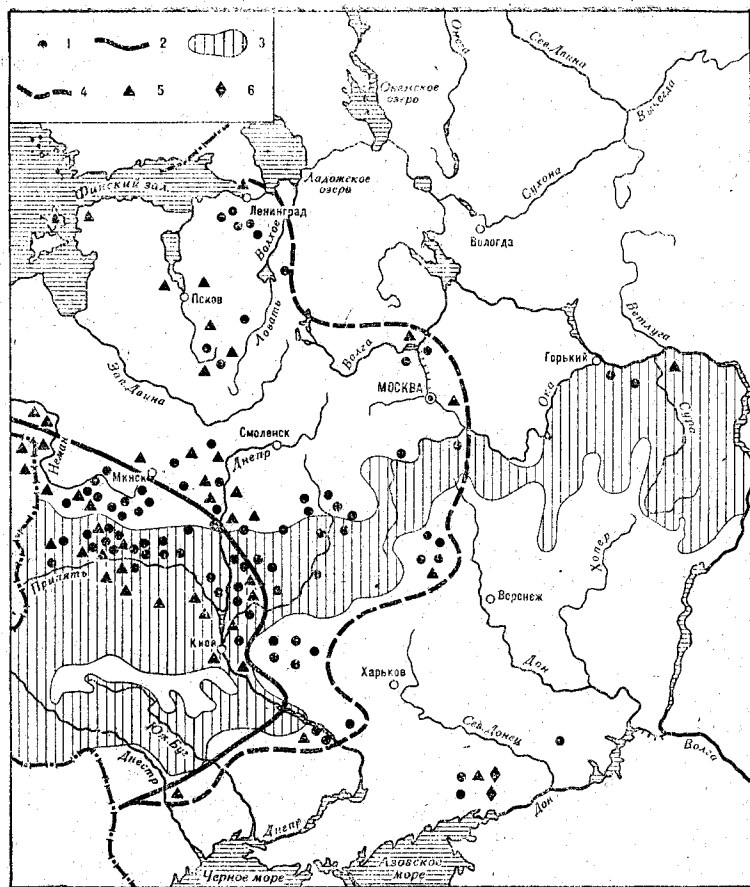
В низинах лесной зоны названий, связанных с широколиственными породами, значительно меньше, и они распространялись почти исключительно по долинам

рек — поймам и низинам речных террас, что наглядно видно на прилагаемой карте Ловатской низменности. Причем состав лесов был беднее и однообразнее, чем на возвышенностях. В долинах Волги, Днепра, Десны и других крупных рек были пойменные дубравы, отдельные участки их встречаются кое-где и поныне. Дубовые леса на большей части территории Русской равнины не сохранились, на их присутствие в прошлом указывают обилие топонимов, строгая приуроченность их к определенным элементам рельефа. Анализ природных условий этих районов со всей очевидностью показывает, что еще сравнительно недавно здесь были массивы широколиственных лесов.

Можно утверждать, что дубовые леса не были сплошными, их распространение связывалось с определенными видами географического ландшафта. Этот тезис подтверждается и данными В. П. Семенова-Тян-Шанского (1924). По его сведениям, собранным по восьми северным областям Русской равнины (Ленинградская, Псковская, Смоленская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская и Костромская), из топонимов, связанных с девятью видами древесной растительности, на первом месте оказываются названия населенных мест, происходящих от слова *бор* и *сосна* (744), на втором — от слова *дуб* (691). При этом 60% последних приходится только на три области — Псковскую, Смоленскую и Тверскую, в которых ныне очень мало дуба.

В 12 южных областях Русской равнины (Калужской, Орловской, Курской, Тульской, Рязанской, Горьковской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и Харьковской) из топонимов, связанных с 11 древесными породами, абсолютно господствуют названия со словом *дуб* (327), при этом заметен удивительное количественное их однообразие (крайние величины: 15 топонимов в Пензенской и 40 в Черниговской).

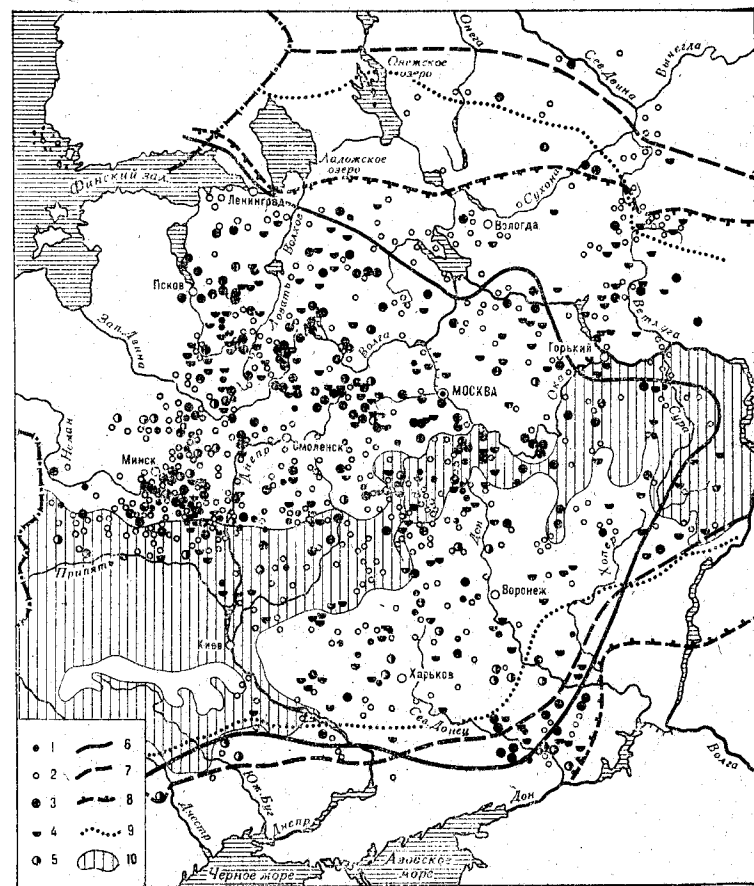
В то же время такой распространенный вид лесной зоны Русской равнины, как ель, в ее топонимике занимает одно из последних мест. В северных областях она настолько обычна, что не может выступать в качестве топонимического индикатора. На юге с появлением черноморско-Тян-Шанский не отметил ни одного топонима со словом *ель* в Орловской, Тамбовской, Полтавской и Харьковской областях.

Карта 3

1. Названия, связанные с грабом; 2. Современная восточная граница распространения граба; 3. Подзона широколиственных лесов; 4. Былая граница распространения граба; 5. Пыльца граба в позднем голоцене; 6. Отдельные современные изолированные находения граба

Все это демонстрирует относительную негативность географических названий, связанных с дубом. Их обилие на Русской равнине как на севере, так и на юге говорит о весьма широком, но не сплошном распространении этого широколиственного вида, связанного со специ-

Карта 4

Распространение географических имен, связанных с названием лиственных пород:

1. Ясень; 2. Липа; 3. Орешник; 4. Вяз; 5. Клен. Границы современных ареалов; 6. Ясень; 8. Орешника; 9. Вяза; 10. Подзона широколиственных пород

фическими почвами — поддубицами, по терминологии академика Л. И. Прасолова (серые лесные выщелоченные почвы), которые ныне отмечаются в лесной зоне гораздо шире, чем дубовые массивы. Пыльца дуба также ясно показывает его присутствие в тех местах, где его

нет и даже, судя по положению северной границы, не должно было быть, как, например, севернее Вологды.

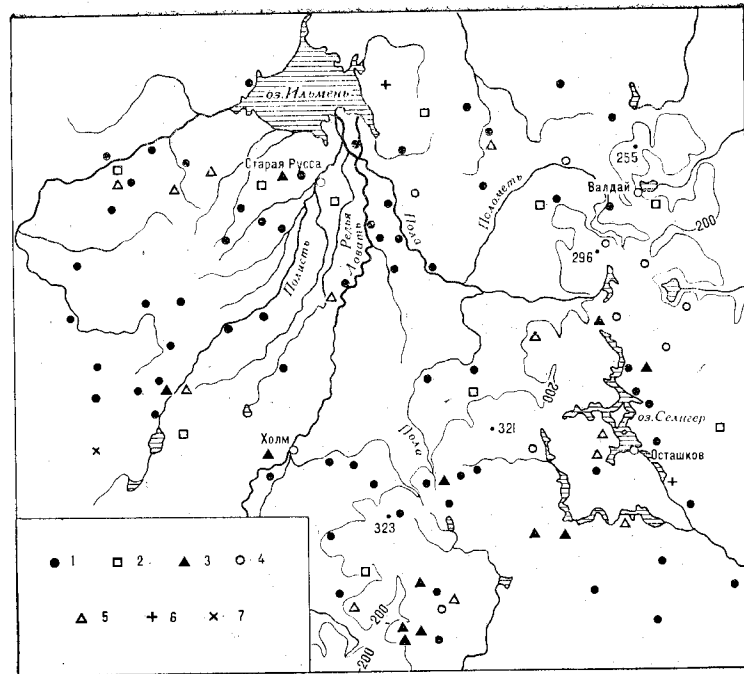
Граб встречается в настоящее время только на западе Литвы, Белоруссии, в Калининградской области и на юго-западе Украины и имеет на территории Русской равнины ограниченное распространение. В межледниковье он произрастал широко, но позднее ареал его сильно сократился. Судя по географическим названиям, еще сравнительно недавно этот вид занимал большую площадь и его граница была и севернее и восточнее современной.

Граб более обыкновенен в Полесье, где он растет и в наше время, а также в Донецком кряже. В большом количестве граб встречался на западном склоне Среднерусской возвышенности совместно с дубом, ясенем, бук, ильмом и другими широколиственными породами. Он рос на водоразделах, крутых склонах долин, на высоких речных террасах. Отдельные указания на присутствие в прошлом этого вида встречаются еще севернее, например на Белорусской гряде и западной части Ловатской низменности. Вероятно, прежде, как и теперь, граб не формировал чистых насаждений, а встречался совместно с другими широколиственными породами.

Топонимические свидетельства наличия граба в прошлом отмечаются под Ленинградом, в Московской, Ивановской и Калининской областях, в Ловатской низменности, в Липецкой и Орловской областях, в Донбассе, в районе Гомеля и Брянска. В Полесье, где сохранился этот вид, такие топонимы обычны.

Пыльца граба в общем повторяет топонимический ареал с названиями, включающими слово *граб*. Р. В. Федорова (1951) показала наличие значительного количества точек, в голоценовых отложениях которых обнаружена такая пыльца.

По топонимическим и палинологическим свидетельствам восточная граница граба пока представляется в виде большой дуги: Ленинград — Ярославль — Владимир — Липецк — Курск — Сумы — Днепропетровск — Кишинев (см. карту 5). Попутно отметим, что современный островок граба сохранился в пределах Донецкого кряжа, в бассейне р. Миус. Здесь же отмечена пыльца граба в позднеголоценовых отложениях и два населенных пункта с названиями, включающими слово *граб*. Возможно, что дальнейшие исследования топонимики Донбасса и новые

Карта 5

Схема бывшего распространения широколиственных пород на Ловатской низменности и Валдайской возвышенности по данным топонимики:

1 — дуб, 2 — липа, 3 — орешник, 4 — клен, 5 — вяз, 6 — бук, 7 — граб

пыльцевые анализы на юге Украины позволят этот островной, видимо реликтовый, ареал, связанный с несколько большим увлажнением Донецкого кряжа и лучшим восстановлением широколиственных пород, соединить в едином ареале граба позднего голоцена*.

Таким образом, топонимические свидетельства прошлого ландшафтов Русской равнины говорят о значительно больших ареалах широколиственных пород, чем те, которые наблюдаются в настоящую эпоху. Сокращение

* Отметим, что пыльца граба обнаружена и в Заволжье, и даже в Приуралье (Федорова, 1951).

ареалов, по нашему представлению, произошло в результате деятельности человека. Другими словами, в основе таких изменений лесистости лежит антропогенный фактор. Сильно поредели леса Русской равнины в XVIII и XIX вв., при этом наиболее ценные широколиственные породы вырубались в первую очередь. Особенно пострадали дуб и бук, которые медленно восстанавливаются, а в иных случаях просто не возобновляются.

Современный ареал подзоны широколиственных лесов показывает, что они лучше всего сохранились на западе (на Украине), в условиях сравнительно хорошего увлажнения и относительно меньшей континентальности. Другой массив заметен на востоке (в Среднем Поволжье и Приуралье). Наибольшая деградация этих лесов наблюдается в центральных, густонаселенных областях Русской равнины, что, конечно, нельзя считать случайностью.

Изучение топонимии Центра и ее тюркского горизонта*

Московский филиал Географического общества в своей деятельности объединяет 19 областей РСФСР и одну автономную республику — Мордовскую. Мордовская АССР и Горьковская область включаются в Волго-Вятский экономический район, Пензенская область — в Поволжский экономический район, а остальные 17 областей образуют Центральный и Центрально-Черноземный экономические районы. Они выделяются высоким хозяйственным развитием, плотностью населения и крупными городами. Среди них Москва, Ярославль, Иваново, Рязань, Калинин, Тула, Воронеж, Курск, Тамбов, Белгород, Липецк и др. Таким образом, понятие «Центр» в названии настоящей конференции носит условный характер.

Центральные области РСФСР расположены на Русской равнине, в них на площади 790,1 тыс. кв. км проживает около 45 миллионов человек. В топонимическом отношении эта часть Русской равнины представляет выдающийся интерес, что определяется историческими условиями заселения человеком междуречий Волги, Днепра и Дона. Уже в верхнем палеолите на рассматриваемой территории появляются первые поселенцы (Седов, 1972). Это значит, что человеческие поселения в центре Русской равнины связаны с концом эпохи великого оледенения и, нужно думать, люди постепенно двигались на север вслед за отступающим ледником. Отсюда можно сделать вывод, что доиндоевропейские и дофинно-угорские субстратные топонимические элементы, кото-

* Вступительное слово и доклад, прочитанные на конференции по топонимии Центра в Московском филиале Географического общества СССР 21—23 марта 1972 г.

рые не этимологизируются при современном уровне знаний, прошли через очень длительную эволюцию продолжительностью в 10 тысяч и более лет.

Центральная часть Русской равнины оказалась той территорией, где встречались и иссякали топонимические потоки финно-угорского, балтийского и иранского происхождения, образуя зоны диффузии и взаимодействия. Балтийская топонимия имеет восточную границу примерно по железной дороге Москва — Ленинград, а местами даже переходит ее на восток, и «все между речью Москвы и Оки является областью распространения балтийской гидронимии, хотя самый восточный угол фиксирует следы усиленного взаимодействия балтийского и финского типов с преобладанием последнего» (Топоров, 1972).

В. Н. Топоров в более ранней работе (1962) обратил внимание на большой научный интерес изучения следов балтийской топонимии в России. В то время он заключил свою статью показательной фразой: «...Вопрос о пределах возможного при определении балтийских элементов в русской топонимике еще не решен». Ф. И. Гордеев (1966) утверждает, что древние названия рек Волго-Окского междуречья нередко образованы при помощи балтийской лексики, а Л. Л. Трубе (1966) обнаружил ее «брызги» даже в Горьковской области. Не случайно Б. А. Серебренников (1957) на основе изучения топонимии Волго-Клязьминского междуречья считал, что там обитали народы, говорящие на каком-то индоевропейском языке, близком к балтийскому. Наиболее полно балтизмы изучены в гидронимии Смоленской области благодаря усилиям В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, опубликовавших монографию «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (1962).

В последние годы В. Н. Топоров вновь вернулся к теме «Балтизмы в топонимии Русской равнины» и наиболее полно показал их распространение в Подмосковье. Он привел большой список, по его мнению балтийских, географических названий Подмосковья, отмеченных также и в бассейне Оки и Волги, не говоря уже о бассейне Днепра (в их верховьях). По Топорову, «количество балтийских названий весьма велико и на территории Калужской, Тульской и Орловской областей, где балтийский элемент (опять-таки за пределами Дне-

провского бассейна) встречается заметно реже, пока не исчезает вовсе» (Топоров, 1972а).

Наличие финно-угорского горизонта топонимии Центра ни у кого не вызывает сомнения. Если даже оставить в стороне территорию Мордовской АССР как национальной республики, то достаточно четко выявляются географические названия, семантика которых просто и логично объясняется из языков либо волжских (Горьковская обл.), либо прибалтийско-финских народов (Калининская обл.) Естественно, что на обширных пространствах центральных областей топонимическая плотность финно-угорской топонимии разная: она падает в направлении с востока на запад и с севера на юг. Достаточно ознакомиться с работами А. И. Попова (1948а), Б. А. Серебренникова (1955), Л. Л. Трубе (1966), чтобы эта мысль стала ясной.

О финно-угорском происхождении некоторых топонимов Тамбовской области писал П. Я. Горбунов (1965), им посвятила специальную статью М. Н. Морозова, которая отмечает, что «мордовские элементы в современной топонимии области встречаются в названиях вод, населенных пунктов и урочищ. Эти названия сохранились преимущественно на севере и северо-востоке области» (1971). Названия Алкужи, Пичанка, Пичаево, Пичер, Мокрая и Сухая Панда, реки Итляй, Мошляй, Пичеляй, Липляй восходят к мордовским апеллятивам *гужи/кужи* — «поляна», *пиче* — «сосна», *пандо* — «гора», *ляй/лей* — «река». Естественно ожидать значительную прослойку финно-угорской топонимии в Костромской, Ивановской, Ярославской, Рязанской областях. Известно, что одна из наиболее распространенных этимологий имени Рязань исходит из этнонима *эрзя*. Да и имя другого областного центра — Воронеж отдельные исследователи тоже связывают с мордовским *вирьнеже* — «лесная защита», что подтверждается именем реки Лесной Воронеж (Кожемакин, 1964). Основа *вдр*, *вор*, *вэр*, *вирв* — «лес» широко распространена в топонимии Поволжья и восходит к общепермскому *vog* — «возвышенность, поросшая лесом» (Лыткин, Гуляев, 1970). См. также объяснение названий рек Воргол, Варгол, Ворксла, Ворожба в бассейнах Дона и Днепра (Топоров, Трубачев, 1962).

Интересна и еще требующая научного исследования ираноязычная топонимия центральных областей РСФСР.

Общезвестна позиция академика А. И. Соболевского, четко выраженная во многих его топонимических изысканиях, считавшего иранизмы в географических названиях Русской равнины обычными и частыми в ее общем топонимическом ландшафте. Позже такая точка зрения оспаривалась многими исследователями, находившими более простые и логичные в соответствии с географическими реалиями этимологии отдельных имен, основываясь на почве славянского, финно-угорского или балтийского языкознания. И все же никто не может отрицать наличие иранских топонимических элементов на Русской равнине. В качестве бесспорной иллюстрации можно вспомнить гидронимы Дон и Донец. Но этим ограничиться нельзя.

В Верхнем Поднепровье В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев (1962) приводят немало речных имен, берущих свое начало от иранских апеллятивов. Среди них *ap* — «вода», *асман* — «камень», *сава* — «черный» (ср.: арм. *сев* — «черный», осет. *сау* — «черный»), *туск* — «пустой» и др.

Общепринято, что в финско-волжские и финско-пермские языки вошли ранние заимствования из иранской лексики. В качестве топонимического примера нередко приводят слово *кар* — «город, укрепленное место, гнездо». На индоевропейской почве оно образует большой семантический пучок, весьма продуктивный в топонимическом аспекте. На примере Удмуртии, уже за пределами центральных районов, Г. И. Тепляшина (1970) связала ареал *кар* с расселением бэссермян.

К этому следует добавить интересный пример далекого проникновения иранских топонимов в Поволжье. В Пензенской области есть город Сердобск, очевидно получивший свое имя по р. Сердоба. «Пока трудно решить, какова основа гидронима: мордов. *сярдо* — «олень, лось» или из иранских языков *сардоба*», — пишет В. А. Никонов (1966). Конечно, гораздо более вероятным кажется второе решение, так как для обозначения реки оно более логично. *Сардоба, сердаб* — «холодная вода», так же называют подземное крытое водохранилище, в котором даже жарким летом сохраняется низкая температура воды. Термин не редок в географических названиях Средней Азии и Ирана, где несколько населенных пунктов носят имя Сердаб, Сердабдап и т. п.

Если финно-угорская топонимия иссякает в южных областях Центра, то иранская, наоборот, постепенно теряет позиции на севере. На юге же СССР — на Северном Кавказе, Украине, Южном Поволжье — географические названия ираноязычного генезиса значительно повышают свой удельный вес. Скифо-сарматская среда служила посредником в топонимических и вообще языковых и культурных контактах также между финно-угорским и кавказским мирами (Абаев, 1958).

Славянская топонимия Центра в смысле изученности оказалась в наилучшем положении. Здесь выделяются работы, ставшие, можно сказать, классическими. Среди них упомянем труды А. М. Селищева «Из старой и новой топонимики» (1939), С. Б. Веселовского «Топонимика на службе у истории» (1946), В. П. Семенова-Тян-Шанского «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест» (1924) и Ф. П. Саваренского «О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными» (1915).

Из современных авторов следует выделить прежде всего В. А. Никонова, который в ряде работ дал много интересных новых фактов и обобщений по славянской и дославянской топонимии Русской равнины (1959, 1960а, 1960б, 1961, 1962, 1971 и др.). Большая заслуга в изучении современной топонимии Центра, ее терминологической основы, лексико-семантического и лексико-морфологического анализа принадлежит московским топонимистам, объединенным в Московском филиале Географического общества СССР: Р. А. Агеевой (1972), Г. П. Бондарук (1966, 1967, 1970), которая со студентами проводит топонимическое обследование Подмосковья, Т. В. Кудрявцевой (1967), Е. Л. Любимовой (1962, 1962а), М. Н. Морозовой (1965, 1966, 1972), Е. М. Поспелову (1967), В. В. Седову (1965, 1966), Г. П. Смолицкой (1970, 1971, 1971а), проводившей очень большую и кропотливую работу по гидронимии Окского бассейна. Особо следует отметить книгу Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология» (1969). Хотя эта книга посвящена народной терминологии и не содержит топонимических материалов, она глубоко топонимична по сути, так как раскрывает большие возможности для понимания семантики славянских географических названий и их этимологий на обильном сравнительном материале.

Славянская топонимия стала объектом изучения во всех больших городах центральных областей РСФСР: Ярославле, Горьком, Пензе, Тамбове, Калининe, Смоленске, Владимире, Муроме, Калуге, Орле, Курске, Воронеже. Нет никакой возможности перечислить все статьи по топонимике, опубликованные в журналах и сборниках — географических, лингвистических или специально топонимических и посвященные изучению географических названий Русской равнины. Их уже очень много, что требует библиографической систематизации.

Славянская топонимия в отличие от балтийской, финно-угорской и иранской в районах Центра нигде не образует каких-либо границ. Она просто выявляется повсеместно, что легко понять без дальнейших объяснений. Она занимает первое место в количественном отношении. Это особенно ярко видно в наименованиях населенных мест. И конечно, можно утверждать, что многие нерусские топонимы были переработаны русским населением в порядке народной этимологии, либо оформлены русскими суффиксами, т. е. подверглись морфологической переработке.

Остается сказать еще о тюркских географических названиях, которые иногда легко опознаются как во многих районах и областях Центра, так и в самой Москве. Правда, плотность тюркских наименований весьма отлична на западе или востоке, на севере или юге. В их наличии вряд ли кто может сомневаться. Исторические судьбы славянских народов в течение многих столетий тесно переплетались с тюрками. Естественно, что тюркизмы уже давно и прочно вошли в состав словарного фонда русского языка. Даже в польском насчитывается не мало тюркских слов, заимствованных от крымских татар.

Здесь уместно привести мысль известного советского тюрколога Н. К. Дмитриева: «Анализ славянской топонимики и отчасти ономастики не может обойтись без тюркологической экспертизы» (1962).

Известно, что Киевская Русь тесно соприкасалась с печенегами и половцами (кипчаками) еще в раннем средневековье. Московская же Русь в течение долгого времени имела связи с Золотой Ордой, а позднее с тюркскими ханствами — Казанским, Астраханским, Сибирским, Крымским. Наиболее поздно в орбиту взаимоотношений России с тюркоязычным населением попали кав-

казские народы, а также народы Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, тюркская топонимия Русской равнины может восходить к разным источникам, но, учитывая близкородственность почти всех тюркских языков, следует думать об идентичных или мало отличающихся географических названиях, оформленных типичными топонимическими суффиксами *-лы*, *-лык*.

Ареал тюркских географических названий в Евразии удивительный по размерам и в какой-то мере может быть сравним с ареалом славянской топонимии. Славянские топонимы легко прослеживаются от Центральной Европы (Чехословакия, ГДР, ФРГ, Австрия, Северная Италия) до берегов Тихого океана и Северо-Западной Америки (США, Канада). Тюркские топонимы выявляются в Центральной Европе, во множестве присутствуют на Балканском полуострове, в Передней Азии, Западном Китае, Тибете и Монголии, а в СССР — от южных границ до Таймыра и Якутии включительно. При этом тюркские географические названия оказываются устойчивыми и нередко просто опознаются благодаря их многократной повторяемости и прозрачной семантике.

Тюркизмы в топонимии центральных областей Российской Федерации уходят своими корнями в далекое историческое прошлое русского государства и подтверждаются современным размещением тюркоязычных народов.

Известно, что географическая номенклатура Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Казахстана, Башкирии и Татарии уже получила хорошее освещение во многих специальных трудах. Однако этого нельзя сказать о тюркской топонимии центральных областей РСФСР, которая достоверно известна только по обрывочным и случайным замечаниям и сообщениям, сделанным как бы попутно. Между тем здесь непочатый край работы. Несомненно, что среди всех других горизонтов стратиграфической колонки топонимии Центра тюркский слой остается самым темным, малоизученным.

Для последующего его освещения следует уяснить некоторые спорные вопросы классификации. Что считать тюркизмами в топонимии?

1. Можно ли к ним отнести названия, в составе которых присутствуют местные термины (*базар, елань, курган, майдан, урема, яр* и другие), давно заимст-

вованные русским да и другими славянскими языками и уже прочно вошедшие в их словарный фонд из тюркских или через их посредство из иранских?

2. Можно ли считать тюркизмами отантропонимические топонимы из русских фамилий тюркского происхождения? Таких топонимов может набраться много даже в ближайших окрестностях Москвы. В качестве примеров приведем: Ушаков от тюрк. *ушак* — «мелкий, малый, невысокий, мальчик, сын»; Кутузов от *кутуз/кутур* — «бешеный»; Куракин от *курак, кургак* — «сухой, мрачный, пустой»; Сабуров от тюрк. *сабур* (исходное арабское) — «терпеливый, выносливый»; Бибиков от *би* — «собственное имя» и *бек* — «титул мирзы» и др. (Баскаков, 1969 а, 1970). К этому же списку относятся: Тургенев от тюрко-монг. *тургень/тургэн* — «скорый, быстрый, спешный» и Аксаков от *аксак* — «хромой».
3. Можно ли назвать тюркизмами этнонимические прилагательные типа: казанский, татарский, туркменский? Примеры: с. Татарский Брод в Орловской области (Морозова, 1972), с. Казанское в Тамбовской области, Татарская улица и Туркменский проезд в Москве. Такие имена даны явно не тюрками.

Эти вопросы требуют обоснованных ответов. Но даже если исключить подобные топонимические образования, все же набирается достаточно материала для того, чтобы утверждать: тюркоязычные географические названия присутствуют на карте Центра РСФСР не одиночно, а в значительном количестве, что особенно заметно на востоке и юго-востоке (в Пензенской, Тамбовской и Воронежской областях и Мордовской АССР).

Так, Б. И. Зимин пишет: «Тюркское население оставило довольно значительный след в топонимике Тамбовской области, чаще всего это слова татарского происхождения» (1965). Он же (1962, 1969) относит к тюркизмам топонимы Энтуразово, Карай-Марьино, Карай-Салтыки. Ср.: *кара* — «смотреть в даль, осматривать»; *карау* — «осмотр, взгляд», *караул* (Радлов, 2, 1893—1911). Конечно, тюркизм гидронима и имени населенного места Балыклей не вызывает сомнения (ср.: балык — «рыба» и бесконечные Балыкчи, Балыксу, Балыклы, Балыкльдере, Балыктыколь и другие) в тюркской топонимии. Тамбовский Балыклей оформлен мордовским термином *лей* — «река», возможно, уже в порядке народной

этимологии из тюркского суффикса *-лы*. В той же области: с. Кутли — «счастливое», Чамлык от *чам* — «сосна, сль». Первым автором, писавшим в наши годы о топонимии Воронежской области, была Н. П. Гринкова (1957); она привела несколько тюркских имен населенных мест, правда не определяя их языковой принадлежности.

По словам В. П. Загоровского (1966): «В восточных районах Воронежской области осталось много географических названий тюркского происхождения. Они даны не только хозарами, но и другими тюркоязычными народами, пришедшими в Подонье позже, — печенегами, половцами, татарами»... В Прибитужье «почти все названия рек даны тюркоязычными племенами. Следовательно, если города и села названы по имени рек, то почти всегда их названия имеют тюркское происхождение (половецкое, татарское)». Для Воронежской области отмечено немало тюркских наименований с хорошей и удовлетворительной семантикой. Среди них р. Еманча — «плохоньякая», Мечетка, где находятся остатки татарского мавзолея XIV в., р. Токай. Ср.: *токой, тугай* — «пойменный лес, лес на равнине», р. Ташанка из *ташан* — «изобильная», р. Тойда из *той-даг* — «глиняная гора». Гидроним Битюк — левый приток Дона — этот автор также считает тюркским и производит из *бедюк* — «великий, большой». Прежние этимологии исходили из значения «верблюд» (Никонов, 1966). Не со всеми этимологиями В. П. Загоровского можно согласиться: топоним Тамлык лучше объясняется не от *чам* — «хвойный лес», а от *там* — «дом, постоянное жилище». Ср.: Тамды в Узбекистане, Акдам и Дамлимазар в Туркмении, Иркештам в Киргизии. Топонимов с *-там* особенно много в долине Тарима. Не убедительно Калач от *тала* — «равнина, степь», Осередь (Осереда) от *сырт*, название Хава от термина *хава* — «воздух». Такое значение не продуктивно в топонимии.

Конечно, к тюркизмам относится и широко известный в литературе топоним Телеорман, Телеормановский лес и лесничество при слиянии Вороны и Хопра. Он перекликается с гидронимом Телеорман на Румынской равнине. Все авторы, писавшие об этом топониме (Скрябин, 1949; Коня, Драгомiresку, Няму, 1962; Корнилов, 1966), объясняют это название с тюркского *орман* — «лес» (ср.: сибирский *урман*), а первый компонент румынские то-

понимисты связывают с половецким *тила* — «безумный, дикий, непроходимый», тогда как Г. Е. Корнилов исходит из *тилэ* — «лисица» и этимологизирует «лисий лес».

В Пензенской области примечательно с. Лермонтово с заповедником поэта Тарханы. Имя это широко известно и легко этимологизируется с тюрко-монгольских языков: *тархан/дархан* — «титул правителя; человек, освобожденный от налогов; человек высшего сословия (тюрк.); священный, неприкосновенный, в прошлом — свободное от повинностей лицо, ныне — мастер, кузнец» (монг.). Есть попытки этимологизировать: *тар-хан*, где *тар* — частица, указывающая на высокий титул.

В русском языке тарханные грамоты — жалованные грамоты в феодальной Руси, тарханы — «неподатные, иногда не судимые княжеским судом». Со временем семантика слова расширилась: тарханы, тарханщики — в диалектах: прасол, торговец, скупщик деревенского товара и т. д. В географии тарханные земли — места не облагаемые налогами, свободные, независимые, заповедные. Были также тарханные села, тарханные промыслы. Это заимствованное слово оставило глубокий след в топонимике России и других стран: Тархановское болото близ Шатуры Московской области; Большие и Малые Тарханы на р. Тарханка по правобережью Волги севернее Ульяновска; с. Тарханская Потьма в Мордовской АССР; с. Тарханка на р. Серезь, левом притоке Чулыма.

Отсюда же Астрахань из ногайск. Хаджи-Тархан и Ас-Тархан или Ас-Торхань. До сих пор в турецкой географии сохранилась форма Хаджи-Тархан, а в немецком — *Astrachan* — «каракуль», поскольку этот мех как товар поступал из Нижнего Поволжья, а в Астрахани был рынок каракуля. Ср. устаревшее Тьмуторокань, или Тмутаркан (Тамань)*. М. Н. Мельхеев (1969) в топонимии Бурятии называет несколько местностей и селений: Дархан, Дархата, Дархитуй. В форме *таркань* нередко встречается в топонимии Венгрии, в монгольских географических названиях (гора Дархан-Хан, г. Дархан — молодой промышленный центр в МНР и другие топонимы в этой республике).

В Горьковской области и Мордовской АССР тюркизмы весьма обычны. Просто видеть тюркизмы в названиях типа Саитово, Юсупово, Ахматово, Кзыл-Октябрь,

Мурзицы, Уразовка. В Пензенской области тюркские топонимы легко опознаются в таких названиях населенных мест, как Бикмурзино, Устьмурза, Джалилово, Ахматово, Абдулаевка (ныне Залесное), Каргаляйка и Донгузляй (ныне Березовка). Эти две последние формы со значениями «изобилующие воронами» и «изобилующие свиньями» изменены в окончаниях *лейка/ляй* из первичного тюркского суффикса *-ли*. Этот список можно продолжить: Таштыкамьяк, Кашка, Ерикля, Кичкене.

Но проследим по имеющимся материалам тюркскую топонимию в более западных областях Центра, где они не столь ярко бросаются в глаза, как в приволжских или придонских областях. В Рязанской области, в районе Касимова, читаются на карте: Мурзы, Ташенка от *таш* — «камень» (и рядом Каменка), Кошибеев, оз. Большие Саурки (ср.: *саур* — «круп лошади, холм, вершина округлой формы») и др. В Калужской области количество тюркизмов падает. Так, у М. Н. Морозовой (1966) из 4436 собранных топонимов только одно оказалось тюркским — Аскерово, тогда как в Тамбовской из 3107 — более 30. Благодаря работам А. И. Ященко (1968; Яшченко, 1968) можно назвать тюркские имена в Курской области. Среди них некоторые обладают прозрачной этимологией: Олым (тюрко-монг. *олым/олом* — «брод»); Алака (тюрк. *ала* — «пестрый»); Кшень — топоним, который, по А. И. Ященко, восходит к *кша, кош* — «стоянка, лагерь, стан»; Сула (*сулау* — «мокрое место»). Следовало бы привести еще несколько примеров, но их этимологии могут исходить из данных и нетюркских языков. Таковы Обоянь из *баян* — «богатый», Корочка из *кара* — «черный», Суджа от *су* — «вода». Этимологии нередко бывают только гипотезами.

Два слова о Смоленской области, на карте которой можно прочесть: Басманово, Баскаково, Татарка.

Было бы несправедливым умолчать о топонимах тюркского происхождения в Москве и Подмосковье. Так, В. Г. Фоменко (1970) относит к ним Коломну и Каширу. Для Коломны, известной с XII в., он отрицает славянскую этимологию от диалектного *коломень* — «окрепность» и финно-угорского *колм* — «могила», попавшее в русский язык в середине XVI в. в форме *коломище* — «могилище». По его мнению, наивно это имя производить и от итальянской фамилии Колонна. В. Г. Фоменко предлагает тюркскую (половецкую) версию от *колло-*

* Из новых публикаций см. И. Г. Добродомов, РР., 1973, № 5.

ма — «охранение, обеспечение», поскольку Коломна, расположенная при впадении Москвы-реки в Оку, была укрепленным городом, преграждавшим путь к северорусским землям. А в конце XVI в. здесь стоял сторожевой полк «большого разряда».

Кашира упоминается в летописях с середины XIV в. и первоначально звучала — Кошира. М. Фасмер (1967) вполне удовлетворительно связывает этот топоним с тюркским *кош* — «юрта», «шалаш», «стоянка», «молочная ферма», «стан». Но В. Г. Фоменко, оставаясь на тюркской почве, объясняет: *кешир* — «переправа через реку», так как исторически известно, что именно здесь была наиболее оживленная и удобная переправа через Оку, которая охранялась сторожевыми войсками. Для полноты укажу возможность этимологии на балтийской почве. В. Н. Топоров (1972) обращает внимание на латышские параллели: Касара, Кашиш-Плава, Каша-Плава, Каш-Аре, Косорайте и др.

В Москве общеизвестны тюркизмы среди названий улиц, но их немного. Обычно вспоминают Балчуг и Арбат. Действительно, происхождение этих имен не вызывает споров. *Балчуг* — «грязь, болото». Ср. наименование болгарского г. Балчик с той же семантикой. В Москве не случайно почти рядом Балчуг и Болотная набережная. Здесь часто было топко и грязно до тех пор, пока в 1786 г. не прорыли водоотводный канал (Сытин, 1959). Арбат производят от арабского *рабад**. Это арабское слово было занесено в Москву восточными гостями, видимо через татарское посредничество. Топоним известен по летописям с 1493 г.

Но конечно, этими двумя примерами нельзя ограничиться при оценке тюркизмов в названиях московских улиц. Можно вспомнить Басманную улицу и Таганку, названную так по слободе мастеров, изготавливающих таганы — тренажки для котлов. Слово это фиксируется в словаре В. В. Радлова (1905, 3, 1893—1911), который приводит значения: 1) козла для подвешивания чего-либо; 2) качель. Оно вошло и в русский язык. Вспомним и Ордынку, по которой проходила дорога на Золотую Орду, и рядом находящиеся Толмачевские переулки, где жили толмачи — «переводчики», помогавшие общаться русским с татарами.

* О топонимах с *рабад* см. на стр. 211.

Несколько слов о Китай-городе — центральной части Москвы, где первоначально располагался Большой Посад. П. А. Сытин (1952) приводит три возможных объяснения этого имени: 1) из монгольского *китай* (?) — «средний»; 2) из итальянского *cita* — «город»; 3) по корзине *кит*, в которой носили землю при строительстве. Однако здесь изложены только ничем не подтвержденные гипотезы. Между тем московский Китай-город не одинок. Такой топоним неоднократно повторяется на юге СССР; в частности на Украине. Г. Я. Романова (1964) отметила присутствие в названиях печенегских крепостей слова *катай*, что сравнимо с чагатайским *катаг* — «крепость», «укрепление». Последняя форма отмечена в радловском словаре. Если так, а реалья хорошо соответствует названию, то и Китай-город подобно Ордынке, Балчугу оказывается, по генезису, тюркским образованием. (О топонимах с *кат* см. стр. 116—119.)

Названия некоторых московских улиц берут начало от тюркских антропонимов. Среди них Черкизовские улицы и проезды, происхождение которых связывают с именем с. Черкизова, принадлежавшего татарскому царевичу Серкизу. К этой же категории относятся названия улиц: Наримановская, Мантулинская, Молдагуловой, Мансуровский пер., хотя эти фамилии могли относиться к русским.

В последние годы в практику наименований и переименований московских улиц введено присвоение названий по городам и рекам Советского Союза: Ангарская, Норильская, Бирюсинка, Ереванская, Илимская, Иртышская, Иркутская, Симферопольский бульвар и т. д. В таком списке оказались Балаклавский проспект, Ташкентская и Самаркандская улицы. Хотя исходное значение этих последних имен вызывает споры, но есть сторонники и их тюркских этимологий.

Этот неполный обзор тюркской топонимии Центра призван привлечь внимание к разработке темы, ибо среди других стратиграфических горизонтов топонимии Русской равнины именно тюркский оказался менее всего изученным. В некоторых областях еще по существу вообще не начинались топонимические исследования, где уж тут говорить об отдельных проблемах и темах. Нужно думать, что такое положение изменится в ближайшем будущем.

Имена азиатских пустынь

В Азии пустыни занимают обширные площади. С некоторыми перерывами они протянулись от Аравийского полуострова на западе, где продолжают африканские пустыни, почти до Большого Хингана на востоке. Самые большие пустыни известны нам со школьной скамьи. Это Каракумы, Кызылкум, Устюрт, Гоби, Такла-Макан. А вот каково происхождение этих названий, каков их смысл, знают далеко не все, а встречающиеся иногда в популярной литературе объяснения нередко грешат против истины и не всегда верно отражают этимологии широко распространенных топонимов пустынь.

Поэтому целесообразно рассказать о происхождении названий азиатских пустынь, часто упоминаемых в курсах географии средней и высшей школ, в печати, на радио и телевидении. Эти названия даются ниже в алфавитном порядке. Приведенный материал убеждает в том, что в основе собственных имен пустынь Азии лежат нарицательные слова, народные географические термины, чаще всего ландшафтные термины, точно указывающие на географические реалии.

Алашань — пустыня и горный хребет в Центральной Азии, в Северном Китае. Этимология неясна, хотя конечное *шань* — китайское «гора» хорошо вписывается в ряд других оронимических объектов: Наньшань, Бэйшань, Тянь-Шань, Иньшань и т. д. Одни исследователи связывают топоним с тюркским словом *алаша* — «мерин, плохой конь, лошадь», откуда и русское слово *лошадь*. Объяснение кажется географически не мотивированным. Можно гипотетически предложить другую этимологию. В Центральной Азии широко распространены тюркские топонимы. Алашанский хребет некогда, видимо, назы-

вался Алатаг — обычный ороним для Внутренней Азии. Ср. Алатау, Аладаг, Алатоо, Алатуу и т. д. в тюркоязычных районах. Затем при помощи калькирования конечное тюркское *таг* было заменено китайским *шань* с тем же значением. Правда, существует и параллельный китайский топоним — Цзаланьшань. Этот метод переименования исконных не китайских географических имен получил широкое распространение на окраинах Китая, где проводилась колонизация земель, населенных не китайским населением. Точно известно, что такая метаморфоза произошла с оронимом Богдоула — одной из высочайших вершин Восточного Тянь-Шаня, что поднимается над г. Урумчи в Синьцзяне. Ныне она больше известна под именем Богдошань, где сохранилось первое монголо-тибетское слово *богдо* — «божественный, святой, чтимый», но изменен монгольский термин *ула(ола)* — «гора» китайским *шань* в том же смысле. Форма Богдошань теперь уже не только и не столько относится к вершине, а распространилась на всю горную цепь — от Урумчи до перевального прохода между Хами и Гучэном.

Если высказанная здесь гипотеза получит надежную аргументацию, то название пустыни Алашань — производное от одноименного хребта и может быть раскрыто как «пестрые горы», т. е. горы, имеющие высотную поясность почвенно-растительного покрова. Н. М. Пржевальский отмечает, что склоны хребта несут лесной пояс, где произрастают ель, осина с примесью белой березы и древовидного можжевельника (1946, стр. 161).

Аравийская пустыня — общее название нескольких больших пустынь Аравийского полуострова в юго-западной части Азии: Большой Нефуд, Малый Нефуд, Руб-эль-Хали и др. Казалось бы, все ясно: пустыня получила название по этнониму *араб*. Но в действительности здесь наблюдается обратная зависимость: этноним *араб* — производное от топонима, о чем пишет и В. А. Никонов: «Имя арабы производно от названия страны, откуда они и распространились» (1966). Аравийский полуостров и его просторы именовались Билад-аль-араб, т. е. «страна степей». Как общее название пустынь полуострова топоним возник уже книжным путем.

Бетпак-Дала — пустыня в Казахстане. Иногда в русской литературе встречается второе название — Голодная степь, что отнюдь не точный перевод исходного

топонима, а, как будет показано, является поэтическим образом. Географический термин, формирующий собственное имя — *дала*, имеет широчайший ареал от Кавказа до Тихого океана и присущ тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Так, азерб. *тала* — «поляна, открытое урочище, равнина, квартал, часть горного аула», в балкарском *тала* — «поляна», в казахском *дала* — «степь, открытая равнинная местность, пространство вне помещения» (Конкашпаев, 1951), в башкирском *дала* — «степь, степной», в киргизском *талаа* — «степь, открытая равнина, поле», в якутском *талай* — «поле, степь» и другие соответствия в тюркских языках. В монгольских языках сравнимо *тал* — «равнина, широкая долина, степь», но также «сторона, удобное место». В тунгусо-маньчжурских языках отметим эвенкийское *тала* — «солонец, лизень, куда дикие копытные приходят слизывать каменную соль или соленые выпоты солончков и солонцов».

Интересно, что Н. А. Сыромятников (1967) сравнивает корейское (когуре) *тап* — «долина», японское *тапи* (в том же смысле). Термин *тала* употребителен и в Индостане: урду *тала*, хинди (диал.) *талват* — «равнина». Видимо, отсюда и персидское *талаб* — «пруд, водоем», дословно — «водяная поляна».

Топонимический ряд с *тала*, *дала* очень длинный. Приведем некоторые примеры: с. Тала, р. Тала, г. Закалалы, р. Талачай — «плоская, равнинная река», с. Узунтала — «длинная равнина» в Азербайджанской ССР; с. Мухор-Тала — «тупиковая равнина» в Бурятской АССР; реки Талакит и Талакан — притоки Витима в Восточной Сибири; Хойт-Нулин-Тала — «североозерная равнина» в Монголии. В Казахстане Айдала, родник Далакайнар — «степной родник» (*кайнар* — «кипящий, подающий воду с напором»). Г. К. Конкашпаев в своем словаре (1963) приводит также Бетпактау — «злосчастная гора», что близко к интересующему нас названию пустыни. Таким образом, Бетпакдала — «злосчастная равнина», или, другими словами, «бедственная равнина», что и дало возможность вольного перевода «Голодная степь», где под словом *степь* следует понимать не степь, а пустыню.

Встречается еще одно объяснение названия пустыни Бетпакдала. В некоторых тюркских языках есть слово *баткак* — «вязкий, топкий, болотистый; грязь, болото».

Обычно вязкость, топкость, грязь связывают с глинистыми грунтами, распространенными в некоторых пустынях Средней Азии и Казахстана. В дождливое время они действительно делаются трудно проходимыми. Но следует обратить внимание на несоответствие: *бетпак* и *баткак*. Это разные слова.

Гоби — великая пустыня Центральной Азии. Как имя всей пустыни от Джунгарии и Алтая на западе до южных отрогов Хингана на востоке — образование книжное и сравнительно позднее. Этимология прозрачна. В основе топонима лежит монгольский термин *говь*, определяющий тип ландшафта. *Гоби* — «равнинная или увалистая пересеченная местность, покрытая редкой полупустынной или пустынной растительностью, с каменистой и засоленной почвой; характеризуется недостатком воды, имеющейся только в колодцах и редких ключах, отсутствием поверхностных вод, если не считать временных селевых потоков или *уиров* (монг. слово)». Может быть много *гоби*, так как местные жители называют при помощи этого термина отдельные участки пустынь: Бордзон-Гоби, Дабасун-Гоби, Шаргын-Гоби, Номин-Гоби и др.

Термин *гоби* хорошо известен в Бурятии, где *гоби*, или *губи*, — «сухая степь со скудной травянистой растительностью на щебнистых, солончаковых почвах; холмистая степь. Урочище Алкучанский Говин в Восточном Забайкалье; урочище Сагаан-Гоби, т. е. Белая Гоби» (Мельхеев, 1969). А в Западном Китае *гоби* тоже ландшафтный термин, обозначающий бесплодную, каменистую пустыню — *хамаду*.

Пример с наименованием пустыни Гоби иллюстрирует закономерность переноса географического термина на собственное имя обширной ландшафтной области.

В старой литературе иногда можно встретить название Гоби, или Шамо. Второе имя не является калькой монгольского термина, а переводится с китайского «песчаная пустыня», что неточно отражает географическую действительность. В Гоби пески занимают сравнительно небольшие площади.

Деште-Кевир — пустыня в центральной части Ирана. Персидский топоним хорошо указывает на господствующие ландшафты. Первое слово *дешт* (*дашт*) известно и в Средней Азии, и в Закавказье. Основные значения — «равнина, степь, пустыня, каменистая пусты-

ня». В Таджикистане обычен в смысле «ровное поле, степной более или менее плоский участок в горах, широкая речная терраса». Термин употребляется и тюркоязычным населением среднеазиатских республик, Казахстана, Азербайджана. Ср. также армянское *дашт* — «поле, равнина» и *даштайн* — «полевой». В Пакистане и Афганистане *dasht* — «пустыня, равнина». Термин очень активен в топонимике Среднего Востока, Средней Азии, Таримской впадины у уйгур. Примеры: с. Дашт и р. Даштаджур — «полевая вода» в Армении; с. Дашта-тук и пустыня Дашти-Муган (Муганская степь) в Азербайджане; перевал Сагырдашт через Дарвазский хр., плоская, высокая терраса — урочище Дашт над Хорогом, где находится Памирский ботанический сад, с. Дашти-ангари и с. Даштиджум в Таджикистане; Дашти-Зиарат — равнина в междуречье Кабула и Алишанга и Даштимаркох в Афганистане, равнины Деште-Наомид и Деште-Горган в Иране и т. д. Одно из исторических названий песков Каракум в Туркмении — Даштихоразм, т. е. Хорезмская пустыня.

Интересно: Половецкая степь у восточных авторов известна под именем Дешти-Кипчак. Под таким обобщенным топонимом понимали причерноморские степи или равнины, протянувшиеся через Волгу между Днепром и Тянь-Шанем. По свидетельству известного востоковеда Б. Н. Заходера, Дашт — собственное название причерноморских и прикаспийских равнин. Арабский путешественник Ибн-Баттута писал о Даште между Крымом и Волгой: «Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема» (Заходер, 1962, стр. 113).

Второе слово в названии Деште-Кевир также весьма активно в образовании географических названий. В средней Азии известен и несколько иной фонетический вариант — *кебир*. С. Караев (С. Кораев, 1970) приводит узбекскую форму *кабир*. Значение — «солончак, соленая пустыня, непроходимое топкое солончаковатое болото, мелкое засоленное озеро, окруженное топкими берегами, сухой пухлый солончак, соленая грязь». Топонимические примеры: солончак Кевире-Немек — «солончаковатое болото»; с. Кевирабад в Иране; русло Кебирсай в Казахстане.

Таким образом, топоним Деште-Кевир нужно понимать так: солончаковая пустыня или равнина, покрытая

солончаками. В старорусской литературе иногда переводили: Большая Соляная пустыня.

Деште-Лут — пустыня в восточной части Ирана. Первое слово было объяснено на примере топонима Деште-Кевир. О значении второго слова, *лут*, у В. И. Савиной читаем: *лут* — «песчаная пустыня, безводное место со скудной растительностью; голый, нагой» (1971). Так открывается этимология имени этой пустыни: «плоская (равнинная) песчаная пустыня, лишенная растительности».

Джунгарская пустыня расположена в обширной впадине между горами Алтая и Восточного Тянь-Шаня. Название это сравнительно просто раскрывается с монгольских языков: *дзун* + *гар* — «левая рука, левая сторона». Джунгария противопоставляется Барун-Тале — «правой равнине», как монголы называют тибетское нагорье Джантанг. У халха-монголов передняя сторона — южная, поэтому *дзун* также еще и «восток, восточный». Но у западномонгольских народов принято при ориентировке обращаться лицом к востоку, что связано с обычаем тюрков.

Словосложение *дзун* + *гар* дало начало целому топонимическому ряду, который возник уже как книжное образование: Джунгарские Ворота — глубокий межгорный желоб тектонического происхождения, соединяющий котловину оз. Эби-Нур в Синьцзяне и оз. Алакуль в Казахской ССР; Джунгарский Алатау — один из северных хребтов Тянь-Шаня, названный так П. П. Семеновым-Тянь-Шанским в середине прошлого столетия. Сюда же Джунгарское ханство средних веков и этноним *джунгар*.

В северной части Джунгарской впадины лежит большой песчаный массив Кобе, или Коббэ (от тюркского *кобы*, *кобе*, *кобу* — «горная долина, сухое русло, овраг»; в Крыму *коба* — «пещера»). Топоним повторяется в Казахстане, на Кавказе и в других странах, где присутствуют тюркские географические названия: район Азербайджана Кобыстан (Гобустан), с. Коба на запад от Баку, с. Коби на Военно-Грузинской дороге, долина Кобу в Казахстане, р. Хобук в Джунгарии, пещера Кызыл-Коба и Харанлыг-Коба в Крымских горах и т. д. Все эти топонимы хорошо отражают географические реалии и названы по наличию сухих русел, оврагов, пещер.

Каракум, Каракумы — самая большая песчаная пустыня в Средней Азии и в СССР. Как будто в этом

названии все ясно: *каракум*, туркменское *гарагум* — «черный песок». Однако об этом топониме уже существует противоречивая литература. Туркмены так называют песок, закрепленный разнообразной растительностью, в отличие от барханных подвижных песков *аккум* — «белых, чистых песков», лишенных растительности.

Как показал А. Н. Кононов (1954), в географической терминологии слово *кара* в древнетюркском языке обозначало также землю, сушу. Поэтому *каракум* следует переводить «земля + песок», «земляные пески». Убедительный пример такого толкования демонстрирует другой тюркский географический термин — *карасу* — «родниковая вода», дословно — «земляная вода, вода из земли». Таким образом, в топониме пустыни, так же как и в названии Гоби, лежит ландшафтный термин *каракум* — «неподвижный, закрепленный растительностью песок». Не следует это тюркское имя переводить «черные, или мрачные, или злые пески», что нередко можно видеть на страницах популярных изданий. Однако есть и противники предложенной этимологии. Так, казахский топонимист Г. К. Конкашпаев считает, что в тюркской географической номенклатуре так называемые «цветовые прилагательные» обозначают только цвет и не имеют других значений: *кара* — «черный», *ак* — «белый» и т. д. С другой стороны, как свидетельствует Р. Юзбашев (1966), в азербайджанской географической терминологии слово *кара* (*гара*) обладает полисемантизмом.

С. Атаниязов (1970) в словарной статье показывает множество названий типа Каракум в Туркмении: Баш Гарагум, Орта Гарагум, Аяк Гарагум, Улы Гарагум и др. За пределами Туркмении песчаные массивы, называемые так же, имеются в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане, Синьцзяне и других областях тюркоязычного мира.

А слово *кум* отмечено и у сибирских тюрков: *кумак* — «песок» в шорском и алтайском, *кумах* в якутском (например, р. Кумах-Улах — приток р. Чары на севере Прибайкалья). Из тюркских языков термин попал в таджикский, афганский и персидский, а также живет и в албанском, где заимствован, видимо, из турецкого. Очень много топонимов на громадном пространстве Евразии от Восточной Сибири до Средиземного моря образовано с помощью слова *кум*. Х. Хасанов (1965) на историко-

топонимической карте Средней Азии указывает 11 названий для пустыни Каракум, в том числе Еттикум — «семь песков», Гуз чули — «пустыня огузов», Туркман чули — «пустыня туркмен», Марв чули — «Мервская пустыня», по городу Мерв (Мары), Хуросон чули — «Хорасанская пустыня» и т. д. Столь большое количество топонимов для одной и той же пустыни говорит об отсутствии в прошлом единого имени и сравнительно позднем становлении современного названия Каракум.

Кызылкум — пустыня в Средней Азии. Этимология прозрачная — «красный песок». Однако почему он красный, когда цвет песчаных отложений в Кызылкуме в ряде мест мало отличается от каракумских? Название не одиноко в топонимии Средней Азии. С Атаниязов (1970) только для Туркмении указывает пески Гызылгум в Гасанкулийском и Тахтинском районах республики. По свидетельству Р. Л. Югая (1961), это название не встречается в «Книге Большому Чертежу», где можно обнаружить имена Аральского моря, Приаральских Каракумов, песков Барсуки.

Имя пустыни Кызылкум упоминается впервые в 1816 г. на архивной карте, составленной Депо карт, а в литературе — в 1818 г. — в отчете горного чиновника Тимофея Бурнашева, который в 1794—1795 гг. прошел через пески в Бухару. В его отчете читаем: «Между Сыром и Яной (Яныдарья, Жанадарья. — Э. М.) лесу соксаулевого довольно, но воды и подножного корма весьма недостаточно; а далее от Яны дорога идет через пески, называемые Кизил-кум (красный песок), лишённые воды и травы, единственно только соксаул растет в них в изобилии» (по Р. Л. Югаю, 1961). По мнению этого автора, первоначально имя Кызылкум было приурочено только к пескам между Яныдарьей и Букантау, а на упомянутой карте встречается в двух местах — южнее Яныдарьи и на месте современной Чардарьинской степи.

Почему же пески красные? Большинство исследователей объясняли оранжевым, красноватым оттенками их. По этому поводу я имел возможность уже высказываться: «Терминологическое значение (топонима Кызылкум) мне неизвестно, пески получили название по красноватому оттенку, а возможно, от названия Кызылдарья, как раньше называли Джаныдарью, дельтовый проток Сырдарьи, доходящей до дельты Аму» (1957, стр. 20). Р. Л. Югай поддерживает первое предположение.

Б. А. Федорович пишет: пески Кызылкум «во многих районах имеют ярко-оранжевый, красновато-рыжий, а то и кирпично-красный цвет» (1954, стр. 100).

По-видимому, первоначальное название Кызылкум было действительно локальным, приуроченным к каким-то отдельным красноватым песчаным массивам, а затем распространилось на большую среднеазиатскую пустыню. В связи с этим интересно свидетельство того же Р. Л. Югая (1961), который в юго-восточной части Кызылкума не слышал от местных жителей такого имени, но на юго-западе «песчаные пространства называются просто *кызыл*, а вся равнинная часть, не покрытая подвижными песками, называется *чулем* (термин *чуль* здесь имеет самое широкое распространение)». Не случайно тот же Х. Хасанов (1965) упоминает для этой пустыни дублетные имена Бухоро чули — «Бухарская пустыня» и Боткок кум — «топкие, болотистые пески» для южной призеравшанской части.

Такла-Макан — песчаная пустыня в Центральной Азии, в Таримской впадине. Название не осмысливается местными жителями, оно не этимологизируется ни с уйгурского, ни с монгольского, ни с китайского языков. По-видимому, оно является позднейшим введением в китайскую географию, в которой чаще именовалась Талимушамо, т. е. «Таримская песчаная пустыня». Приводимый в популярной литературе перевод «пойдешь — не вернешься» не имеет никакого основания и оказывается произвольным переносом известного тюркского топонима Барсакельмес на пустыню Такла-Макан только потому, что она действительно труднодоступна и необитаема в центральной ее части.

Второе слово раскрывается просто: арабское *макан*, *мекан* — «место, местожительство, местообитание, дом» известно и во многих языках Южной и Средней Азии, в том числе в хинди, урду, пушту, персидском, таджикском и даже тюркских языках. Топонимия знает ряд названий с *макан*. В Таримской впадине есть с. Арамакан — «среднее поселение», в Туркмении — с. Мекан. В этой форме в Иране топоним повторяется много раз: Абмекан, Чермекан, Назмекан, Хорремекан, Дехмекан, Зехмекан и т. д. (Савина, 1971).

Пришлось слышать полный перевод Такла-Макан — «местообитание мертвых», но так и не удалось найти доказательств такого объяснения.

Сложно было с этимологией слова *такла*. Вряд ли можно согласиться с С. Гединым (1899), который отождествлял название Тохаристан (по этнониму *тохар*), что в китайской транскрипции дается Ту-хо-ло, с Такла. Близ Хотана есть небольшое с. Токла. Древний город, посещенный этим путешественником, расположенный среди песков, местные жители называли также Такла-Маканом. Его развалины сохранились в виде тополевых столбов и бревен.

Э. Тенишев (1961) показал арабское происхождение и элемента *такла* от *tark* — «оставление, покидание, бросание», которое в уйгурском приобрело форму *taklik*, где *-lik* или усеченное *-li* — суффикс, обычный при формировании тюркских географических названий.

Таким образом, Такла-Макан — «покинутое, заброшенное место». В чем географический смысл такой этимологии? По окраинам пустыни ныне известно множество заброшенных городищ, развалин кишлаков, некогда обитаемых селений, которые приурочены к староречьям Тарима, его дельтовым руслам, к сухим долинам куньлуньских рек, иссякающих в пустыне.

Блуждание Тарима по аллювиальной равнине, увеличивающийся забор воды в подгорных оазисах Куньлуна и Восточного Тянь-Шаня привели к иссушению низовьев горных рек в пустыне. Жители должны были оставлять насиженные и освоенные места и уходить в поисках воды, пастбищ и земель для орошаемого земледелия. Население покидало окраины пустыни и переселялось поближе к горам, где была вода.

Так точно и образно народ дал имя окраине пустыни Такла-Макан. Затем название уже было перенесено на всю пустыню.

Тар, Т(х)ар — пустынная и полупустынная равнина на Индостанском полуострове в междуречье Инда и Ганга, где преобладают песчаные гряды, солончаки такыры, соленые озера. Происхождение имени этой пустыни связано, видимо, с характером плоского рельефа. В языке хинди есть несколько терминов для обозначения равнин: 1) *сам-тал прадеш* — дословно «гладкая, плоская, ровная провинция, округ, штат»; 2) *маздан, мадан; майдан* — «равнина, долина, площадь», что перекликается с широко распространенным термином *майдан*, известным практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока, в Северной Африке, в Юго-Восточной Европе,

в Средней Азии, на Кавказе, Украине, в Поволжье и других районах СССР; 3) *пата, патанган* — «равнина»; 4) наконец, в «Инструкции по передаче на картах географических названий с хинди» есть также термин *тар* — «равнина» (Бабушкина, 1959, стр. 53). Наричательное слово, как это обычно бывает, превратилось в собственное название пустыни в междуречье Инда и Ганга. Интересно вспомнить и производное *тараи* — «равнина, долина, береговая полоса, предгорье». Конечно, читатель с этим термином легко может сопоставить индийское *тераи* — «заболоченные равнины на север от Ганга, у подножия Гималаев, покрытые влажными тропическими лесами или болотным высокотравьем».

Устюрт — пустыня и плато в Казахстане, Узбекистане и частично в Туркмении. Н. Л. Корженевский свидетельствует о наличии у местных жителей формы *устюрт* — «плоская возвышенность, которую отличают от низменности *астырг*» (1947). У Г. К. Конкашпаева видим подтверждение этого: *устюрт* — «плоская возвышенность» (1951). Х. Хасанов дает такое толкование: «высокий плоский кыр» (1965). С. Атанязов в своем словаре приводит этимологии топонима и ссылается при этом на известного венгерского ученого и путешественника по Средней Азии Арминия Вамбери, который видит в названии Устюрт два слова: *уст* + *юрт*, или «верхний юрт». Второе слово широко распространено в топонимии Востока: г. Хасавьюрт в Дагестане, с. Карагасьюрт в Башкирии, с. Язьюрт, с. Гюльюрт, с. Юртказем и др. в Туркмении. Слово это образует большое семантическое поле: населенный пункт, жилище, хутор, становище, лагерь, кочевье, страна, край, родина. Первый компонент *уст* перекликается с определением Х. Хасанова — «усти текизленен гыр». В подтверждение этого приведу также турецкое *üst* — «поверхность, верхняя сторона». Таким образом, Устюрт — «высокая страна, верхнее кочевье, высокая сторона».

Цайдам — обширная солончаковая пустыня с песчаными массивами в Центральной Азии, в гигантской впадине между Куньлунем на юге и Алтынтагом и Наньшанем на севере. Название не одиноко: с. Цайдам на берегу Гусиного озера в Бурятии; с. Цайдэму в бассейне Силяохэ во Внутренней Монголии; оз. Бага-Цайдам — Малый Цайдам и Цайдамын-Нур — «озеро Цайдама» в Цайдамской пустыне; соленое оз. Цайдам в Монголии

и Цайдамын-Барун-Ундур — потухший вулкан в Дариганге в Восточной Монголии. Это последнее название можно перевести: «Западная (правая) высота (гора) Цайдама».

Вот как описывает Цайдам Н. М. Пржевальский: «Вся эта страна... состоит из двух довольно резко между собой различающихся частей: южной — к которой, собственно, и приурочено монгольское название Цайдам — несомненно бывшей недавно дном обширного соленого озера, а потому более низкой, совершенно ровной, изобилующей ключевыми болотами, почти сплошь покрытой солончаками, и северной — более возвышенной, состоящей из местностей гористых или из бесплодных глинистых, галечных и частью солончаковых пространств, изборозжденных невысокими горами» (Пржевальский, 1948).

Это свидетельство очевидца весьма важно. В собственно Цайдамской котловине преобладают солончаковые пустыни.

По топонимическому ареалу видно, что все названия с *цайдам* приурочены к монгольязычным областям Центральной Азии. И действительно, в монгольских языках *цайдам* — «солончак, мелкое соленое озеро, засоленная впадина». Это монгольское слово, возможно, заимствовано из тибетского языка, где слова *цай* + *дам* соответствуют «соль + грязь», т. е. соленая грязь, или, выражаясь географически, «топкий солончак». На этом примере видно, как нарицательный географический термин вошел в географическую номенклатуру в виде собственного названия, точно отражающего особенности пустыни.

Азиатские топонимические миниатюры

Топонимическая изученность Средней и Центральной Азии еще такова, что каждая новая работа может дать не только новые неизвестные факты, но и какие-то обобщения. Разрозненные, но весьма интересные данные по топонимике внутренних частей Азиатского материка можно встретить во многих трудах, главным образом исторических, особенно в публикациях В. В. Бартольда. Помимо того некоторые авторы — лингвисты по специальности — дали топонимические исследования. Здесь уместно указать на превосходную работу В. А. Казакевича (1934) по Монголии; на работы Лесока (Lecoq, 1922), Рейнольда (Reynolds, 1925), Ракетта (Raquette, 1928), Ярринга (Jarring, 1961). А. Вамбери был первым, кто опубликовал специальную статью по географическим названиям Средней Азии (Vambergy, 1891). Этой же теме посвящено немало работ советских и зарубежных авторов. Нельзя здесь не упомянуть капитальный труд французского востоковеда Пелльо (Pelliot, 1959) «Заметки о Марко Поло». В первом его томе дан подробный разбор встречающихся в книге венецианского путешественника географических названий, личных имен, этнонимов, местных терминов. В этот том (650 страниц большого формата) включены 203 слова, чем исчерпаны четыре буквы алфавита: А, В, С, D (Дз). Автор использовал и русские источники, он нередко цитирует и ссылается на труды В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, И. П. Минаева, В. Ф. Минорского. П. Пелльо умер, не доведя до конца грандиозный труд, который, если судить по содержанию первой книги, должен был состоять из 8—10 томов.

Средняя и Центральная Азия — обширная бессточная область Азиатского материка, в котором господствуют пустыни и пустынно-степные ландшафты, а в горах, окружающих их, наблюдается спектр ландшафтных поясов, положение и природа которых меняется в зависимости от широты, абсолютной высоты и экспозиции горных склонов.

Исторически Средняя и Центральная Азия имеют много общего, судьбы, населяющих их народов тесно переплетались. Здесь рождались могущественные кочевые империи; их население в завоевательных походах, да и в мирной экспансии, непосредственно соприкасалось с оседлыми земледельческими народами — обитателями древних оазисов Таримской впадины и подгорных районов Туранской низменности.

Оазисы орошаются речными водами, истоки которых лежат в высоких горах, низкие же горы маловодны или вовсе безводны. Великие цивилизации Хорезма, древнего Мерва, Ферганы, Хотана возникли на основе широкого развития орошаемого земледелия. Кочевое скотоводство и оазисное орошаемое земледелие определяли профиль всей экономики Внутренней Азии.

Народы Средней и Центральной Азии характеризуются также языковой общностью. Ныне повсеместно господствуют тюрко-монгольские языки. Иранские же представлены таджикским и памирскими, но некогда иранские языки были распространены гораздо шире и захватывали обширные территории Синьцзяна вплоть до Алтая на севере, о чем свидетельствуют данные топонимики. Известно, что во всех тюркских языках Средней и Центральной Азии много слов, заимствованных из иранских. Более того, индоевропейские элементы, как это хорошо показал еще Б. Я. Владимирцов (1925), присутствуют и в монгольском, куда проникли многие тохарские и согдийские слова через посредство древнеуйгурского языка. Еще Лауфер (Laufer, 1919) составил список слов иранского происхождения, сохранившихся в монгольском. Эти данные подтверждаются и топонимией, о чем будет сказано ниже.

На протяжении столетий тюркские языки широко распространялись среди населения на громадной территории на юг до Куньлуня, Памира и Гиндукуша. Процесс тюркизации Туранской низменности убедительно вскрыл Л. В. Ошанин (1957—1959) на основании массового ан-

тропологического обследования узбеков и туркмен, которые им относятся к индоевропейскому расовому типу. В данном случае антропологическое строение населения противоречит языкам, на которых говорят современные народы на значительной части среднеазиатских республик, где преобладают тюркские языки. Даже у тибетцев некоторые исследователи отмечают следы индоевропейских воздействий.

Влияние иранской культуры и иранского антропологического типа на современные тибетские кочевые племена Восточного Тибета подметил Ю. Н. Рерих (1961): «Среди племен хоров встречается тип с длинноголовыми черепными указателями, прямым разрезом глаз, прямым выдающимся носом, но без выдающихся скул. Присматриваясь к этническому типу современных кочевников хоров, мы различаем несколько разновидностей, среди которых выделяется тип *homo alpinus*, свидетельствующий о значительной примеси иностранной крови, по всей вероятности, иранской. Присутствием этой примеси, возможно, объясняется и сохранение у хоров так называемого звериного стиля в орнаментике...

Многие из предметов každодневногo обихода кочевников украшал «звериный» орнамент. Футляры для огня, пояса, фибулы (латин. *fibula* — скоба, застежка, крючок.— Э. М.), нагрудные бляхи, ножны мечей и ладанки были покрыты орнаментом, повторяющим давно известные мотивы скифо-сибирского искусства. Тут были бегущие олени и антилопы, лежащие лоси, птицы, изображения фантастических животных, переходящие в чистый орнамент. Все эти находки убедительно свидетельствуют о древней связи кочевого Тибета с великим кочевым искусством Центральной Азии».

Великая кочевая культура Центральной Азии в значительной мере скифская, тоже сакская, опять же иранская. Об этом пишет С. И. Руденко (1960), который датирует скифское время на Алтае железным веком (VII—III вв. до н. э.). Все предметы захоронения, хорошо сохранившиеся в курганах, охваченных мерзлотой, одежда, упряжь, украшения, рисунки говорят о тесных связях с Передней Азией и Причерноморьем. По мнению С. И. Руденко, алтайские племена — крайняя на северо-востоке ветвь скифо-сакских племен.

После этих предварительных замечаний уже кажется правомочным говорить о некоторых чертах единст-

ва и сходства в топонимических системах Средней и Центральной Азии, почему объединение этих территорий в теме нашей работы не представляется искусственным.

В Средней и Центральной Азии преобладают тюрко-монгольские географические названия. Они, как правило, легко этимологизируются. Но, как и в любой другой стране, здесь существует ряд географических терминов, входящих в состав собственных названий, не поддающихся простому объяснению и требующих специального рассмотрения. Это тем более интересно, что подобные загадочные термины образуют четкие ареалы, которые могут быть сравнительно небольшими по площади (небольшими, конечно, с учетом азиатских масштабов, несравнимых с европейскими) либо весьма значительными, захватывающими обширные территории центрально-азиатских нагорий и пустынных равнин.

Срединное положение этой территории на Азиатском материке позволяет думать, что в формировании центральноазиатской топонимии приняли участие народы, говорившие на языках, относящихся к разным языковым семьям, представители которых ныне здесь не обитают или заселяют небольшую территорию в пограничных районах. Таковы, например, сарыкольцы, говорящие на одном из восточноиранских языков и живущие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в памирской долине Ташкургана.

Но в прошлом носители индоевропейских языков в Центральной Азии расселялись гораздо шире, о чем ясно говорят рукописи, найденные в разных местах Таримской впадины и за ее пределами, в Китае на восток вплоть до Дуньхуана, в провинции Ганьсу. Эти рукописи написаны на тохарских и сакских языках. О широком расселении в прошлом индоевропейских народов в пределах Центральной Азии свидетельствуют и топонимические элементы. Чем больше накапливается знаний о географических названиях северной части Центральной Азии или примыкающей к ней южной части Сибири, тем более явственно выступают индоевропейские топонимические элементы в районах, где в течение многих столетий господствовали тюркские, монгольские, самодийские и другие неиндоевропейские языки.

О наличии индоевропейских элементов в топонимии Сибири говорил и А. П. Дульзон в своем докладе, сделанном на заседании Топонимической комиссии Москов-

ского филиала Географического общества 6 марта 1963 г. По его наблюдениям, эти элементы древнее, чем самодийские и кетские. Данные археологии последних лет не противоречат, а подтверждают тезис о древних индоевропейских топонимических наслоениях в южной части Сибири и в Центральной Азии.

Остановлюсь на анализе некоторых загадочных топонимов Средней и Центральной Азии, образующих замкнутые ареалы с высокой плотностью.

1. Тувинское *кем, хем* — «река». Это слово в тувинском языке употребляется только в названиях рек. Отсюда можно сделать вывод, что оно не тувинское, а иноязычное, сохранившееся лишь в топонимии; Бий-Хем, Улуг-Хем, Ка-Хем, Ак-Хем, Баш-Хем, Кызыл-Хем, Кара-Хем, Кемчик — все эти и другие реки, сливающиеся в Тувинской котловине, образуют Енисей, который местное приенисейское население называло Кем на участке выше устья Ангары.

Этот термин характерен и для алтайской топонимии (например, р. Делюгем, в алтайском оригинале — Дьайлукем, где *дьайлу, яйлу, яйла* — «летнее пастбище, летнее стойбище»), р. Сайлукем, откуда произошло и название пограничного с Монголией хр. Сайлюгем, также р. Аракем, р. Байлукем, р. Байтыкем, несколько раз повторяются названия Аккем и Каракем и т. д. Названий рек с элементом *кем* в Туве и на Алтае можно считать несколько сот.

Представляется возможным отнести тувин. *кем, кем* к индоевропейским образованиям. Постараюсь показать правомочность такого суждения. Этому термину посвятил специальную статью Луис Гамбис (Hambis, 1956). Он указывает, что уже в VI в. китайские источники упоминали реки Абию и Кием. Надежная основа Абу позволяет отождествить эту реку с Абаканом (Абукана), которую хакасы называют Агбан. В XIII в. у хакасов *кем* обозначало просто «река», но, видимо, это слово не тюркское в своей основе, его нельзя сопоставить с термином *кам* — «канал», сохранившимся в некоторых оазисах Туранской низменности и Таримской впадины.

Топонимия Тувинской котловины и ее горного окружения показывает весьма активное участие термина *кем* в образовании географических названий: одно из ущелий в Западном Саяне называют Кем или Кемчик-Бом, упоминается область Кам-Кемчик. Добавим, что на южном

склоне Алтая протекают реки Канас и Ком, относящиеся к бассейну Черного Иртыша, а также Бутеу-Канас и Русский Канас в бассейне Катуня на Алтае, причем первая из них нередко называется Кам-Канас.

Эти не тюркского корня гидронимы для нас крайне интересны. Река Ком течет в ущелье. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева (1958) имеется слово *ком* со значениями: 1) «рот, отверстие, пасть»; 2) «ущелье»... В значений «рот» самостоятельно — редко. В. И. Абаев считает это слово общеиранским в значениях «пасть, небо, глотка». Староосетинская форма *кам* присутствует в топонимах многих горных ущелий Кабарды: Улукам, Даникам, Сайкам и т. д.

В долине Зеравшана, как свидетельствует Н. А. Кисляков (1962), магистральные каналы именуются *ком*: «От Зеравшана отходили крупные каналы, которые обычно называли *ком*; они в свою очередь давали начало ряду второстепенных каналов, которые называли *китаджуй* («большой проток»)»... Н. А. Кисляков приводит такие названия магистральных каналов: Шофирком в оазисе Гиждуван, Комяка в Вобкенте. Добавлю: канал Камизар в Бухарском оазисе. В этом имени элемент *кам* выступает в качестве основы, а не номенклатурного термина. Перенос значений «рот — ущелье» обычен во многих языках.

Кам-Канас — сложный гидроним, в котором первая часть сопоставляется с тувинским *кем*, а элемент *кан* присущ многим языкам. На индоевропейской почве он получил, например, отражение в слове *канал*. В. И. Абаев (1956) показал, что глагольная основа *кан* в иранских языках дает широкое развитие значений: «рыть, копать, насыпать, наполнять, источник, колодец, бассейн». Ср. *кан* — «источник» в уйгурском языке.

Древность этого термина несомненна, что подтверждается авестийским *хан, хон* — «колодец, источник». Еще в орхонских надписях встречается топоним Канг. С. Г. Кляшторный (1951) считает его синонимом названия р. Сырдарья. Область Канга — культурная область среднего течения Сырдарья. Отсюда *кангар* — «люди Канга». Добавим, что в Сарыкамышской дельте Аму-дарья одно из хорошо выраженных речных русел, ныне сухих, но, без сомнения, когда-то действовавших, и теперь носит имя Кангадарья.

Таким образом, топонимические элементы *кам, кем, кан* весьма обычны среди географических названий Азии, и, скажем, такой гидроним, как Абакан, а в прошлом Абукан, кажется принесенным в Сибирь из страны с индоевропейским населением. Можно возразить, что вероятнее в данном примере ожидать влияния эвенкийского *кан* — уменьшительного суффикса при именном основе (*биракан* — «речка»), но уже выше было указано, что гидронимический элемент *кан* присутствует в топонимии многих азиатских стран. К тому же полная форма Абакан не объясняется на эвенкийской почве, но легко этимологизируется на иранской. Ср. р. Кан в Южной Сибири, а также Дзабхан (монг. Завхан) и Орхон — большие реки в горах Хангая в МНР. Эти гидронимы не раскрываются из монгольского языка, как и другие названия крупных рек, протекающих по этой стране: Селенга, Иро, Тола, Керулен, Онон, Байдраг, оз. Хубсугул и др.

Конечно, это не значит, что эвенкийский уменьшительный суффикс *-кан* не может быть обнаружен в топонимии Монголии, Южной Сибири, Тувы. Просто индоевропейская основа *кан* в гидронимии существует параллельно с тунгусо-маньчжурским суффиксальным окончанием в названиях рек. Многозначность элемента *-кан* хорошо показал Ким Чер Лен (1964), считавший возможным сибирские названия такого рода увязать с корейским *кан* (*канг*) — «река». Этимологии гидронимов, предложенные этим автором, показывают, что в ряде случаев уменьшительный суффикс *-кан* приводит к бессмысленному переводу названий. По его мнению, «топонимический суффикс *-кан* с вариантами... выполняет две различные функции словообразовательного характера: он служит для выражения уменьшительности и для образования гидронимов. Вторая его функция, более распространенная и важная, возникла, очевидно, потому, что этот формант восходит к слову, имеющему значение «река».

Трудно согласиться с Г. М. Василевич (1971), что гидронимы Монголии Орхон, Дзабхан могут по происхождению восходить к эвенкийским. Орхон очень давнее название, отмеченное в тюркских рунических письменах. К тому же образование от *хорон, орон*, как объясняет Г. М. Василевич (место стойбища, юрты, костра, сидения, спанья), вряд ли оправданно для наименования большой реки. Дзабхан, по мысли этого автора, от *дзв,*

дзб — «лодка», Дзабхан из *дзбхан* — «лодочка», что должно быть одинаково понятно и для монгольского и для тунгусских языков. Но монголы не осмысливают этот гидроним, для них он иноязычный, да и ассоциации с лодкой не могут возникнуть у тех, кто знаком с этой рекой. В монгольском языке среди слов со значением «лодка» наряду с *онгоц* есть и *завь*. Но оно еще ничего не объясняет при анализе гидронима Дзабхан (Завхан), не говоря уже о том, что лексема «лодка» не продуктивна в гидронимии вообще.

В северо-западной Монголии, близ границ с Тувой, протянулся хр. Хан-Хухэй и высится гора Алтан-Хухэй, что может означать в монгольском языке «царская кукушка, золотая кукушка» (*хөхөө* — «кукушка»). На современных монгольских картах транскрибируется: Хан-хөхий, Алтанхөхий. Видимо, это объяснение только результат ложной этимологии. Скорее всего в этом случае сохранилась индоевропейская основа: ср. иран. *кух, кох, хух* — «гора»; немец. *hoch* — «высокий, возвышенный» (*Hochgebirge* — «высокие горы»). Ср. также монг. *хөх* — «грудь, сосок, вымя». Ср. семантически близкие: *грудь* — «возвышение, холм», укр. — *груд* (Шанский и др., 1971).

На южном склоне Алтая в бассейне Черного Иртыша течет красивая лесистая р. Кран, быстро несущая свои прозрачные воды в каменистом ложе. Обращает внимание необычное ее название, звучащее весьма отлично от других гидронимов тюрко-монгольских моделей. В словаре В. И. Абаева (1958) находим слово *kirān* — восстанавливаемая форма, сохранившаяся в балкарском *kirandan*, буквально «мельничный ручей». Форма *kirān* с редукцией первого гласного восходит к индоевропейской основе *krān* — «камень». (Ср. греч. *κράναος* — «каменистый», армян. *ерк'ан* — «жернов», древнеиндийское *gṛāvaṇa* — «камень для выжимания чего-то, пресс».) Напомним: алтайская р. Кран течет в каменистом русле, бурунами перекачиваясь через многочисленные валуны, загромождающие ее ложе.

Все эти примеры с гидронимами Алтая, Тувы, Монголии приведены в подтверждение тезиса о индоевропейской принадлежности элемента *кем*, который не одинок в ряду аналогичных образований, сохранившихся в современной топонимии перечисленных районов. Это позволяет утверждать, что домонгольские и дотюркские име-

на рек сохранились до наших дней, несмотря на тысячелетия, отделяющие нас от времени становления гидронимов данной категории.

Не выявляются связи тувинского *кем* с топонимическими элементами южносибирских народов. В работе А. П. Дульзона (1962а) детально проанализированы кетские гидронимы, среди них нет ни одного, который был бы близок к интересующему нас термину. Между тем он жив в современной топонимии и вне Алтая, Тувы и Монголии. Самая большая река Кунылуна носит название Раскемдарья — это верховье Тарима. В Западном Тянь-Шане течет многоводная р. Пскем — одна из составляющих р. Чирчик, орошающей Ташкентский оазис. Как известно, для топонимии и Кунылуна, и Западного Тянь-Шаня иранские элементы весьма характерны и легко вскрываются даже без специальных исследований. Поэтому мне кажется, что вопреки мнению Л. Гамбиса тувинское *кем* следует сопоставить с термином *ком*, *кам* — «большой многоводный канал», сохранившимся в долине Зеравшана и в Кашгарском оазисе. «Ни в персидских, ни в турецких словарях, — писал В. В. Бартольд (1914), — не приводится слово *кам*, встречающееся, насколько мне известно, только в Бухаре и прилегающих к ней местностях, в смысле «арык», по-видимому, это тоже слово иранского корня». Ср. древнеиндийское *кат* — «вода».

В этих сопоставлениях может вызвать сомнение закономерность перехода гласного *a* или *o* в *e*: *кам*, *ком*, *кем*. Конечно, такой переход требует дополнительной лингвистической аргументации. Не в качестве доказательства, а в виде аналогичного примера укажу на подобное изменение гласных в словах *кенд* (*кент*) — *канд* — «селение, город». Ср. Чимкент, Яркент, Ташкент, но Самарканд, Коканд, Тошканд (диалектная форма названия Ташкента), восходящие к архетипу *кат* — «дом, укрепленная усадьба». Последняя форма сохранилась у ягнобцев и хорезмийцев. Ср. авестийское *kata* — «землянка, погреб», персидское *kad* — «дом» и много других соответствий в разных индоевропейских, финно-угорских, тюркских и монгольских языках. Об этом подробно сказано у В. И. Абаева (1956).

2. Монгольское *мбрэн* (в русской научной литературе — *мурэн*) — «большая, многоводная река; река, впадающая в море», в отличие от просто реки — *гол*. Геог-

рафические названия, включающие этот термин, отнюдь не подтверждают такую семантику. Из монгольских рек к этой категории с натяжкой может быть отнесена Селенга — самая многоводная река, впадающая в Байкал, который монголы именуют Байгал-Далай и редко Байгал-Мурэн. Здесь термин выступает уже как синоним многоводного озера, моря. Амур называют Хара-Мурэн*, Волгу — Ижил-Мурэн (ср. башкир. Изел, Агизел — р. Белая). Но одновременно топонимы: Дэлгер-Мурэн — река в Хубсугульском аймаке, Бухэй-Мурэн — река в Убсунурском аймаке, Мурэн — небольшой левый приток Керулена — в Хэнтэйском аймаке, ручей Мурэн — левый приток Сумэйногола (бассейн Чулуту) — в Арахангайском аймаке, Мурун — небольшой левый приток Куды (бассейн Ангары) севернее Иркутска — позволяют утверждать, что в прошлом этот гидронимический термин имел более универсальное значение.

Монгольское слово *мурэн* встречается в названии енисейских верховьев (Секиз-Мурэн — «восьмиречье»), оно же присутствует в имени тянь-шаньской р. Кёкёмерен — левого притока Нарына в Киргизии. К этому же ряду гидронимов со словом *мурэн* следует, видимо, отнести и небольшую р. Мулэйхэ, стекающую с северного склона Тянь-Шаня в Синьцзяне и потому получившую китайское оформление.

Попытки найти параллели монгольскому *мурэн* в тюркских или финно-угорских языках пока не увенчались успехом. Может быть, дальнейшие специальные изыскания будут более успешными. Но в корейском языке такая параллель легко обнаруживается благодаря работе Л. Р. Концевича (1962). Среди наиболее употребительных географических терминов собственно корейской топонимии находим: *муль* — «вода, речка», архетип в древнекорейском государстве Когурё *мэрэ*, *мэль*.

В списке Л. Р. Концевича есть и другие интересные параллели: ср. корейск. *ондок* — «горка, бугор, высокий берег» и монг. *сондок* — «небольшой, сложенный из глины холм с обрывистыми стенками, поросший поверху кустарниками». Термин *мэрэ* — *муль* опознается в названии р. Мулинхэ, протекающей в Северо-Восточном Ки-

* Ср. другие названия той же реки: кит. Хэйхэ — «черная река», Хэйлуницзян — «река Черного дракона» и маньч. Сахалинула.

тае и впадающей слева в Уссури. Может быть, такие параллели не покажутся неожиданными, если вспомнить материалы, приводимые Е. Д. Поливановым (1927), который доказывал родство корейского языка с тюркскими и монгольскими, а также Г. И. Рамstedта (1957), указывавшего на связи корейского, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Рамstedт приводит такие параллели: маньчж. *tuke*, тунгус. *tu*, корейск. *tuil* — «вода», монг. *tuᠭᠡᠮ* — «река». Древнетюркский словарь (1969) фиксирует этот термин как заимствованный из монгольского языка.

3. Тюрко-монгольское *катун-хатан*. В разных тюркских языках это живое слово в форме *гадын*, *катын* означает «женщина, жена»; в алтайском *кадын* имеет значение «женщина, госпожа». В монгольском же языке наблюдается смысловой сдвиг: «княгиня, повелительница, ханша, госпожа». Попутно отметим, что в эвенкийском *катун* — «сказочная героиня, жена богатыря, дама (в картах)». Эти этимологии не могут быть продуктивны в топонимике, они негеографичны. Между тем обычно именно так (повелительница, госпожа) объясняется название алтайской р. Катунь — одной из составляющих р. Обь, тем более что другая составляющая — Бия — якобы осмысливается «господин, знатный, начальник». Ср. также тувинскую р. Бий-Хем — верховье Енисея — «река-господин». А из Бии и Катуня рождается Обь — «тетушка, бабушка». В этом букете господ, тетушек, бабушек есть логика народной этимологии, но менее всего присутствует здравый смысл и вовсе отсутствует логика географии.

Между тем Катунь отнюдь не одинока в топонимии Азии, где обнаруживается еще немало аналогичных географических названий: русло и пос. Хатан-Булак в Восточно-Гобийском аймаке МНР; р. Хатунхэ — левый приток р. Тумыньцзян в Северо-Восточном Китае; р. Катанца — левый приток р. Казыра в Западных Саянах. Все три Тунгуски — правые притоки Енисея — эвенки именуют Катэннга.

Интересно, что ханты называют р. Иртыш именем Катанас, в котором элемент *ас* весьма употребителен в гидронимах Западной Сибири. Ср. *Ас* — р. Обь, *Коккас* — р. Енисей. Этот же формант присутствует в названиях рек Джунгарии: *Канас* — в бассейне Черного Иртыша, *Манас* — на северном склоне Тянь-Шаня.

Так же в эвенкийском оформлении звучит и название Хатанга, реки, текущей на севере Средней Сибири, где широко расселились якуты, долгане и частично эвенки. Хатанга — многоводная река, получает это название только в нижнем течении, после слияния Котуя и Хеты.

Не совсем ясно значение суффикса *-нга* в топонимии. По Г. М. Василевич (1971), его ареал охватывает всю лесную и лесотундровую зоны Евразии: «Печенга на границе СССР и Норвегии и Печенга — один из притоков Енисейского Пита, а также средних притоков Алдана, пос. Меренга в Магаданской области и др. ...Мы считаем его очень древним субстратным элементом на территории расселения всех урало-алтайских народов». Но в современном эвенкийском языке есть суффикс *-нга*: 1) со значением множественного числа о родне: *ами* — «отец», *ами + нга* — «родители, отцы». По утверждению Г. М. Василевич, топонимов этот суффикс не образует; 2) со значением качества: *хэгды* — «большой», *хэгдын-гэ* — «большой, старший»; 3) образующий новое значение: *мо* — «дерево, бревно», *монго* — «сплавное бревно» (Василевич, 1940). М. Н. Мельхеев (1969) видит в *-нга* суффикс почитательного отношения, увеличительной формы: *бира* — «река», но *Биранга* — «большая река», *Киренга*, *Акшанга* и др.

Здесь мною приведены только гидронимы, относящиеся исключительно к территориям, так или иначе связанным с распространением тюрко-монгольских языков. К этому можно было бы добавить еще ряд топонимов населенных мест, видимо получивших свои названия по рекам, как, например, Катон-Карагай на Алтае в Восточно-Казахстанской области.

Неужели названия всех этих рек, в том числе маленьких и пересыхающих, как, например, в Гоби, означают «женщина, повелительница»? На этот вопрос уже заранее можно ответить отрицательно. И действительно, в данном случае виден типичный пример омонимии. Второе значение древнетюркского слова *катын*, *хатан* — ныне утерянное «река». Именно в этом смысле оно употребляется в енисейских рунических наскальных надписях (Батманов и др., 1962).

Таким образом, р. Катунь получила название по древнетюркскому нарицательному слову «река», которое отложилось и в современной монгольской топонимии.

Обычный пример перехода нарицательного имени в собственное.

Но всюду ли в аналогичных топонимах следует видеть такое содержание? Кажется, нет. Так, в западной части Заалтайской Гоби в МНР есть большое урочище Хатан-Суудал — «сиденье (скамья) княгини», названное так по останцу, возвышающемуся среди плоской лощины.

4. Киргизское *кол* в названиях рек. Гидронимия Тянь-Шаня полна именами, в которых как конечный элемент выступает *кол*, но не в виде суффикса, а в качестве самостоятельного слова. Лексическое значение его не раскрывается удовлетворительно средствами современного киргизского языка. Слово *кол* в киргизском языке означает «рука», что мало помогает осмыслению гидронимов, например Каракол — «черная рука». В таком объяснении нет смысла. Поэтому возникли этимологии, связывающие происхождение названия с личными именами баев, охотников, первопоселенцев. Но в гидронимах элемент *кол* встречается в различных сочетаниях, которые полностью не могут быть как-то объяснены на киргизской почве. К. К. Юдахин в киргизско-русском словаре (1965) указывает: «*кол* (самостоятельно не употребляется, встречается только в географических названиях) — русло реки, речная долина; Каракол, Нарынкол, Кенгкол и др.».

Продолжим этот список. Рек с именем Каракол в Киргизии несколько: в верховьях Чу, в бассейне Сусамыра, в Терской-Алатау, где расположен г. Пржевальск, в верховьях Таласа и др.; р. Улахол, стекающая с Терскея в Иссык-Куль; Музкол и Сарыкол на Памире. Река Кеген в Казахстане именовалась в прошлом Кегенкол (Конкашпаев, 1962). Гидроним Баянкол повторяется в Казахстане (бассейн Текеса, рядом с Нарынколом) и несколько раз в Туве, где текут Карлукол, Колдор и т. п. Заметим, что ойротско-русский словарь (Баскаков и Тоцакова, 1947) в основном списке слов не дает объяснения этому термину, но в списке географических названий он переводится словом «проток». Таким образом, его применение в алтайском языке, как и в киргизском, ограничивается только топонимикой, поэтому в данном случае можно думать о заимствовании.

Мне уже приходилось писать, что в этих и других подобных гидронимах присутствует монгольский термин

гол — «река», весьма распространенный в монгольской топонимии. То же показал Г. К. Конкашпаев (1951) при анализе имени тянь-шаньской р. Баянкол — «богатая река» в Казахстане (на территории МНР названий Баян-Гол можно насчитать сотни).

Г. К. Конкашпаев (1959) отнес географический термин *кол* к категории терминов, встречающихся в составе географических названий Казахстана, но не осмысливаемых местным населением. Термин *кол* в названиях рек Казахской ССР включает и такие гидронимы: Нарынкол, Кегенкол, Каракол. Таким образом, и в казахском языке *кол* в топонимах оказывается чужеродным словом.

Параллель между монгольским *гол* и киргизско-казахским *кол* тем более убедительна, что все приведенные здесь гидронимы с элементами *кол* полностью осмысливаются на монгольской почве: Каракол — «черная или родниковая река»; Нарынкол — «тонкая, узкая река»; Улахол — «гора+река»; также Музкол — «ледяная река»; Сарыкол (монг. Шарагол) — «желтая река»; Кегенкол (монг. *гэгэн*) — «светлая, святая река».

В некоторых тюркских языках можно найти топонимические параллели к монгольскому *гол*; у карачаевцев *кол* — длинные балки, пологие долины; у туркмен *гол* — межрядовые вытянутые ложбины, долинообразные понижения в караумских песках, бестакрыные котловины, в которых роют колодцы *голаджи* с солоноватой или горько-соленой водой. В азербайджанском *гол* — «ветвь, рукав реки» (Аразын голу — «рукав Аракса»), в турецком *кол* — «рукав платья, рукав реки, ветвь, фланг». Что это: смысловой сдвиг, который виден в ряде тюркских языков на приведенных примерах, или самостоятельные термины? Вопрос требует дополнительных разысканий. Напомню только, что в киргизском и казахском языках *кол* не имеет значения «рукав платья или реки» и что именно на Тянь-Шане, где нередки монгольские топонимические образования, это слово обычно встречается в составе гидронимов, относящихся и к значительным по водности рекам, в то же время не представляющих собой рукав каких-то более крупных водных артерий.

Возникает еще один вопрос: существовала ли когда-либо связь между монгольским *гол* и киргизским *кол* в приведенных значениях «река, речная долина» с тюркским *гёл*, *кёл*, *кул* — «озеро»? Другими словами, не об-

ладал ли исходный термин более универсальной семантикой: река, озеро, вода? Или в данном случае имеет место фонетическое совпадение при близкой семантике?

Пока нельзя ответить на этот вопрос определенно, для его решения нужны специальные исследования. Скажу только, что в монгольском языке термин *гол* и в настоящий период обладает полисемией: «река, родник, заболоченное озеро», а в гобийской пустыне — «сухое русло, мертвая долина». В этом отношении интересно определение, данное термину *гол* В. А. Казакевичем (1934): «...река вообще; сухое русло, наполняющееся водой во время дождя (Гоби)... иногда — большое озеро» (разрядка моя. — Э. М.).

Подобно этому монгольское *ус*, восходящее к орхон-енисейскому *угуз*, тюркское *су*, иранское *аб*, *об* помимо основного значения «вода» в географических названиях употребляются в значениях «речка, небольшая река», а иногда «озеро» и «канал». Вспомним хотя бы название большого озера в Западной Монголии — Хара-Ус-Нур. В Марыйском оазисе и в Хорезме *яб*, *яп* — «оросительный канал»: Караяб, Черменьяб и т. д. Общеизвестный в Средней Азии географический термин *дарья* (тадж. *дарьё*) употребляется в наших среднеазиатских республиках и в Синьцзяне в значении «большая река»; в языке кабули *дарья*, *дарьяб* означает «море, большая река», *дарьяча* — «озеро»; в перс. *дарья* — «море, большая река» и т. д. Но аналогии не доказательства, они только подсказывают возможность и необходимость дальнейших поисков.

5. У Александра Гумбольдта в его «Центральной Азии» (1915) имеется замечательная фраза: «Самые древние названия горных цепей и больших рек первоначально почти всюду означали только гору и воду».

В Туркменской ССР через пустыню Каракум протянулась цепь ложбин, солончаков, такыров, известная под названием Унгуз. Линейное расположение Унгуза, легкая его прослеживаемость в широтном направлении, окаймление его с севера, т. е. с правого борта, возвышенными кырами Северных Каракумов убедило некоторых ученых в том, что Унгуз не что иное, как древнее деформированное ложе умершей реки, одного из рукавов древней Амударьи, создавшей своими отложениями каракумские песчаные толщи. Против такой гипотезы возражали другие ученые, считавшие, что в Унгузе нет

четко выраженного падения русла, ибо ложе его состоит из впадин, между которыми возвышаются перемычки, сложенные коренными породами. По их мнению, Унгуз — результат тектонических явлений.

В названии Унгуз часть *уз*, или *ус*, значит «вода, река» и в смысле «вода» сохранилась сейчас в монгольских языках. Можно было бы перечислить десятки рек, название которых Усу, Уса.

Оказывается, что и полная форма *унгуз* значит «вода». У Г. И. Рамстедта (1909) находим следующее древнеуйгурское (следовательно, тюркское) слово *угуз* — «вода». В известном словаре тюркских наречий В. В. Радлова (1893—1911) *угус* переводится как «река, речка». Учитывая, что в тюркских языках часто произносят *нг* как единый звук, получаем *унгуз*, какую форму и сохранила нам топонимика Туркменских Каракумов.

Х. Х. Хасанов (1962а) обратил внимание на свидетельство Махмуда Кашгарского: «Окуз — название, которое дано таким рекам, как Евфрат и Джайхун. И другие реки называются этим же именем. Например, Таушган Окуз — название одного сая, протекающего в городе Оч... Вообще слово *окуз* применяется в смысле текущей воды». Сюда же, в тот же ряд, киргизский топоним Джеты-Огуз, что обычно переводят: «семь быков». Но это, видимо, народная этимология. В действительности «семь рек», что переключается с другим названием Джетысу — «семиречье, семь вод», — природная область, охватывающая юго-восточный Казахстан и часть северной Киргизии.

В Каракумах протянулось четкое, хорошо сохранившееся русло Узбой. О происхождении его не спорят. Для всех ясно, что некогда здесь текла полноводная река, оживляющая однообразный, серый пейзаж пустыни. Узбой нес воды из высохшего ныне Сарыкамышского озера в Каспийское море. Местное население часто вообще сухие русла в пустыне называет *узбойми*, в этом смысле данное слово приобретает нарицательное значение. Говорят также о Келифском Узбое, русле в юго-восточной части Туркмении, о Беговатском Узбое в Узбекистане и т. д. В первом слоге этого термина мы видим тот же древний термин *уз* или *ус* — «вода». Труднее объяснить второй слог — *бой*. Н. Г. Маллицкий (1945) следующим образом расшифровывает: «...узбой произносятся *онг-бои*, т. е. *угуз-бои* или *угуз-бою*, что значит «сто-

рона реки или сторона протока». Название Узбой, конечно, древнее, ибо оно перекликается с другими аналогичными топонимами Центральной Азии. Очень убедительны термины *таг-бою* — полоса вдоль гор Копетдага или *су-бою* для Хивинского оазиса, которые приводит Н. Г. Маллицкий; нам кажется, что по аналогии нельзя приравнять *узбой* к таким терминам. От Сарыкамышской котловины на юг по долине Узбоя нет значительных следов земледельческой жизни, следов оазисов, городищ и т. д. Все эти следы яркие и повсеместны на восток от Сарыкамыша, в древней дельте Амударьи, древние русла которой как раз зовут не *узбоями*, а *дарьялыками*. К тому же *узбоев* много, как мы показали, в других местах. Поэтому считать, что узбой произошел от *угуз-бои*, что значит «сторона реки», нам кажется сомнительным. Интересно, что туркмены Узбой называют также Джаром или Оруном.

6. Некогда, в недавнем геологическом прошлом, в оз. Лобнор впадала р. Сулэхэ, собирающая воды с гор Наньшаня. Ныне она не доносит своих вод до Лобнора, а оканчивается в небольшом озере Халачи, расположенном в Гобийской пустыне. Сулэхэ по выходе из гор орошает поля и сады оазисов в предгорной полосе Наньшаня.

К. Риттер (1869) упоминает, что Кашгар в далеком прошлом носил название Сулэ. Слово *хэ* в топониме Сулэхэ наиболее позднее; дано оно китайцами, у которых *хэ* общеизвестно в смысле «река».

Основное название Сулэ мы считаем скрещенным: Су + лэ. Г. Е. Грумм-Гржимайло (1896—1907), который путешествовал в бассейне этой реки в Центральной Азии и слышал сам ее название, пишет в форме Сулайхэ. Такое название, как нам кажется, следует понимать как наслоение общетюркского *су* — «вода» и *лай* — «глина, ил, муть», термина, имеющего громадное распространение. Термин *лай* обычен в сотнях географических названий не только в Средней или Центральной Азии, но и на Кавказе, Украине и в других районах Союза ССР, о чем уже было сказано.

7. В Западной Туркмении среди пустынных равнин резко возвышаются горы Большой и Малый Балхан. Первый из них имеет высоту, превышающую 1000 м над уровнем океана, а второй немного не достигает этой высоты.

В географической литературе нам не приходилось встречать объяснение этого названия. Так, в большой работе Л. С. Берга «Рельеф Туркмении» (1929), где дается объяснение многим географическим названиям этой республики, о названии Балхан читаем: «Авторы употребляют безразлично Балхан и Балханы. Термин этот в русской литературе встречается со времен Бековича (1715). У мусульманских писателей мы его находим с древнейших времен. Значение термина неизвестно, на двухверстной карте стоит Балахан, — очевидно, народное словопроизводство (с персидского *балахана* — высокое строение)». Развивая эту мысль Л. С. Берга, мы находим интереснейшие топонимические сравнения.

Обращает внимание повторение данного топонима в Восточной Европе и Передней Азии. Когда намечается ряд тождественных топонимов, обозначающих в общем один и тот же географический объект: реку, гору, родник, плато и т. д., то исследователь не может отмахнуться от такого ряда, не может пройти мимо намечающихся связей, аналогий и их возможных объяснений. Разве не оправданным кажется сопоставление в одном ряду следующих географических названий: горы Балхан в Туркмении, Балканский хребет (а затем по названию гор и Балканский полуостров), Балаханы в Азербайджане, Балахна на Волге, выше Горького, Балканы Челябинской области и т. д.

В живом персидском языке сохранился термин *балахана* — «верхнее строение, второй этаж, высокое сооружение». Турки-османы перенесли это слово в Юго-Восточную Европу; отсюда и турецкое *балкан* — «горный лесистый хребет», причем покрытие лесом получило конкретное представление, видимо, по горам Балканского полуострова. Правда, Г. Капанцян (1956) считает, что топоним Балкан есть возрождение древнемалоазиатских топонимов Пелакинна и Балканиа. Но форма Балкан сравнительно поздняя, что позволило А. И. Соболевскому сопоставить его со славянским *балка* (Никонов, 1966). Этому противоречит указание болгарского топонимиста В. Микова (1943): «В староболгарском *гора* и новоболгарском *планина*, отуреченное персидское *балкан* и тюркское *даг*... Имя *балкан* нигде самостоятельно не встречается, а только как составная часть, входящая по много наименований, обычно обозначающих высокие и обширные горы, как-то: Коджа-Балкан, Кара-Балкан

и др.». «То же название — Балхан (утверждают, будто оно происходит от перс. *балахане*) было занесено турками в Европу и присвоено горам Хемус древних; таким образом возникли принятые в новой географии названия Балканы (для гор) и Балканского полуострова» (Бартольд, 1965). Интересно, что М. Фасмер (1964) сравнивает калмыцкое *балхан* в смысле «высокий берег» с *бархан*, который отмечен в бурятском в этой последней форме, но со значением «песчаный холм». Н. К. Дмитриев (1962) обнаружил это слово в сибирско-тюркских языках: *парган* — «идуший, подвижный холм», в уйгурском *барган*. Возникает единый терминологический и топонимический ряд.

8. В Туркмении, близ границ с Афганистаном, лежат пустынные мелкогогорья Бадхыз и Карабиль. Это начало Парапамиза, лежащего уже за пределами СССР.

Разбиваем наши названия на части: *бад* + *хыз*, *кара* + *биль*. Термин *биль* в форме *бэль* хорошо известен в Центральной Азии и на Тянь-Шане. У монголов основное значение этого слова — «темья», а также «шлейфы гор, покатые склоны хребта». Есть это слово и в тюркских языках; так, на Тянь-Шане термин *бэль* входит в название многих перевалов и означает по-киргизски «горный перевал, горный хребет». Слово *кара* — общетюрко-монгольское «черный». Таким образом, топоним Карабиль переводится как «черный горный хребет, черные предгорья». Прилагательное *кара* в данном случае подчеркивает пустынность гор; многочисленные Каратау в топонимике Средней Азии означают «сухие, пустынные горы» и противопоставляются Алатау. Название Карабиль часто повторяется, вспомним крымскую Карабиялу и много других, особенно в Центральной Азии.

Второе название — Бадхыз — имеет тот же смысл: «пустынные, плохие горы». На иранских языках *бад*, *бэд* значит «плохой, дурной». Слово *хыз* можно было бы прочитать *кыз*, что по-тюркски — «девушка, девочка». Но такой перевод имеет мало смысла в названии возвышенности. Поэтому правильнее предположить, что в слове *кыз* звук *з* заменил более ранний звук *р*. Эти звуки, как учит лингвистика, переходящи. Термин *кыр* широко известен в Средней и Центральной Азии. У туркмен он обозначает плато, плоскую возвышенность. Отсюда ясен и перевод названия Бадхыз. Это почти синоним английского *bad land*, что значит «плохая, дурная земля».

Туркменский оригинал — Баткыз, у арабов — Бадгис. Но существует традиционная этимология, которая противоречит сказанному: «ветер поднимается». В. В. Бартольд (1965) пишет: «...название, из-за господствующих там сильных ветров, выводят из персидского *бадхис* — «место, где поднимается ветер». Название известно уже с XIII в. Обзор этимологий у С. Атаниязова (1970).

9. Самая богатая и густонаселенная часть Средней Азии — это Ферганская долина. Фергана — название, потерявшее смысл. Иногда произносится Паргана, так как в узбекском языке нет звука *ф*, а в заимствованных словах *ф* передается через *п*. Н. Г. Маллицкий (1945) считает возможным сблизить Паргана с Паргар или Фальгар — «подножие». Однако такая этимология остается еще предположительной. В связи с этим важно отметить, что в памирских языках существует термин *паркана*, означающий «замкнутую среди гор долину». Более определенно пишет М. С. Андреев (1950), который в рушанском языке нашел слово *паргана* в смысле «равнинное место, долина, окруженная со всех сторон горами и имеющая только один вход, через который в нее можно проникнуть». В язгулемском — соответственно *баргана*. Интересно, что в современном хинди употребляется, а прежде и в персидском бытовало, слово *паркана* в смысле «область, административная единица». Таким образом, *паркана* — «межгорная равнинная котловина с одним выходом», что полностью соответствует морфологии Ферганской долины. Форма Фергана — арабизированная и литературная с закономерным переходом *п* в *ф*.

10. Хорезм. Было предложено много объяснений происхождения этого древнего топонима. Среди них и народная этимология: *хор* (*хвар*) — «мясо» + *разм* — «дрова». Все авторы согласны в отношении финального элемента -*зм*, -*зми*, -*зам*, что отвечает индоевропейскому «земля».

Хорезм — в древности Кангюй, Кангха. «Под именем Кангюй, — пишет С. П. Толстов, — тождественным с Кангхой Авесты, скрывается Хорезм. Самый термин *кангха* связан с иранской (и общеиндоевропейской) основой *кан*, откуда узбекское и таджикское *кан* — «канал», да и само слово «канал», может быть переведено как «страна арыков» или «страна протоков, дельта»; характерно, что дельта Гильменда в Сеистане носит на-

звание Миян-и-Канг; на юго-западе Хорезма крайний к югу проток Сарыкамышской древней дельты Амударьи до сих пор носит имя Кангадарья, а смежная с ним возвышенность — Кангагыра» (Толстов, 1948). Название Хорезм известно с глубокой древности. У арабов — Хваризм, древнеперсидское Хуваризма, авестийское Хваиризам и т. д. Переводят: «низменная земля, плодородная земля, земля солнца» от иранского (персидского) *xur* — «солнце». С. П. Толстов считает, что правильный перевод этого названия следующий: Хорезм — «страна народа хвари — народа солнца».

Наиболее вероятна этимология, как мне кажется, хорошо объясняющая происхождение топонима, предложенная М. Н. Боголюбовым (1962). Он видит в первой части названия два слова: *hu-waga*, *hu-wagi* — глагольный корень «укрывать, покрывать». Сравним авестийское *var* — «отгороженное стенами пространство, защищенный загон для скота», персидское *bagā* — «вал, ограда, стена, укрепление», *parvar*, *farvar* — «строение, обнесенное стеной». Автор привлекает в качестве параллелей осетинское *uag* — «щит», венгерские *var* — «крепость», *vagos* — «город». Таким образом, Хорезм из *hu-wagazam*, в древнеперсидском *Huvagazmi*, в авестийском *Hvaigizam* — «страна, где хорошие укрепления для скота; земля, где укрепленные поселения; страна с хорошими варами». Современная архитектура хорезмийских поселений, тип крестьянской усадьбы *кала*, хорошо подтверждает этот вывод.

11. Карасу. Об этом термине сказано достаточно на разных страницах этой книги. Здесь подчеркну типологические значения термина: *карасу* — «родниковые воды, немногочисленные реки, питающиеся выклиниванием подземных вод, обычно обладающие прозрачной водой». Такое значение выдерживается на громадных пространствах от Балканского полуострова до провинции Ганьсу в Китае. Большое количество гидронимов построено при участии этих терминов. С тюркским *карасу*, возможно, следует связать встречающиеся часто Карасыи озера, почти всегда непроточные, застойные, питающиеся выходами родниковых вод вне зависимости от того, водится в озерах рыба карась или нет.

По аналогии вспомним также, что многочисленные Черные речки на Русской равнине всегда мелкие по размерам и их истоки, как правило, приурочены к боло-

гам. Наша топонимия не знает ни одной большой реки, которая называлась бы Черной. В Атласе мира 1954 года показано около 50 Черных речек, и все они незначительные. Тюркское *карасу* отложилось и в топонимике Украины и России в форме кальки «Черная Речка, Черная Вода». Об этом свидетельствует следующий исторический факт: городище на р. Усмань у Черной Воды персидскими историками упоминается в следующих текстах: «Победоносное войско, дойдя города урусов, по имени Карасу, разграбило его со всей областью...» «Дойдя до Карасу, одного из городов русских, они разграбили весь город внутри и снаружи» (Тизенгаузен, 1949). Можно ли считать, что все многочисленные Черные речки своим названием обязаны тюркскому *карасу*? Конечно, нельзя: такое обобщение не имеет оснований. Можно думать, что в ряде случаев исконное русское название Черная Речка было скалькировано в тюркское Карасу.

Географические названия Средней Азии и Казахстана

1. Современное состояние изученности

Еще двадцать лет назад топонимическое изучение пяти союзных республик СССР — Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской и Таджикской — казалось несвоевременным. Отдельные статьи и небольшие публикации на эту тему рассказывали о частных вопросах, этимологиях случайно выбранных названий или наблюдениях, разбросанных главным образом в исторических трудах наших и зарубежных востоковедов. Интерес к познанию топонимии обнаружили в первую очередь географы, которые иногда удачно, но часто и неудачно, ставили на страницах своих работ топонимические вопросы. Усилия географов на первых порах не встречали поддержки со стороны лингвистов. Правда, топонимическими сюжетами Средней Азии занимались многие известные ученые, начиная от А. Вамбери, В. Радлова и В. Бартольда, но в их исследованиях такие темы были, как правило, не основными, а сопутствующими. Систематическое же изучение географических названий началось только в течение последних 10—20 лет. При этом важно указать, что значительное количество исследований было выполнено местными научными сотрудниками — национальными кадрами. В наши годы мы стали свидетелями все расширяющегося интереса к массовому изучению географических названий в Алма-Ате, Ташкенте, Ашхабаде, Душанбе, Фрунзе, Нукусе.

Необходимо прежде всего сказать похвальное слово в адрес алма-атинских топонимистов. Следует отметить заслуги пионера казахской топонимики Г. К. Конкашпаева — автора многих интересных работ (1951, 1959, 1963, 1969, 1971), в которых он показал богатство ка-

захской географической народной терминологии, ее участие в образовании собственных названий, выявил монгольские топонимические элементы в Казахстане, установил закономерности тюркоязычной терминологии, систематизировал в словаре топонимы и раскрыл их этимологию. В этом словаре (1963) собрано 2000 географических названий, даны их казахские формы и русские эквиваленты, семантика, местные географические термины, вошедшие в русскую литературу (*адыр, саз, сырт* и др.); термины, требующие более полного объяснения (*аксай, балкаш, бель, ирим, кемер* и др.); указатель названий, транскрипция которых нуждается в исправлении.

Начало, положенное Г. К. Конкашпаевым, было подхвачено А. Абдрахмановым (1954, 1959), который дал лингвистический анализ топонимии Казахской ССР на историческом фоне ее образования. Топонимию Семипалатинской области изучал Е. Койчубаев (1967). Он опубликовал несколько статей о нецветовой сущности компонентов *ак, кара, кок* и *сары* (1965), о том, что финали *-ты* и *-сы* в казахских названиях предположительно могли восходить к тюркским *тау* — «гора» и *су* — «вода» (1969). Эти вопросы представляются дискуссионными. Е. Койчубаев видит в географических названиях с элементами *аз, каз* этнонимы; так, топонимы Бегазы и Казбек в Центральном Казахстане образованы ими и могут быть этимологизированы: «высота народа азов или казов», где *бег, бек* — «высота, высокий» и сравнимо с *бийик, бейек, биек, буюк* — «большой, высокий». Этот же автор опубликовал толковый топонимический словарь Казахской ССР (1974), где приводится много новых этимологий.

В Киргизской ССР составлен словарь географических названий республики по бассейнам основных рек и озер (Исаев и др., 1962), что позволяет исследователю анализировать исходный материал в суммарном и систематизированном виде. Но топонимических работ здесь опубликовано пока немного. С. Умурзаков (1965) познакомил нас с этимологиями некоторых названий Киргизии и рассказал о терминах, обозначающих там горные перевалы: *ашуу, бель, арт, даван*; каждый из них несет свою смысловую нагрузку и имеет свой ареал. Топонимическое значение имеют также *отмёк, отёк, дарбаза* (тадж. «ворота, дверь», в переносном значении «про-

ход»), *эмель* (монг. «седло», ср. рус. *седловина*). Затем он опубликовал заметку о названии известного своей живописностью оз. Сарычелек, а также оз. Сонкель и др. (Умурзаков, 1970, 1971).

Специальную работу по топонимике Северной Киргизии выполнил Д. Исаев (1972). В ней предлагаются новые этимологии для таких широко известных названий, как Иссык-Куль, Жеты-Огуз, Алатоо и др., и содержится лексико-семантическая классификация топонимов и анализ их лексико-грамматической структуры. Ш. Токомбаев (1966) указал на необходимость наименования р. Чу только ниже слияния с р. Чон-Кемин, тогда как раньше считали, что она образуется от слияния двух рек — Кочкора и Джуван-Арыка.

В Узбекистане топонимические исследования могли бы оказать существенную помощь в понимании географических названий других республик Средней Азии. Однако до 1945 г. работы ташкентских ученых, посвященные анализу географических названий, исчислялись единицами, но за последующие годы их появилось уже десятки. Среди них следует отметить труды Х. Хасанова и С. Караева. Именно Х. Хасанову можно поставить в заслугу широкий подход к пониманию топонимики Средней Азии. В своих многочисленных работах он показал ее богатство. Занимаясь изучением географического наследия выдающихся среднеазиатских ученых прошлого — Махмуда Кашгарского, Бируни, султана Бабура и других, он обнаружил и довел до нас их ценное топонимическое наследие. Х. Хасановым опубликована книга «Происхождение географических названий Средней Азии» (1965). Он много занимался вопросами транскрипции географических названий на узбекский язык (1962). Еще в 1940 г. выступил со статьей, в которой рассматриваются этимологии некоторых топонимов Средней Азии, в частности им сделана попытка объяснения названия Памир. В своей докторской диссертации, посвященной анализу географического наследия ученых Средней Азии (1967), в книге «Среднеазиатские географы и путешественники» (1964) и в ряде статей Х. Хасанов много внимания уделил топонимическим темам.

Другой ташкентский ученый, Суюн Караев (С. Караев), целеустремленно занимается географическими названиями. Его диссертация «Опыт изучения топонимии Узбекистана» (1969) содержит много интересных наблю-

дений, особенно по этимологии названий и семантике узбекских географических терминов. С. Караев напечатал несколько статей по топонимике Узбекистана, однако основная его работа — топонимический словарь «О чем рассказывают географические названия» (1970). В этот словарь включены топонимы объектов, лежащих и за пределами Средней Азии, но наибольшее внимание в книге уделено этимологии среднеазиатских названий.

Отдельные региональные топонимические очерки написали А. Ишаев (1962) по Хорезму, Р. Х. Халимов по бассейну Кашкадарьи (1966) и Ж. А. Хашимов (1966) по Нуратинским горам. Большую работу по Кашкадарьинской области выполнил Т. Нафасов (1968), анализируя этимологии, грамматические и лексико-семантические особенности географических названий. Аналогичный труд проделан по Ташкентской области Л. Г. Каримовой (1972). Городская ташкентская микротопонимия представлена в кандидатской диссертации Ш. М. Кадыровой (1970).

Топонимика Каракалпакии получила достаточно подробное освещение в работах К. Абдимуратова, который защитил на эту тему кандидатскую диссертацию (1966), а затем опубликовал популярную книгу, где рассматривается структура каракалпакских географических названий, их семантика и этимология избранных названий (1970).

В Узбекистане же в Самаркандском университете в январе 1969 г. по инициативе В. А. Никонова был создан первый среднеазиатский ономастический семинар по тюркским собственным именам, который объединил многих начинающих ученых тюркоязычных республик Средней Азии и Кавказа. Конечно, такой семинар способствовал консолидации ученых-топонимистов, занимающихся увлекательными проблемами тюркоязычной топонимики, присущей колоссальным пространствам Евразии — от Якутии на востоке до Балканских и Дунайских стран на западе.

В Туркмении развитие топонимических исследований связано прежде всего с именем С. Атаниязова (С. Атанязов), который, защитив кандидатскую диссертацию по топонимике юго-восточной части республики (1966), опубликовал подробный топонимический словарь Туркмении (1970), а затем популярную брошюру «Язык

Земли» (1971), где рассказал о формировании географических названий, о взаимоотношениях топонимики с языкознанием, историей, географией и о географических названиях своей республики. В диссертации он указал на глагольные конструкции, в последние годы отмеченные разными исследователями и в других тюркоязычных областях Азии.

Нужно сказать, что сложные названия, выражаемые целыми предложениями, — категория, как правило, микротопонимическая. При частом употреблении они эллиптируются, упрощаются и тогда перестают быть микротопонимическими.

М. Гельдыханов собрал туркменские географические народные термины, провел их семантический анализ и разработал классификацию. Известно, что такие термины, как правило, составляют основу очень многих собственных географических имен, почему эту работу по праву можно считать топонимической, тем более что автор всюду иллюстрирует тот или иной термин топонимом, от него образованным при помощи суффиксации, словосложения или словосочетания (1967, 1970). О туркменских гидронимах, особенно о терминах, обозначающих типы колодцев, писала З. Б. Мухамедова (1966).

Топонимическое изучение Таджикистана проводилось главным образом А. И. Смирновой, А. З. Розенфельд, А. Л. Хромовым. Пока в Таджикской ССР нет топонимических словарей, однако начался массовый сбор географических названий Памира, обладающих, видимо, наиболее консервативными и трудно этимологизируемыми формами. Так, Р. Х. Додыхудоев собрал материалы по микротопонимии Бадахшана (1969). А. Гафуров опубликовал популярную книгу по ономастике (1968), где специальный раздел посвящен топонимам. Если личным именам, бытующим среди таджиков, он уделил большое внимание, составив словарь антропонимов, то географические названия Таджикистана оказались вне его интересов. Здесь отмечены только Бадахшан, Вахш, Искандеркуль, Зеравшан.

Таков по необходимости очень краткий обзор топонимических исследований, проведенных научными сотрудниками республик Средней Азии и Казахстана. Конечно, в нем не все отражено. Многие статьи, разбросанные в периодических изданиях или сборниках, не упомянуты.

Какие же выводы можно сделать из нашего краткого обзора? Постараемся их сформулировать в нескольких пунктах:

1. За последние годы резко повысилась топонимическая изученность Средней Азии и Казахстана. Помимо многочисленных журнальных публикаций появились крупные сводные работы, посвященные всестороннему исследованию географических названий отдельных республик в целом или их крупных частей. Наконец, как итог, синтезирующий сумму известного, публикуются топонимические словари.

2. На фоне роста топонимики в Средней Азии и Казахстане видны уже некоторые ошибки и штампы, которых нужно избежать. Изучая кандидатские диссертации на топонимические темы, можно заметить удручающее однообразие их плана, а бывает, и самого материала. Наиболее обычная схема таких работ сводится к классификации топонимов (от животных, от растений, от личных имен и т. д.), к лексико-грамматическому анализу (словосложение, словосочетание, суффиксы, частые в тюркской топонимии *-лы, -лык, -ты, -лар*), к этимологическому анализу отдельных топонимов. Иногда такая схема завершается региональным топонимическим словарем. В принципе трудно возразить против такого плана диссертаций. Но когда по одной и той же схеме рождаются одна за другой аналогичные работы, в которых меняется только заглавие района исследования, это уже должно настораживать. В таких случаях проталкивается торная дорога для подражательства. Работы выполняются в технологическом потоке и тем самым, к сожалению, теряют новизну, мало способствуя развитию науки.

3. В исследованиях по региональной топонимии наиболее оригинальными оказываются этимологические разделы, в которых авторы пытаются показать происхождение отдельных географических названий, взятых изолированно от других или в ряду себе подобных. Но и здесь намечается одна опасная тенденция. В стремлении переосмыслить бытующие прозрачные этимологии, чтобы обязательно сказать что-то дотоле неизвестное, молодые научные работники предлагают новые решения. Иногда это бывает интересным и оправданным с точки зрения соответствия географическим реалиям. Но нередко приходится сомневаться в правильности таких изысканий.

Так, в одной из работ рекомендуется толкование загадочного топонима с *айгыр* — «жеребец», якобы переосмысленного в порядке народной этимологии из *айрык* — «развилка», с чем трудно согласиться. Попытка объяснения слова *байтал* — «кобыла» в смысле «сугроб снега» также неубедительна. Что может значить название перевала Акбайтал через Заалайский хребет? «Белый снежный сугроб»? Но ведь снег всегда белый!

Другие примеры. Общетюркское *көк* — «синий, голубой» рекомендуется понимать как переосмысленное на тюркской почве ираноязычного *кох, кух* — «гора». Почему? Ведь такие прозрачные топонимы, как Кок-Арт, Кок-Бел и другие, имеют определенный географический смысл. К тому же первая позиция слова *көк* в собственных именах позволяет думать о тюркском начале. Известно, что в тюркских топонимах, как правило, первый компонент выступает в роли определения, второй — в роли определяемого.

Монгольское *сувук* — «сухое русло, канава» (совр. суваг) предлагается соотнести с тюркским *сай, сой*. Между тем здесь видна прозрачная параллель с монгольским *сайр* — «сухое русло, иногда мелкое место в реке, галька». Кстати, в Таримской впадине подгорные равнины Куньлуня, сложенные галечным и щебнистым материалом, уйгуры тоже называют *саями*. Такие примеры можно умножить. Однако вряд ли есть в этом нужда. Важно было ими проиллюстрировать высказанные положения и тем самым помочь начинающим авторам избежать штампов и ошибок, кажется неизбежных в любом начинании. По существу это трудности роста.

2. Система географических названий

Средняя Азия имеет древнюю культуру, своими корнями уходящую в античное прошлое. Некоторые географические названия известны по древнейшим источникам двух-трехтысячелетней давности. Таковы Самарканд (Мараканда у древних греков), Хорезм, Ниса, Паропамиз (Парапанис у греческого автора Ксентия, V—IV вв. до н. э.) и др. Все это позволяет говорить о большой мощности стратиграфической топонимической колонки, построение которой связано с трудными поисками и решениями.

В настоящее время в этих пяти республиках обитают народы, говорящие на многих языках двух основных семей — тюркской и иранской ветви индоевропейской семьи. К первой относятся узбекский, туркменский, киргизский, каракалпакский, казахский и уйгурский языки, ко второй — таджикский, а также языки народов, проживающих в Горном Бадахшане (памирские).

Многие географические названия легко объясняются при помощи лексики этих основных языков, причем топонимические образования, естественно, иногда выходят за пределы современных республиканских или этнографических границ и проникают далеко в глубь иноязычных территорий. Так, таджикские топонимы можно найти на карте Узбекистана и Туркменистана, а узбекские и киргизские названия нередки в Таджикистане.

Мы теперь хорошо знаем, что на значительной территории среднеазиатских республик, в том числе тюркоязычных, наиболее древним из опознаваемых топонимических пластов оказывается иранский.

Древние культурные народы края — хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы в лингвистическом отношении были иранскими народами. Характерно, что старые восточные авторы понимали под Ираном южную часть Средней Азии, а не современный Иран, известный под именем Фарса. И естественно, что древнейшие топонимические образования Средней Азии, создатели которых нам известны, являются ираноязычными. Они сохранились в исходной или измененной форме повсеместно, как на равнинах Турана, так и в горах Таджикистана, но их гораздо меньше во Внутреннем Тянь-Шане, а также в Казахстане.

Наибольший удельный вес иранских географических названий в топонимике Средней Азии наблюдается в Таджикистане, населенном таджиками — одним из современных представителей иранских народов в Советском Союзе, некогда живших на широких просторах Евразии, от берегов Дуная и Черного моря до Монголии. Многочисленные таджикские топонимы вряд ли нуждаются в иллюстрациях. Вспомним хотя бы географические термины, присутствующие в географических названиях: *об* — «вода, река» (Сурхоб, Ягноб, Обихингоу, Анзоб, Варзоб и много других), *кух* — «гора» (Кухистан).

Важно указать другое. Многие названия согдийского, хорезмийского, тохарского, памирского, таджикского

и персидского происхождения присущи другим республикам: Балхан, Мургаб, Чарджоу, Бадхыз, Кухитанг, Каахка в Туркмении; Зеравшан, Лянгар в Узбекистане; Чарвак (*чар* + *баг* — «сад, окружающий со всех сторон жилище, четыре сада») в Киргизии. Прочно вошло в топонимию края таджикское слово *дарья* (*дерьа*), означающее «большая река», в персидском языке — «море». У киргизов Тянь-Шаня это слово имеет свою фонетическую форму — *дайра*.

Таким образом, следует видеть два слоя иранских топонимов — древний (хорезмийский, согдийский и т. д.) и современный.

Можно упомянуть и греческие названия, возникшие в результате завоевательных походов Александра Македонского и последующих культурных связей между Средней Азией и Ближним Востоком. Но при этом следует помнить, что греческие авторы, рассказывающие о странах, лежащих на восток от Каспийского моря, приводили названия населенных мест, рек и гор в форме, какую многие исследователи считали исконно греческой. В действительности же в большинстве случаев такие географические названия были заимствованы греками из местной номенклатуры, но огречены. Поэтому более правильно в античных топонимах искать местные корни. Вспомним хотя бы такие гидронимы, как Окс (Оксус), т. е. Амударья, несомненно, из *окуз*, *угуз*, *у(н)гуз*, Яксарт и др.

В литературе часто приводят название Искандеркуль, Искандердарья, к которым мы можем добавить ст. Искандер Ашхабадской ж. д., пос. Искандара Ташкентской области, как сохранившиеся топонимические памятники или отзвуки походов Александра Македонского. Но это трудно доказать, ибо, возможно, такие названия имеют сравнительно позднее происхождение и, как свидетельствует В. В. Бартольд (1927), в средние века оз. Искандер не было известно под таким именем.

Большой интерес вызывают и находки арабских топонимов, которые укоренились в современной географической номенклатуре. Пути проникновения арабских элементов исторически ясны, но недостаточно изучены конкретные условия закрепления их за теми или иными физико-географическими объектами или за населенными пунктами. Арабское завоевание было связано с распространением ислама; это позволило мусульманской церк-

ви внедрить ряд арабских религиозных терминов в качестве названий населенных пунктов, «священных» мест, урочищ с могилами или с кладбищами. Продолжавшиеся длительные связи среднеазиатских народов с мусульманскими странами Среднего и Ближнего Востока способствовали закреплению и дальнейшему распространению арабского элемента в топонимике Средней Азии и юга Казахстана.

В качестве примеров арабских географических названий можно привести следующие формы: Джебел в Туркмении (араб. «гора»); Арсланбоб в Киргизии (львиные ворота), сравним пролив Баб-эль-Мандеб — «ворота слез, опасный пролив», соединяющий Красное море с Индийским океаном; кишлак Пап в Узбекистане (в прошлом — Баб); развалины и равнина Мешхеда-и-Мисрия в западной части Туркмении, Гиссарский хребет, Гиссарская долина в Таджикистане.

Широкое распространение получили арабские термины *рабад*, *мазар*, *махалля*. Первоначально термин *рабад* употреблялся арабами, но потом он вошел в лексику таджикского и местных тюркских языков в смысле «городские стены и поселения с внешней их стороны, т. е. предместья». В. В. Бартольд (1927) видит различие между терминами *рабад* и *рабат*, или *рибат*. Последняя форма означала первоначально: «место, где привязывали коней, а позже — пограничный пост, укрепление, казарма охраны и, наконец, крепость». Таково происхождение названия города Кызыл-Арват, которое переводится в порядке народной этимологии с туркменского как «красная женщина», первоначальное название — Кызыл рабат, т. е. «красная крепость». *Мазар* — «могила, надгробный памятник, гробница, кладбище» — термин, обычный в географических названиях всех пяти республик, особенно в именах урочищ, реке — населенных мест. *Махалля* — наиболее часто формирует названия населенных мест от Балканского полуострова до Казахстана и Западного Китая. Его основное значение — «селение, округ, квартал города».

Своеобразное сочетание тюркско-арабского топонима представляет Тапсака — головное сооружение верхнехорезмийской оросительной системы. *Сака* (с арабского) — «корошаты», в Туркестане употреблялось в смысле «голова канала, головное сооружение»; *таш* — «камень» (с узбекского). В бассейне Зеравшана один из каналов

носит название Нарпай от *нахр* (с арабского) — «река».

К арабским терминам, получившим отражение в топонимике, нужно отнести и *медресе* (мусульманская школа). К религиозным названиям такого типа относятся следующие формы: г. Джалал-Абад — «слава, могущество, величие», гора Тахти-Сулейман — «трон Соломона», джалалабадский курорт Хазрет-Аюб — «праведный Иов» и др. Для обозначения некоторых среднеазиатских рек арабские географы пользовались своей номенклатурой, не получившей, однако, распространения в народе. Таковы имена Сейхун и Джейхун для Сырдарьи и Амударьи.

В самом конце X в. Саманидское государство рушится под ударом тюркских кочевых народов. Проникновение тюркоязычных племен в Среднюю Азию началось гораздо раньше, еще в VI в., победа же тюрков-караханидов усилила этот процесс. Тюркские кочевые племена встретились здесь с местным земледельческим народом, что привело к смешению разных этнических элементов. В этом процессе «формируется узбекский народ, вобравший в себя таким образом, как и другие народы Средней Азии, культурное наследие древних ее обитателей» (Гафуров, 1949). Как показал С. Караев (1972), тюркские топонимы в Средней Азии фиксируются еще руническими памятниками: р. Йенчу (Сырдарья), ущелье Темир-Капыг (железные ворота). Многие географические названия упомянуты в словаре Махмуда Кашгарского (IX в.) и в ряде арабских источников IX и X вв.

Долгое время во многих районах Средней Азии можно было наблюдать явление двуязычия: население говорило на таджикском и узбекском языках, последний все больше и больше распространялся в Бухаре и Фергане, хотя еще и в настоящее время владение этими двумя языками характерно для некоторой части населения Бухары, Самарканда, Ленинабада и других городов.

В наше время тюркоязычные топонимические образования почти всюду — от Каспийского моря на западе и до Алтая и Тувы на востоке — весьма устойчивы и нередко определяют систему географических названий, исключая территорию Таджикистана без Памирского нагорья, где доминируют киргизские топонимы.

Тюркская топонимика зародилась в условиях кочевого хозяйства, поэтому она обладает большим богатством

и разнообразием. Отдельные географические понятия, связанные с использованием пастбищ и характеризующие ценность ландшафтов, с точки зрения скотовода, передаются не одним, а многими терминами, позволяющими оттенить их особенности. Дифференциация и специализация географических нарицательных терминов в тюркских и монгольских языках достигли большого развития.

Вряд ли нужно останавливаться на примерах тюркской топонимии. Здесь только укажем, что часто термины фонетически существенно изменяются в разных местах Средней Азии в зависимости от той республики, где они распространены. В Туркмении *чай*, в Узбекистане и Киргизии *сай* — «овраг, речка, особенно пересыхающая». В Туркмении *даг*, в Узбекистане *таг*, в Киргизии *тоо*, в Казахстане *тау* — «гора». В Туркмении *даш*, *гум*, *гол*, в Узбекистане *тиш*, *кум*, *кул* — «камень, песок, озеро». Такие фонетические изменения весьма разнообразят топонимику Средней Азии и затрудняют унификацию номенклатуры на картах, вызывая сложные проблемы для наименования объектов, протянувшихся в пределах двух или трех республик. Это могут быть реки или длинные хребты.

Тюркские географические термины в ряде случаев наложились на таджикские, бытовавшие в народе. В этом отношении интересно указание В. Л. Вяткина (1921) на то, что громадное количество тюркских названий в долине Зеравшана возникло главным образом в XIX в. В результате в Средней Азии можно видеть двойную параллельную номенклатуру. В одних случаях сохраняется смысловое содержание названия (например, Сурхоб и Кызылсу — «красная река»), в других случаях такой преемственности нет (Мургаб и Аксу на Памире), наконец, иногда встречается наращивание тюркских и таджикских терминов в одном названии: Чарсу — «четыре воды, реки, потока», Сангудаг — «каменные горы», Баланди-Киик — «высота козла», в которых первые элементы таджикские, вторые — тюркские.

Дальнейшее осложнение среднеазиатской топонимии происходит в результате появления монголов (XIII в.) и последующего их господства. Анализ монгольских элементов в географической номенклатуре позволяет сделать следующий вывод: на западе влияние монгольских географических терминов оказалось минимальным, но на

востоке оно заметнее в современных названиях. Монгольский язык в Средней Азии и Казахстане не стал языком народа, поэтому монгольская топонимика в общем представлена здесь довольно слабо, но там, где она есть, вскрывается без труда. Это прежде всего относится к Киргизии и частично к Казахстану, в которых больше, чем в какой-либо другой республике, бытует монгольская топонимика. Этому способствовал известный исторический факт. Киргизский язык формировался в непосредственной близости от областей Центральной Азии, где происходило зарождение монгольского народа и языка. Естественно, такое соседство привело к ряду частых заимствований и в географической терминологии, порой оказывавшейся родственной или одинаковой. Более того, некоторые монгольские термины вошли уже в лексику киргизского языка как свои.

Монгольские географические термины и названия отмечены и в более далеких от Монголии странах, как, например, в Курдистане (Minorsky, 1957; Мурзаев, 1964а. См. также ниже, стр. 258—267).

Наконец, наиболее верхним слоем стратиграфической колонки следует считать славянский топонимический горизонт, в данном случае русский и украинский. Славянские географические названия внедрялись в топонимику Средней Азии и Казахстана несколькими путями, почему нельзя поставить знака равенства между всеми топонимами этой группы, другими словами, валить их в одну кучу, так как условия их формирования и закрепления были различны. Во время колониального положения Туркестана и «Киргизской степи» в составе Российской империи многие названия возникли в результате административного воздействия. Это в первую очередь касается наименования железнодорожных станций и некоторых городов. В ряде случаев такие русские названия имели параллельные местные формы, оставшиеся живыми и по сие время. Другой путь возникновения русского или украинского названия связан с переселением крестьянства из России и Украины в некоторые районы Средней Азии. Наиболее полно этот процесс прослеживается в Киргизии. Так появились на картах названия Семипалатинск, Петропавловск, Покровка, Быстровка, Ивановка, Семеновка и т. д. Есть еще один путь закрепления русских топонимов, при котором они рождались в результате процесса исследований природы и хозяйства Турке-

стана в XIX и начале XX в. Экспедиция Александра Бекovichа при обследовании берегов Каспийского моря нанесла на карту в 1715 г. залив у «Красных вод», откуда произошло название Красноводск, местное же название — Шакадам — «ступня (шаг) шаха». В 1878 г. исследователь горной Средней Азии В. Ф. Ошанин назвал именем Федченко самый большой ледник. К той же категории относятся названия: Семеновский мост в Боамском ущелье, ледник Абрамова, пик Евгении Корженевской, Обручевская степь в Туркмении, хр. Петра Первого и другие, подобные этим, а также новое образование — пик Победы.

Многие русские названия закреплялись в результате постановлений или приказов царской администрации в Туркестане: Владыкино, Вревское, Хилково, Ломакино, Мельниково, Ванновский, Пески, Перевал, Белозерский и др.

Конечно, такой тип топонимических образований, как правило, плохо усваивается местным населением. По этому поводу Н. П. Архангельский (1935) пишет: «Географическая номенклатура Средней Азии, выработанная на русском языке в царское время, отнюдь не является зеркальным отображением тех названий географических объектов, которые приняты у местного населения».

В ряде случаев неместные названия адаптируются коренными жителями согласно с законами своего языка. Интересен и обратный процесс образования русских названий из местных топонимов методом кальки: Семиречье из Джетысу, Беловодское из Аксу. На этой почве возникали и типичные примеры народной этимологии: тюркское *саз* — «болото, топкое место», но русское — деревня Сазановка (ныне Ананьево), что ассоциируется уже с рыбой *сазан* либо с фамилией *Сазанов*.

После Октябрьской революции процесс переименований и наименований новостроек захватил и Среднюю Азию. На ее территории можно видеть большое количество городов, которых раньше не было, горных промыслов, разрабатываемых месторождений и, конечно, колхозов, получивших различные новые наименования. При этом интересно отметить, что они оказались весьма разноязычными вообще и даже в одном топониме: Целиноград, Колхозабад, Комсомолабад, Большевик, Октябрьское, Кызылшарк (красный восток), Небит-Даг, Янгиюль (новый путь), Первомайское, Ленинабад.

Географическая наука в целях систематизации физико-географических районов ландшафтных областей, в целях отличия одноименных названий для разных объектов пошла по пути наращивания прилагательных и приставок, принимаемых и среднеазиатскими географами. Так появились названия Заалайский хребет, Туркменские Каракумы, Западный Узбой, Келифский Узбой, Сырдарьинский Каратау.

Приведенная стратиграфическая колонка имеет в основании загадочный субстратный горизонт, до настоящего времени почти не тронутый топонимистами. Изучение его — дело исключительно сложное, требует хорошего знания древних индоевропейских элементов и, может быть, еще других языковых наслоений, неизвестных нам. Многие древние города, история которых уходит за пределы нашей эры, и крупные реки несут названия, до сих пор не получившие хоть мало-мальски удовлетворительной этимологии. Известно, что р. Амударья получила свое имя от г. Амуть; Амуде, что лежал где-то рядом с нынешним Чарджоу. Амуть повторяется и в Иране. А что значит этот топоним? Неизвестно. То же самое можно сказать о гидронимах Иртыш, Иргиз.

Город Самарканд. Как только ни объясняли его этимологию! Но ни одного обоснованного исследования о ней пока нет. Между тем это один из древнейших городов мира, заслуживающий такого внимания. У Махмуда Кашгарского можно встретить подкупающую этимологию: Самарканд из Самизканд, т. е. «толстый, полный, тучный». Однако нельзя забывать, что средневековые авторы не в меньшей мере, а в большей, чем современные, оказывались в плену народной этимологии. Может быть, более справедливо сблизить *самар* с иранским *асмара* — «каменный», но и это пока не аргументировано историческими данными. Что значит имя древнего города Хива? Это тоже остается вопросом.

Без сомнения, субстратная топонимия четко проявляется в Средней Азии и Казахстане, но она, видимо, также неоднородна: индоевропейские элементы в ней ясны. Но одновременно очевидно, что особенно справедливо для северного и северо-восточного Казахстана, и наличие угорского и самодийского слоев, к изучению которых практически еще не приступали.

Тюркские топонимы — самые распространенные в Средней Азии и Казахстане. Примеры их бесконечны,

они наблюдаются и на географических картах соседних стран: Ирана, Афганистана, Китая. Изучение тюркской топонимии продвинулось далеко вперед благодаря работам главным образом среднеазиатских и казахских ученых. И несмотря на это, здесь еще большое поле деятельности.

Нередко географические названия формируются с участием местных географических терминов и этнонимов, что легко понять, учитывая этническую пестроту и исторически сложившееся деление отдельных народов на племена. Таким образом, имена народностей, племен, родов также следует включить в круг внимания топонимиста. Примеры многочисленны: г. Кунград или кишлак Уйгурсай в Узбекистане, колодец Шиих или кишлак Мукры в Туркмении, хр. Моголтау в Таджикистане, Киргизский хребет, с. Сарык-Могол, р. Суек в Киргизии и т. д.

С. Караев (1972а) показал весьма большое значение этнонимов в формировании географических названий Узбекистана, среди которых обычны имена тюркских племен, родов, более мелких родовых подразделений. Особенно много таких топонимов в Зеравшанской долине и на юге республики. Среди них Буркут, Гурлан, Мангит, Кипчок, Корлук, Курама и т. д.

О значении народных географических терминов в топонимии было достаточно подробно сказано выше. Здесь укажу только на большое распространение в оронимии Средней Азии типологических терминов, выступающих в наши дни в виде собственных названий. К этой группе оронимов следует отнести многочисленные Каратау, Актаг, Алатау. Каратау — дословно «черные горы», но в действительности пустынные, сухие горы, лишенные высотной поясности. (На Алтае, наоборот, — «черные», т. е. покрытые лесами.) В Гоби параллельная форма Хараул (а). Нередки оронимы Чельтаг или Куруктаг, т. е. «пустынные или сухие горы». Актаг — «белые горы», т. е. высокогорный блок, горы с вечноснежными вершинами. В литературе отмечена форма Эктаг-Алтай, т. е. белогорный Алтай. Алатау — обычный ороним на Тянь-Шане (Киргизский Алатау, Кунгей-Алатау, Терской-Алатау, Заилийский Алатау и др.). Подобные оронимы присущи только типу гор с вечноснежным покровом и высотной поясностью. Алатау — дословно «пестрые горы».

Очень большая группа топонимов, особенно названий населенных пунктов, образуется при помощи личных имен. Исторически это либо первые поселенцы, либо феодалы, баи, шахи, эмиры, собственники колодезев, отдельных земельных наделов, либо святые, почитаемые лица, поэты, ученые. Поэтому не случайно на карте Средней Азии можно видеть горы Тахти Сулаймон (Сулейман, Соломон), оз. Искандеркуль, города Абай, Ауэзов, Джамбул, Байрам-Али, Навои, Токтогул, Айни, Фрунзе, Пржевальск, Ленинабад.

Отметим еще некоторые особенности топонимии Средней Азии и Казахстана. Очень распространено явление частой изменчивости названий одной и той же реки. Река называется по-иному, принимая большой приток, при смене направления долины или ее рельефа. Эта особенность характерна для громадных азиатских территорий — от Босфора до берегов Тихого океана: в Турции, Иране, на Кавказе, в Афганистане, Индии, Китае. В Средней Азии такая изменчивость усугубляется еще тем, что реки начинаются, текут и оканчиваются в районах, населенных народами, говорящими на разных языках. Все это усложняет номенклатуру рек, делает ее громоздкой и трудной для запоминания.

Приведем следующие примеры. Река Чу в верховьях называется Караколом, после впадения р. Суек — Кочкором, последний, сливаясь с Джуванарыком, именуется Чу. Река Джумгал образуется после слияния Базартурика и Кызарта, а р. Кёкёмерен — из Сусамыра и Каракола, причем Сусамыр, который следует считать верховьем Кёкёмерена, в истоках имеет два названия — Алабель и Утмек. Классический пример изменений названия реки дает нам Амударья, которая составляется из Вахша и Пянджа. Вахш в свою очередь образуется Сурхобом (Кызылсу), а Пяндж — реками Ваханом и Памиром. Меняют свои названия Зеравшан, Сырдарья, Чирчик, Мургаб памирский (Аксу, Мургаб, Бартанг) и много других рек*.

Также обычно для топонимии горной части обозначение одним именем двух или нескольких рек, стекающих с одного хребта в разные стороны и имеющих близкие истоки, примыкающие к одной и той же седловине или

вершине. Такая картина наблюдается и в горах Центральной Азии. Объяснением этому может служить следующее обстоятельство: жители гор — казахи, киргизы и таджики — называют одним именем проход через горы. Горные тропы при подъеме на хребет приурочены обязательно к долинам рек. Следовательно, две реки и разделяющий их перевал носят одно имя — имя прохода. В следующем этот обычай распространяется и на реки, начинающиеся у какого-либо горного узла или выдающейся вершины, которая обращает на себя внимание и получает общее с рекой имя. Если их много, то к основному названию прибавляется прилагательное. Так, в одном районе Кунгея берут начало шесть рек, все под названием Койсу — «овечья вода», но две из них, стекающие в противоположные стороны, имеют приставку *орто* — «средний»; две другие — приставку *чон* — «большой». Если же горы имеют название по реке, то прибавляется слово *баш*, *бас* — «голова, вершина».

Примеров одноименности рек, текущих в противоположные стороны, можно привести сотни. Отметим Каракол чуйский и Каракол сусамырский, Шамси, Карабалты, Аксу, Кегеты, стекающие как в южную сторону Киргизского хребта, так и на север. В Ферганском хребте две одноименные реки и перевал между ними называются Кугарт. В Заалайском хребте в массиве Корумды рождаются Кызылсу алайская и Кызылсу таримская. В Туркестанском хребте известны перевал и две противоположащие долины Шахристан.

Нередко в Тянь-Шане и на Памире горы называются по реке, стекающей с них. Особенно это заметно во внутренних горных областях, где многогорье создает трудности в расчленении и наименовании отдельных частей. Так, во Внутреннем Тянь-Шане названия хребтов Кокшаал-Тау и Джумгалтау произошли от имени рек. На Памире хр. Музкол получил имя реки, а не наоборот, ибо смысловое содержание топонима позволяет это утверждать категорически. Таково же происхождение названия Зеравшанского и Алайского хребтов, Таласского Алатау. Перенос названий рек на горы — явление, видимо, сравнительно позднее, так как местной номенклатуре вообще не свойственны названия гор в крупном плане (родовые), хребет имеет много местных, локальных имен (видовых), приуроченных к какой-либо вершине, массиву, группе пиков и т. д.

* Продолжение этого тезиса см. на примере рек Центральной Азии в очерке «Топонимика Синьцзяна», стр. 268—300.

Многие названия основных горных хребтов, принятые в современной географии и картографии, возникли как искусственные книжные образования. В их основе, как правило, лежат местные географические термины или собственные географические названия отдельных сравнительно небольших топографических объектов. Другими словами, местное население первоначально пользовалось видовыми категориями, куда относятся имена отдельных приметных вершин, перевалов или рек, собирающих воды с тех или иных гор, а обобщение, пришедшее со временем, расширило рамки называемого объекта. К таким книжным оронимам, получившим признание со второй половины XIX в., можно отнести названия хребтов Алайского, Заалайского, Заилийского, Туркестанского, Ферганского, Зеравшанского, Гиссарского и много других.

Разберемся в них. Алайский и Заалайский хребты окаймляют Алайскую долину, название которой и распространилось на эти два высоких среднеазиатских хребта. П. П. Семенов-Тянь-Шанский во время своего тяньшаньского путешествия увидел передовой хребет на юге от реки Или, т. е. за рекой Или по ходу маршрута экспедиции. Так возникло имя Заилийского Алатау. Туркестанский хребет стал именоваться по области Туркестан — типичная русская оронимическая форма; Ферганский хребет — по Ферганской межгорной впадине, Зеравшанский — по р. Зеравшан, Гиссарский хребет — по лежащей на юг от него Гиссарской долине.

В сущности к этой категории следует отнести и Тянь-Шань — ороним, до настоящего времени бывший неизвестным местному населению — киргизам и казахам, населяющим эти горы. Здесь наблюдается интересное явление, при котором аборигены узнают название родных гор через европейскую картографию, через школу и уроки географии, через радио, телевидение и печать. В старых китайских географических источниках эта горная страна иногда именуется Цунлином, т. е. Луковыми горами, иногда Бэйшанем, т. е. северными, в отличие от Куньлуня, который в этом случае оказывается южным хребтом. Такая оронимическая пара отражает восприятие гор жителями Таримской впадины в Синьцзяне. А для оазисов Джунгарской впадины стена Тянь-Шаня называется Наньшанем, т. е. южными горами. В русской географической литературе ороним Тянь-Шань встреча-

ется уже в XVIII в., но широкое распространение получил только со второй половины XIX в. Тюркоязычные народы Внутренней Азии издавна называют эти горы Алатау или Алатоо и нередко Тенгригаг — «небесные горы». Ср. имя их главной вершины Хан-Тенгри — «царь неба». Поэтому следует признать китайскую форму Тянь-Шань не оригинальной, а калькой с тюркского Тенгригаг.

В среднеазиатской топонимии мы почти не знаем переноса названия реки на древние крупные города, как это обычно можно видеть в русской топонимии (Москва, Иркутск, Омск, Томск, Уральск и др.). Такие образования в Средней Азии известны только для небольших населенных пунктов, например в Киргизии, где они получают названия по долинам, в которых располагаются. Наоборот, по крупным древним городам Средней Азии реки получили свои имена: Амударья, Гузардарья, Ходжентдарья (Сырдарья), Намангансай, Андижансай, Талас, Теджен и др.

Изучая географическую терминологию Средней Азии, можно заметить большую специализацию элементов, оказавшихся ближе всего к производственной деятельности человека. В пустынях Каракумы и Кызылкум много терминов, относящихся к типам колодцев, формам рельефа песков, в горах Тянь-Шаня заметно разнообразие пастбищных терминов и слов, раскрывающих различия в горных ландшафтах, формах долин и перевалов. В долинах Таджикистана и Узбекистана видна большая детализация в ирригационных понятиях и терминах (*арык, арна, яб, кяриз, бент* и др.).

В географической номенклатуре Средней и Центральной Азии нередко такие названия, смысл которых кажется простым, но неоправданным с точки зрения соответствия географическим реалиям. Это вызывает сомнения в достоверности формальных переводов и требует ревизии. Нужны поиски удовлетворительных решений не только лингвистами, но и географами.

В любой стране, в топонимии любой территории имеет место народная этимология. В ряде случаев она легко опознается, возникает исходная форма, которая сама по себе еще не позволяет понять истинное значение географического понятия. Но бывает и другая картина, когда первичный топоним, освобожденный от народной этимологии, помогает выяснить его подлинное

значение. Что значит название Кашкадарья? Дословно — «лысая река», что неоправданно и звучит неожиданно странно. Между тем такой топоним не одинок (вспомним Кашкасу, Кашкабулак). Как можно представить себе лысую воду, лысый источник? В этом нет смысла и географической логики. В названиях Кашкатау, Кашкакум, Кашкаашу значение «лысый» вполне оправданно. Кашкатау точно соответствует русскому «голец». Кашкакум — «голые, перевеваемые пески, не заросшие растительностью». У туркмен нередко Аккум. Кашкаашу — «обнаженный, открытый перевал». Можно ли оправдать перевод названия Кашкабулак как не заросший растительностью источник? Мы знаем, что как раз у места выхода подземных вод всегда развивается растительность.

По всей вероятности, правильнее предположить два варианта объяснения слова *кашка* в гидронимах: а) «лысый» — в смысле «прозрачный, чистый»; б) «пересыхающий, голый». Это требует аргументации. Второе значение показал А. И. Попов (1957а), когда привел целый ряд параллелей из разных языков, главным образом из финно-угорских; в марийском *кокша* — «лысый», *кукшо* — «сухой», *куаш* — «мелко»; у коми *куш* — «пустое, голое место». Ср. Кошкозеро, или Сухоозеро, Косьяксыяр — «сухое озеро» и др. Но известная река Кашкадарья в Узбекистане не имеет никакого отношения и к этому ряду. Данный гидроним возник по другой закономерности, типично народно-этимологической. Его исходная форма — таджикский топоним Кеш-и-Руд, т. е. «река города Кеш» (ныне Шахриябз).

Еще пример, на этот раз из Центральной Азии. В Джунгарской Гоби, на южной границе МНР, протянулся высокий пустынно-степной хребет, монгольское имя которого Байтаг-Богдо-Уул. Основа здесь тюркская — *бай* + *таг*, дальше тибетское (и монгольское) *богдо* — «святой, священный», монгольское *уул* — «гора». Байтаг как будто легко перевести «богатая гора». Но одновременно В. В. Радлов (1911) приводит казахское *байтак* — «обширный, широко раскинутый, просторный», что вполне соответствует характеристике этого хребта.

В юго-западной Туркмении расположен небольшой городок Каракала — центр сухих субтропиков Средней Азии. Этимология напрашивается сама собой — «черная

крепость»; что может быть вполне оправданно в ряде случаев. Но местные туркмены говорят Гаррыгала, а это уже иная форма и иной смысл — «старая крепость».

Эти примеры позволяют утверждать, что даже в тех случаях, когда этимология кажется простой и вполне правдоподобной, обладающей определенным географическим смыслом, все же следует усомниться в них и проверить на месте исходные их формы, иначе исследователь-топонимист легко попадет в капкан народной этимологии.

Махмуд Кашгарский объяснял гидроним Иртыш от *эртишмак* — «кто быстрее перейдет». Это типичная народная этимология. Нельзя забывать, что Иртыш не одинок в таком гидронимическом ряду: Иртыш, Иргиз, Иркут, Иро, Ирсу, Иркутль.

В. В. Бартольд (1966) приводит название Тюлькюбаш для горы и селения (ныне поселок городского типа Тюлькюбас Чимкентской области, Казахской ССР) с прозрачной этимологией «лисыя голова» и тут же рассказывает о домыслах местных жителей: что на горе некогда жил тюркский хан, почему правильнее нужно читать: Тюрку бас.

А вот несколько более сложный вопрос. В тюркской оронимии нередко можно встретить, казалось бы неоправданные, названия отдельных вершин или перевалов такого типа: Караайгыр, Бозайгыр, Акбайтал. Что это такое? Почему гора носит название «черный жеребец», а перевал — «белая молодая кобыла»? В радловском словаре можно обнаружить много значений слова *айгыр* в тюркских языках, но ни одного нет такого, которое имело бы топонимическую семантику: грубость, ярость, темперамент, горячий, удалой, высокомерный, муж и т. д. Г. К. Конкашпаев (1963) остроумно предложил: «Айгыр — жеребец, в составе сложного географического названия приобретает значение «большой»». Такое объяснение подкупает своей логичностью и простотой.

Но как быть со словом *байтал* в топонимах? В словаре географических названий Киргизии (Исаев и др., 1962) оно неоднократно упоминается: Байтал, Байтал-Баши, Акбайтал, Алабайтал и т. д. Одновременно встречается и другой вариант: р. Сары-Бия — «желтая кобылица» в бассейне Карадарья. Можно ли во всех случаях считать, что *байтал* соответствует значению «ко-

была», а *айгыр* значит «жеребец»? Мне кажется, что на этот вопрос ответить не просто без специального изучения. Нет ли в данных примерах народной этимологии? Нельзя ли видеть в *байтал* слово *тал* — «ива, тальник»? На это не берусь ответить. Противоречия между общепринятыми этимологиями и географическими реалиями налицо.

В пользу предположения Г. К. Конкашпаева о значении слова *айгыр* — «жеребец», приобретающего в топонимии значение «большой», говорит следующий факт. В монгольских географических названиях *айгыр* заменяется словом *азрага*, широко применяемом в оронимии и гораздо реже в гидронимии. Это уже говорит о том, что *айгыр* в порядке народной этимологии не мог заменить *айрык* — «развилка», иначе топоним был бы на более част в названиях рек и каналов. Между тем крайне интересным и проливающим свет на истинное значение топонима *азрага* оказывает монгольское словосочетание *азраган бороо* — «сильный дождь, ливень», тогда как *бороо* — просто «дождь». Об этом же пишет Э. В. Севорьян (1966): *айгыр* (вторичные и переносные по происхождению значения) — «1. Темпераментный, горячий (туркм.); боевая, удалая, смелая женщина (ногайск.). 2. Отличающийся большой величиной, крепостью, силой, властью (якут.)». В качестве параллели приведу русское выражение «лошадиная доза», в котором прилагательное «лошадиная» выступает в значении «очень большая».

Значительная роль в образовании среднеазиатской топонимии принадлежит прилагательным, определяющим качество, цвет, положение географического объекта. Слова *ак*, *кара*, *кызыл*, *ала*, *сары*, *кичи*, *чон*, *катта*, *узун*, *орто*, *эски* и т. д. часты, очень часты в тюркских названиях. Всегда ли они определяют только одно обычное значение: белый, черный, красный, пестрый, желтый, малый, большой, длинный, средний, старый — или в составе географического названия некоторые из этих прилагательных несут другую, специфически топонимическую нагрузку? В названиях типа Каратау, Алатау или Карасу прилагательные определяют типологическую категорию географического объекта. Напомню, что в бурятском языке слово *хара* употребляется для обозначения качества прозрачной, чистой воды. А. Н. Кононов (1954) считает, что в древних тюркских языках *ак* озна-

чало «течь», *аксу* — «текущая вода», а *кара* — «земля» и *карасу* — «земляная, т. е. родниковая вода». Казахский лингвист Е. Койчубаев (1965) доказывает, что многие цветные обозначения имеют другое, нецветовое содержание. Но Г. Конкашпаев категорически возражает против такого тезиса, утверждая прямое соответствие цветных прилагательных их основной семантике.

Интересен также анализ значения количественных в составе топонимов. В Средней Азии они встречаются довольно часто: Джетысу, Пенде, Пяндж, Учтаган, Учкуртан, Пенджикент, Чарджоу, Алты-Кудук, Алты-Кунгей, Еды-Адымлар, Джеты-Огуз, Джеты-Сандык, Тогуз-Торау, Онбир-Джилга, Минбулак, Минкуш и т. д. В этих названиях фигурируют числительные: 3, 5, 6, 7, 9, 11, 1000. Особенно часта семерка. Редки четные числительные. Кто знает, из скольких рек образуется Джетысу или Пяндж? В литературе можно встретить много вариантов ответа на такой вопрос, и ни одного убедительного. Какие четыре протоки дали основание назвать город Чарджоу? Именно какие и сколько впадин создают урочища Джеты-Сандык в Киргизии или Еды-Адымлар в Туркмении? Большей частью это праздные вопросы. Разве можно подсчитать тысячу родников в местности Минбулак, тем более тысячу птиц в тянь-шаньской долине Минкуш или тысячу кочующих диких козлов в горах Минтеке? Обычно такие количественные топонимы указывают на порядок величин: великое множество, обилие, некоторое число, несколько.

Но иногда же количественный показатель точно определяет число объекта. Так, в Туркменских Каракумах известен колодец Екедже — «одинокий, единственный». Но если со временем рядом вырастает второй, а название, как это часто бывает, сохранится прежнее, то оно превратится в обычный количественный топоним. Его семантика уже не будет соответствовать слову, а подскажет другую формулировку: какое-то малое число. Произойдет смысловой сдвиг.

Географические названия Средней Азии и Казахстана в подавляющем большинстве имеют двух- или трехэлементную структуру. Они состоят из двух-трех слов, даже и в том случае, когда нами воспринимаются как одно слово. Такие названия, как Ташкент, Ашхабад, Самарканд, Ангрэн, Ташауз, Нукус, Чимкент, Мургаб, в сущности двухэлементные, хотя в нашей практике

считаются простыми. В этом отношении топонимика Средней Азии принципиально не отличается от топонимики других азиатских стран, в которых процесс образования географических названий в течение долгого их исторического развития происходил примерно одинаково в основных своих принципиальных положениях: 1) сложность большинства топонимических образований, сочетание простых географических номенклатурных терминов между собой или с прилагательными, числительными, собственными именами и этнонимами. В таких случаях номенклатурный термин стоит на месте, последующем за прилагательным; 2) в основе топонимики лежат простейшие географические термины: гора, река, вода, селение, колодец, лес, пастбища и другие, подобные этим.

Приведем следующие простые примеры, иллюстрирующие эти положения:

Кара + тау = черные (пустынные) горы
Кул + яб = куль + аб = озеро + вода, озерный водоем
Майли + сай = масличный овраг; речка, долина с признаками нефтеносности
Сары + су = желтая (мутная) вода (река)
Сурх + об = красная вода, река
Кызыл + кая = красная скала
Ак + дарья = белая река
Орто + токой = срединный лес, тугай
Шор + су = шур + аб = соленая вода
Чар + чжоу = четыре потока, протока
Уч + курган = три кургана, холма, укрепления
Шиих + кую = колодец племени Шиих
Шоль + адыр = безводная, пустынная возвышенность
Коныр + жал = темная грива, гряда
Каска + кум = голые, незаросшие пески
Янги + базар = новый рынок, базар

Установление типичных моделей топонимов для отдельных географических объектов позволит построить названия в ряды, что даст возможность говорить о типичных, повторяющихся в ряду явлениях и понять исключения, обусловленные теми или иными причинами. Структурно-семантический анализ топонимии дает богатейший материал по установлению продуктивных аффиксов в образовании собственных имен. В тюркских топонимах часты *-лы, -ли*: Лайлы, Камышлы, Шагалы, Кендерли; *-лык, -лик*: Ташлык, Сазлык и т. д. Правда,

в тюркской топонимии могут быть и безаффиксные модели: Гава-Сай, Каракыр, Кичи-Арт, Темиртау.

Грамматическое оформление топонимов также не различно для интересующихся системой географических названий. В Средней Азии наиболее част тип словосложения: Ашхабад, Майлису, Ташкент, Самарканд и подобные им. Но и словосочетание не редкая конструкция: Чирган-Акты — «место с зарослями облепихи», Арал-Тенгизи — Аральское море. В тюркских сложных топонимах определение стоит в первой позиции, а определяемое — во второй или третьей (Катта-Арык, Кичи-Таш-Сай), в таджикских и других ираноязычных позициях могут смещаться, и от того или иного положения определения и определяемого меняется конструкция, но полностью сохраняется семантика (Оби-Гарм — «вода горячая», но Сурх-Об — «красная вода», Об-и-Аму — «река Аму», но Мург-Аб — «луговая река» и т. д.).

Важный вопрос топонимического изучения Средней Азии заключается в сравнительном анализе речных терминов и собственных имен. Где искать корни тувинского *кем* — речного термина, в массовом количестве образующего гидронимию Тувы? Видимо, в древнеиранских *ком, кам**. В Средней Азии немало аналогов: р. Пскем, сюда же относятся названия каналов в долине Зеравшана (Шофирком, Комияка, Камизар и т. д.).

Большой материал по монголо-тюркским языковым параллелям содержится в сборнике «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». В нем для топонимиста особенно интересна работа С. Садыкова «Тюрко-монгольские параллели» (1966).

3. Имена республиканских столиц

Прежде чем завершить наш рассказ о географических названиях Средней Азии и Казахстана формулируем задачу дальнейшего их изучения, остановимся кратко на происхождении имен республиканских столиц.

Алма-Ата. Обычен перевод — «отец яблок», что неточно передает казахский оригинал Алматы — «яблочное». В 1854 г. здесь, в урочище под таким именем, было основано Заилийское укрепление. В следующем году

* Об этой теме см. на стр. 184—188.

оно переименовано в город Верный. После Октябрьской революции, в 1921 г., был восстановлен местный казахский топоним, но уже в форме Алма-Ата, хотя на казахском языке осталось оригинальное написание. Происхождению этого названия специальную статью посвятил Г. К. Конкашпаев (1948), который пишет о продуктивности казахских топонимов на *-ата*: Хорсан-Ата, Сунак-Ата, Баба-Ата, Аулие-Ата. Ата — «отец, дед, святой» встречается в географических названиях мазаров, развалин, городищ, пещер, теплых минеральных источников. По существу Алма-Ата оказалась втянутой в этот топонимический ряд на *-ата*. В действительности город получил свое имя по гидронимам Алматы: две реки — Большая и Малая Алматинка — протекают через столицу Казахстана. По историческим источникам, здесь еще в средние века был г. Алматы, который у отдельных восточных авторов именуется Алмалык.

Следует отметить, что многие географические названия Казахстана, оканчивающиеся на *-ты*, Е. Койчубаев (1969) трактует как оронимы, в которых современное *гау* — «гора» имеет архаическую форму *ты* — «гора», и приводит такой ряд: Архааты — «гора архаров», Аршаты — «можжевелевая гора», Караганы — «сосновая гора», Жаманты — «пологая гора», Бугуты — «коленья гора», Моинты — «шееобразная гора» и т. д.

По этому поводу Г. К. Конкашпаев (1971) напоминает, что форма Алматы исторически заменила исконно тюркскую форму Алмалык (ср. Алмалык — город в Ташкентской обл.), т. е. «изобилующий яблоками», от слова *алма* — «яблоко». Тюркский формант *-лык* заменился монгольским формантом *-ты*, имеющим то же значение. Ц. Д. Номинханов, посвятивший специальную статью названию Алма-Ата (1958), пишет о монгольских местоименных формантах *-ту*, *-тай*, *-тэй*, *-той*, *-та*. Поэтому все названия в Казахстане на *-ты* (Оленты, Яманты, Аршаты, Тарбагатай и др.) нужно считать монгольскими по происхождению (луговое, козлиное, где много минеральных источников-аршанов, изобилующее сурками-тарбаганами).

Ашхабад, туркменский оригинал — Ашгабат — «любимое, приятное место». В прошлом это аул — центр Ахалтекинского оазиса, а позже центр Закаспийской области. Другого значения этого названия мне не приходилось встречать; в основных трудах по истории и гео-

графии Туркестана оно осталось без обоснованного объяснения, что наводит на мысль об отсутствии уверенности у большинства авторов в правильности приведенного толкования.

Между тем первый элемент этого названия имеет частые повторения в топонимии Среднего Востока: Астрабад, Ашназ в Иране, Аш-Кара, Астара в Талыше, Аштарак в Армении, Ашкала на запад от Тбилиси и в других местах. Весьма затруднительно определенно объяснить основу этих близких или родственных названий. Армянский лингвист Гр. Капанян (1940) сопоставляет название Аштарак (арм. «башня», груз. *агарак*) с семитским *аштар*, богиней Иштар, Астарт, которой ставились каменные обелиски. У греков каменные кучи, тумбы в виде памятника назывались *герм*, по имени бога Гермеса.

Термин *абад* самостоятельно не употребляется, а часто встречается только в географических названиях, сопровождая основной топоним. *Абад* или в таджикском *обод* — «обводненный, благоустроенный», также «возделанный, обработанный, заселенный, модный, построенный». Это слово нередко можно видеть как в старых, так особенно и в новых географических названиях: Ленинабад, Захматабад, Новабад. Но отметим, что В. В. Баргольд (1927) переводит название Шахабад — «постройка шаха».

Первым, кто предложил этимологию топонима, был А. Вамбери (1891), который писал: «Aschkabad, а не Askabad город в Закаспии. Букв. «место любви» от араб. *aschk* — «любовь» и перс. *abad* — «место, остановка, местопребывание»».

Ашхабад основан в 1881 г. До 1919 г. господствовала транскрипция в форме Асхабад, до 1927 г. — Полторацк. Обзор других этимологий см. у С. Атаниязова (1970).

Душанбе. До 1925 г. — кишлак Дюшамбе. В 1925 г. образован город, сохранивший до 1929 г. название кишлака. С 1929 до 1961 г. — Сталинабад, позже восстановлено старое имя, но в новом написании. Топоним с интересной этимологией. В ряде районов Средней и Центральной Азии (Таримский бассейн) отдельные селения именовались по тем дням недели, на которые приходились базары — события первостатейной важности. В кишлаке Дюшамбе базарным днем был понедель-

ник, т. е. «второй (ду) день недели». В одном ряду топонимы Сешамбе — «третий день недели, среда», Якшамбе — «первый день недели, воскресенье» и т. д.

Нукус, каракалпакский оригинал — Нюкис, расположен в дельте Амударьи, центр Каракалпакской АССР. Б. В. Андрианов (1962) считает, что в основе названия этноним, имя племени, подобно другим топонимам дельты: Чимбай, Кунград, Кипчак, Ходжейли, Мангыт, Ктай. Но на карте расселения узбекских и каракалпакских племен XVIII—XIX вв. племя нукус не фигурирует. К. Абдимуратов (1965) предложил другое объяснение из иранских языков: ну — «девять», кэс — «человек» (ср. *арбакеш* — «человек арбы, возчик», *пахтакеш* — «хлопкороб» и т. д.). Э. М. Мурзаев (1967) видит в слове *кус*, *кеш* — слово, обычное в топонимике населенных мест Средней Азии и Ирана в значении «жилище, дом, поселение».

Таким образом, Нукус, Нюкис, Нукеш, кажется, логичнее и правильнее объяснить — «девять домов, девять жилищ». Такая модель географических названий с участием числительных обычна в топонимике многих стран, в том числе и в Средней Азии, и иллюстрируется многочисленными примерами: Семипалатинск в Казахстане, Пятихатка на Украине, естественноисторическая область Джетысу в Казахстане и Киргизии, Пенджикент и Пяндж в Таджикистане, Пенде в Туркмении, Учкурган в Узбекистане и много других.

Ташкент, узбекский оригинал — Тошканд. Обычно переводят Таш + кент — «каменный город». Но такой перевод, как считают некоторые ученые, есть позднейшее осмысление более раннего и фонетически близкого названия. Вся область, орошаемая р. Чирчик, именовалась областью Чач, или Шаш, и это звучало: Шашкент — «город области Шаш». Действительно, в арабских источниках — Шаш, в иранских — Чач. У китайцев — Чечи. Слово *кент* или *кед* означало дом, усадьбу, группу домов одного хозяина. В Хорезме *кат* — «пространство на равнине, окруженное валом, стенами»; на Ягнобе *кат* — «дом». «Географы X в. при описании Туркестана приводят большое число сложных названий с *кет* и *кед*, причем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зеравшана и в значительно большем числе в бассейне Сырдарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Иетархи дает для

области Илак, т. е. культурной Полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с *-кет*; для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, — 27 названий, из них 14 сложных с *-кет*. Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению: в Коране «селением» (карья) назван и такой большой город, как Мекка... Употребление слова *кент* в смысле «селение» сохраняется до сих пор в Хорезме и в Кашгарии» (Бартольд, 1927). У арабских географов Ташкент был известен под именем Бинкета.

Е. Д. Поливанов (1927а) не согласен с этимологией Ташкент → Шашкент, ибо переход *ш* в *т* вряд ли возможен. По его мнению, гораздо правильнее считать, что первая часть названия имела основу *таж* или *тажи* — современное *таджик*. Этот этнический термин претерпел большую эволюцию. В. В. Бартольд (1925) пишет, что в эпоху арабского владычества местное население Средней Азии так называло арабов-завоевателей (ср.: арм. *гачик* — «араб», кит. *да-ши*), а позже вообще мусульман, поскольку первоначально понятия «арабы» и «мусульмане» в языке не различались и были синонимами. Затем термин *таджик* был перенесен на мусульман, говорящих на иранских языках. Поэтому Е. Д. Поливанов приходит к такой гипотезе: Ташкент — город арабов-завоевателей, город мусульман, город таджиков. Всего несколько столетий назад господствующим языком в Ташкенте был таджикский. Такое название могло присвоить местное население в VII—VIII вв.

Казалось бы, ясная этимология: Ташкент — «каменный город» — подверглась большой ревизии, что и осложнило вопрос. Узбеки имя своей столицы объясняют: «каменный город, город, построенный из камня», а не город таджиков и не город Шаша. При этом ссылаются на показание первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, который упоминает и другие названия: Тарканд, Озкент, Тонкент и первым именно так объяснил этимологию Ташкента (Хасанов, 1962). Вслед за Махмудом Кашгарским то же самое утверждает великий ученый-энциклопедист Абу Рейхан Бируни (Беруни): «Названия изменяются быстро, когда какой-либо местностью овладевают иноплеменники с чужим языком. Их органы речи часто коверкают названия, и в таком виде они переносят их в свой язык, как это в обычае греков. Они берут первоначальное значение, но назва-

ния претерпевают изменения. Разве ты не видишь, что Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, то есть «каменное селение», и точно так же в книге (Птолема) «Джография» он называется «Каменной башней» (Хасанов, 1972). Эти мысли были высказаны еще в IX в., но и сегодня они звучат свежо и могут считаться основополагающими для современной топонимии.

Фрунзе. Столица Киргизской ССР получила имя выдающегося советского полководца и деятеля Коммунистической партии М. В. Фрунзе в 1926 г. До этого времени — Пишпек. Город был основан в 1878 г. на месте военного укрепления. Происхождение топонима Пишпек до последнего времени оставалось загадкой. Ныне Е. Койчубаев (1963) предложил следующее объяснение: *пиш* (*беш*) — «пять» и *пек* (*бишк*, *беек*) — «высота». Подтверждение своей мысли он видит во многих параллельных оронимах: Бештау на Кавказе (откуда Пятигорск), Бешташ — «пять камней» в бассейне Таласа в Киргизии; на берегу Аральского моря есть барханы Биктау, что переводят — «высокая гора», а в бассейне Аламедина, что орошает г. Фрунзе, высятся горы Бештоо — «пять гор». Насколько мне известно, гипотеза Е. Койчубаева пока не встретила поддержки у киргизских топонимистов. Решение — дело будущего.

4. Задачи топонимического изучения

Из всего сказанного можно сформулировать в тезисной форме задачи дальнейшего изучения географических названий пяти союзных республик. Некоторые из таких задач, строго говоря, имеют общее значение, а не только специфическое среднеазиатское.

а) Сбор массового материала. Задача эта хотя и техническая, но важная. Настало время составить сплошные списки географических названий рек, озер, колодезев, источников, гор, населенных пунктов, перевалов, урочищ, ледников, сыртов, пастбищ, массивов песков, такыров, долин и т. д. В этом отношении киргизские географы оказались впереди других. Они уже опубликовали такие, пока краткие, списки по бассейнам рек, но это только начало. Большое внимание следует уделить правильной записи географических названий, так как от

исходной формы зависит их положение в ряду других, что важно при топонимическом анализе. Чем скорее будут составлены такие списки, тем продуктивнее смогут развернуться топонимические изыскания в каждой республике.

Подобный список (первоначально в виде картотеки) может составляться на основе личных расспросов хорошо осведомленных информаторов из местного населения, по крупномасштабным картам, литературным источникам. Надо помнить, что в надписях на картах или в литературе могут быть допущены ошибки. Особый интерес вызывает изучение исторических материалов, рукописей, архивных записей и других документов, которые могут дать исторически меняющиеся формы топонимов и тем самым показать их эволюцию. Примером такого исследования служит изучение литературного наследия Махмуда Кашгарского узбекским ученым Х. Хасановым.

б) Сбор и интерпретация местных географических терминов, продуктивно участвующих в образовании собственных географических названий и слов, которые входят в состав названия в качестве определения. Список местных географических терминов поможет легче и проще этимологизировать собственное имя и укажет природу географического объекта, который несет это имя. Средняя Азия исключительно богата подобной терминологией. Следует учитывать смысловой сдвиг, семантическую изменчивость одного и того же слова в разных районах среднеазиатских республик даже за их пределами. Сырт на Тянь-Шане не одно и то же, что сырт в Якутии, в Башкирии или в Поволжье. Подобная полисемантическая присуща очень многим географическим терминам. Хотелось бы видеть толковые словари или картотеки, доступные для широкого использования. Начало же созданию подобных словарей по тюркской географической терминологии положил Г. Конкашпаев (1951), опубликовав свой труд по казахским терминам.

в) Изучение этнонимической и антропонимической лексики в связи с ее воздействием на топонимическую номенклатуру.

г) Задача изучения стратиграфической колонки. Следует еще раз обратить внимание на важность и необходимость изучения субстрата, что может дать очень интересные результаты, если такое изучение будет прово-

даться на широкой сравнительной лингвистической и исторической основе.

Изучение топонимической стратиграфии предусматривает обязательный учет влияния на тот или иной стратиграфический горизонт нижележащего слоя. Это легко понять, если учесть известное положение о том, что ничто не рождается на пустом месте. Старые названия мощным слоем входят в новую историческую эпоху, претерпевая частичную модификацию, при которой определенное количество топонимов теряется, а другая часть искажается, меняет звучание и приспосабливается к новым историческим и языковым условиям. По этим же причинам и верхний горизонт также оказывает существенное влияние на подстилающую толщу, трансформируя старую топонимию на новый лад.

д) Географическая ориентировка населения также немаловажный фактор в образовании географических названий. Какая сторона горизонта у местного населения называется передней? У разных народов она может быть разной. Теперь уже мало кому известно, что ферганские киргизы именовали семиреченских киргизов аркалыками, т. е. задними. Следовательно, у киргизов передней стороной считалась южная. Вспомним также название Аркалык — центра Тургайской области Казахстана. Прилагательные, указывающие стороны горизонта (северный, южный, западный, восточный), часто встречаются в топонимах.

е) Конечно, итоги выполненных работ должны быть подведены в толковых топонимических словарях. Как мы видели, такие словари, пока только в краткой форме, уже есть по Туркмении, Казахстану, частично по Узбекистану.

Здесь намечены лишь некоторые задачи изучения среднеазиатской топонимии, интересные для географов, историков и лингвистов. Их совместными усилиями можно внести значительный вклад в топонимику, показав систему географических названий пяти союзных республик в ходе исторического развития, тем самым дать анализ в диахроническом аспекте. Это облегчит изучение и современного состояния среднеазиатской топонимии в синхроническом срезе. Оба этих аспекта тесно связаны между собой.

Система географических названий Монголии

Читателю, незнакомому с географией Монголии или не знающему монгольского языка, в ряде случаев бывает трудно произнести сложные географические названия Монгольской Народной Республики. Фонетика монгольской речи настолько своеобразна, что записать без искажения русскими буквами отдельные географические имена порою не представляется возможным. К тому же языки некоторых монгольских народов, населяющих республику, отличаются друг от друга. Самый распространенный язык — халха-монгольский, на котором говорит большая часть населения страны.

Географические названия МНР пока изучены еще очень слабо. Им посвящено всего несколько работ, из которых прежде всего следует упомянуть исследования Б. А. Владимирцова (1929) и В. А. Казакевича (1934). В последние годы появилось много новых трудов по топонимике сопредельных с Монголией областей Южной Сибири, которые позволяют по-новому подойти к пониманию системы монгольских географических названий.

Монголия лежит на стыке гетерогенических топонимических потоков: тунгусо-маньчжурских, тюркских, южносибирских (самодийских, кетских), индоевропейских. Сравнительно поздний горизонт — тибетские географические имена, пришедшие сюда вместе с проникновением и пропагандой буддизма-ламаизма. Но конечно, абсолютное большинство названий монгольские, они удовлетворительно этимологизируются из монгольских языков. Это в первую очередь названия населенных мест, малых рек, гор, их вершин.

Монгольская топонимия достаточно четко представлена в ряде других стран, что объясняется известными

историческими событиями средневековья. Она легко обнаруживается во многих провинциях Китая: на северо-востоке, севере, западе, в Цинхэе, Тибете и т. д., но также в Казахстане, Средней Азии, Сибири, Азербайджане, Поволжье, Среднем Востоке. В структурно-семантическом плане монгольские топонимы имеют много сходного с тюркскими. Они нередко образуются прямо из народных географических терминов: пустыня Гоби (оригинальная монгольская форма — Говь), такыр Шала (Шал) — монгольское из санскрита «пол, помост», р. Мурэн, холм Толгой или возникают по модели определение + определяемое (оз. Цаган-Нур, Цагаан нуур) — «белое озеро», г. Алтан-Булак (Алтанбулаг) — «золотой источник», ур. Улан-Бургас (Улаанбургаас) — «белая ива», р. Хар-Гол — «черная река», колодец Сайнуну (Сайнус) — «хорошая вода», хр. Тарбагатай-Нуру (Тарвагатайн нуруу) — «хребет, изобилующий сурками-тарбаганами», сомон Баян-Ула (Баянуул) — «богатая гора», пустыня Номин-Гоби (Номин говь) — «лазурная гоби»).

В отдельных случаях наблюдаются трехсложные: р. Их-Тамир (Ихтамирын гол) — «большая, сильная река», оз. Хара-Ус-Нур (Хар ус нуур) — «озеро черной (прозрачной) воды», горы Гурван-Сайхан-Ула (Гурван сайхан уул) — «три прекрасные горы», горы Бага-Богдо-Ула (Бага Богд уул) — «малая священная гора».

Как и в других топонимических системах, числительные принимают активное участие в формировании названий: Дзун-Мод (Зуунмод) — дословно «сто деревьев», «роща, лесок»; Далан-Дзадагад (Даланзадгад) — «семьдесят источников»; колодец Ганцхудук (Ганцхудаг) — «единственный, одинокий колодец», горы Табын-Богдо-Ола (Таван Богд уул) — «пять священных гор»; перевал Долон-Даван (Долоо даваан) — «семь перевалов, семь горных цепей» и др.

В монгольской топонимии встречаются названия как в безаффиксной форме, так и в суффиксальной: Ихула — «большая, великая гора», Умнэ-Гоби — «юг-гоби», откуда Умнэговь аймаг — Южно-Гобийский аймак. Но алт — «золото», а название Алтан-Эмээл — «золотая седловина, золотой перевал»; цог — «величие», а топоним Цогт-Сомон уже оформлен суффиксом т; морь — «лошадь», но Морьт-Сомон; цас — «снег», но Цастуул — «снежная гора»; цэцэг — «цветок», но г. Цэцэрлэг — «цветник»,

где выступает суффикс -лэг, употребляющийся для указания на наличие или качество. Одновременно Сайн-Шанд — «хороший, мелкий колодец, копань»; Давс-Тойрим — «соль + такыр» в смысле «соленый, солончаковый такыр».

Обычно в названии первая позиция занята прилагательным или числительным, вторая существительным, но выявляются формы, в которых обе позиции заняты существительными. В таком случае первое из них приобретает функцию определения: Намаг-Нуур — «болото, топь; трясина + озеро».

Наряду с именами, представленными в именительном падеже: Улан-Батор — «красный богатырь», р. Дэлгэр-Мурэн — «широкая полноводная река», для монгольской топонимии характерна конструкция родительного падежа: оз. Сангийн-Далай-Нуур, р. Халхин-Гол, р. Туин-Гол, горы Эдрэгийн-Нуруу, пустыня Шаргын-Говь и т. д.

В ряде топонимов встречается отрицание: оз. Угэй-Нуур — «не озеро», пустыня Эдзугэй-Гадзар (Эзгэй газар) — «необитаемая, пустая, безлюдная земля».

Личные имена не столь часто образуют монгольские географические названия, как это наблюдается на славынской почве. Можно сказать, что распространение антропонимических топонимов — явление сравнительно позднее. И все же примеры нетрудно привести: г. Чойбалсан, колодец Чойжинима-Худаг, г. Сухэ-Батор (Сухбаатар), сомон Батноров, гора Чингис-Ула в Гоби.

Этнонимы в топонимах заметны во всех частях страны, как на западе, так и на востоке. На западе отмечены географические названия, берущие начало от имен тюркских народов и племен: оз. Хиргис-Нур (Хяргас-Нуур) — «озеро киргизов», сомон Хяргас, т. е. «киргизский», р. Уйгар (Ойгур) в Монгольском Алтае, т. е. «уйгурская». На крайнем востоке течет р. Халхин-Гол, т. е. «река халхасцев». Сравнительно недалеко простирается вулканическая область Дариганга, где проживает монгольская одноименная народность. Неясно, что в этом случае следует признать первичными — топоним или этноним?

Топонимическая сущность отдельных слов позволяет говорить о разной их семантике в составе географических названий и в языке. Выше уже было сказано о слове *азрага* — «жеребец», в топонимии — «большой»,

то же частично относится к словам *хатын* — «женщина», *хар* — «черный», *цаган* — «белый». Ср.: в бурятском *хара-усан* — «чистая, прозрачная, незамерзающая вода»; в халха-монгольском и калмыцком *цагааннуур* — «светлое, чистое озеро», *цагаангол* — «прозрачная река», *цагаансар* — дословно «белый месяц», но и «торжественный, светлый праздник начала весны», *цагаан газар* — «открытая степь, равнина без леса и гор».

Народная этимология, как и в других топонимических системах, очевидна и в Монголии: Айраг-Нур — «кумыс + озеро», но, видимо, истинное значение — «раздвоенное, разветвленное, отчленившееся озеро». Ср.: тюрк. *арык* — «оросительный канал» от *аир*, *айыр* — «разделить, ответить», *айры* — «раздвоенный, ветвь, угол», *айрык* — «раздвоенный, разделенный» и т. д. Это озеро, расположенное в Котловине Больших озер, является как бы отчленившимся заливом большого оз. Хиргис-Нур, и оба этих озера некогда, без сомнения, представляли единый бассейн. Наивны и неоправданны с топонимической точки зрения объяснения имен хр. Хан-Хухэй — «ханская кукушка», гор Алтан-Хухэй — «золотая кукушка», *хара* — «черный» во второй позиции названий типа Нарын-Хара.

Кочевое хозяйство, быт скотовода требовали чрезвычайно детализированной географической терминологии и топонимии. Кочевник нуждался не только в очень подробном и точном обозначении основных орографических и гидрографических элементов (хребет, река, озеро), но и в их дифференцированной номенклатуре по формам, размерам, режиму, кормовым достоинствам и прочим признакам. Все это получает четкое отражение в географических названиях.

Кульг гор, свойственный народам многих горных стран, проявляется очень ярко в оронимии и назывании населенных мест, в основе которых лежат имена близлежащих почитаемых гор и хребтов. Насколько сильно был развит культ гор в Монголии, видно из следующего. До Монгольской Народной революции духам наиболее священных гор ежегодно приносились жертвы в виде убиваемых на их вершинах у священных каменных куч «обо» — быков и овец. Правительство Богодо-гэгена, главы ламаистской церкви в Монголии, даже отпускало средства на жертвоприношения духам гор в разных местах. Жертвы преподносились и рекам, но в редких слу-

чаях. Известно, что такой рекой был Орхон, в воды которого бросали серебряные монеты и украшения.

По старому административному делению все аймаки Монголии носили названия наиболее почитаемых гор. Таковы и полные названия аймаков, принятые в первые годы после революции 1921 г.: Хан-Хэнтэй-Ула аймак, Хан-Тайшири-Ула аймак, Богдо-Хан-Ула аймак, Чиндомани-Ула аймак. Из 67 хошунов* 56 носили названия почитаемых гор, только три именовались по рекам, все на востоке: Халхин-Гол, Онон, Ульдза (Улз гол). И в настоящее время некоторые названия населенных мест сохранили эту традицию: Ундэр-Хан, Ундэр-Унц, Дарби, Джаргалант (Жаргалант), Халдзан, Санта-Маргац, Дархан, Хэнтэй (Хэнтый), Улан-Ула (Улаануул), Биж-Алтай и т. д. Не обязательно населенный пункт, получивший имя горы, находится у подножия или на ее склонах. То же относится к сомонным поселкам, названным по гидронимам, что бывает значительно реже. За последние 50 лет населенные пункты меняли свое местоположение. Это было продиктовано поисками оптимальных условий: геоморфологических, климатических, транспортных, стратегических и т. д. В горных районах капитальному строительству мешали вечная мерзлота и оползни. Так, сомон Халхин-Гол оказался на расстоянии 200 км от р. Халхин-Гол, давшей ему свое имя, и расположен теперь на берегу р. Керулен (Хэрлэн-Гол). Сомон Тайшир перебрался на север от одноименной горы к берегам Дзабхана, где находится узловой транспортный поселок Цаган-Олом.

Характерная черта монгольской топонимии состоит в том, что громадное количество географических названий содержат восхваляющие эпитеты, что можно объяснить, с одной стороны, культом гор, влиянием ламаизма, а с другой — естественным желанием видеть прекрасное в окружающем мире, любовью к Родине, ее просторам и богатствам. Приведем некоторые такие эпитеты: баян — «богатый», сайхан — «прекрасный, красивый», буянт — «добрый, добродетельный», цокт — «пламенный, блестящий», мунх — «вечный», нарын — «солнечный», дулан — «теплый», алдар — «слава, популярность», алтан — «золотой», эрдэни — «драгоценный»,

* Хошун (хошуун) — административная, ныне упраздненная единица феодальной Монголии. Во главе хошуна стоял князь, хошуны передавались по наследству как феодальные владения.

богдо — «святой, священный, божественный», джаргалант — «счастливый», джавхлант — «величавый, величественный, великолепный, мощный», хутаг — «блаженный, святой», цаган — «белый, чистый», далай — «необозримый, святой».

Среди таких прилагательных особо следует сказать о слове *хайрхан*, частом в оронимах, о чем специально пишет В. А. Казакевич (1934): «Слово хайрхан нигде не обозначает действительного названия горы и переводится прилагательным «миленький, любезный». Буддизм, проникая в монгольские кочевья, столкнулся здесь с шаманизмом и в борьбе с ним вынужден был включить в свою новую форму — ламаизм — некоторые шаманские верования, освоив их и приспособив к своему культу. К числу их нужно отнести некоторые анимистические верования, в частности, почитание духов местности, именно горных духов, и связанный с этим ритуал. В сознании верующего халхаса — степняка совершенно почти не существует сейчас представления о духе, как об известной силе, пребывание которой находится на горе, и место его заняла сама гора..»

Вся территория, занимаемая монгольскими племенами в Центральной Азии, покрыта тысячами священных гор. Таковыми могут быть и снеговые гиганты и горы средней высоты, а иногда даже и простые холмики... Населением священные горы делятся на добрые и злые».

В желании умилостивить духов гор старались не проносить истинное название гор, особенно при чужеземце. Это табу. Тогда возникло ласковое обращение *хайрхан*. Так на картах появилось много собственных названий типа Хайрхан, Мунх-Хайрхан и т. д. Естественно, оронимы, ставшие табуистическими, постепенно забывались, на смену им пришли новые с ласковыми, умилостивительными эпитетами.

Примеры собственных географических названий, формируемых восхвалительными словами, могут быть приведены в сотнях случаев. Ограничимся несколькими: хр. Гурван-Сайхан — «три прекрасные (горы)», Сайхан-Дулан — «прекрасное, теплое (место)», Алтан-Ширэ — «золотой стол, столообразная (вершина)», Сайн-Худаг — «хороший колодец», Баян-Гол — «богатая река», Гурван-Богдо — «три священные (горы)», Онгон-Улан-Ула — «чистая, священная, красная гора» (*онгон* также «дух предков, гений, хранитель»), Ноён-Ула — «княжеская

гора» и т. д. В 1950 г. мною были изучены 323 названия сомонов. Из них 160, т. е. почти 50%, включают хвалебные эпитеты. Эта особенность монгольской топонимии уходит своими корнями в глубокую старину. Ныне ее можно рассматривать как пережиток древних анимистических верований.

Весьма часто распространено явление единого наименования двух рек, стекающих в противоположные стороны с одного хребта и сближающихся своими истоками. В таких случаях к названию прибавляют определяющие слова: *ар* (или *хойт*), *увэр* (или *урд*), *дзун*, *барун*, т. е. задний или северный, передний или южный восточный или правый и западный или левый. Таковы: Аржаргалант и Увэржаргалант в Хангае, Барун-Баян и Дзун-Баян в Хэнтэйских горах и т. д. Это положение, как мы видели, характерно и для горных рек Средней Азии. Более редки случаи такого единого наименования для соседних рек, стекающих параллельно с одного хребта и в одну сторону. Например: Хойт-Тамир и Урд-Тамир в Хангае, Барун-Туру и Дзун-Туру бассейна оз. Убсу-Нур.

При произношении географических названий Монголии следует иметь в виду, что монгольский язык обладает рядом звуков, не свойственных русскому языку. В частности, распространены долгие гласные, произносимые примерно так, как русские произносят звук *а* в слове «август». Есть также звуки, промежуточные между *о* и *у*, почему одни и те же карты по-разному транскрибируют на русский язык такие слова, как *нур* (с долгим *у* — нуур) и *нор* — «озеро», *ула* (с долгим *у* — уул) и *ола* — «гора». Причем в разных районах Монголии эти звуки произносятся по-разному. Мы принимаем уланбааторское произношение и пишем такие названия через *у*, исключая традиционные формы: Лобнор, Танну-Ола (монг. Тагнын-Нуру) и т. д.

Монголы часто произносят звуки *в* и *б* так, что очень трудно отличить их, ибо *б* звучит близко к *в*. Отсюда русский вариант Гоби, монгольское Говь, где *б* и *в* для русского уха почти неразличимы; отсюда также *даваа* — *даба* (перевал) и т. д.

Отметим также, что монгольскому, как и некоторым тюркским языкам, свойственны аффрикаты *дж*, *дз*, произносимые едино, но в русской практике изображаемые двумя буквами. Чистые русские звуки *ж* и *з*, так же как

и гласный *e*, в монгольском языке очень редки. Им соответствуют звуки *дж*, *дз*, *э*. Притом в современных монгольских языках — халхаском и ойратском — аффриката *дз* перед *и* всегда заменяется аффрикатой *дж*. Приведем следующие примеры: Дзабхан (по-монгольски — Завхан), Джунгария (по-монгольски — Зуунгар, что значит «левая рука», «восточное крыло»), Джавхлант (монг. Жавхлант), Джинст, Эгийн-Гол и др.

Аффриката *ч* в МНР обычно произносится как *ц*, но перед *и* всегда как *ч*. Название монгольского племени *чахары* в Халхе произносится как *цахар*; *чай* — как *цай*; Чаган-нур — «белое озеро» — как Цаган-нур; *чэль* — «пустыня» — как *цэль*, но не *цихир* — «сахар, сладость», а *чихир*.

Монгольскому языку не свойственны звуки *к*, *п*, *ф*, обычные в русском языке. В монгольской письменности эти буквы употребляются только в иностранных словах. В монгольской фонетике звук *к* всюду заменяется звуком *х* или, реже, *г*. Так, тюркское *кара* — «черный» по-монгольски — *хара*, русское *колбаса* произносится *халбаса*, но пишется *колбас*, тюркское *булак* — «источник, родник» соответствует монгольскому *булаг*. Поэтому форма Кентей (один из основных горных хребтов МНР) не отвечает монгольскому произношению, которое ясно говорит: Хэнтэй, Хэнтый.

Благодаря русским исследованиям в Монголии и Центральной Азии многие монгольские географические названия уже давно стали достоянием русской литературы и русских географических карт. Некоторые из этих названий, записанные на слух не совсем точно, все же за долгий последующий период получили права гражданства, почему и являются ныне традиционными, установившимися. Такими названиями мы считаем только те, которые единообразны и устойчивы в русском написании, как, например, Улан-Батор, Кобдо, но не Косогол и Кентей. К числу традиционных в русской географической номенклатуре относятся названия: Керулен, Селенга, Тарбагатай, Хубсугул, Убсу-Нур, Сухэ-Батор и некоторые другие, а также названия аймаков. По существу все названия аймаков в русской передаче даются в виде прилагательного и, кроме того, иногда переводятся: Центральный аймак, Восточный, Южно-Гобийский, Средне-Гобийский и Восточно-Гобийский. В первом и втором случаях полностью скалькировано монгольское *тув* —

«центр» и *дорнот* — «восточный», в трех остальных видим полукальку: Умнэговь, Дундговь, Дорноговь. За малым исключением, все названия аймаков есть производные от имен физико-географических объектов (гор, озер, рек, пустыни Гоби): Убсунурский, Дзабханский, Хубсугульский, Селенгинский, Хэнтэйский, Средне-Гобийский и т. д. Вся система аймачных наименований кажется логичной и легко запоминающейся.

Теперь о немонгольских элементах в топонимии МНР. Как и в любой другой стране мира, в Монголии немало иноязычных названий.

Китайский язык, несмотря на пребывание Монголии в течение долгого времени в роли колониальной окраины Срединной империи, оказал ничтожное влияние. К моменту включения Монголии в состав Китая в ней уже была создана полная и детальная топонимическая система. Китайцы, пришедшие в Монголию, сразу же осели в городах в качестве чиновников, торговцев, ремесленников, солдат и офицеров, что, конечно, не могло способствовать внедрению китайских географических названий в этой стране. Они в прошлом насчитывались буквально единицами, ныне позабыты вовсе. Известно, что г. Алтан-Булак до революции именовался Маймачен, что переводится как «торговый город». Так же назывался восточный пригород Урги (Улан-Батора), где селились китайские купцы, избравшие это место для своих лавок и складов. Ныне Амоголан-Батор.

Но тибетская топонимия в Монголии заметна повсеместно. Ламаистская церковь рьяно насаждала священные тибетские и санскритские названия. За прошедшие четыре столетия (XV—XIX вв.) ее деятельности много исходных монгольских или иноязычных топонимов были заменены религиозными. Карта пестрит именами, в составе которых ламаистские религиозные термины: *богдо* — «божественный, святой, священный», *чиндман* (санскрит. *чандман*) — «талисман», *мандал* — «блюдо для жертвенных подношений, обряд принесения жертв богам», *мани* (из священной формулы ламаистов: «Ом мани падмэ-хум», т. е. «О, ты сокровище на лотосе»), *лама* — «монах», *сум* — «монастырь, храм» и др.

К более древнему горизонту относится тюркская топонимия. Как известно, тюркские племена издавна населяли просторы Центральной Азии и Южной Сибири и оставили глубокий след в истории — археологические

памятники, рунические письма на камнях. Естественно, что тюркское влияние сказалось и на монгольской лексике и, конечно, на топонимике, которую обычно также можно рассматривать как исторический памятник. Вспомним хотя бы имя южнохангайской р. Байдраг. Ср.: тюрк. *бай* — «богатый», тюрк., иран. *дара, дере* — «ущелье, долина».

Б. Я. Владимирцов (1911) считал, что и р. Тола названа тюркским словом, встречающимся в орхонских надписях в форме *Tugla* (в старой письменности — *Tugula*). Этот исследователь отвергает чтение Томсена и Радлова в форме *togla*, а звук *o* заменил звуком *y* сравнительно поздно, уже в русской транскрипции. Ср. *ула, ола* — «гора»; *нур, нор* — «озеро». Если гидроним *Tugula* тюркского корня, то нельзя ли здесь видеть связь с турец. *dökülmek*, азерб. *тукмэк*, узбек. *тукилмок*, кирг. *тогуу* — «разливаться, рассыпаться»?

Конечно, легко отнести к тюркизмам названия о. Акбаш — «белая голова, вершина» на оз. Хара-Ус-Нур на западе Монголии, имя сомона Акарал — «белый остров» в Баян-Улэгэйском аймаке, где *арал* и тюркский и монгольский термин «остров». Сюда же отнесем гидроним Айраг-Нур, о чем уже говорилось. Впрочем, на крайнем западе Монголии, где ныне проживают казахи, тюркские топонимы представлены широко и сопутствуют монгольским, нередко образуя двойную номенклатуру: Цагаан-Гол и Аксу — «белая река, белая вода».

В последние годы в топонимике Монголии и Южной Сибири все больше выявляются индоевропейские топонимические элементы. Чем больше мы изучаем топонимику Центральной Азии и Южной Сибири, тем больше появляется доказательств наличия мощного стратиграфического горизонта в этих областях Азиатского материка, горизонта, не объяснимого средствами языков обитающих здесь народов.

Теперь о южносибирских топонимических элементах. В этой работе к ним относятся также географические названия, которые не получают достаточно удовлетворительной этимологии ни с монгольских, ни с тюркских языков, но хорошо, полностью (или частично) этимологизируются на почве тунгусо-маньчжурских, самодийских или кетских языков.

Большинство географических названий крупных рек МНР не может быть раскрыто средствами современной

монгольской лексики. Гидронимы Орхон, Онон, Иро, Керулен, Дзабхан не осмысливаются местным населением. Имя самой полноводной реки западной части страны — Кобдо имеет весьма сомнительную, видимо народную, этимологию: *ховд* — «ящик». И в то же время притоки крупных рек (или реки) сравнительно небольшие, хорошо объясняются на монгольской почве. Иллюстраций в виде примеров этого утверждения можно привести множество. Некоторые из них: р. Чулуту — правая составляющая р. Селенгу, от *чулуу* — «камень», р. Цэнхэргол — «голубая река», протекающая в Хэнтэе и впадающая в Керулен.

Присутствие в топонимии МНР тунгусо-маньчжурских элементов легко понять. Тунгусо-маньчжурские народы исконно соседствовали с монголами, поэтому некоторые топонимические параллели оказываются весьма наглядными. Так, монг. *мурэн* — «полноводная река» можно сравнить с эвенк. *ти* — «вода», маньч. *тике* в том же значении. Вспомним также корейск. *тил* — «вода, река» (Рамстедт, 1957).

Название большой восточномонгольской р. Керулен не осмысливается монголами, которые произносят Хэрлэн, но удовлетворительно объясняется с эвенкийского: *хэрэлгэн* — «широкая долина, низина». Действительно, Керулен течет по широкой долине, причудливо извиваясь по просторным монгольским степям.

Среди географических названий, обнаруженных в орхонских надписях, по списку Б. Я. Владимирцова (1929) можно найти р. Ага (Забайкалье), Алтай, Бай-Балык (город на Селенге, позже ламаистский Байбалагский монастырь), реки Иртыш, Кем (верховья Енисея), Орхон, Тола, Селенга. Все эти топонимы домонгольские, но какие? Они, конечно, генетически восходят к разным языкам: тюркским (Бай-Балык, Тола), тунгусо-маньчжурским (Селенга), индоевропейским (видимо, Кем, Орхон).

В настоящее время, главным образом благодаря работам А. П. Дульзона по гидронимии Южной Сибири (1959, 1960, 1961, 1962, 1964), можно обнаружить и сибирские элементы в Монголии, особенно ярко проявляющиеся в ее северной части.

Приведу некоторые объяснения речных названий Монголии, которые не поддавались удовлетворительной расшифровке.

1. Иртыш, в монгольском языке — Ирцис, точнее, Хар-Эрчис-Гол, откуда и наше русское переводное Черный Иртыш. Этимология этого гидронима приведена в главе «Топонимика Синьцзяна». Здесь же добавлено, что в новой работе, специально посвященной анализу названия Иртыш (Попова, 1970), доказывается индоевропейское происхождение его первого компонента: ираноязычное *ир* — *ар* — «бурный, стремительный» и кетское *тыш* из *чис*, *сис* — «река, поток». Здесь же большой сравнительный материал на индоевропейской почве, где многие гидронимы имеют основы *ig*, *ag*, *aga* и т. д.

2. Один из истоков Енисея — Шишхид лежит в Монголии, в Дархатской котловине. По существу это верховья Малого Енисея, или Ка-Хема. Первый элемент гидронима тот же енисейско-кетский термин *шеш* — «река», в тюркском и русском варианте — *шиш*. Ср.: гидроним Шиш — правый приток Иртыша (Дульзон, 1962а).

3. В северо-западной части Монголии и частично по территории Тувы протекает крупная р. Тэс — основной приток большого оз. Убсу. Монголы говорят Тэйсийн-Гол, где *гол* — обычный местный термин «река». Но элемент *тэс* не осмысливается. Между тем это слово не единично в гидронимии Южной Сибири (ср. р. Бактис). А. П. Дульзон (1961) пишет о том, что *тес*, *тис*, видимо, общее название реки на каком-то диалекте кетского языка. Переход же *e* в *э* на монгольской почве обычен. Напомним также: р. Тесь — левый приток Енисея к северо-западу от Минусинска.

4. К востоку от оз. Хубсугул лежит бассейн р. Ур (Ури-Гол, монг. — Уургол), которая сбрасывает свои воды через Эгингол в Селенгу. В монгольском языке есть несколько значений слова *уур* (где *у* — в данном случае гласная переднего ряда, отличная от русского *у*): 1) вечность; 2) гнездо, ячейка; 3) заря, рассвет. Но все эти значения непродуктивны в гидронимии вообще и гидронимии Центральной Азии в частности. А вот при помощи кетской лексики и этот гидроним легко объясняется: «Слово *уль* в значении «вода» употреблялось на всех кетских языках, за исключением имбатского наречия, в котором наряду с этой формой встречается вариант *ур*, и аринского, в котором употреблялось исключительно *куль*» (Дульзон, 1962а).

5. Видимо, к этой же категории относится и имя хэнтэйской р. Сугунур — одного из истоков Хары. Малове-

роятно этот топоним связать с монгольским словом *нуур* — «озеро, пруд». Река, вытекающая из озера, именовалась бы Сугунурийнгол. К тому же, насколько мне известно, в его долине нет сколько-нибудь заметных озер, которые позволили бы считать реку озерной.

6. Через столицу МНР Улан-Батор протекает небольшая р. Сельба, тут же справа впадающая в Тогу. На вопросы о значении слова «сельба» уланбаторцы удовлетворительно ответить не могли. Они вспоминали при этом: *сэльбуур* — «весло», *сэлбэх* — «грести». Но Сельба обычно столь худосочная речка, что никакие ассоциации о гребных лодках не могут прийти в голову. А во время интенсивных ливней Сельба сильно разливается, бурлит и заливаает берега, но и тогда невозможно по ней плавать: стремительные воды горной реки разобьют челн смельчака. Л. Р. Кизласов (1959) приводит гидронимы: Салба — левый приток Кебежа по правобережью Енисея, Салба — левый приток Убея, впадающего в Енисей между Минусинском и Красноярском. К этому добавлю: р. Салба, стекающая с Байтакского хребта в бассейне Тувы, также по правобережью Енисея. В подобных гидронимах Л. Р. Кизласов видит самодийское *бю*, *би*, *бу* — «вода». Вспомним алтайскую р. Бия — один из истоков Оби, тувинскую р. Бий-Хем — один из истоков Енисея. Что же касается основы *сал*, то ее легко объяснить из тюрко-монгольской лексики: *сала* — «ветвь, приток или рукав реки» (ср.: р. Сал — левый приток Дона, г. Сальск и Сальские степи).

7. В северо-восточной части Монголии течет р. Барахгол (монг. Бархын-Гол) — правый приток Онона. Видимо, об этом названии в форме Бара — писал Б. Я. Владимирцов (1929), когда связывал его с эвенкийским, весьма распространенным в Южной Сибири термином *бира* — «речка, приток». Наличие эвенкийских топонимических элементов в Монголии подтверждается и уже упоминавшимся названием р. Керулен (Хэрлэн).

8. К этой же группе тунгусо-маньчжурских элементов Б. Я. Владимирцов (1929) относит и гидроним Селенга, в монгольском написании Сэлэнгэ. Ср.: маньчж. *sele* — «железо», *selengge* — «железный». Это слово, как известно, не продуктивно в гидронимии, а потому и этимология кажется неубедительной. В то же время в названиях гор такое объяснение было бы вполне правдоподоб-

ным. Ср.: гора Магнитная и Магнитогорск на Южном Урале, Темиртау в Казахстане. Таким образом, выяснение топонимического значения гидронима Селенга — дело будущего. Обращаю внимание, что гидроним Селенга не одинок и многократно повторяется в Восточной Сибири в формах Сэлэ, Сэлэнгдэ, Сэлэнгэ, Сэлэмдэ и т. д. (Комаров, 1967).

Здесь приведено немного примеров из топонимии Монголии, которые иллюстрируют ее топонимическую связь с Южной Сибирью. Конечно, подобные примеры будут множиться при более основательном сравнительном исследовании. Но ясно, что сибирские топонимические элементы в значительном количестве проникают в Монголию, особенно в ее северную часть.

Трудно представить этнографическую или языковую изоляцию Северной Монголии от Южной Сибири, а исторические связи, которые все более выявляются благодаря историкам и археологам, не могли не отразиться и на формировании топонимики.

При сравнении же топонимии западной и восточной частей МНР заметно, что на востоке гидрографические названия более однородны в смысле языковой принадлежности. Они генетически восходят главным образом к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. На западе же топонимия оказывается пестрой: монгольские элементы перемежаются с тюркскими (их удельный вес увеличивается по мере продвижения на запад), кетскими, индоевропейскими.

Ниже сделана попытка объяснить некоторые известные географические названия МНР, показать их содержание. Для этой цели выбраны имена аймаков, аймачных центров и некоторых других крупных населенных пунктов. Выше говорилось о том, что аймачные центры и почти все аймаки наименованы по физико-географическим объектам. Таким образом, в приведенном здесь словаре раскрывается семантика и некоторых оронимов и гидронимов.

Алтай — центр Гоби-Алтайского аймака. Название получил по орониму Алтай. Раньше город назывался Юсун-Булак или в монгольском оригинале Есэнбулаг; *ес, есен* — «девять» и *булаг* — «источник, родник»: «девять родников» (см. также стр. 285—286).

Арбай-Хэрэ. Монгольский оригинал — Арвайхээр.

Центр Увэр-Хангайского аймака. Этимология прозрачна: *арвай* — «ячмень», сравнимо с тюрк. *арпа* в том же значении. *Хэрэ* — «пустошь, поле, открытая степь, необитаемая местность». Таким образом, Арбай-Хэрэ — «ячменная пустошь, степь, ячменное поле».

Алтан-Булак. Монгольский оригинал — Алтанбулаг. Город в Селенгинском аймаке, его бывший административный центр, «Золотой ключ, золотой источник». Новое название, пришедшее на смену китайскому имени Маймачен, — «торговый город».

Рядом с Алтан-Булаком в пограничном сибирском г. Кяхте (ср. бурят. и монг. *хиаг* — «вострец ложнопереиный») 1 марта 1921 г. был созван Первый съезд Монгольской народно-революционной партии, определивший задачи освобождения Монголии от иностранных поработителей и принявший политическую платформу, 25 мая 1921 г. в районе Алтан-Булака Монгольская народная армия вступила в бой с белогвардейскими частями барона Унгерна. Отсюда началось победоносное движение Монгольской народной армии. В этом символическое значение топонима.

Ара-Хангайский аймак. Монгольский оригинал — Архангай. Аймак, земли которого простираются по северному склону Хангайского хребта. От *ар* — «спина, зад, север» и *хангай*. Этот последний компонент употребляется в трех значениях: а) удовлетворяющий, насыщающий, исполняющий желания (Казакевич, 1934); б) собственное название большого разветвленного хребта в центральной части страны, по гребню которого проходит водораздел между бассейнами Северного Ледовитого океана и бессточными бассейнами Центральной Азии; в) как географический народный термин, имеющий типологическое значение. Хангай противопоставляется Гоби, на что в русской литературе обратил внимание еще в 1820 г. Е. Ф. Тимковский (1824). Действительно, Хангай — тип среднегорной местности, богатой хорошими лугами и степями, обеспечивающими изобильным кормом животных, где много воды, леса. Хангай — оптимальный природный ландшафт Монголии для жизни человека и ведения сельского хозяйства. В современной географической литературе МНР нередко можно встретить словосочетание: хангайская зона наряду с гобийской. См. Увэр-Хангайский аймак.

Барун-Урт. Монгольский оригинал — Баруун Урт. Центр Сухэ-Баторского аймака на востоке страны. Дословно: «западный (правый), длинный». Эллиптированный топоним. Последний третий компонент оказался отсеченным.

Баян-Улэгэйский аймак — национальный казахский аймак на западе страны. Монгольский оригинал — Баян-Улгий. Из *баян* — «богатый», *улгий* — «колыбель», в топонимии, вероятно, «родина, родное место». Ср. рус. выражение «колыбель народа». Вспомним: «Ленинград — колыбель пролетарской революции».

Баян-Хонгор. Центр одноименного аймака, расположенного на юг от Хангайского хребта и протянувшегося в Гоби до государственной границы с Китаем. От *баян* — «богатый», *хонгор* — «светло-рыжий, соловый (о масти лошадей)». В этом случае наличие двух прилагательных без нарицательного термина также заставляет предположить эллипсис. Но может быть, следует считать правильной другую близкую форму — *хонхор* — «впадина, котловина, овраг, ложбина, лог, низина»? В этом случае: «богатая ложбина, богатая котловина», что вполне соответствует хангайскому горному рельефу, среди которого и расположен город, давший имя и аймаку. Ср. сомон Хонгор в Сухэ-Баторском аймаке, раскинувшийся в большой гобийской ложбине, и сомон Хан-Хонгор Южно-Гобийского аймака, тоже лежащий в межгорном понижении.

Булган — центр одноименного аймака в Хангайских горах. Один из богатейших в природном отношении аймаков республики. Объясняют: *булга(н)* — «соболя». Но может быть, это народная этимология. Укажу также гидроним Булган-Гол — река, стекающая с южных склонов Монгольского Алтая, левая составляющая р. Урунгу, текущей уже в Джунгарии. В связи с этим следует вспомнить тюрк. *булган* — «смешиваться, перемешиваться, мутиться, загрязняться», *булганук* — «мутный, грязный» (Древнетюркский словарь, 1969). Нередки гидронимы Булганак в местах, заселенных тюркскими народами.

Восточно-Гобийский аймак. Монгольский оригинал — Дорноговь. Русская форма — типичная калька: от *дорно* — «восток». О слове *гоби* наиболее полно сказано в очерке «Названия азиатских пустынь». Не бу-

дем повторяться. Укажем только, что топоним в целом точно отражает местоположение аймака на юго-восточной окраине Гоби, в пределах МНР.

Восточный аймак. Монгольский оригинал — Дорнот, в том же значении. Аймак занимает крайне восточное положение в республике, на севере граничит с Советским Союзом, на востоке — с Китаем.

Гоби-Алтайский аймак. Монгольский оригинал — Говь-Алтай. Топоним отражает местоположение аймака в горах Гобийского Алтая. Это последнее название в русском скалькировано с монгольского оригинала: Говьалтайн нууру, где *нууру* — «хребет».

Далан-Дзадагад. Монгольский оригинал — Даланзадгад. Центр Южно-Гобийского аймака. От *далан* — «семьдесят», *задгай* — «открытый, раскрытый, обнаженный», в географии — «родник, источник, дающий начало ручью, потоку». Далан-Дзадагад лежит у подножия гор Гурван-Сайхан, где выклиниваются подземные воды.

Дархан. Промышленный город в Селенгинском аймаке. От *дархан* — «священный, неприкосновенный, неподатный» и также «мастер». Ср. наши Тарханы, Тарханкут, Астрахань и т. п. (см. также стр. 164).

Джавхлант. Монгольский оригинал — Жавхлант. Центр Дзавханского аймака в Хангае. От *жавхлан(г)* — «величие, великолепие, блеск», оформлено с суффиксом прилагательного *-т*. Второе название — Улясутай (Улиастай), от *улиас* — «тополь, осина».

Джаргалант. Монгольский оригинал — Жаргалант. Центр Кобдоского аймака на западе МНР. От *жаргал* — «наслаждение, счастье, радость» (есть и такой антропоним) и *жаргалан(г)* — «блаженство, благоденствие, счастливая жизнь». Топоним Джаргалант повторяется несколько раз на территории МНР. Город Джаргалант получил свое имя по соседней священной горе Жаргалант-Хайрхан (3589 м). Кроме того, сомон Джаргалант и Цогт-Джаргалант в Дзавханском аймаке, Джаргалант в Хубсугульском и Центральном аймаке, Джаргалтан в Хэнтэйском аймаке и т. д. Второе имя города — Кобдо (см. Кобдоский аймак).

Дзамын-Удэ. Монгольский оригинал — Замынууд. Большая железнодорожная станция в Восточно-Гобий-

ском аймаке на границе с Китаем. От *дзам(зам)* — «дорога, путь», *ууд* — «дверь, ворота».

Дзун-Мод. Монгольский оригинал — Зуунмод. Центр Центрального аймака. Дословно — «сто деревьев», переносно — «роща, лесок».

Дзун-Хара. Монгольский оригинал — Зуунхараа. Город и железнодорожная станция в Центральном аймаке. От *зуун* — «восток, левый». В этом слове в отличие от предыдущего *зуун* гласная *у* передает звук переднего ряда. Второе слово — гидроним Хараа — правый приток Орхона. Этимология гидронима неясна, во всяком случае не имеет отношения к *хар* — «черный», как это иногда пытаются объяснить.

Кобдоский аймак. Монгольский оригинал — Ховд. Назван по самой большой алтайской р. Кобдо в пределах МНР. Переводят *ховд* — «ящик», что малоубедительно. Неясно.

Мандал-Гоби. Монгольский оригинал — Мандалговь. Центр Средне-Гобийского аймака. От *мандал* — «блюдо для жертвоприношений», переносно — «место (обычно холм, вершина, гора), где подносят жертвы духам, богам», но также «возрождение, рассвет». Монгольская топонимия полна компонентом *мандал*: Мандал-Обо, Мандал и др. Второй компонент — *гоби*. Так как в Монголии и этот термин очень популярен, его можно встретить в десятках географических названий: Шаргын-Гоби, Галбын-Гоби, Номин-Гоби и т. д. См. Гоби-Алтайский аймак.

Мурэн — центр Хубсугульского аймака. Монгольский оригинал — Мёрён, расположен на р. Дэлгэр-Мурэн. *Дэлгэр* — слово весьма обычное в составе монгольских географических названий: Дэлгэр-Хан в Центральном аймаке, Дэлгэр-Хангай и Дэлгэр-Цогт в Средне-Гобийском, Дэлгэр в Гоби-Алтайском аймаке. Значение — «широкий, обширный». О термине *мурэн* — «полноводная река» подробно сказано в главе «Азиатские топонимические миниатюры».

Сайн-Шанд. Центр Восточно-Гобийского аймака. Из *сайн* — «хороший, добрый». Ср. приветствие «сайн байну». *Шанд* — «мелкий колодец, копань». В восточной части Гоби по понижениям и впадинам, как правило,

обнажают близко лежащую от поверхности земли грунтовую воду.

Средне-Гобийский аймак. Монгольский оригинал — Дундговь. От *дунд* — «средний, посередине, среди, неполный».

Сухэ-Батор — центр Селенгинского аймака. Монгольский оригинал — Сухбаатар. Мемориальное название по имени вождя Монгольской Народной революции — Сухэ-Батора, умершего в 1923 г. Молодой, быстро растущий город, построенный при впадении Орхона в Селенгу на железной дороге Улан-Удэ — Улан-Батор, близ советской границы.

Сухэ-Баторский аймак. Монгольский оригинал — Сухбаатар аймаг. Расположен на востоке страны. Происхождение то же.

Убсунурский аймак. Монгольский оригинал — Увс аймаг. Расположен в Котловине Больших озер и на окружающих ее горах. Название свое получил по имени самого большого по площади озера МНР — Убсунур, или Увсунур. Семантика этого гидронима неясна, местное население, живущее здесь, не осмысливает названия. По свидетельству Г. Н. Потанина (1881): «Дюрбеты называют озеро Ихэнор, т. е. «большое озеро», халхасцы — Субсэн-нор, котоны — Зоркуль, т. е. «большое озеро», танну-урянкайцы Успа-холь или Усва-холь».

Б. А. Владимирцов (1910) в своем отчете «Поездка к кобдоским дэрбэтам» всюду пишет: оз. Усва. Г. Е. Грумм-Гржимайло (1914) специально останавливается на этом названии: «Дорбёты явственно произносят Усуа. Это подтвердил еще и Владимирцов, который транскрибирует это слово через Ус w а-нур». Мне также приходилось часто слышать от местного ойротского населения формы Усуа, Усва, Усба с долгой гласной на втором «у» или с протяжностью на «ва». Так же говорили и хотоны, маленький народ, по происхождению тюрки, живущий на южном берегу озера. Халхаское же Увс нужно признать искаженным Усба с перестановкой согласных.

Учитывая эти указания, в качестве гипотезы нельзя ли предложить следующее объяснение гидронима, состоящего из *ус* — «вода» и *ба* или *ва* — формант, нередко встречающийся в названиях рек и озер Южной Сибири?

Увэр-Хангайский аймак. Монгольский оригинал — Увэрхангай. Земли этого аймака расположены на южных склонах Хангайского хребта, что точно отражено в названии: *увэр* — «юг, южная сторона горы». Топоним находится в противопоставлении, но в одной паре с Ара-Хангайским аймаком.

Улангом — центр Убсунурского аймака. Монгольский оригинал — Улаангом. Здесь все прозрачно: *улаан* — «красный», *гом* — «широкая долина с неясным рельефом окраины» (Казакевич, 1934).

Улан-Батор — столица Монгольской Народной Республики, ее важнейший экономический и культурный центр с населением в триста тысяч человек. Монгольский оригинал — Улаанбаатар или полная форма Улаанбаатар хот — «город красный богатырь». Можно ср. древнетюрк. *багатур*, венг. *bator* — «смелый», шорское *ragatur*, польск. *bohatur*, рус. *богатырь* и т. д. (Фасмер, II, 1964). Это название было присвоено городу после Монгольской народной революции в 1924 г. До этого город был известен под именем Урга. Город на Толе впервые упоминается в летописи Эрдэни-Эрихэ под 1649 г. Ургинский монастырь несколько раз менял свое местоположение. В 1778 г. указом богдыхана монастырь был перенесен на устье Сельбы и с тех пор уже развивался и расширялся в просторной долине Толы, у подножия лесистой горы Богдо-Ула, почитаемой монголами.

Монголы не употребляли слова Урга, а называли свою столицу Да-хурэ или Ихэ-хурэ, т. е. «великий монастырь». У известного русского монголиста проф. А. М. Позднеева (1896) сказано по этому поводу: «Монгольское слово *бргд*, означающее буквально «дворец, ставка важного лица» и измененное русскими в Урга, почти неизвестно монголам как имя этого города; оно употребляется в этом значении только европейцами, а из среды монголов его знают разве только те, которые входят в постоянные сношения с русскими. Без сомнения, однако, русские не сами дали Урге это название, и весьма естественно, что монголы в старину звали этот город — монастырь *Оргд*, в отличие его, как местопребывания хутухты, от всех других монастырей Монголии. В настоящее время сами монголы чаще всего называют Ургу ее официальным именем Да-хурэ или Ихэ-хурэ, т. е. «большой курень», а просторечье же зовут Богдо-

хурэ, или «святой курень», а иногда просто *хурэ*, под каким словом понимают они вообще собрание зданий, расположенных кругом, а в частности — всякий монастырь, без сомнения, на том основании, что кельи живущих в монастыре монахов по закону должны окружать их кумирни, как они действительно и устраиваются».

Ныне Улан-Батор уже мало чем напоминает старую Ургу. Длинные и широкие проспекты пересекают столицу. Просторные площади и скверы окаймлены красивыми многоэтажными зданиями.

Улэгэй. Монгольский оригинал — Улгий. Центр Баян-Улэгэйского аймака (см.).

Ундэр-Хан. Монгольский оригинал — Ундэрхаан. Центр Хэнтэйского аймака. Город получил имя по орону. *Ундэр* — «высокий», *хаан* — «хан, царь, повелитель». Такой перевод не покажется странным, если вспомнить о характерной особенности монгольской оронимии, где очень часты восхвалительные слова и культ гор, о которых говорилось выше.

Хубсугул. Монгольский оригинал — Хувсгул нуур, где знак *уу* передает гласную переднего ряда средним между *у* и *о*. Глубочайшее озеро в Центральной Азии, расположенное на самом севере Монголии. Этот гидроним дал название Хубсугульскому аймаку. Этимология неясна. В старой русской литературе Косогол и Косогор.

Косогол есть искаженное монгольское Хубсугул. Искажение это нужно отнести за счет первых русских путешественников и топографов, упомянувших об этом водоеме. Между прочим, у Николая Спафария (1882) рассказывается об оз. Косогор: «... и чаять, что отсюда будет вершина Селенги реки, и как и иных больших рек от больших озер начинаются». Но что такое Хубсугул, каково происхождение этого названия, известного каждому монголу и тувинцу? Ни монголы, ни тувинцы не смогли объяснить этимологию этого названия, раскрыть его содержание. Что топоним Хубсугул сложный, составной, делается ясным уже при его чтении. С. П. Перетолчин (1903), которому принадлежит самое полное описание оз. Хубсугул, сообщает, что тувинцы его называют Хубсу-кулем или Байгалдалаем; китайцы в соответствии с морфологией и фонетикой своего языка транскрибируют: Ко-сио. Перетолчин признается: «...несмотря на

все старания узнать значение этого названия Хубсу-куль для характеристики его, мне этого не удалось сделать».

Нам кажется, что название Хубсугул — домонгольское, конкретно — тюркское. Известно, что именно тюрки были предшественниками монголов и до них населяли бассейн Селенги, Орхона, верхнего Енисея. Расчленив название, получим: Хув + су + гул, где последний слог можно было бы читать как монгольское *гол* — «река». Но монголы в данном случае не выделяют эту часть названия, как это делают в ряде других случаев: Хар-Гол, Эгийн-Гол, Туин-Гол и т. д. Следовательно, *гол* в нашем топониме органически связан со всем названием и по-тюркски значит «озеро». Ср.: *гэль, кэль, куль, кюль* и твердое *гол* в Кара-Богаз-Гол.

Второй слог прост: *су* — общетюркское «вода». Первый слог *хуб* читаем *хоб*, что значит «много, множество» (ср. казах. *кoп*). В таком случае название монгольского оз. Хубсугул получает ясный смысл, вполне соответствующий действительности и точно отражающий объект — «многоводное озеро».

Слово *далай*, иногда прибавляемое к названию Хубсугул монголами и тувинцами, своими истоками уходит в далекий Тибет и значит «обширный, необозримый, величественный, а также море, океан».

Приведенное объяснение было высказано впервые в 1948 г. (Мурзаев, 1948). Теперь оно кажется не более чем гипотезой, требующей серьезной аргументации и лингвистической экспертизы. Но других этимологий до сих пор еще не опубликовано.

Хубсугульский аймак. Монгольский оригинал — Хубсгул аймаг. Назван по имени оз. Хубсугул.

Хэнтэйский аймак. Монгольский оригинал — Хэнтэй. Расположен на востоке республики. Происхождение названия от оронима Хэнтэй, в старорусской литературе Кентей и Гентей, в монгольской — Хэнтэйн Нуру. В северной части страны широко раскинулись Хэнтэйские горы, таежные, живописные, с богатой, хорошо сохранившейся фауной. Улан-Батор возник на их юго-западной окраине. В географии известен Хэнтэйский хребет, но такое название есть книжное образование нашего времени. В. А. Казакевич (1934) свидетельствует: «...халхасам вовсе неизвестно принятое русской картографией обозначение Кентэй (Гэнтэй) для горного мас-

сива в северной части МНР. Здесь нужно заметить, что монголы в редчайших случаях обозначают длинную горную цепь или горный массив одним именем, а обычно присваивают каждой вершине, входящей в состав этой цепи или массива, отдельное название. Русские же и европейские исследователи чаще всего переносили название самой крупной вершины на весь массив. Таким образом, две горы, Йехэ-хэнтэ и Бага-хэнтэ, находящиеся в юго-восточной части этой горной группы, дали свое название всему массиву». Следовательно, в основе обобщающего названия Хэнтэй лежат два оронима: Их-Хэнтэй и Бага-Хэнтэй, т. е. большой и малый Хэнтэй. Между прочим, наибольшая высота массива гольц Асралт-Хайрхан приурочена к Бага (или малому) Хэнтэю. Есть еще цепь Хэнтэй-Хан — восточный отрог, отграничивающий бассейны рек Онона и Керулена.

Какова же этимология топонима Хэнтэй, Хэнтэй? Это остается пока загадкой. Может быть, провести параллель с оронимами Кунгей, Гюней (тюрк.) — «солнечный»? Но пока нет доказательств для этого, и, возможно, истоки этимологии лежат в тунгусо-маньчжурских языках. Местное население не осмысливает названия. Решение в будущем.

Цэцэрлэг — центр Ара-Хангайского аймака. Город получил поэтическое имя «цветник, цветущий» от слова *цэцэг* — «цветок + суффикс *-лэг*». Зеленый хангайский ландшафт, красивые окрестности и относительно мягкий климат зимы делают смысл названия вполне соответствующим реальности. Ср. сомон Цэцэрлэг в том же аймаке, г. Цицикар в провинции Хэйлуцзян в Китае, с. Чечекты в Горно-Бадахшанской АО, где находится Памирская биологическая станция АН Таджикской ССР. Ср. тюрк. *чечяк* — «цветок», *чечяклыг* — «цветник» (Древнетюркский словарь, 1969).

Центральный аймак. Монгольский оригинал *тов (тув)* со звуком *о* переднего ряда — «центр, центральный» (по положению земель аймака в центральной части республики и по приуроченности столицы МНР к этому аймаку).

Чойбалсан — центр Восточного аймака. Назван так в 1941 г. по имени выдающегося деятеля Монгольской народно-революционной партии и государства маршала Чойбалсана. До этого времени Баян-Тумэн. От

баян — «богатый» и *тумэн* — «десять тысяч, тьма, множество». В прошлом *тумэн* — «основная войсковая единица». Нередко и область, где формировалась воинская часть, какая-то административная единица также называлась *тумэном*. Таким образом, Баян-Тумэн — «богатая область, богатый полк (какая-то единица)». Слово известно и в тюркских языках — *tümän*, в персидском — *tuman* (Древнетюркский словарь, 1969). В. В. Бартольд (1965) свидетельствует, что в Персии и в некоторых частях Мавераннахра податные округа именовали тюменями. Ср. также и русское слово *тьма* — «множество, большое количество», в древнерусском счете «десять тысяч».

Южно-Гобийский аймак. Монгольский оригинал — Умнэговь. Назван так по положению на юге пустынь и полупустынь Гоби. От *умнэ* — «южный, передний».

Монгольские топонимы в Киргизии и Курдистане

Уже стало аксиомой положение о том, что географические названия любой области земного шара формируются как слоеный пирог, в котором заметны горизонты, образованные в разные эпохи народами, говорящими на разных языках, порою далеко стоящих друг от друга в генеалогических классификациях.

Монгольские термины помимо Центральной Азии и Южной Сибири легко вскрываются в Казахстане или в Средней Азии. Само собой очевидно также значительное количество монголоязычных топонимов в Прикаспийской низменности, частично заселенной калмыками. Если представить ареал монгольской топонимии, пока еще не имеющей четкого контура, то обобщенно можно сказать, что его границы протянутся от Маньчжурии до Черного моря, от Гималаев до Средней Сибири.

Г. К. Конкашпаеву (1959) мы обязаны показом монгольских географических названий на территории Казахстана. Он их обнаружил в количестве 63, а с повторениями — 148. Среди них такие достоверные: Балгасун — «город». Баян-Аул от *баян ул*, *баян ола* — «богатая гора»; Богдо — «святой, священный», Дурбун-Булак — «четыре источника, родника», Зайсан — «благородное, княжеское» (озеро), Индэр от *ундэр* — «высокий», Кеген от *гэгэн* — «светлая или священная» (река), Сайкан — «прекрасный, красивый». Ср. кишлак Сайкан в Джизакском районе Узбекской ССР. В казахском Тарбагатай — «сурковый, изобилующий сурками-тарбаганами», Толагай — «голова, вершина» и др.

Монголизмы в топонимии Узбекистана вскрыты Ц. Д. Номинхановым (1962). Он насчитал 136 кишлаков

с именами, берущими свое начало от монгольских этнонимов: Буркут, Чакар, Уйрат, Барлас, Хорлос, Могол и др. Наибольшая их плотность отмечается в районе Самарканд — Бухара — Карши. Среди топонимов: Байракчи Бухарской области от *байри* — «стойбище, резиденция, оstanовка»; Паулган — «лагерь, кочевье, стан»; Ташагун-Бель — «скат горы, косогор»; Улус Самаркандской области от *улс* — «государство, держава»; Урга Самаркандской области — «ставка, резиденция, дворец»; Хайра-Кудук — «мелкий, неглубокий колодец» от *хайр* — «мель, галька»; Шаст-Дабан от *цас* — «снег», *даваан* — «перевал, горы», т. е. «снежный перевал»; Чаган-Тюбе — «белый холм, бугор», от *цаган, чаган* — «белый».

На наличие монгольских географических названий в Средней Азии мне пришлось обратить внимание еще в 1957 г., однако это было сделано в очень краткой форме и попутно с физико-географическим описанием четырех среднеазиатских республик (Мурзаев, 1957). В частности, было указано на название известного хребта Тянь-Шаня Моголтау, которое в таджикской форме звучит Кух-и-Могол. Конечно, горы получили название от этнического наименования. Еще в недалеком прошлом они были населены полуоседлым племенем, по языку и быту близким к казахам и киргизам. Как пишет Н. Г. Маллицкий (1930), быть может, это были потомки монголов, которые в свое время расселились здесь для наблюдения за большим покоренным г. Ходжентом. Ходжентцы называли их *илят* — «кочевники».

Теперь представляется возможность рассказать о продуктивности монгольских топонимических элементов в Киргизии, а за пределами Средней Азии, уже на Ближнем Востоке, и в Курдистане.

Уже заранее можно утверждать, что в Киргизской ССР монгольские элементы должны в большей или меньшей степени проступать на общем тюркском топонимическом фоне. В литературе встречаются примеры, иллюстрирующие эту мысль: Нарын, Кёкёмерен, Дабан, Джумгал, Каракужур и некоторые другие.

Опубликование проекта «Словаря географических названий Киргизии» Д. И. Исаева, Ш. Т. Токомбаева, З. А. Алиева, С. М. Мурзахметова (1962) дало более полное представление о топонимии республики. Стало возможно выявить гораздо большее количество мон-

гольских географических названий. (Далее в этом очерке написание географических названий Киргизской ССР дается по названному словарю.)

Следует различать:

Первая группа — топонимы, которые в полной мере получают убедительную расшифровку при помощи как тюркской, так и монгольской лексики. Здесь семантика или совершенно одинакова или наблюдается незначительный смысловой сдвиг, позволяющий все же говорить об идентичности этимологии. В этом случае невозможно утверждать монгольское происхождение географических названий, они в исходе могли быть и тюркскими. Общность некоторых лексем в тюрко-монгольских языках — факт общеизвестный. Кажется весьма перспективным изучение киргизских местных географических терминов в сравнении не только с терминами других тюркских народов, но и с монгольскими. Например: кирг. *уйёр* — «горный поток» и монг. *уюр* — «селевой поток, разлив, наводнение»; кирг. *кыр* — «гребень горы, возвышенность, плато и т. д.» и монг. *хир* — «низкий горный массив, сильно разрушенная горная страна, мелкосопочник в Гоби»; кирг. *сай* — «временный водоток, русло, овраг», монг. *сайр* (в том же значении); кирг. «*жылга*» — «длинная впадина, русло потока», монг. *джалга* — «сухое русло, овраг»; кирг. *арка* — «зад, тыл, горный хребет» и *аркалык* — так ферганские киргизы называют своих семиреченских собратьев, т. е. считая их северными, монг. *ар* — «задняя часть, тыл, север».

Какие же собственные географические названия Киргизии можно отнести к этой группе? Капчыгай, ср. монг. *хавчал* — «ущелье», *хавчил* — «теснина»; *арал* (то же в монг.) — «остров»; Кабырга-Булак, ср. монг. *хавирга* — «ребро», в переносном значении «горная скалистая цепь», *булаг* — «источник, родник»; Кара-Бел, Кёк-Бел, ср. монг. *хар* — «черный», *хёх* — «синий, зеленый, лазурный»; *бел* — ср. монг. *бэл* — «склон, горный пролювиальный шлейф, окаймляющий подножье горы», основное значение — «талия»; Кудук, ср. монг. *худаг* — «колодец»; Хан-Тенгри, как в тюркских, так и в монгольских языках, оба элемента обычны в значении «царь неба, повелитель неба или духов».

Вторая группа — топонимы гибридные, тюрко-монгольские. Это сложные географические названия, со-

стоящие, как правило, из двух, реже из трех слов, причем киргизская лексика оказывается чаще всего в первой позиции: Кичи-Эмел и Чон-Эмел ср. монг. *эмэл* — «седло, седловина», в переносном значении «горный перевал»; Жаман-Дабан и Донуз-Дабан, ср. монг. *дабаа(н)* — «перевал, высокий перевал», иногда «горная цепь» (Хамар-Дабан, Эрен-Дабан в Бурятии и МНР); Кёкёмерен, ср. монг. *мёрён* — «река, полноводная река», а также река и город Мурэн в Хангайских горах МНР, Мулянцизан в Маньчжурии и Мулэйхэ в Синьцзяне; Уч-Котон, ср. монг. *хотон* — «небольшой аил, несколько юрт — хозяйственное объединение по совместному выпасу скота, стойбище». В казахском, видимо, из монгольского *котан* — «круг на земле от долго стоящей юрты».

Третья группа — топонимы монгольские, не имеющие параллелей в тюркских языках. Помимо упомянутых можно указать на следующие односложные географические названия Киргизии: Дабан, Эмел, а также Улан от монг. *улаан* — «красный», ср. Улан-Батор, Улангом и др.; Жыргаланг, ср. монг. *жаргалан* — «блаженство, счастье, радость», а также гора и город Жаргалант (Кобдо) в Западной Монголии; Дёрбёлджун, ср. монг. *дёрвёлжин* — «квадрат, четырехугольный», а также несколько топонимов в Монголии и Джунгарии, например останец Дурбульджин по левобережью Черного Иртыша и с. Дурбульджин близ Чугучака; Ула, ср. монг. *уул* — «гора», а также Богдоул — «святая, божественная гора» у Улан-Батора и во многих других местах, Цаганул — «белая гора» и много подобных в оронимике МНР; Намек, ср. монг. *намаг* — «болото, топь, грязь»; а также двусложные названия: Улакол, ср. монг. *уул* — «гора», *гол* — «река» и др.

Показательный пример монголизма в гидронимии Киргизии: Джумгал — имя реки в Центральном Тянь-Шане. Оно не осмысливается местными киргизами. Между тем его этимология абсолютно прозрачна на монгольской почве: *зуун* — «левый, восточный», *гол* — «река». Совпадение значений «левый и восточный» в одном слове не случайно. При ориентировке монголов на юг, который считается главной стороной света, восток оказывается всегда с левой стороны. Действительно, Джумгал — левый приток Кёкёмерена, несущий свои воды с востока.

В монгольской гидронимии слово *гол* — «река» весьма распространено. В названиях рек Киргизии нередко его заменяет слово *кол*: Сарыкол, Музкол, Каракол и т. д. Объясняют *кол* — «рука», что не имеет смысла. Подробно об этом см. главу «Азиатские топонимические миниатюры».

Самая большая река Киргизии Нарын — одна из составляющих Сырдарью. Предположительно, от монгольского слова *нар* (*наран*) — «солнце» (может быть, по соломенному цвету воды). Но более вероятно от *нарийн* — «тонкий, хороший» (о качестве предмета). То, что Нарын — большая река, а не узенький ручеек, нас не должно смущать. В верховьях, как часто бывает, это небольшая горная речка, к тому же Нарын нередко течет в тесных и глубоких ущельях, где он действительно кажется узким, тонким потоком. Гидроним Нарын, Нарин очень обычен в странах с монгольским населением, там он встречается в десятках и сотнях мест; реже слово выступает в качестве оронима. Верховье Сырдарьи — Нарын не на всем протяжении известно под таким именем. В глубинных районах Внутреннего Тянь-Шаня, где река принимает свои притоки Кёкёмерён, Толук, Ковюк, киргизы называют ее просто Дайра (то же *дарья*), или «река». Любопытно, что для наименований притоков киргизы не употребляют это слово, оно применяется только к Нарыну, чем подчеркиваются его размеры и главное положение в гидрографической системе республики.

Теперь о монгольских топонимических элементах за пределами Средней Азии. Исторически их наличие вполне объяснимо. До сих пор в Афганистане проживают хазара (или хазарейцы) — потомки монгольских завоевателей XIII в. Одна их часть кочует в центральном Афганистане, вторая — на западе страны, где они вместе с другими кочевниками объединены в аймак или чор-аймак. *Аймак* — монгольское слово (род, племя), ныне в МНР — «основная административная область». *Чор-аймак*, или «четыре аймака», где *чор* — таджикское слово. Хазара забыли монгольский язык и уже несколько столетий говорят на таджикском. Но некоторые исследователи отметили в лексике хазара немало сохранившихся монгольских слов (Лигети, 1955). Из топонимических терминов большое распространение в оронимии Афганистана получил Даван — «перевал».

Исследования последнего двадцатилетия показывают далекое проникновение монгольской топонимии на юго-запад Среднего Востока и в западную часть Ирана. В большом словаре географических терминов этой страны (Савина, 1971) можно найти не так уж мало монгольских слов, принимающих участие в формировании географических названий Ирана. Среди них тот же *дабан*, *даван*; *улус* — «племя, орда, народ, удел, владение, поселение, становище, аул»; *ям* — «почтовая станция» — слово, известное и в русском языке.

В. Минорский предпринял специальный анализ монгольской топонимии в районе оз. Урмия в Иранском Азербайджане и опубликовал статью «Монгольские местные имена в Мукри Курдистане» (Minorsky, 1957). «Иллюстраций всех исторических событий от ассирийцев до наших дней,— пишет В. Минорский, — можно увидеть в местных названиях. Из всех следов, оставленных в этой области разными народами, я выбрал для изучения забытые и еще не обсуждавшиеся монгольские элементы. Они поражают воображение, когда представишь себе, что родина монголов находится за 3 тысячи миль к востоку от озера Урмия и их не очень долгое господство в этом краю окончилось 600 лет назад».

Монголы появились здесь в XIII в. и уже застали хорошо разработанную топонимию, своими корнями уходящую в эпоху классицизма. Однако монгольские топонимы, в ряде случаев заменив старые, сохранились по сей день.

Самая большая река, питающая оз. Урмия, — Джагатучай, впадает в него с юга. По мнению известного монголиста В. Котвича, это топоним монгольского происхождения и связан со словом *джака* (ср. турец. *уака*) — «край, берег, сторона» (халха-монг. *зах*), оформлен типичным монгольским суффиксом *-ту*. *Чай* — уже турецкий термин, общее название реки.

В Каспийское море у г. Пехлеви впадает довольно большая р. Сефидруд (перс. «белая река»). Своими верховьями она сближается с истоками р. Джагатучай. Монголы называли Сефидруд Улан-Мурэн, т. е. «красная река». В этом можно видеть явление смыслового сдвига, а последующее тюркское имя этой же реки Кызылузен уже калькировалось с монгольского. Под таким названием и до сих пор известна левая составляющая р. Сефидруд.

В списке монгольских топонимов, приведенных В. Минорским, некоторые обладают весьма прозрачной этимологией на монгольской почве, и достоверность их как топонимических элементов подтверждается продуктивностью их в топонимии Бурятской АССР и МНР. Другие же обладают сомнительной семантикой и фонетикой с этой точки зрения, что и отмечается автором знаком вопроса: *Türpülgä* — звучит по-монгольски (?); *Tüdüän* — личное имя Тодойон (?); *Qartaavul*, где может быть выделено слово *аул* в виде суффикса (?); *Qutan* — «пеликан» и некоторые другие. Но бесспорны: Сайн-Кала, с. Сайн, где *сайн* — «хороший» (ср. Сайн-Шанд — центр Восточно-Гобийского аймака МНР); с. Мухор (ср. Мухор — многочисленные тупиковые пади, долины, овраги, иссякающие, никуда не впадающие речки в Бурятии и Монголии; халха-монг. *мухар* — «тупик, конец, комолый (скот)»); Кардж-Дабан, где слово *дабан* — «перевал в горах, горы, проход в горах», весьма распространенный топонимический элемент от Тихого океана до Каспийского моря (ср. хр. Хамар-Дабан в Забайкалье); Канчи — «рукав», халха-монг. *ханцуй* (ср. р. Кончедарья в Синьцзяне); Навур — «озеро» (ср. монг. *нуур*, *нор* — «озеро» — слово, известное в азербайджанском в форме *ноур* (*nohur*) с той же семантикой); с. Хабату, или Обату, т. е. имеющее *обо*, монгольская лексема, выступающая весьма продуктивно в топонимии: *овоо*, *обо* — «куча камней на перевалах или вершинах гор, курган, указатель дорог».

В. Минорский приводит также несколько личных имен (антропонимов) и племенных названий (этнонимов) монгольского происхождения, которые остались на земле Мукри Курдистана в качестве топонимических памятников эпохи чингисидов, как образно выражается автор, ее «визитных карточек».

Рассматривая географические названия этого района Иранского Азербайджана. В. Минорский охотно привлекает и тюркские, и иранские, и доиранские элементы. В частности, его заинтересовали топонимы на *каш*, которые он считает остатками доиранских «загросских княжеств»: Сурикаш, Тиркаш, Таркаш, Индиркаш, вблизи которого находится каменный могильник Факрака. Индиркаш произносят и как Хюндуркаш (ср. халха-монг. *ундэр* — «высокий»), и как турец. Эгрикаш, т. е. «высокая бровь, бровь, или кривая, изогнутая

бровь». Конечно, подобные этимологии вторичные и, как справедливо полагает автор, восходят к какому-то неизвестному древнему названию.

В связи с этим интересно, что в Таримской впадине и Илийском бассейне в Синьцзяне элемент *каш* весьма обычен: Юрункаш и Каракаш, образующие р. Хотан, р. Каш, город и река Кашгар, р. Аракаш, с. Ишкашим, с. Иркештам в Алайской долине и много других. Без сомнения, в таких топонимах, свойственных обширным районам Азии, нужно видеть какое-то древнее слово, ныне сохранившееся в уйгурском *каш*, монгольском *хам* со значением «нефрит», в киргизском *каш* — «нефрит» и «камень вообще». Подобное объяснение с географических позиций обладает определенной логикой. Но с другой стороны, нужно помнить о значении «каш» — «бровь».

Как и многие слова, обозначающие части тела человека, тюркское слово *каш* имеет топонимическое содержание и в переносном значении: «возвышение, вал, холм, крутой берег, плотина».

Интересно также указание о наличии ряда географических названий, образующих одну модель: с. Кондалан близ Саккыза в иранском Азербайджане, р. Конделенсу — северный приток Аракса — современная транскрипция Гендаланчай. По В. Минорскому, это название значит: «шатер, большая палатка, ханский лагерь». В письме Аргун-хана к королю Франции сказано: «Писано в Конделене», что считается названием местности. Такое суждение о местности представляется совершенно справедливым. В топонимии Монголии это географическое название встречается десятки раз и обычно употребляется для обозначения рек (или долин) второго порядка, расположенных поперечно или перпендикулярно по отношению к основной водной артерии. То же можно отметить для горных отрогов, отходящих от хребта под прямым углом (ср. халха-монг. *хундлэн* — «поперек, поперечный»). Например, р. Хундэлэн бассейна оз. Убсу-Нур в Западной Монголии. Воды этой реки используются монголами-дэрбэтами для орошения полей. Река Кундулун в бассейне Оки в Бурятской АССР. В географических указателях Г. Н. Потанина (1881—1883) можно найти четыре названия для рек, варьирующих эту форму: Кунделен, Кундэлун, Кунделюн, Кундулун и горы Кунделен. В Кабардино-Балкарской АССР течет р. Гунделен.

Интересно название области Каралар в Мукри Курдистане с типичным тюркским суффиксом множественности *-лар*. В. Минорский связывает этот топоним с монгольским *кара* — «крестьяне, пахари». Не проще ли видеть здесь индоевропейскую основу *гар* — «гора», сохранившуюся в афганском языке и обильно представленную в топонимии Средней и Центральной Азии: Гарчистан в Средней Азии, Нарын-Хараула (повторяется несколько раз), Долон-Хара в МНР, Ушкара, Джетыгара в Казахстане.

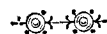
В работе В. Минорского привлекает и обзор трудов по топонимике Ирана, снабженный ссылками на многочисленные источники, уже позволяющие проводить систематическое изучение географических названий в тех масштабах, в каких оно наблюдается во многих европейских странах. Общее направление топонимических исследований до последнего времени развивалось от анализа названий, упоминавшихся в различных литературных памятниках, к современным формам. Но вполне закономерен и необходим обратный путь — анализ современных названий в их совокупности: «Именно тут необходимо постараться открыть закономерности и объяснить местные отклонения. Важно проанализировать различные топонимические названия послойно, так как в слоях отразилась историческая судьба провинций. Персия была ареной жизни многих древних и современных племен, и следы их названий в местных диалектах при изучении помогут понять прежнее распределение племен и пути их миграции. Вероятно, название гор Балхан, близ Красноводского залива Каспийского моря, было перенесено турками-огузами на Балканский полуостров* (Наетус древних), так же как существование второго Демавенда (Дамāvand) на границе Белуджистана можно объяснить миграцией на юг белуджей, оставивших следы их языка в оазисах пустынь Центрального Ирана».

Статья В. Минорского заключается словами о том, что топонимике, как и нумизматике и этнографии, при-

* О топонимической идентичности туркменских Балхан (Б. и М. Балхан) и Балканского хребта и полуострова см.: Э. М. Мурзеев. Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии. — «Вопросы географии», сб. 8. М., 1948. Более подробно см. также в этой книге на стр. 196—198.

надлежит важное место в системе вспомогательных исторических наук.

Мне кажется интересным вывод автора о долговечности монгольских и тюркских географических названий, более прочных и стойких, чем иранские, которые претерпевали многократные изменения на протяжении обозримого исторического прошлого. Знакомство с топонимией обширных районов Средней и Центральной Азии позволяет согласиться с этим положением, что не противоречит наличию ираноязычных топонимических элементов далеко на севере — в Поволжье, на Урале, в горах Синьцзяна и т. д., вдали от стран с ираноязычным населением, что стало ясным в последнее время.

Топонимика Синьцзяна

Центральная Азия обладает пестрым этническим составом. Только в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проживает более десяти национальностей, говорящих на разных языках. Эти языки можно объединить в следующие основные группы: 1) тюркскую, наиболее многочисленную и пространственно обширную (сюда относятся уйгуры, казахи, киргизы); 2) монгольскую, куда входят тянь-шаньские торгоуты (калмыки), живущие в Баянгольском автономном округе, борталинские и хобуксайрские монголы, также относящиеся к западным монголам; 3) иранскую — сарыкольский диалект шугнанского языка (памирская группа) в Таджикском автономном районе Кашгарского округа; 4) тунгусо-маньчжурскую (на языке этой семьи говорит небольшое количество жителей Илийского округа — сибо, переселенцев из Северо-Восточного Китая); 5) китайскую, куда входят ханьцы и дунгане, в течение длительного времени живущие в Синьцзяне.

Все эти народы, кроме малочисленных сибо, оставили глубокий след в топонимике Синьцзяна, создали современную систему географических названий. Большинство их являются тюркскими, монгольскими и китайскими.

Сложные исторические процессы, протекающие на территории Центральной Азии, не могли не оказать влияние на формирование синьцзянской топонимики. Это влияние было многообразным в языковом отношении и длительным во времени.

Первые сведения о территории Синьцзяна и его народах можно найти в источниках классической древне-

сти, у индийских, китайских и греко-римских авторов. Из данных истории устанавливается, что в лингвистическом отношении население Таримской впадины говорило на языках иранской группы индоевропейских языков. Как далеко на север простирался ареал ираноязычных народов, сказать трудно, но их географические названия и сегодня читаются на картах Джунгарии.

Уже сравнительно давно стало известно о роли ираноязычных народов в истории Восточного Туркестана. Из русских географов на этой позиции стоял Г. Е. Грумм-Гржимайло, который в ряде своих работ доказывал тезис о прошлом заселении обширных территорий Центральной Азии, включая и Бэйшань, иранскими народами, оставившими след в современном населении, в его языках, антропологии и этнографии. Однако до начала нашего столетия неясно представлялись масштабы расселения этих племен, их культура и влияние на этногенез обитателей Центральной Азии.

Ныне установлено, что ираноязычные племена, объединенные под именем саков, населяли территорию всего Южного Синьцзяна. В китайских древних источниках упоминается народ *se, sek, sai*, в санскрите *saka* (И. М. Оранский, 1960). Еще Птолемей писал о стране саков, граничащей на западе с Согдианой.

Недавно археологические раскопки в Таримской впадине показали наличие богатейших иранских письменных памятников, как правило религиозного содержания и относящихся к раннему средневековью (VII—X вв.). Исследованию этих памятников посвящена уже значительная литература, в которой подчеркивается важнейшее значение письменных документов из Кучи, Маралбаши, Хотана и Турфана и даже Дуньхуана, позволивших по-новому подойти к истории иранских языков, литературе и правильному пониманию географического распространения ираноязычных народов в прошлом.

Турфанские письменные документы оказались пестрыми по языковой принадлежности, но в основном в пределах индоевропейской лингвистической семьи. Хотанские же источники впервые дали возможность узнать сакский язык Хотанского оазиса, потому называемый часто сако-хотанским либо просто хотанским. Установлено также, что тохарский язык — по одним авторам, древний индоевропейский, а по другим, более точно, иранский — господствовал в Таримской впадине в

VII—IX вв., издавна населенной ираноязычными народами. Отсюда делается понятным, что древнейший пласт в топонимической стратиграфии Синьцзяна, который может быть определен, в своей основе является индоевропейским. Из названий крупных объектов к нему следует отнести такие имена, как Кашгар, Хотан, Лоб, Хами, Куча, Эби-Нур и много других. Их смысл уже утерян, и современное тюркоязычное население не понимает содержания таких топонимов, а в отдельных случаях пользуется иными параллельными названиями, что приводит к двойственности имен. Так, г. Хами уйгуры именуют Комулом, оз. Эби-Нур известно как Кызылкуль и т. д. Но и современные гидронимы Таримской впадины, особенно ее южной части, нередко включают иранский термин *об, аб* — «вода».

Наиболее мощным горизонтом в современной топонимии Синьцзяна является тюркский. Его строителями первоначально были уйгуры — народ, издавна заселявший Восточный Тянь-Шань и прилегавшие к нему равнины и известный китайским путешественникам раннего средневековья под именем *хойгу, вэйху*, а их земля — как царство западных тюрков.

Тюркская топонимика развивалась и крепла в течение многих столетий в борьбе с древними нетюркскими элементами. Этому процессу способствовало позже также появление других тюркоязычных народов — киргизов и казахов. Современный уйгурский язык формировался в непосредственной близости от иранского и воспринял из него много слов.

По свидетельству некоторых авторов, население Кашгарского и Яркендского округов еще 150—200 лет назад говорило на языке, близком к таджикскому, во всяком случае каком-то иранском, затем некоторое время было двуязычным (ираноязычным и тюркоязычным), а уже потом стало тюркоязычным. Современный пример такого положения, когда одновременно два языка являются родными, показывают таджики-сарыкольцы из Ташкурмана, которые совершенно свободно владеют уйгурским и сарыкольским языками начиная с детского возраста. При этом обучение детей происходит в уйгурских школах.

Таким образом, смена иранских языков тюркскими охватила обширную территорию, и многие народы как Средней, так и Центральной Азии испытали этот процесс, правильное понимание которого позволяет и пра-

вильно решить вопросы этногенеза, а также раскрыть многие этимологии топонимических образований и уяснить их систему.

Тюркская топонимия вообще очень устойчива в Евразии. В Синьцзяне она легко вскрывается повсеместно. Тюркские географические названия уходят в МНР, в Цинхай, в Ганьсу, Тибет, Афганистан и другие сопредельные территории. Правда, по мере удаления на восток и на юг удельный вес тюркских элементов падает, что легко понять. Примеры тюркских названий приводить излишне, их тысячи, укажу лишь, что Урумчи, центр Синьцзяна, относится к этой группе.

Достаточно ясной и территориально широкой оказывается монгольская топонимия. Синьцзян издавна соприкасался с монгольскими народами, живущими и в настоящее время в соседних землях. В самом Синьцзяне обитают западномонгольские народы, более всего приуроченные к горным районам Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и горам Пограничной Джунгарии. Миграции монголов в западные и южные страны — известный исторический процесс — также не могли не способствовать стабилизации монгольских элементов.

В прошлом монгольские племена на территории Синьцзяна расселились гораздо шире; об этом ясно говорят данные топонимики, а также монгольские слова в современном уйгурском языке, в котором широко, хотя и не повсеместно, бытуют слова: *бух* — «бык»; *гол* — «река, галечное русло»; *дабан* — «перевал». В куньлуньском кишлаке Полу мне пришлось, к удивлению, слышать, как жители называют сурка не тюркским словом *суур*, а монгольским — *тарбаган*, выговаривая *дарваган*.

Процесс оттеснения монгольских племен и их концентрации в определенных районах ярко проявлялись в течение последних 50 лет в Джунгарии. Так, например, все русские путешественники прошлого столетия писали о торгоутских кочевьях по р. Урунгу. Мне пришлось проехать всю ее долину, от Булунтохоя до Эртая, и я всюду встречал только казахские айлы. На мой вопрос, давно ли казахи живут здесь, отвечали: с 1930—1931 гг.; монгольских же стойбищ и не видел вовсе.

Монгольские топонимические элементы обычны, а местами и формируют топонимику в Цинхае и Ганьсу,

частично в Сычуани, а в Тибете читаются на картах района Лхасы и в Каракоруме. Удельный вес тюркской топонимики, как мы отмечали, на востоке заметно уменьшается, а удельный вес монгольской, наоборот, к востоку все более и более увеличивается. Монгольские топонимы полно представлены в автономном районе Внутренней Монголии, в МНР, автономном Нинься-Хуэйском (дунганском) районе и даже в Дунбее — в Хэйлуцзяне, Ляонине, Гирине. Но и на запад от Синьцзяна монгольские элементы хорошо выражены в топонимике Средней Азии и особенно в Казахстане.

Если географические названия иранского и доиранского происхождения нелегко распознаются в современной топонимике Синьцзяна, то тюркские и монгольские гораздо проще поддаются этимологизации; они устойчивы и ясны, имеют много аналогий за пределами Синьцзяна, что позволяет пользоваться сравнительным методом при их анализе. В качестве примеров здесь можно привести такие названия крупных географических объектов, как Гашуньская Гоби, Ирен-Хабирга, Халык, Джунгария, Дзосотын-Элису.

Своеобразное развитие получила в Синьцзяне китайская топонимика. Китайские географические названия, как правило, просты и легко осмысливаются. Смысл таких названий, как Тянь-Шань, Хуанхэ, Хунань, Бэйхай, Чанцзян (Янцзы), ясен даже для человека, не искусственного в китайском языке: «небесные горы», «желтая река», «на юг от озера», «северное море», «длинная река» (Янцзы).

Но в Синьцзяне положение осложнилось. Первые китайские путешественники встретились здесь уже со сформировавшимися географическими именами. Их передали в китайских источниках иероглифами, придерживаясь исходной фонетики. При этом, конечно, тюркские или монгольские слова в китайском чтении получили совсем другое звучание и лишились содержания. Типичным примером могут служить имена р. Яркенд, в китайском Е-эр-цянхэ, или города и озера Баркель — Баликунь, Турфан — Тулуфань и т. д.

Такова одна закономерность передачи чуждых географических названий средствами другого языка и графики. В иных случаях видна тенденция к упрощению местных имен при передаче их на китайский язык. При этом сохраняется только первый звук. Так возникли ки-

тайские топонимы: Хаш — вместо Кашгар, Уш — вместо Учгурфан, Инин — от первого звука имени р. Или с прибавлением *нин* — «спокойствие, умиротворение», Цемо — начала слова «черчен» с приставкой *мо* — «конец».

Китайская географическая номенклатура выработалась в процессе долгого исторического периода, за время общения китайцев с западными странами, где реки, города, горы, да и сами страны, известны под другими названиями, происхождение которых часто неясно. Во всяком случае расшифровка их по словарям, как правило, не давала положительных результатов. Так, с Синьцзяне возникла двойная номенклатура, что порой приводит к недоразумениям. Укажу примеры:

Бугур, пос.	в китайской географии	—	Лунтай
Чугучак, гор.	»	»	— Тачэн
Музарт, р.	»	»	— Вэйгань
Яркенд, гор.	»	»	— Шачэ
Пичан, пос.	»	»	— Шаньшань
Керия, гор.	»	»	— Юйтянь
Карашар, гор.	»	»	— Яньци
Чиглык, пос.	»	»	— Юйли
Чарклык, пос.	»	»	— Ноциян
Ташкурган, пос.	»	»	— Пули
Каргалык, гор.	»	»	— Ечэн и т. д.

Все приведенные здесь китайские имена, кроме Тачэна, как будто не несут смысловой нагрузки, их содержание не выявляется при чтении современных иероглифов. Конечно, этим списком не исчерпываются примеры двойных топонимов. При сопоставлении двух названий одного и того же объекта не всегда можно сказать, какое из них более древнее — местное или китайское. Так, например, Шаньшань как имя княжества в Турфанской впадине, Юйтянь для Хотанских владений, Яньци (Карашар) встречаются в китайских источниках уже на протяжении полутора тысяч лет.

Только благодаря традиционности китайской топонимики можно восстановить древнее иранское название Бостан для оз. Баграшкель. Именно форма «Бостан» сохранилась в китайской географии и по сей день, хотя она исчезла среди местного населения.

В последние сто—двести лет в Синьцзяне возникли новые китайские географические названия, отражаю-

щие колониальное положение этой далекой западной провинции императорского Китая. Такие имена, как Ди-хуа, Чжэнси, а также Инин, Суйлай, по существу отражают характер формирования нового горизонта в китайском топонимическом пласте.

Многие китайские названия возникли в процессе освоения и заселения Синьцзяна, особенно много их в Северном Синьцзяне, в Джунгарской впадине, где ханьцы имели больше возможностей для оседания, чем в Южном с его земельной теснотой. Так появились имена Саньдаохэ, Фукан, Шихо (Усу), Суйдин, Шихоцзы, Чэпайцзы и т. д.

Крайне осложняется анализ топонимии Западного Китая синонимикой географических названий, которые приводятся в ранних формах в различных географических и исторических сочинениях для одних и тех же пунктов. Такое положение нередко ставило в тупик европейских географов при изучении Таримской впадины. Шаньшань собственно называлось Лэулань, отвечает Н. Я. Бичурин (1829). Горы Тянь-Шаня, как будет показано ниже, назывались у китайцев Бэйшанем, Наньшанем, Сюэшанем и Цунлинем. У К. Риттера (1869) приводятся все названия Хотана: «Хотан, или Юйтхян, — по-санскритски Кустана; в китайской транскрипции Цзюйса-дань-на; в древности особое царство, ныне китайская область с главным городом Ильцы». Добавим, что существует часто употребительная форма — Хотэн. У того же автора читаем о Кашгаре: «Кашгар, или Хашар (Каш, Чадж), Хаша-эль, или Кхе-шихо-эль у китайцев, Сулэ (Шула), или Цюша в древнейшее время». У арабов одно время Кашгар назывался Ардукентом, Хуса-Орду и т. д.

Следует коротко остановиться на ограниченности влияния других языков, не упомянутых выше, на формирование синьцзянской топонимики. Один из них арабский, пришедший сюда с исламом. Вторжение арабских войск в Таримскую впадину относится к началу VIII в., оно было кратковременным. Но арабизмы в топонимику Синьцзяна внедрялись в течение долгого времени под влиянием культурных и экономических связей с мусульманскими странами Средней Азии и Среднего Востока, а также ислама, ставшего господствующей религией среди местного населения. Топоним Туркестан, как отмечает В. В. Григорьев (1873), дан арабами, для кото-

рых тюрками были не только народы, говорящие на тюркских языках, но и монголы, и тунгусы, и тибетцы, и китайцы.

Хорошим примером арабоязычной топонимии могут служить названия города и реки Керия или поселка Шахидулла, оазиса Файзабад, кишлака Махалля.

Русский язык также оказал небольшое влияние на систему географических названий. В западной части Джунгарии и в долине Или возникли населенные пункты переселенцев из России, вместе с ними пришли и некоторые русские названия. В результате исследований наших соотечественников в Центральной Азии появились такие наименования, как хребты Русский и Пржевальского в Куньлуне, горы Росстаг в западной части Таримской впадины. Однако количество таких наименований незначительно.

Видимо, в юго-восточной части Синьцзяна, в горах Куньлуна, при тщательном анализе можно найти признаки тибетского влияния на формирование местных географических названий, но в масштабах нашего исследования они не обнаружены. И здесь всюду на первом плане — тюркские и отчасти монгольские элементы.

Отметим характерные черты структуры синьцзянской топонимики. В принципе она подчиняется общим закономерностям формирования и становления географических названий, присущих любой другой стране, особенно много сходства она имеет с топонимией внутриазиатских областей.

Большинство географических имен двух-трехсложные, реже они односложные. В этом отношении показательны китайские топонимы. Даже такие короткие наименования, как Шихо, Саче, Бачу, Тачэн, Ечэн и др., по существу состоят из двух слов.

Сочетание прилагательного с существительным, как правило с местным географическим термином, — наиболее обычная закономерность рождения топонима: Гучэн — «старый город» (кит.), Эби-Нур — «сверкающее, прозрачное озеро» (иран.), Курукгол — «сухая река» (тюрк., монг.), Карлыктаг — «снежные горы» (тюрк.), Кызылсу — «красная вода» (тюрк.), Номин-Гоби — «лазурная пустыня» (монг.). Можно встретить сочетания числительных с существительными или прилагательными: Эргай (кит.), Чарчи (иран.), Табын-Богдо-Ола (монг.), Бештограк (тюрк.), Сандаохэ (кит.) и т. д.

Прилагательные, обозначающие цвет, качество и иные свойства, также часты в топонимии Синьцзяна, как и в других странах Азии: *ак* — «белый», *кызыл* — «красный», *карлык* — «снежный», *кара* — «черный» (тюрк.), *цаган* — «белый», *улан* — «красный», *цасту* — «снежный», *наран* — «солнечный» (монг.), *цзин* — «чистый», *хэй* — «черный», *ши* — «каменный», *чан* — «длинный» (кит.).

В Синьцзяне есть свои специфические прилагательные в географических названиях, характеризующие ландшафты пустынь. Часто повторяются: *курук* — «сухой», *чөл* — «пустынный», *сайлик* — «каменистый» (для пустыни), *тузлык* и *дабасун* — «соленый», *ачик* — «горький», *ачат* — «голодный» и т. д.

Особенностью топонимики Синьцзяна, как отчасти и Средней Азии, является наименование рек от имен городов, от населенных пунктов. В подтверждение этого положения можно привести немало примеров: реки Яркенд, Куча, Хотан, Кашгардарья, Ташкуртан, Керия, видимо, и реки Черчен, Ния, Чира. Обратное соотношение имен также имеет место: населенный пункт получает наименование по реке, что, как правило, явление позднейшее. Такие поселки или города сравнительно молоды: Урумчи, Бурчум, Дзиньхо и др. Эта закономерность не относится к древнему городу Аксу.

Таким образом, гидронимика Средней и Центральной Азии существенно отличается от «речных» наименований на Русской равнине, где многие города окрещены по рекам: Москва, Кострома, Вологда, Свяжск, Дубна, Луга и много других. Позже в результате движения русских людей на восток в Сибири появились города, имена которых также отражают названия рек: Иркутск, Томск, Омск, Нижнеудинск, Ишим, Бийск и т. д. Объяснением может служить тот известный процесс расселения и торговых связей, происходящих по рекам как историческим путям.

В горных же условиях реки не использовались для транспорта и связи, их режим и гидрографические условия не способствовали такому хозяйственному применению. И в настоящее время, при значительном развитии техники, судоходство там весьма ограничено. В Синьцзяне, например, в летнее время небольшие пароходы ходят только в низовьях Черного Иртыша до Бурчума и на малом отрезке р. Или.

И в гидронимии Синьцзяна наблюдается множественность названий одной и той же реки на разных ее участках. Река меняет свое имя в зависимости от многих условий: от этнографической и языковой принадлежности народов, проживающих на том или ином участке долины, после слияния с другой рекой, при резком изменении направления течения и т. д. Для примера возьмем Тарим. Он получает свое название в результате соединения Аксу, Хотана и Яркенда. Аксу в верховьях известна как Сарыджаз (в Киргизской ССР). Хотан образуется из двух куньлуньских потоков — Юрункаша и Каракаша. Яркенд в свою очередь в верховьях называется Раскемом. Река Или составляется из Текеса и Кунгеса.

При слиянии рек Малый и Большой Юлдус в ходе последнего из межгорной Тяньшаньской котловины рождается р. Хайдык, ниже оз. Баграшкель получающая имя Кончедарьи, низовье которой лет сорок назад было известно как Кумдарья или Курукдарья.

В окончании названий рек более всего встречаются термины: *дарья* (для больших полноводных рек), *су* — «вода» (тюрк.), *гол, мурэн* — «река» (монг.), *усу, ус* — «вода» (монг.), *об, аб* — «вода» (иран., чаще на юге, юго-западе), *хо, хэ* — «река» (кит.).

Местное население не знает обобщающих названий для больших горных систем или их значительных отрезков. Кроме Алтая, все крупные хребты — Каракорум, Куньлунь, Тянь-Шань наречены так книжными именами и неизвестны местным жителям. Интересно, что китайское население Урумчи называет Тянь-Шань Наньшанем, т. е. Южными горами, поскольку они расположены на юге от города. Точно такое же название применяется китайцами Хотанского, Яркендского, Керийского оазисов для Куньлуна.

Горцы-таглыки в Куньлуне называют отдельные участки хребтов по именам рек или перевалов. Затем местные, узлокальные наименования распространяются уже на большие части массивов либо делаются собственным именем целого хребта. Но процесс этот искусственный, в его возникновении и развитии повинны путешественники, географы, топографы, нередко вынужденные среди множества географических названий мелких объектов выбирать некоторые из них и применять для обозначения более значительных, т. е. частные

видовые имена превращать в обобщающие, родовые. Таково происхождение названия хр. Каракорум по одноименному перевалу, издавна очень популярному, через который некогда шло оживленное сообщение между Индией и Южным Синьцзяном. Аналогичен пример с хребтами Тохтакорум и Карлыктаг в Куньлуне, также получившими названия по перевалам.

По рекам или населенным пунктам названы горы Ташкуртан, Санджутаг, Керия-Дабан, Сарыкол в Куньлуне и на Памире. По вершине Богдо-Ула в Тянь-Шане возникло имя хр. Богдошань, причем это произошло уже в нашем столетии. Впрочем, на Тянь-Шане и на Алтае оронимия гораздо богаче, чем на Куньлуне, что объясняется большой пустынностью и малолюдностью последнего, тогда как первые две горные системы были издавна обитаемы, и кочевники-скотоводы здесь выработали детальную географическую номенклатуру.

При рассмотрении названий населенных пунктов бросается в глаза очень малое количество этнонимов. Возможно, это происходит от нашего недостаточного знания исторической географии Центральной Азии либо потому, что позднейшие тюрко-монгольские топонимические наслоения оказались настолько мощными, что погребли более древние элементы. Этническими названиями можно считать: Калмаккуре, Чакар, Меркет, возможно, Курля.

Но в целом таких примеров немного. Скорее наблюдается обратный процесс, при котором возникали этнонимические образования из топонимических категорий.

В Южном Синьцзяне население в прошлом именовало свою национальную принадлежность по главному городу своего округа, чему способствовала устойчивая феодальная раздробленность. Жители Кашгара и Кашгарского округа считали себя кашкарлыками, Турфанской впадины — турфанлыками, Хотана — хотанлыками и т. д. Население низовьев Тарима, Кончедарьи и Лобнорской равнины называлось народом лоб, лоблык. Такой обычай частично сохранился и в наши дни, несмотря на наличие объединяющего национального имени — уйгур.

Многие населенные пункты в разных странах мира получили названия по именам и прозвищам первых поселенцев, основавших хутора, заимки, селения. Есть

такие и в Синьцзяне, но крупные города с названиями этой категории мне неизвестны.

В Куньлуне в долине Каракаша есть пос. Шахидулла, или Сайдулла (в литературе встречается и форма Шахид-ул-Лак), на Куньлуньской подгорной равнине и на Тяньшаньской подгорной равнине имеются селения Санджу, Санджи, по имени, весьма распространенному среди монголов и тибетцев. В долине Кокшаала, близ Учтурфана, широко раскинулся зеленый кишлак Сафарбай — «богач Сафар». На Кончедарье, у ее истоков, есть небольшой кишлак Давут, всего в пять дворов, который называется так по имени старика уйгура, прожившего здесь 50 лет. Будучи молодым человеком, он был обижен курлинским начальником и потому ушел из Курли и обосновался здесь, обзавелся семьей. С тех пор род Давута размножился, появилось несколько поколений жителей. Они сеют пшеницу, выращивают овощи, виноград, кое-какие фрукты. Кишлак производит приятное впечатление благодаря мощным тополям и ивам. Когда мы попали в этот поселок, это было в 1958 г., нас встретил сам патриарх Давут, который, помимо уйгурского языка, свободно говорил и по-китайски. Перед нами был живой первожитель, чье имя, возможно, сохранится в топонимии Карашарской котловины многие столетия уже после того, как память о нем исчезнет в умах грядущих поколений.

В образовании собственных имен населенных пунктов активно участвуют термины *там* и *лянгар*. Они создают хорошо выраженные, устойчивые ряды: первый — на севере Таримской впадины, в притяньшаньской полосе и по долине Тарима, второй — в Куньлуньской подгорной равнине.

Лянгар — старый термин, весьма распространенный в топонимии юга Средней Азии, особенно в Таджикистане, а также в Афганистане и Иране. Этот термин имеет древнее индоевропейское происхождение, в разные эпохи и у разных народов имел и разное, но близкое по смыслу значение. В таджикском и персидском языках — «якорь, маятник», в латинском это слово встречается в форме апсога, в немецком и голландском — anker, в английском — anchor, во французском — ancre, в русском — «якорь», в хинди — langar. Встречается оно также и в среднеазиатских тюркских языках. В Южном Синьцзяне *лянгаром* называют постоянный

двор, почтовую станцию, гостиницу, почему этот топоним можно встретить и в наше время по старым караванным дорогам. В других местах под *лянгаром* понимают место, где раздают пищу народу, общедоступную кухню, монастырь, обитель, вал вокруг могилы знатных людей.

А. З. Розенфельд (1940), анализируя употребление слова *лянгар* в текстах восточных авторов, приходит к выводу, что «общее наиболее полное значение (кроме «якорь») — остановка, стоянка». Приведу примеры: на дороге, проложенной по долине Хотана от г. Хотана в Аксу, лежит Кошлак-Лянгар. На подгорной Куньлуньской равнине видим Андере-Лянгар на северо-восток от Нии, Аклянгар в Куньлуне по Тибетскому шоссе, Нурлянгар по дороге из Керии в Полур (на юг) и множество других.

Термин *там* также строитель топонимии населенных пунктов. В уйгурском *уй* — «жилище, юрта, хижина, обычный простой дом», а *тамуй* — «постоянное жилище, дом квадратной формы с толстыми стенами, крепкими воротами, укрепленное жилище». Слово это интересно по своему распространению и семантике. В Узбекистане оно известно в такой же форме, в Туркмении — *дам*, в санскрите — *damas*, в греческом — *domos*, в латинском — *domus*, в этот ряд и русское *дом*. В северной полосе Таримской впадины можно встретить десятки названий с участием этого термина. Так, по дороге из Курли к Куче есть с. Тогракдам.

Оба этих старых термина — *лянгар* и *там* — указывают на древние языковые связи населения Таримской впадины с индоевропейскими народами. Следы такой связи еще сохранились в современной топонимике Синьцзяна. Тем более кажется странным ничтожное участие в ней весьма обычного в Средней и Южной Азии термина *кала* — «крепость, укрепленное место, укрепленный дом». Во всяком случае он мало заметен в современной топонимии Синьцзяна и заменяется словами *курган* либо *там*.

Отметим еще одну особенность образования имен населенных пунктов Синьцзяна: по дням недели, когда происходит базар — событие немаловажное в жизни далеких окраин. Так возникли кишлаки: Якшамбе-Базар, Сейшамбе-Базар, Чаршамбе-Базар на подгорной равнине Куньлуния и Душамбе-Базар на конусе выноса Му-

зарта, близ Кучи. Все эти названия — наследие ирано-язычного прошлого Синьцзяна. Ср. Душанбе в Таджикистане, о чем было сказано выше.

В 1961 г. была опубликована статья шведского топонимолога Г. Ярринга о географических названиях Центральной Азии (Jarring, 1961). Анализируя топонимию Синьцзяна, этот автор специально останавливается на одном интересном типе названий, имеющем глагольную конструкцию: Кулан олди — «кулан умер», Палта тюшти — «топор упал», Капак искан — «тыкву повесили». Г. Ярринг удачно определил этот тип «топонимом полного предложения, где видно сказуемое и в наличии или подразумевается подлежащее».

Широким распространением топонимов полного предложения тюркская система географических названий существенно отличается от многих других систем, например от славянской, романской или китайской, в которых практически нет глагольных форм.

По-видимому, категория полного предложения в топонимике — категория эфемерная, и прежде всего потому, что названия такого типа очень громоздки: Тохта ахун ку аткан кель — «озеро, где Тохта ахун подстрелил лебедя» (запись А. Стейна). Подобное название вряд ли может быть живучим. С другой стороны, в ряде случаев в названиях полного предложения заметно влияние народной этимологии. Приведу такой пример. В Туркменской ССР, на северной границе Каракумов, есть останцовое плато Ишек-Анкренкыр. Это название типично для категории полного предложения и переводится: «Плато осёл завопил». Настораживает смысловое содержание топонима. Но если вспомнить узбекскую р. Ангрэн, семантику которой связывают с иранским *ахан-гаран* — «кузнецы», то закрадывается сомнение и в переводе топонима Ишек-Анкрен-Кыр. При повторении топонимических образований нужно искать их простое объяснение, отвечающее географическим объектам, ибо в этом случае топонимы образуют ясный семантический ряд.

Народная этимология названий полного предложения выявляется и на примерах, приведенных Яррингом. Кажутся убедительными такие топонимы, как Ат ольген даван — «перевал, где умерла лошадь», Калмак ольген булак — «источник, где умер калмык» — события необычные, полные драматических переживаний, а пото-

му и оставившие след в топонимике. И менее убедительно Черак салди даван — «перевал, где оставлены светильники (или свечи)». Местная географическая терминология включает слова *чирак*, *чирак-таш* (буквально «свеча-камень») для обозначения столбиков — обычных в пустынных горах Центральной Азии и у нас на Памире вертикально стоящих фигур, появившихся в результате выветривания горных пород.

По списку географических названий Л. Лекока (Lescoq, 1922) топоним Иркештам (поселок в Алайской долине) имеет типичную форму полного предложения и киргизскую этимологию: «Мужчина проходит мимо степи». Между тем в Иркеш (каш)-там можно видеть слова *каш* и *там*, очень частые в топонимике Таримской впадины и ее горном окружении, где первое означает «нефрит», а в киргизском просто «камень» (помимо общеупотребительного общетюркского *таш*), второе же, *там*, — «постоянное жилище, стены, сложенные из прочного материала».

Как древни топонимы полного предложения, сформировавшиеся, видимо, в период расцвета кочевого хозяйства? Еще в «Бабур-наме» можно найти такие формы географических названий, как «луна поднялась» или «змея проползла». Если подобная топонимическая категория еще живет и в наши дни, то, как правильно отмечает Ярринг, теперь должны возникать географические имена вроде «грузовик разбился», «место, где забыл наполнить бак» и т. д.

Географические названия полного предложения — категория микротопонимическая, поэтому нужно признать справедливыми выводы Г. Ярринга об их приуроченности либо к пустыням, либо к сельским местностям и отсутствию в районах с высокой плотностью населения, где топонимия уже отстоялась. И в этом можно видеть подтверждение высказанного мною замечания об эфемерности таких названий, возникших как ориентиры в пустынных и безлюдных нагорьях и равнинах Центральной Азии. В пустыне Такла-Макан, например, не существовало и не существует детализированной географической номенклатуры, подобной той, которая присуща любому другому населенному району земного шара.

Глагольные топонимические конструкции свойственны не только Центральной Азии. Они фиксируются и в

Средней Азии, Казахстане и на Алтае, где обнаружены Г. И. Донидзе (1964, 1971). Он пишет о топонимах — целых предложениях, «подлежащее которых выражается именами существительными нарицательными и собственными в форме основного падежа, а сказуемое — глаголами в форме на *-ан/-ган* или же *-ды/-дю*: Бузау-ольген — «теленек умер», Мёндюрсоккон — «битый градом», Арбакалды — «телега осталась», Денизгёрюндю — «море показалось»».

Классическим примером такого топонима полного предложения является известное географическое название Барсакельмес, повторяющееся несколько раз в Средней Азии. Барсакельмес — «пойдешь — не вернешься» применяется для обозначения массивов оголенных барханных подвижных песков, для топких солончаков, для безводных пустынных участков, лишенных любых источников воды и подножного корма. Только в Каракалпакской АССР: солончак Барсакельмес на Устюрте и о. Барсакельмес на Аральском море (Абдимуратов, 1970). Ср. также пески Барсакельмес в юго-западной части Туркмении.

Ниже приводятся некоторые интересные и широко известные географические названия. Их анализ, как мне кажется, поможет уяснению топонимики Синьцзяна, недостаточно затронутой прошлыми трудами. Из них прежде всего следует отметить упомянутую статью Г. Ярринга (Jarring, 1961) и «Указатель географических названий к Атласу Центральной Азии Свена Гедина» (Gedin, 1966, 1967). В этом «Указателе» приведено около 6500 топонимов, каждое из них привязано к определенному листу карты и, более того, при помощи сочетания римской цифры и латинской буквы локализовано в той или иной трапеции. Монгольские топонимы изучались и систематизировались Д. Фаркухаром из Калифорнского университета, иранские транскрибировались и интерпретировались, базируясь на труде Д. Лоримера (Lorimer, 1958). Наиболее многочисленная группа тюркских географических названий обработана Г. Яррингом. Каждое название дано в английском написании, указывается его привязка к объекту (гора, родник, селение, река, канал, впадина и т. д.), языковая принадлежность топонима, его транскрипция на латинский алфавит применительно к языку, а если ясна этимология, то и коротко раскрывается семантика. Здесь нет нужды более под-

робно останавливаться на содержании этого «Атласа» и «Указателя» к нему, так как это сделано в другом месте (Мурзаева и Мурзаев, 1969). Укажу только, что для составления списка географических названий Центральной Азии его авторы использовали большую литературу, в том числе и русскую. Из 40 упомянутых источников было 12 советских (1934—1964). Следует особо отметить японское издание старого (XVIII в.) китайского сочинения о местных названиях Китайского Туркестана и Тибета, который содержит 3220 слов с этимологиями в маньчжурском, монгольском, ойратском, китайском и восточнотюркском (уйгурском) вариантах. Это, видимо, первое систематизированное топонимическое произведение опубликовано с комментариями Т. Банко в Токио в трех томах в 1961—1963 гг. (Тоюо Вунсо. Kintei Saiiki Dobunshi).

Географические названия Синьцзяна приводятся в алфавитном порядке. Из наиболее крупных объектов здесь опущены пустыня Такла-Макан, Джунгария и Хотан, потому что анализ их имен сделан выше.

Аксу — «белая, чистая, хорошая вода», «река, истоки которой лежат в высоких снежных горах». Однако вода в таких реках может быть и не прозрачной, а мутно-белесоватой, красноватой, мутно-серой, зеленоватой. В древнетюркском языке *ак* имело и другой смысл: «течь, протекать, текущий, литься». В районе г. Кучи немало речек по имени *акан*, *акын*, *агын* — «поток воды, речка» из *ак* — «течь». Аксу — большая река на Тянь-Шане, одна из составляющих р. Тарим, и город на этой реке — окружной центр провинции. Старый Аксу китайцы называют Вэньсу — «теплый, уютный ночлег; теплая, уютная стоянка; гостиница».

Алтай — «горная страна с альпийскими лугами», «кочевья в высоких горах», «богатые горы» (монг.), слово имеет типологическое значение, по-видимому, оно связано с тюркским *алатау* — «пестрые горы» или «пегие горы», т. е. горы, обладающие вечноснежным покровом, вертикальной поясностью почвенного и растительного покрова. Высокогорная зона таких хребтов отличается пестротой: здесь часты белые пятна снега, черные, лишённые растительности участки каменистых россыпей, зеленые альпийские лужайки, серые гранитные массивы. Отсюда и название Джунгарского Алатау, введен-

ное в географию П. П. Семеновым-Тянь-Шанским в середине прошлого века. Алтайские горы монголы называют Алтаин-Нуру, но, возможно, что этот топоним связан со словом *алтын*.

В. В. Радлов (1893—1911) исходит из формы *ал+тайга* — «высокие горы». Однако сторонники старой этимологии (Алтай — «обильный золотом, золотоносный» считают ее единственно правильной и сравнивают окончание *-тай* в ряде названий: Тарбагатай, Хандагатай, Бургу-стай. К тому же китайская параллель звучит Цзиньшань — «золотая гора», что, конечно, только калька с монгольского имени.

Алтын таг — «золотые горы» (тюрк.) — мощный хребет, окаймляющий Таримскую впадину с юго-востока, где издавна добывали золото в россыпях. Китайское название Аэрцзинь по транскрипции и отчасти по содержанию является калькой: *цзинь* — «золото» (кит.). Но первоначально от *алд* — «передние горы».

По сообщению Х. Хасанова (1961), в «Словаре тюркской лексики Махмуда Кашгарского» имеется толкование слова *алтын* как «низовья, низины, нижней местности», в современной топонимии Синьцзяна то же значение имеет *астын*, например Астын-Артуш — это «нижний Артуш».

Баграшкель — название, оставшееся необъясненным, хотя оно, видимо, не очень старое. Лекок (Lecoc, 1922) пишет: «Bogtash — горшок». Баграшкель — озеро в одной из больших межгорных котловин Тянь-Шаня; оно питается р. Хайдык-Гол и дает начало р. Кончедарье. Китайские географы сохранили более древнее название озера — Бостанху, с иранской основой к которой добавлено *ху* — «озеро» (кит.). По-персидски *бостан* — «сад, цветник», по-уйгурски — «прохладное, озелененное место, удобное для отдыха».

Баркель — некоторые авторы объясняют название как «обильное озеро» от *бар* — «есть, имеется» (тюрк.), но это малоубедительно, более правильное толкование — «над озером» (иран.). Баркель — озеро и город на востоке Тянь-Шаня, в Хамийском округе, там же находится хр. Баркельтаг. Город расположен над озером, на северном склоне тянь-шаньской подгорной равнины. Ср. с Калаибар-Пандж — название крепости над р. Пяндж в Таджикистане. Старое китайское название города, ны-

не в Китае неупотребляемое, — Чжэнси, что значит «усмиренный, успокоенный запад», современная китайская форма — Баликун. Очень любопытно, что Н. Я. Бичурин (1960) применяет форму Баргол, которая легко переводится с монгольского «тигровая река» (в прошлом в Синьцзяне тигры водились по тугаям многих рек).

Бугур, Букур — «горбатый, кривой». В словаре Л. З. Будагова (1869—1871) приведены формы: *югур*, *бюгур*, а также *тагын-букури* — «склон, скат горы». Ср. с уйгур. *бугра*, *богра* — «верблюд», *букра* — «горбатый». Вамбери (Vambery, 1891) переводит: «бедро, бок, сторона, берег, край». С. Е. Малов (1961) приводит форму этого топонима — Бюгур. Бугур — оазис и город на одноименной реке на южном склоне Тянь-Шаня. Китайское название — Лунтай, что значит «колесная платформа, башня, вышка».

Бурул-Тохой — «седой, сизый тугай» (тюрк.) — городок у оз. Улюнгур на р. Урунгу. Обилие тополей и ив в долине Урунгу делает ее уремные заросли седыми. Китайское название — Фухай — «счастливое, богатое море». На наших картах неправильно называется Булунг-Тохой.

Бэйшань — «северные горы» (кит.), противопоставляются Наньшаню (южным горам), на подгорной равнине которых немало городов, оазисов с многочисленным населением; обширное пустынное нагорье между Тянь-Шанем и Наньшанем со сложным, сильно эродированным рельефом. Древнее китайское название — Хэлишань.

Гёздарья от *гёз* — «узкая, тесная» (уйгур.), на некоторых тюркских языках, например туркменском, *гёз* — «ручей». Гёздарья — река, собирающая воды с Сарыкольского хребта, Конгура, Музтага, текущая в длинном и узком ущелье. Второе ее название — Яманяр — «плохой обрыв», по-видимому, происходит от наличия участка узкого и глубокого ущелья.

Джетышар, Етышар — «семиградье» (тюрк.) — временное объединение земель Таримской впадины во второй половине XIX в. под руководством Якуб-бека, включавшее семь больших городов: Хотан, Яркенд, Янгигисар, Кашгар, Аксу, Куча и Карашар. По Вамбери (Vambery, 1891), это объединение включало Хами

и Учтурфан, но в него не входили Янгигисар и Карашар.

Иртыш (Черный Иртыш) — по-монгольски Ирцис, в китайском оформлении — Эрцзис — один из старых топонимов с неустановленной этимологией, несмотря на многочисленные попытки ее выяснить. Основа *ир* (тюрк.) присутствует во многих гидронимах Азиатской части СССР и Монголии: Иргиз, Ирсу, Иркут, Иро, Иркуль. По-казахски *ир* — «извилины, излучины». Но можно ли связать все эти названия с тюркским словом *ир*? Добавим, что в Турции *ирмак* — «река», в Узбекистане *ирмок* — «приток реки». Возможно, что основа *ир* связана с субстратом, свойственным обширному району Азии. В южной части Западной Сибири кетское слово *сес, шеш* — «река» на тюркской почве получает форму *шиш, цис*. Отсюда, видимо, окончание названия Ирцис (Иртыш), а также топоним Шишхид — название реки в Северной Монголии, одного из верховьев Малого Енисея (Ка-Хема). Черный Иртыш — крупнейшая река Монгольского Алтая (см. также стр. 246).

Калмаккуре — «калмыцкий монастырь, становяще калмыков». Некоторые тюркские народы называют западных монголов калмыками от глагола *килмак* — «приходить», что связано с известными переселениями их на Урал и Волгу. Калмаккуре — селение на южном склоне хр. Кетмень в Илийском округе. Китайское название — Чжаосу — «блестящее возрождение».

Каракаш — «черный нефрит» (тюрк.), левая составляющая р. Хотан с истоками в Каракоруме. Китайское название — Моюй — калька с тюркского и тоже значит «черный нефрит». *Мо* — «черный», а также «тушь». Народное объяснение названия Каракаш — «черная бровь» не имеет основания. Известно, что район Хотана издавна славился добычей нефрита, а реки Юрункаш и Каракаш ежегодно во время половодья приносили с Куньлуня этот камень, который и собирали местные жители (см. Каш, Юрункаш).

Каракорум — «черная россыпь глыб, скал, камней на склонах гор, по высоким плато, каменные потоки, сползающие вниз под действием силы тяжести, процессов замерзания и таяния»; один из высочайших хребтов земного шара, расположенный в пограничной поло-

се между Индией и Китаем: другое имя — Музтаг. Китайское название — Хара-Куньлунь, т. е. Черный Куньлунь, при этом первое слово взято из тюркского Каракорум.

Карашар — «черный город» (тюрк.), но это позднейшая этимология, название образовано, по-видимому, от *кара* — «земля» на древних тюркских языках и означает «земляной город». Китайское название — Яньци, которое иногда неправильно переводят как «соленый пруд». Чтение иероглифов не позволяет установить такую этимологию, их сочетание не имеет смысла.

Каргалык — «изобилующее воронами», от тюрк. *карга* — «ворона», город в Кашгарском округе в 60 км к юго-юго-востоку от Яркенда; китайское название — Ечэн.

Каш — слово, частое в названиях рек и населенных мест Таримской впадины: Каракаш, Юрункаш, Кашабад. Каш — река бассейна Или. Выше уже было сказано, что в уйгурском языке *каш* — «нефрит», в киргизском — «камень». Но все ли топонимы можно так объяснить? Следует помнить, что во многих тюркских языках *каш* — «бровь», а в географической терминологии — «высокий крутой берег, вал, холм, плотина, дамба». См. Кашгар.

Кашгар — «нефритовый камень, каменная гора», одно из наиболее древних названий, сохранившихся в топонимике Синьцзяна. Уже Птолемей знал горы Касийские. Встречается оно и в санскритских, китайских, арабских, тибетских источниках, а также у Марко Поло в разной транскрипции: *каш, хаши, хаши, гар, каскар*. К. Риттер (1869) приводит этимологию: *кас + кар, гар* — «жилище». В китайской географии Кашгар переводится как «место с жилищами, построенными из кирпича». «Говорят также, — пишет Риттер, — что название это просто означает богатство и изобилие». Н. Я. Бичурин (1829) отмечает, что здесь много разноцветных кирпичных зданий, отчего и название дано. В «Кратком описании Синьцзяна» Шуй Пун-хао (1945) приводится то же толкование, что и у Н. Я. Бичурина, также почерпнувшего эту этимологию из китайских источников. В связи с этим интересно, что в г. Кашгаре до наших дней сохранился обычай красить дома, как правило, в кирпичный цвет. В других городах Таримской впадины такого обычая

нет. Ср. с перс. *kas* — «глазурь, эмаль», *kasana* — «дом, покрытый глазурью». При анализе этого топонима нельзя не сопоставить его с многочисленными географическими названиями с корнем *каш*, обычными в горах, обрамляющих Таримскую впадину: Каш, Каракаш, Юрункаш, Аракаш и т. д., где *каш* — «нефрит» — культовый камень Востока; центр его добычи издавна был связан с горами Куньлуня, а выработка и торговля производились в горах куньлуньской подгорной равнины. *Кар, гар* — «камень» или «гора» — термины, которые в топонимике многих народов, в том числе и в старорусской, являлись синонимами.

Отметим, что и в Северном Пакистане имеются страна и город Кашгар и река Кашгардарья, на современных картах показанные как г. Читрал и р. Кунар, или Кам. Жители этой гиндукушской долины говорят на кашгари — одном из местных горных языков, относящихся к иранским. Термин *кар* повторяется и в таких названиях, как Чаракар, Чарекар к северу от Кабула, Харкар на Гиндукуше к югу от Ишкашима в Афганистане и Лабкар в Сайрамнурской впадине на южном склоне Тянь-Шаня в Синьцзяне. Пеллю (Pelliot, 1959) также считает, что второй элемент этого широко известного топонима, *гаг*, связан с санскритским *gigī*, авестийским *gaiṅi*, хотанским *gaiṅ*, *гаг* в смысле «гора». Но труднее обосновать первый элемент — *каш*. Возможно, что его следует связать не с *qas* — «нефрит», а с *khasa* — «камень». Ср. *каш* — по-киргизски «камень».

Керия — «поселок, город» (по-арабски — *карья*). Интересно, что в некоторых старых источниках употребляется арабская форма — *Карья*. Такое же название приводит для города Ф. С. Ефремов (1952), посетивший в конце XVIII в. Восточный Туркестан. Китайское современное название Керии — Юйтянь. (Имя древнего Хотанского княжества; иероглиф *юй* имеет значение «большой, широкий, далекий», но в целом смысл названия неясен.) Керия — город в Хотанском округе на подгорной равнине Куньлуня и река, получившая одинаковое с ним название, истоки ее находятся на ледниках и в снегах хр. Люштаг.

Кокшаал — этимология неясна. Лесок (Lescq, 1922) переводит *qaqsaal* как «мертвый лес, высохшие деревья». Добавлю: по-узбекски *кокшаал* означает «место

заготовки дров», по Вамбери (Vambery, 1891), оно имеет значение «сухой, рыхлый». Кокшаал — река, известная также под названием Ташкан. Кокшаал-Тау — хребет Тянь-Шаня. См. Таушкандарья.

Кончедарья — некоторые исследователи считают, что это название происходит от китайского Кунцяохэ — «павлинья река», что не имеет основания; в данном случае просто совпадение звучания этих слов. Возможно производить название от тюркского «мастер-кожевник», в переносном смысле — «река, в которой обрабатывают сыромятную кожу», однако такое толкование также неубедительно. По-видимому, основа его *кан* — иранская, сохранившаяся в узбекском и таджикском языках в смысле «канал, арык, проток». Глагольная форма *кан* имеет много значений: «рыть, копать, сыпать» и т. д. *Кан* также «водный поток, река» — термин, образующий многочисленные названия в Азии. Интересно, что на китайском языке первый иероглиф *кун* значит «щель, дыра, нора». Кончедарья действительно течет в глубоком, узком, извилистом ущелье, прорезая один из хребтов Тянь-Шаня перед выходом в Таримскую впадину. Ср. это название также с монг. *канчи* и халха-монг. *ханцуй* — «рукав». Кончедарья — исток, рукав Баграшкёля, она берет начало из этого озера и впадает в Лобнор.

Кран — «камень, каменистый» (иран.), восходит к индоевропейскому прототипу *кран* — «камень». Сравнительно-лингвистический материал приведен у В. И. Аббаева (1958); одна из крупнейших алтайских рек в Синьцзяне, правый приток Черного Иртыша (см. стр. 187).

Куньлунь — этимология этого топонима осталась невыясненной, хотя он известен уже около 2000 лет из древних источников. Некоторые авторы производят его от названия Цунлинь — «луковые горы» (кит.), так как в китайской географии под последним наименованием известны горы Памира, части южного Тянь-Шаня, Ферганы и западного Куньлуня, близ Кашгара. Производить название Куньлунь от Цинлинь — «голубые горы» (кит.) нет оснований.

Китайские географы хорошо отличают Цинлинь от Куньлуня и считают, что наименование последнего не может быть объяснено при помощи китайского языка. Современные словари не раскрывают его этимологии.

Интересно, что китайцы, жители Хотана, называют эти горы Наньшанем, т. е. южными горами. Однако связь топонимов Куньлунь и Цунлинь намечается при анализе некоторых названий района Куньлуня, имеющих в старой китайской географической литературе. Известно, что истоки р. Хотан лежат в Куньлуне, а в устье, там, где река, разбившись на рукава, впадает в Тарим, ее левый, западный, проток назывался Цулинсизэ, а правый, восточный, проток — Цулиндунхэ, т. е. «цунлинская западная река» и «цунлинская восточная река». Н. Я. Бичурин (1829) приводит сведения о том, что реки, орошающие Хотанское княжество, берут истоки в Цунлине. В Гималаях одно из тибетских селений называется Кунг-лунг.

Куча — это название, если его применять для реки и ущелья, может быть сравнимо с согдийским *qosa* — «рот, отверстие», а для города с *cosa* — «поселок, улица» (иран.). Так или иначе, это один из ярких примеров сохранности иранской топонимики в Синьцзяне. Нередко произносят Кучар с редуцированным звуком *p*. Последний звук появился в литературном языке в результате подражания арабскому, на что обратил внимание Лекко (Lecoc, 1922). На некоторых современных языках (таджикском, туркменском и азербайджанском) *куча* — «улица», на языке хинди — «небольшая улица». Куча — город Аксуйского округа на подгорной равнине южного склона Тянь-Шаня и одноименная река. В дельте Музарта, близ Шахъяра, есть кишлак Кочатограк. В этом районе встречается много иранских географических названий населенных пунктов: Кан, Лянгар, Бостан и др. В старых китайских географических источниках Куча известна под названием Гуйцы.

Лобнор — этимология установлена не окончательно, уйгурское написание — Лопнур. Лоб — древнее название, встречаемое у Марко Поло, который пишет о стране Лоб, но не знает оз. Лобнор. Я слышал, что население, живущее по Тариму и Кончедарье, ниже с. Юйли, называет эту местность Лоп, по ней получило наименование и озеро, которое имеет и другое название — Кара-Хошун, что означает озеро «Черного Хошуна» (*хошун* — «феодалное владение, округ» (монг.)). В китайской географии можно встретить название Яньцзэ — «соленое озеро» (*цзэ* — «озеро»), а также Пучанхай

(*хай* — «море») — «большое озеро» и Лоуланхай (по названию древнего города, развалины которого видны в северо-западной части озера). Формы *лоу* и *лоб* фонетически сравнимы, между тем топоним Лоб не одинок в Таримской впадине. Близ Хотана есть старинное с. Лоб, в Яркендском уезде так называется один из больших каналов. Южнее Бугура сохранились остатки старого укрепления Лапар Конешар, т. е. «Лапар — старый город». У Н. Я. Бичурина читаем: «Лабкар в 15 ли от Сайрама в севере, всего два селения» (1960).

Таким образом, ни в китайском, ни в монгольском, ни в тюркских языках нельзя найти объяснения этому географическому названию, известному во всем мире. Тем более интересным становится его загадочное происхождение. Встречающиеся объяснения *лоб* от тибетского «мягко, как губка» как будто не имеют оснований, тем более что тибетские топонимы в Таримской впадине до настоящего времени еще не обнаружены, а если и прослеживаются, то только в восточной части Куньлуня, где в общем господствуют больше тюркские элементы, но имеются также иранские и монгольские. Вамбери (Vambery, 1891) указывает, что слова *lor*, *ley* означают на древнетюркских языках «чудовище, дракон». Древнетюркский словарь (1969) приводит слово *lu* и отсылает его к китайскому *лун* — «дракон». Видимо, *лоб* — форма индоевропейского происхождения. Известно, что древним населением Таримской впадины были ираноязычные народы. Лоб можно сравнить с таким географическим названием, как Лаба — река на Северном Кавказе. Названия эти уходят в далекое прошлое. А. Соболевский (1926), рассматривая ряд географических названий, включающих слова *лоб*, *лоп*, *люб*, *лаб*, отмечает, что они связаны с древним *alb* (альб) — «белый». Вокруг Лобнора в низовьях Тарима обширные площади занимают солончаки, белыми пятнами выделяющиеся среди пустынь. Окончание *нор* в современном названии Лобнор от монгольского слова «озеро» — более поздняя приставка. Современное китайское название оз. Лобуху, Лобупо, где *ло* — одно из старых китайских слов, обозначающих озеро, в настоящее время малоупотребительно. В названии Лобуху *ло* пишется тем же иероглифом, что и Лохэ (река в Хэнани).

М а н а с — по имени героя киргизского эпоса, но, по-

видимому, это народная этимология. Ср. с рядом гидронимов: Канас — река на джунгарском склоне Алтая, Азас — река и озеро в Туве, Казас — река в Туве, Тарзас — река в Южной Сибири. В этих названиях отчетливо выделяется самодийский термин *ас* — «вода, река». Манас — самая крупная тьяншаньская река, стекающая в Джунгарию, и уездный город. Китайский вариант названия города — Суйлай — «умиротворенный, мир и спокойствие».

Музтагата — дословно «отец ледяных гор». Ата на тюркских языках также «покровитель, предок, святой, почитаемый», в топонимии приобретает значение «большой, главный» (Конкашпаев, 1963). Анализу этого топонима посвятил значительную часть своей статьи Г. Ярринг (Jarring, 1961).

Топонимика азиатских гор богата подобными названиями, формы которых меняются в зависимости от принадлежности к тому или иному тюркскому языку (ср. Музтаг, Музтау, Музтоо, Буздаг, что означает «ледяная гора»). Но как же образовалось необычное сочетание Музтагата, нигде более не встречающееся? В этом топониме уже целое предложение, переводимое как «отец ледяных гор». По мнению Ярринга, такая форма обладает сомнительной композицией. Она противоречит синтаксису тюркских языков. Гораздо более правильно предположить другую композицию, свойственную тюркским языкам: Музтагнинг-атасы или Музтаглярнинг-атасы, вкладывая в последнюю форму понятие множественности гор.

Г. Ярринг считает, что шведский исследователь Центральной Азии Свен Гедин был первым, кто ввел в литературу этот топоним. Как известно, Гедин посетил Памир и Куньлунь в 1893—1897 гг. И возможно, что на вопрос Гедина о том, как называется вершина, ему с почтительным обращением ответили: «Музтаг, ата!», т. е. «Ледяная гора, отец!» «Так или иначе,— заключает автор, — нет сомнения, что Гедин был одним из тех, кто дал пику его имя». Г. Ярринг сам слышал в Кашгаре и Яркенде о том, что караванщики С. Гедина, произнося его имя, добавляли слово *ата*.

Но право же, Свен Гедин тут ни при чем. Достаточно посмотреть некоторые старые источники по географии припамирских стран, чтобы в этом убедиться. У

И. Минаева (1879) приведены материалы о сарыкольских таджиках, долине Тагарма и ледяной горе Музтаг, при этом автор в тексте не употребляет формы Музтагата. Между тем на «Карте Памира и сопредельных стран», составленной Военно-топографическим отделом Главного штаба в 1880 г. и приложенной к книге И. Минаева, можно увидеть: г. Тагарма (Мустаг-ата) 25 800 [футов. — Э. М.]. На карте Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья, которая сопровождает отчет М. В. Певцова (1895) о работах Тибетской экспедиции Русского географического общества, также показана гора Музтаг-ата. Геолог экспедиции К. И. Богданович, изучавший ледники и геологию этого массива, также употребляет форму Музтаг-ата (1892). Таким образом, топоним именно в данном звучании фиксируется значительно раньше путешествий Свена Гедина и тем более раньше публикации его отчета (1899).

Анализ одинокого топонима, вырванного из всей массы географических названий того или иного района, ненадежен по существу. Топонимика Средней и Центральной Азии включает немало и других имен с окончанием *ата* (а не *атасы* — буквально «его отец»): г. Алма-Ата, пос. Кошкарата в горах Кингтау близ Кашгара, пос. Нурата в Узбекистане, г. Аулие-Ата (ныне Джамбул) в Казахстане, пос. Палваната и Дарганата в Туркмении, пос. Чолпон-Ата в Киргизии. И в качестве основы слово *ата* образует много географических названий: колодец Атакую в Каракумах, пос. Ата в долине Теджена, пос. Атахан в провинции Меймене в Афганистане, р. Атачай в Азербайджане, р. Атасу в Центральном Казахстане, пос. Атабай близ г. Туркестан также в Казахстане, Атабад в северной части Ирана и гора Атакух на иранском побережье Каспия.

Этимология топонима Чолпон-Ата — «мифический покровитель овец», а в переносном смысле просто «овцы» (Юдахин, 1965).

Все сказанное убедительно показывает на активное участие слова *ата* в формировании тюркской топонимики, почему о случайности названия Музтагата говорить не приходится. Музтагата — одна из главных вершин Куньлуня (7546 м), другое ее название — Тагарма (или Тагхарма). Река, берущая начало в этих горах и впадающая в Ташкуртан, называется Тагармасу.

Му-лэй-хэ — китайская форма монгольского *му-рэн* — «река». Полная форма: река+река — обычный пример образования топонима при наложении двух одно-значных терминов, относящихся к разным языкам. Му-лэй-хэ — селение к юго-востоку от Гучэна в предгорьях Тянь-Шаня на одноименной реке (см. стр. 188—190).

Тарим производят от *тара* — «пашня, земледелие» (монг., тюрк.) в смысле «река-кормилица». По другому объяснению река получила такое название потому, что она изобилует рыбой, которой питается немногочислен-ное население, живущее по побережью. Топоним Тарим не одинок в Центральной Азии. Интересно сопоставить с ним названия небольших поселений: Андере-Тарим и Яртонгаз-Тарим в пустыне Такла-Макан в самых низо-вьях куньлуньских рек Андерелянгар и Яртонгаз. В го-рах Текеликтаг к югу от уезда Лоб Хотанского округа есть с. Таримкишлак. В Средней Азии на окраине Са-рыкамышской впадины возвышается останцовое плато Тарымкая у сухого русла Кангадарья. Приведенное эти-мологическое объяснение не имеет аргументации. В свя-зи с этим представляется интересным свидетельство Махмуда Кашгарского (Хасанов, 1961), который объяс-няет слово *тарим* как «берег реки, которая впадает в озеро или теряется в песках»; эта особенность гидрогра-фии является характерной для пустынь. Приуроченность перечисленных выше топонимов, образованных при по-мощи этого термина, к окончаниям рек, иссякающих в пустыне, подтверждает объяснение, данное ему Махму-дом Кашгарским.

В основе слова *тарим* лежит тюркское *тар* — «разде-ляться, разбиваться на части», которое можно сравнить с узбекским *тармок* — «рукав, проток реки», киргизским *тара* — «разбредаться, распространяться», и *тармак* — «ответвление, разветвление». Действительно, Тарим бес-конечно разбивается, дробится на бесчисленное количе-ство рукавов, протоков и часто меняет русло. Другой такой блуждающей и ветвящейся реки нет в Централь-ной Азии.

В некоторых источниках Тарим именуют Эргоу, что по-китайски означает «два русла», поскольку он рожда-ется из двух основных рек (не считая Хотана) — Яркен-да и Аксу. Может быть, отсюда происходит и форма Эр-гол, встречающаяся в европейской литературе по исто-

рической географии. Тарим — самая крупная река юж-ного Синьцзяна. Современное китайское название — Талимухэ. Птолемей называл ее Ойхард.

Таушкандарья — этимология не совсем ясна. Видимо, происходит от *ташкан* — «разливающийся, пол-новодный поток, бурная река», что вполне соответствует особенностям этой реки, имеющей широкую галечную пойму. Название производят также от тюркского *тауш-кан* — «заяц», что менее правдоподобно. Таушкандар-ья — одна из составляющих р. Аксу в восточном Тянь-Шане, второе ее название — Кокшаал (см.).

Ташкурган — «каменная крепость» (тюрк.) — центр Гаджуркского автономного уезда в Кашгарском округе. Здесь сохранились развалины мощной камен-ной крепости, построенной на морене и некогда контро-лирующей известную караванную дорогу на Гильгит и в долину Инда. Отсюда и название гор и реки Ташкур-ган. Старое сарыкольское имя поселка Варшиде от древ-неиранского *barz* — «высокий» и *dahyu* — «селение» (Пахалина, 1966). Китайское имя — Пули.

Тохтакорум — «доска+каменная осыпь» (иран., тюрк.) — россыпи на перевале. В литературе встреча-ется перевод — «каменный трон». Значение этого топо-нима делается ясным из следующей выдержки из рабо-ты В. В. Григорьева: «Загадочным остается и цель со-оружений, обозначаемых в Кабулистане названием *тахт*, что по-персидски и «ложе», и «седалище царское», и «престол», «трон»».

Об одном таком *тахте* упоминает Массон как о нахо-дящемся на вершине Мамахатунского перевала по доро-ге из Кудамена в Кабул, отзываясь о нем, что это «ка-менный базамент». Другой *тахт*, по Массону же из-вестию, существует в горах около Первана: это, описы-вает он, «квадратное сооружение из камня, с украшени-ем по бокам» (1867.) Таким образом, *тахт* в Кабулистане играет ту же роль, что *обо* в Центральной Азии, и выра-жает культ гор, почему и воздвигается на перевалах или вершинах гор.

Тузтаг — «соленые горы» (тюрк.) — низкогорный, сильно расчлененный пустынный хребет, уступом окай-мляющий Турфанскую впадину с севера и содержащий значительное количество солей в третичных отложениях. Китайское название — Хояньшань — «огнепламенные

горы». Это название, как и Хочжоу — «огненный город» (развалины древнего городища в Турфанской впадине), позволило А. Гумбольдту аргументировать свои воззрения на вулканизм Центральной Азии. Китайцы часто называют вулканы *хошань*, но в данном случае это название говорит о страшной жаре Турфанской впадины, о которой пишут все путешественники.

Турфан, Турпан — «ставка, столица, резиденция» (монг.). Такое объяснение можно встретить в литературе по Синьцзяну. Местные жители не знают этимологии этого топонима, между тем в языке турфанцев сохранилось много как монгольских, так и иранских слов. Турфан — город в Турфанской впадине.

Тянь-Шань — «небесные горы» (кит.) — одна из крупнейших горных систем Азии, видимо китайская калька с тюркского *тенгри таг*. Если этимология этого широко известного названия проста, то пространственная его эволюция имеет свою историю. Под Тянь-Шанем в китайской географии в разное время понимались разные части этой горной системы. Так, в «Сочинении о Западном крае династии Тан» сказано, что р. Или «начало принимает с северной стороны Луковых гор; имеет мутный цвет, течет на северо-запад и уходит в большую песчаную степь, не имеющую ни травы, ни воды» (Бичурин, 1950). Отсюда ясно, что часть Тянь-Шаня, составляющая западное обрамление Таримской впадины, именовалась Цунлинем — «луковыми горами», а затем это название стали употреблять только для самой западной оконечности Куньлуня и Памира. В другом месте этой же работы Н. Я. Бичурина Тянь-Шань именуется Северными горами, т. е. Бэйшанем, а Куньлунь — Южными горами, что отражало восприятие гор местными жителями Таримской впадины. Мне приходилось слышать, как китайское население Урумчи и подгорных оазисов Джунгарии именуется эти горы Наньшанем, т. е. Южными горами, что также вытекает из их положения по отношению к Джунгарии. У тюркских народов Тянь-Шань именовался Тенгридагом (ср. с Хан-Тенгри), что соответствует этимологии «небесные горы». В китайской географии можно встретить еще название Сюэшань — «снежные горы».

В русской литературе название Тянь-Шань встречается с XVIII в., но широкое распространение этот топо-

ним получил только со второй половины XIX в., после путешествий в Среднюю Азию П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, И. В. Мушкетова. До самого последнего времени объединяющее название «Тянь-Шань» для всей горной системы не было известно местным жителям — киргизам, которые называют их Ала-тоо. И в наши дни в географической науке не окончательно установлены границы Тянь-Шаня на западе и юге. Одни исследователи включают в него Туркестанский, Зеравшанский и Алайский хребты, другие выделяют их в группу гор, не получившую пока определенного названия.

Улюнгур — происхождение названия не совсем ясно, возможно, от монгольского *олен* — «крупная, болотистая, луговая осока» — большое озеро в Северной Джунгарии. По-китайски Дахайцзы — «большое морцо», противопоставляется «малому морцо» — Сяохайцзы. В литературе встречается и топоним Кызылбаш — «красная голова» (тюрк.).

Урумчи от *урюм* — «отдельные озера, отрезки пересыхающей реки с проточной водой, уходящей в галечный или песчаный аллювий, плёсы маловодной реки» (тюрк.). Менее вероятно, что Урумчи — «суверенный» (Будагов, 1871). Урумчи — центр Синьцзян-Уйгурского автономного района — расположен на берегах пересыхающей реки (которую монголы называют Архотэ) с широкой галечной поймой. Старое китайское название города — Дихуа, в настоящее время отмененное как имеющее колонизаторский смысл «учить цивилизации, насаждать культуру».

Урунгу — от этнонима тувинцев ёрönго — «урянкайцы», в монгольском написании Оронго-гол — река в Северной Джунгарии. Местные казахи называют ее Сарытокой, т. е. «река с желтым тугаем», или Озен — «река». В китайской географии эта большая река известна как Улуньгу или под сокращенным названием Ухэ (У — по первому звуку названия+хэ). Местное население в низовьях реки именуется ее Бурлу-Тохой или Бурлу-Тохой, по названию городка, расположенного в ее дельте.

Учтурфан — «три ставки, резиденции», но это результат позднейшего осмысливания, ложной этимологии — город на западе Синьцзяна; раньше он называл-

ся Уш, и эта форма сохранилась в китайской географии до настоящего времени. Предположительно можно связать топонимы Уш и Ош. Ош — название города в Фергане, большого областного центра Киргизской ССР, который памирские киргизы называют также Уш.

В. В. Григорьев пишет по поводу старого названия г. Учтурфан следующее: «Уши же есть прозвание, данное ему в отличие от Турфана Пичанского, по причине близости его к городу Уш'у в Фергане, первому в этой стране на пути из Восточного Туркестана: почему Уши-Турфан должно значить ни более ни менее как Ушский Турфан, т. е. Турфан в стороне Уш'а. Краткости ради. Турфан стали впоследствии отбрасывать, и за городом осталось в качестве имени его собственно одно прилагательное — Уши, «Ушский»» (Риттер, 1869).

Хайдык, Хайдык-Гол — «одинокая река, без истоков и притоков» (монг.), так же называется дойная корова, потерявшая теленка, одинокая. Хайдык-Гол — река, начинающаяся в котловине Большой Юлдус за счет поверхностных вод и грунтовых потоков в заболоченной местности, не имеет ни одного крупного притока. Китайская форма — Кайдухэ. Интересно провести следующую параллель: оз. Тяньчи на Богдо-Ола близ Урумчи запружено мореной, через которую просачивается вода, образуя ключи, из них начинается р. Хайдаджан.

Хами — «впадина, низина, низменность» (иран.) — окружной город, расположенный на равнине у подножия хр. Карлыктаг в Тянь-Шане; равнина орошается тремя реками, уходящими в Хамийскую впадину. Не название города определило наименование впадины, а сама впадина окрестила этот древний город. Уйгурское название — Комул, в форме Камул встречающееся еще у Марко Поло. В некоторых старых китайских источниках город упоминается как Иву, это наименование сохранилось в названии уезда Иу близ Хами. Н. Я. Бичурин употребляет написание Комун. Чтение китайских иероглифов не помогает этимологизации. По мнению Г. Юля, уйгурское Комул заимствовано от монгольского Хамил, откуда и возникла усеченная форма Хами. Однако в монгольской топонимии как будто нет такого названия или географического термина.

Чарклык от *чарх* — «колесо» (тадж.) — место, где есть или было водяное колесо. Н. М. Пржевальский (1948) рассказывает, что Чарклык был заселен выходцами из Керии. Открыли это место охотники, которые нашли здесь разрушенные стены небольшого города и развалившиеся сакли, среди которых валялось много прялок — *чарх*. Отсюда якобы и произошло название кишлака. Чарклык — селение на подножной равнине Алтынтага, южнее устья р. Черчен. Китайское название — Ноцян.

Чогори — «большая гора», в основе *гори* — «гора», на санскритском — *гири*, высочайшая гора Синьцзяна, вторая вершина мира, расположенная в Каракуме. Другие названия, принятые в европейской картографии, — Годвин (Годуин)-Остен, К-2, Дапсанг.

Эби-Нур — «сверкающая, прозрачная вода» (иран.), от *аб(об)*, *и*, *нур*, где *аб(об)* — «вода», *и* — изафет, *нур* — «луч, сверкание, прозрачность». По наименованию озера возникло и название ветра *эбе*, или *ибге*, дующего в Джунгарских Воротах. Эби-Нур — озеро в Западной Джунгарии.

Юрункаш — у Риттера встречается перевод «белый нефрит», но лучше «светлый нефрит». Ср. с узбек. ёруг — «светлый» и с уйгур. *ürüng* — «светлый». Может быть, название противопоставляется Каракашу (см.). Встречается и иное толкование названия: «река текущего нефрита». Юрункаш — наиболее многоводная река, составляющая р. Хотан, берет начало в горах Куньлуния на границе с Тибетом.

Яркенд — «город на обрыве, на яру» (тюрк.), но, по-видимому, это результат позднейшего осмысливания. Иногда приводят название Еркянь, в китайской географии — Ер+цзянь — «земля обширная», называют также Яркянь, Хяркан, Каркан (последнее наименование приводит Марко Поло). В. В. Григорьев (см. Риттер, 1869) пишет, что *ер*, или *яр*, в данном случае вряд ли имеет тюркское происхождение, и это замечание нужно считать справедливым. Н. Я. Бичурин принял форму Яркянь. Термин *кан* часто встречается в топонимике ираноязычных стран. Если транскрипция Марко Поло правильна, то следует исходить из индоевропейской формы:

кар+кан — «каменная река, каменный канал», что вполне соответствует природе р. Яркенд. Позднейшее население восприняло название по-своему, с изменением фонетики: прием обычный и часто встречающийся в топонимике многих стран. Современное китайское название г. Саче—Сачжэ, что осмыслить пока не удалось. Река Яркенд в китайской географии известна под звукоподражательным наименованием Е-эр-цян-хэ. В некоторых показаниях путешественников можно встретить и название Зерафшан, что, конечно, то же, что Зеравшан — «золоторассыпающая». Яркенд — город, расположенный на подгорной куньлуньской равнине на левом берегу одноименной реки, входит в состав Кашгарского округа. Местное написание — Јагкән.

Вьетнамские географические названия

Топонимическое изучение Юго-Восточной Азии только начинается, а многоязычие и своеобразие тропической природы при сложном, весьма пересеченном рельефе делают такую задачу непростой. Литература о географических названиях Индокитая пока еще бедна; на русском языке она ограничивается статьями Г. Г. Стратановича (1962), Т. Т. Мхитарян (1962). Топонимические данные можно найти в книге В. М. Солнцева и др. (1960), а во французской литературе — в работах Р. Шейфера (Shaffer, 1940), П. Гуру (Gourou, 1936).

В Ханое в зимний период 1963/64 г. работал топонимический семинар. Одна из тем этого семинара выполнена молодым вьетнамским ученым Хоан Тхи Тьяу и напечатана на русском языке (1969). Моя работа в свою очередь учитывает материалы семинара и базируется на полевых сборах во время путешествия по ДРВ в 1963—1964 гг.

При сравнительно-топонимических изысканиях следует помнить о многотональности вьетнамского языка (тонов в языке северной части страны — Бакбо — шесть, а средней части — Чунгбо — четыре). Поэтому на картах названия, одинаково записанные средствами русской графики, оказываются в действительности разными как фонетически, так и семантически.

Вот сопоставление трех слов, весьма часто встречающихся в составе географических названий: *vinh* — «слава, почет» (город Винь — центр провинции Нге-Ан); *vinh* — «залив, бухта» (бухта Винь-Ха-Лонг в северной части Тонкинского залива); *vinh* — «вечный, постоян-

ный». Винь — название многих населенных мест в средней части Вьетнама*.

Другой пример: *dinh* — «место собрания, общинный дом, постоялый двор, императорский дворец»; *dinh* — «мирный, тихий, спокойный»; *dinh* — «вершина, верх».

Эти слова могут быть продуктивными топонимообразующими элементами. Между тем в русской графике они передаются одинаково, что вовсе не говорит об их генетической однородности или общности.

Топонимический анализ затрудняется и развитой омонимией. Так, слово *ку* имеет 10 значений: «знамя, шахматы, разветвление, старик, королевские земли» и т. д. Среди таких значений могут быть и топонимообразующие элементы, например «разветвление» и «королевские земли».

Вьетнамцы считают себя выходцами с севера — из бассейна Сицзяна (ныне Южный Китай), откуда они распространялись на юг вдоль приморских равнин и оседали на плодородных дельтах. Поскольку некоторые другие народы Индокитая также прошли подобный путь в меридиональном направлении с юга Китая в Индокитай, то можно утверждать, что многие древние топонимические элементы, особенно гидронимы, будут общими как для Вьетнама, включая его горную территорию, так и для Лаоса, Таиланда и Южного Китая.

Известно, что в лексике вьетнамского языка много китайских слов, что легко понять, учитывая близость Вьетнама и Китая, а главное — историческое прошлое Вьетнама как колонии императорского Китая. Именно поэтому оказывается заимствованной из соответствующей часто оказывается заимствованной из соответствующей китайской, вернее, южнокитайской (кантонской) терминологии. И топонимия Вьетнама испытала влияние китайской географической, политико-административной и колонизационной терминологии. Иногда параллельно бытуют двойные топонимы — китайский и вьетнамский, китайский и тайский и т. д. Когда же необходимо объяснить некоторые географические исконно вьетнамские и уже забытые термины, обращаются к языку народа мы-

* По техническим причинам при написании вьетнамских названий не показаны многочисленные диакритические знаки, присущие вьетнамской письменности. В настоящем очерке большинство географических названий Вьетнама дано в дефисном написании для лучшего понимания их структуры.

онг (мыэнг) как к наиболее близкому и наиболее сохранившемуся языку.

Топонимия у вьетнамцев обнаруживает также тесные связи с топонимией других народов Индокитая, что особенно четко выявляется при анализе географической номенклатуры горных районов, где обычны названия из языков мяо, ман, то, тайского, индонезийского, мон-кхмерских и др.

Интересно, что у вьетнамцев не наблюдается жесткой системы географической ориентировки, как это имеет место у китайцев или халха-монголов, которые, например, передней стороной считают южную. Но наличие некоторых словосочетаний позволяет считать, что в прошлом у вьетнамцев южная сторона также была передней. Об этом говорят бытующие и в настоящее время выражения: *га бас* — «выйти (выходить) на север», но *вао пам* — «войти (входить) на юг». Этот факт говорит также и о постепенном передвижении вьетнамцев на юг по прибрежным равнинам из Южного Китая вплоть до дельты Меконга, где они появились всего несколько столетий назад, потеснив мон-кхмерские и индонезийские племена.

Отметим также выражения: *леп доай* — «подняться на запад», но *хионг донг* — «спуститься на восток», что четко отражает рельеф страны, на востоке которой волнуется океан, а на западе громоздятся горы.

Вьетнамско-китайские соответствия в названиях сторон света заметно выявляются при их сравнении:

Кит. (пекин.)	Вьетн.	Перевод
бэй	<i>bac</i>	север
нань	<i>nam</i>	юг
дун	<i>dong</i>	восток
си	<i>tay</i>	запад
чжун	<i>trung, gon</i>	центр
бу	<i>bo</i>	сторона, часть

Отсюда такие макротопонимы: Бакбо — северная часть Вьетнама, дельта Красной реки и окружающие ее горы, Чунгбо — средняя часть и Намбо — южная, лежащая уже за пределами ДРВ.

Названия стран света часто формируют названия родов и провинций; примеры многочисленны: *Viet-Nam*, *Viet-Bac*, *Nam-Dinh*, *Bac-Giang*, *Bac-Ninh*, *Ha-Bac*,

Son-Tau и т. д. Сюда же относятся и старые названия столицы ДРВ Ханоя в форме Dong-do (Донг-До) — «восточная столица», ср. вьет. do и кит. *ду, шоуду* — «столица, крупный город» (Даду — «большая, главная столица» — о Пекине), или Dong-Kinh (Донг-Кинь) — «восточная столица», ср. кит. *цзин* (Бэйцзин — «северная столица» — Пекин).

От топонима Донг-Кинь возникли известные в Европе географические названия: Тонкин, Тонкинский залив. Видимо, того же происхождения слово *kinh* — «вьетнамец, вьетнамцы» (житель дельты Красной реки, где издавна под разными названиями была известна столица ДРВ). Перенос названия города на наименование жителей встречается во многих языках (ср. Москва — москвитяне в русском).

Топонимия Южного Вьетнама формировалась сравнительно поздно. Эта часть известна в географической литературе под именем Cochinchine (Кохинхина), которое раскрывается как словосложение *Cochin+chine*, где фр. *Chine* — Китай, а *кочин, качин, чин, куки-чин* — названия народов Южной Азии; древнее название Камбоджи — Ко-Чан-Лап и названия федеральных частей Бирмы по конституции 1947 г.: автономный округ Чин, государство Качинское (Брук, 1959).

Вьетнамская топонимическая модель характеризуется четкими позициями определяемого и определения: на первом месте — определяемое, на втором — определение. Например: Сонг-Хонг — «река красная», Нуи-Кон-Вой — «горы слоновые», Сонг-Конг — «река малая», Сонг-Дао — «река вырытая, канал», Нуи-Као — «гора высокая», Ха-Кой — «река мельничная», Хо-Тэй — «озеро западное» (ср. оз. Сиху в китайском с той же семантикой); Сонг-Кай — «река большая, главная»; Шон-Тэй — «горы западные»; Шон-Ла — «гора низкая». Эта модель малопродуктивна в названиях населенных мест, она почти не встречается в именах городов и провинций.

Китайские географические термины часты в составе топонимов Вьетнама; помимо административной китайская терминология представлена словами, обозначающими физико-географические объекты. Эти слова уже давно воспринимаются как вьетнамские. Таковы, например, *ha* — «река»; *son* — «гора»; *gia'ng* — «река»; *ho* — «озеро»; *suoi* — «ручей». Ср. китайские термины в пекинском диалекте: *хэ, шань (сань), цзан, ху, шуй* — «вода».

Китайские географические названия ДРВ построены по двум моделям, наиболее распространенным и в Китае.

Первая из них — прилагательное + существительное, на первой позиции определение, на второй — определяемое: Хонг-Ха — «красная река» (ср. название этой же реки в Юньнани — Хунхэ); Хайфон — «морская защита, крепость»; Ланг-Шон — «холодная гора»; Сам-Шон — «темная, мрачная гора»; Чыонг-Шон — «длинные горы» (так вьетнамцы называют Аннамский хребет).

Вторая модель характеризуется наличием существительного в первой позиции, а вторая — запятой предложной конструкцией: провинция Ха-Бак — «на север от реки» (подразумевается «река Красная»), Ха-Нам — «на юг от реки». Легко провести прозрачные параллели из топонимии Китая: Хэбэй или Хэнань — названия двух провинций, расположенных на север и на юг от Желтой реки.

Несколько труднее понять название провинции и города Ха-Донг, лежащего у самого Ханоя и теперь составляющего с ним единое целое. Ха-Донг — «на восток от реки» (в действительности лежит на запад от нее). Такое противоречие объясняется исторически. Некогда этот город назывался так же, как и Ханой, — Донг-До или Донг-Кинь — «восточная столица». Затем, когда Ханой стал главным городом Северного Вьетнама, имя Донг-До изменилось по собирательному принципу, характерному для Восточной Азии. Новый топоним возникает путем искусственного сложения отдельных элементов из двух или трех самостоятельных названий. Так, например, г. Люйда получил название из первых слогов имен Люйшунь и Далян или три города на р. Янцзы — Учан, Ханькоу, Ханьян — известны теперь под одним словом — Ухань (Миропольский, 1962; Черножуков, 1964). Так из двух первых элементов *ха* (из топонима Ханой) и *донг* (из топонима Донг-До) возникло новое название — Ха-Донг, семантика которого не вытекает из его местоположения в дельте Красной реки.

К этому же примеру сокращенных и собирательных названий можно отнести и название г. Фу-Куй: (*Phu ly + Qui chau = Phu + Qui*, где *ly* — «деревня», *chau* — «уезд»).

К модели с предложной конструкцией следует отнести и имя столицы ДРВ Ханой, во вьетнамском написа-

нии Ha-Noi — «междуречье», буквально — «внутри реки»; poi — «внутренний», а также «запретный город, императорский дворец». Действительно, Ханой получил такое название по своему положению в дельте Красной реки, между р. Красной и р. То-Лить.

Для топонимии окраин Китая характерны названия, отражающие прошлые завоевания, колонизацию земель, первоначально заселенных не китайскими народами Центральной и Восточной Азии, а позже вошедших в состав Китайской империи. Десять веков она владела Вьетнамом, география которого в полной мере иллюстрирует такую колонизационную топонимию. Это видно повсеместно, от Кохинхины на юге до северной государственной границы: Аннам — «умиротворенный юг», ныне устаревшее название Вьетнама, данное китайцами в III в. н. э. Можно вспомнить названия китайских городов Аньдун и Аньси — «умиротворенный восток» и «умиротворенный запад»; один из районных центров ДРВ — Ань-Тяу, где chau (чау, тяу) — административная единица, соответствующая китайскому *чжоу*. Ср. Ланьчжоу, Сучжоу, Гуанчжоу и др. в Китае; Лай-Тяу, Кхоай-Тяу, Мок-Тяу в ДРВ и др.

Слова *мир, спокойствие, тишина, вечность, благополучие, долголетие, блаженство, счастье, дар* и соответствующие качественные прилагательные весьма обычны в топонимии Вьетнама. Вот их краткий список: binh — «мирный, спокойный, ровный». Ср. китайское *пинь, хэ-пинь* — «мир», г. Пиньцзин; pinh — «мир, спокойствие, безопасность»; dinh — «тихий, мирный»; loc — «счастье, вознаграждение, подарок, дар короля»; uen — «мир, покой»; phu — «богатство»; phuc — «благополучие, счастье, блаженство»; hoa — «цивилизация, превращать, творить»; hoa — «согласие, мир»; hoa — «цветок, роскошный, великолепный»; thal — «богатый, роскошный, обильный, большой»; thanh — «лазурный, прозрачный, чистый, безупречный».

При помощи этих слов образуется значительное количество названий провинций, городов и других населенных мест — названий, позволяющих строить целые ряды, в которых видно изменение позиции для одного и того же слова или наблюдается словосложение из двух, в общем однозначных, слов, обладающих только семантическими нюансами и нередко тавтологически усиливающих значение. В данном случае можно поста-

вить задачу стилистического изучения такой колонизационной топонимии.

Вот примеры, подтверждающие высказанную мысль:

1) Нинь-Бинь, Хоа-Бинь, Йен-Бинь, Тхай-Бинь, Куанг-Бинь, Бинь-Тхун, Бинь-Динь — во всех названиях присутствует binh, но в разной позиции: то в определении, то на месте определяемого;

2) Нинь-Бинь, Хай-Нинь, Тай-Нинь, Куанг-Нинь, Бак-Нинь, Нинь-Тхуан — всюду присутствует слово pinh. Ср. название главного города Гуанси-Чжуанской автономной области КНР Наньнин;

3) Фук-Йен, Йен-Бай, Винь-Йен, Куанг-Йен, Вьет-Йен, Йен-Тхинь, Хуанг-Йен, Йен-Бинь-Са, Тьен-Йен, Йен-Лап и т. д. — везде продуктивен элемент uen;

4) Нам-Динь, Бинь-Динь, Зиа-Динь и другие с элементом dinh;

5) Тиен-Лок, Данг-Лок, Лок-Занг, Винь-Лок, Фунг-Лок, Нха-Лок, Тю-Лок, Лок-Тянь — все со словом loc.

К этой же топонимической категории относятся названия с включением тех или иных «хороших» слов, создающих целую систему благожелательных названий: tho — «долголетие» (например, Винь-Тхо); tin — «доверие, достижение цели»; tri — «ум, мудрость»; phu — «богатство, богатый»; thanh — «добродота, великодушие, человечность»; nghia — «справедливость, правда»; khang — «благополучие, процветание, веселье, здоровье» (например, Винь-Кханг); phung или phuog — «сказочная птица феникс», символ вечности и верности. Как не улыбнуться при выяснении этимологии Нинь-Занг (так называемый Бамбуковый канал) — «спокойная, тихая река» — так именуется река, где часто бывают наводнения и прорывы дамб, что приносит много горя народу.

Подобных примеров много. Однако обратимся к весьма распространенному топонимическому элементу, активно участвующему в формировании названий населенных пунктов и административных единиц. Речь идет о слове quang — «чистый, пустой». В несколько другой тональности quang — «широкий, необозримый, просторный, обширный» или «просвет, пустое пространство, отрезок, часть чего-либо». Можно предположить, что мы имеем дело с одним словом, употреблявшимся в прошлом, когда вьетнамский язык не знал тональности. Об этом ясно говорит близкая семантика: пустой, чистый, широкий, необозримый, просвет, пустое пространство.

Не случайно географические названия с этими словами очень обычны в топонимии Вьетнама и созвучны с китайским *гуан* в названиях Гуанси, Гуандун, Гуанчжоу. Китайское *гуан* и вьетнамское *quang* передаются одним и тем же иероглифом. Ср. кит. *куаньду* — «ширина», *гуанкоды*, или *куанькоды* — «обширный, просторный», *гуанко* — «широта».

Наличие вьетнамских топонимов с *куанг* также говорит об освоении свободных, широких и просторных земель по мере движения с севера на юг, первоначально в пределах Китая, а затем и по территории Индокитая. И может быть, не просто ответить на вопрос, каким исходным был этот топонимический термин — китайским, попавшим во вьетнамский язык, или вьетнамским, оказавшимся позже в китайском. Насколько мне известно, это слово не встречается, или почти не встречается в географических названиях Северного Китая и присуще только Южному. Во Вьетнаме же оно очень распространено: Туйен-Куанг, Куанг-Нам, Куанг-Чи, Куанг-Бинь, Куанг-Нгай, Куанг-Йен, Куанг-Нинь, Хонг-Куанг и др.

Далее укажу, что, как и в других странах, личные имена первооселенцев остаются в названиях населенных мест: Ноанг, Nguyen, Но, Ле и др.

В названия горных селений, обычно небольших, включаются местные термины невьетнамского происхождения, формирующие топонимы населенных мест. Часто встречается тайское слово *вап* — «селение»: Бан-Мо, Бан-Бан — селения в провинции Шон-Ла. На запад от Фу-Куя: Бан-Кон, Бан-Канг, Бан-На, Бан-Ви. Элемент *вап* настолько обычен, что на вьетнамских картах нередко пишется одной литерой — *в*. Тот, подобно тому как в русской картографии село, селение обозначается одной буквой *с*. В горах многие селения, обладающие административными функциями, именуются *тионг*. Отсюда такие названия, например, в бассейне р. Ка—Мыонг-Шен, Мыонг-Лам или в бассейне р. Тю — Мыонг-Хинь, Мыонг-Кхук и т. д. В этом же горном районе обычные селения, в названия которых входит элемент *ке*: Ке-Ва, Ке-Ван, Ке-Лам, Ке-Винь, Ке-Минь и т. д. Ср. устаревшие словосочетания: *ке чо* — «город», *ке че* — «деревня». Вьетнамские же *lang* или, реже, *tong* — «селение, деревня», *trang* — «ферма» приурочены к равнинам, где образуют топонимы в сочетаниях: Ланг-Лао, Ланг-Бай, Ланг-Нон. Нередко употребляется для обоз-

начения маленьких селений термин *хот* (*цом, сом*) — «хутор, выселки», а для приморских или приречных поселков *беп* — «причал, пристань, небольшой порт». Вспомним пограничную р. Бен-Хай — «пристань на море», протекающую примерно по семнадцатой параллели: Те-Бен — «базар + пристань». Часто также в названиях селений: *чо* — «рынок, базар»; *три* — в том же значении; *диен* — «поле»; *гач* — «болото, озеро», но и «дом, жилище».

В заключение раздела о топонимии городов и селений остановлюсь кратко на происхождении имени самого многолюдного города Южного Вьетнама — Сайгона, который вместе с Шолоном (вернее, Тёлон — *Cho lon*) образует единое урбанистическое целое. Сайгон — сравнительно молодой город, он лежит на одноименной реке и был портом, обслуживающим Шолон (буквальное значение последнего — «базар большой»). По мнению участника топонимического семинара Ву Ван Вьета, этимология топонима Сайгон сложна; это название возникло в результате эволюции первоначального Денгон, где *де* — «дамба» и *пгон* — «конец, вершина, верхушка, исток» (употребляется также в смысле «возвышенный берег»). Большая китайская иммиграция в район Шолона — Сайгона — факт общеизвестный. Китайские поселенцы прибывали главным образом из провинций Гуаньдун и Фуцзян. Первые из них исходное Денгон стали произносить *Thay gon*, вторые — *Tau song* и *Hay song*, эта последняя форма уже сравнительно недавно, во времена французского владычества, эволюционировала в *Saigon*, а у вьетнамцев — в *Шайгон* с написанием *Saigon*, что никак не осмысливается современным населением, так как не содержит значащих компонентов.

Насколько убедительно такое толкование, покажут дальнейшие изыскания. Укажу только на один интересный факт, который позволяет дополнить приведенное объяснение. Вспомним: город Сайгон расположен на одноименной реке. В старой вьетнамской литературе встречается *Tau song*, а в исторических сочинениях эта форма появляется и сейчас. Если Тай-Конг — исходный топоним, возникший еще до времени китайской иммиграции, то можно предположить, что город получил имя по названию реки, а не наоборот, и название это становится в один гидронимический ряд: Меконг, Секонг, Пак-

Конг, Тин-Конг и т. д. (см. ниже). Можно также предположить, что южнокитайские переселенцы перенесли название своей самой большой реки Сицзян — «западная река» (в местном произношении Тэй-Конг) на новое место, на реку, протекающую у Шолона. Это довольно часто повторяющаяся картина в топонимии. Таким образом, выясняются два варианта, в основе которых Денгон — «вершина или конец дамбы» и Тэй-Конг — «западная река».

Среди оронимических терминов, активно участвующих в формировании современной вьетнамской топонимии, отметим уже упоминавшиеся *son* и *pu*. Кроме них, *dong* — «холм, бугор, куча»; *dao* — «остров» и «одинокостоящая гора, вершина». Отсюда имя известного горного курорта под Ханоем — Там-Дао — «три горы, три вершины», вьетнамский вариант китайского Сань-Дао — «три острова». Параллельно для обозначения вершин употребляется термин *vi*. Например, гора и животноводческое государственное хозяйство Ба-Ви — «три горы».

В провинциях Нге-Ан и Тхань-Хоа заметно участие термина *da* — «невысокие среднегорья с плоскими вершинами»: Дай-Су, Дай-Вай. Легко сравнить с *da* — «стол, терраса, башня, трибуна, пьедестал». В этих провинциях многие холмы именуются *gi*, как мне объясняли, это значит «горы с густым кустарником». Вьетнамско-русский словарь дает значение — «гора, покрытая густым лесом» (Ошанин и Ву Данг Ата, 1961). Если это действительно так, то многие названия холмов между Винем и Фу-Куем, лишенных лесного покрова, по существу свидетельствуют о наличии его в прошлом, что лишний раз напоминает об исходных лесных ландшафтах не только в горах, но и на равнинах Индокитая. Приведу имена холмов: Ру-Ла, Ру-Бо-Бо, Ру-Тьоп-Динь. Наряду с термином *gi* обычен здесь и термин *hop*: Хон-Нхон, Хон-Мак, Хон-Дуонг и т. д. Слово *hop* имеет несколько значений — «гора, глыба, остров», точнее, в отличие от *dao*, «небольшой остров». И не случайно все небольшие острова на побережье Южно-Китайского моря именуются при помощи этого термина: Хон-Ла, Хон-Ме, Хон-Ко, Хон-Нам, Хон-Но, Хон-Кон-Тим. Однако следует заметить, что на юге Вьетнама многие большие острова все же носят названия с элементом *hop*: Хон-Че, Ку-Лао-Хон, но Кон-Дао против устья Меконга.

Активное топонимообразующее участие принимает и слово *thi* — «нос» (в географии — «мыс»). Примеры: Муи-Рон, Муи-Ронг, Муи-Док, Муи-Лай, Муи-Нгок. Следует отметить, что названия частей тела человека и животных, широко представленные в славянской (или шире — индоевропейской) топонимии, меньше заметны в составе вьетнамских географических названий. Но и здесь можно встретить такие названия, как Хон-Тай-Лон — «остров — ухо свиньи»; Хон-Дау — «остров — голова». Слово *suop* — «бок человека или животного», но и «склон горы». *Khau* — «рот», но одновременно также в топонимии «устье, порт, горный проход». Эту аналогию легко понять, так как подобные параллели очень просто выявляются и в других странах Азии.

Для остроконечных вершин применяется слово *khau* — «рог», откуда имя гор *Khau-Me*, *Khau-Fai*, близ Ланг-Шона. Не отсюда ли в этом же районе такие оронимы: *Khao-Kien*, *Khao-Kua*, *Khao-Kin*, *Khao-Ma* и т. д., где местный термин, видимо, не вьетнамский, а принадлежит языкам тайской группы.

Еще интересный пример: *sua* — «дверь, ворота, вход, дыра», откуда в географии: *qua-ai* — «перевал, проход в горах», *qua-bien* — «устье реки, морской порт», *qua-song* — «слияние рек, их устья». Все дельтовые устья р. Меконг именуются при участии этого слова: *Qua-Dinh-An*, *Qua-Dai*, *Qua-Tieu* и т. д.

Интересно, что в ряде мест этот географический термин выступает вместе со словом *чао*, отсутствующим в наших вьетнамско-русских словарях. Так, местность *Qua-Zao* (*Qua-Pao*) расположена у слияния рек *Ка* и *Мо* и у впадения в *Ка* притока *Кон*. Это наводит на мысль, что *чао* выступает в значении «река» вообще. И действительно, это слово бытует в диалектах Чунгбо, где протекает *Рао пау* — «река большая».

Во Вьетнаме употребляется также термин *pop* — «гора», откуда *Non-Doai* — «горы западные». Это наименование интересно тем, что в нем участвует устаревшее слово *doai*, почти забытое в бытовом языке, в котором употребительно *tau*. Отметим также *u* — «загрювок, холка». Отсюда *Hui-U-Bo* — «гора + холка (горб) крупного рогатого скота». Ср. *bo u* — «зебу», буквально — «горбатый скот».

В горных районах оронимы нередко содержат термины: *dinh* — «вершина», *linh* — «хребет» (ср. кит. *лин* в

том же значении), сао — «высота, высокая гора», пгучеп — «плато, равнина», пгоп — «вершина, исток, верховье реки, родник», а также dong — «грот, пещера» (в центральной части Вьетнама), doi — «холм» и др.

Очень часты в топонимии гор местные термины: lung — «селение», dong — «лес» (нун), ро — «холм», phia, pia — «скалистая гора, известняковый массив», keo — «перевал» (тайск.), deo — «перевал, ущелье, горный проход», рои — «вершина». От Ханоя на север можно обнаружить следующие названия: Пиа-Ма, Фу-Ланг, Фиа-Линь (ср. кит. лин — «горный хребет», линь — «лес»). Эти термины мало напоминают термины языка мяо, распространенного в горах (ср. *лушон* — «гора»).

Значительный интерес представляет гидронимия, где сохранились элементы, показывающие широкие связи Индокитая с топонимическими системами всей Южной Азии, включая и острова Индонезии, а возможно, и Японии. Р. Шейфер (Shaffer, 1940) сопоставил слова, обозначающие реку в ряде вьетнамских и тибето-бирманских языков, и нашел следующую закономерность: song во вьетнамском = khong в языке мяонг = khlon в языке хунг, а также klung в классическом тибетском = khyon в бирманском = khlo в языке тивой из бирманской группы*.

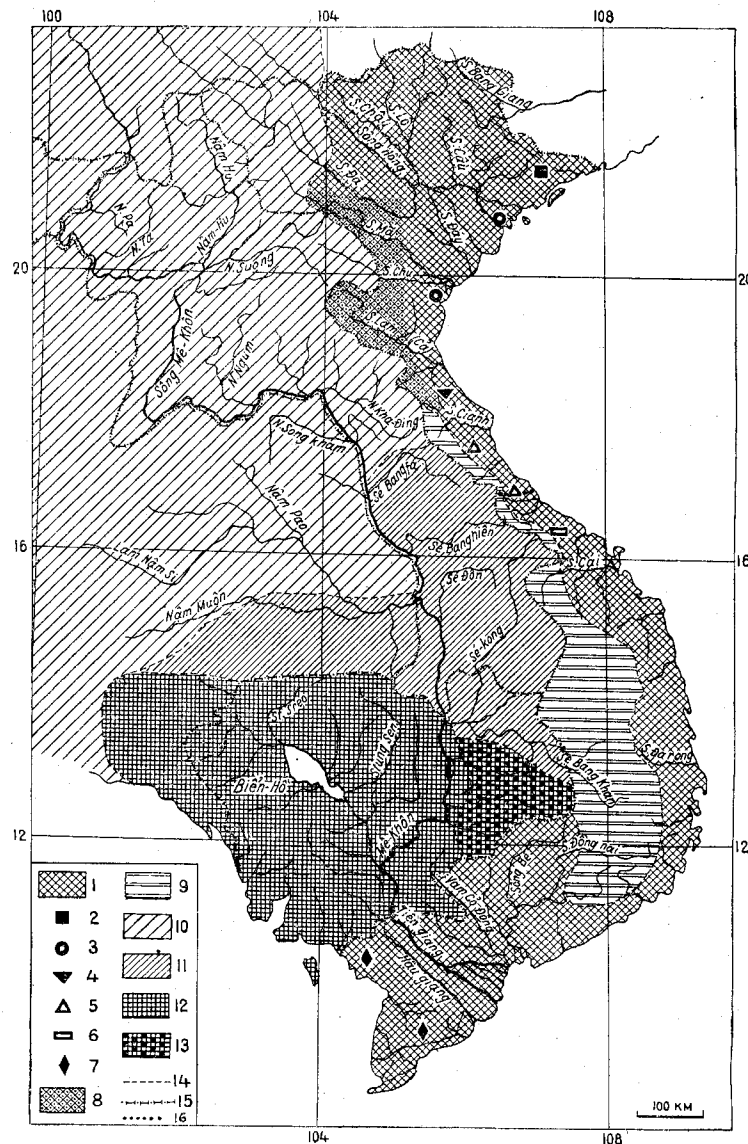
Вопрос о гидронимических соответствиях Южной Азии был поставлен мною на ханойском топонимическом семинаре в конце 1963 г. Мне казалось, что речные термины: *ганг(а), конг, сонг, шонг, лонг, луонг, кронг,*

Карта 6.

Гидронимическая карта Индокитая.

Преобладают речные термины:

1. Вьетнамские: sông, ha, giang, ngoi, khe, suoi. Районы локального распространения: 2. kong, 3. lach, 4. ngan, 5. gao, 6. hoi, 7. gach, 8. Мяонг: sông, song, ksong, khong, krong, kông, klong, klông. 9. Еде: krong, srê, dak, da, a, tam. 10. Тайские: me, nam, huei. 11. Тайские: raknam, me, se, rak. 12. Кхмерские: tônlê, stung. 13. Кхмерские: prek. Исключение — название реки Стунг-Кампи — левого притока Меконга. 14. Граница ареалов. 15. Граница государств. 16. Демаркационная линия между ДРВ и Южным Вьетнамом (по Хоань Тхиеу Шон, Дао Чонг Нанг и Ву Ван Вьет).

* Ссылка на работу Р. Шейфера почерпнута из книги В. М. Солнцева и др. (1960).

кянг (в пекинском — *цзян*), *зонг*, *занг* — генетически восходят к одному архетипу. Сюда же относятся и *хионг* у яо, *краунг* на одном из мон-кхмерских языков, *круэнг* — индонезийском (см. карту на стр. 315) и др.

Может быть, здесь имеет место случайное фонетическое и семантическое совпадение, более вероятно предположить в данном случае какие-то далекие и глубокие общие корни. Уместно привести мнение известного советского индолога А. М. Дьякова (1962) о гидрониме Ганг — крупнейшей реки Индии: «На всех индийских языках она называется Ганга, что могло бы быть отражено и на наших картах. Это название, по-видимому, очень древнее. Вероятна связь слова Ганга, обозначавшего раньше просто реку, с такими принятыми на Дальнем Востоке окончаниями названий рек, как *цзян* в Китае (южнокитайская транскрипция — *кянг*) или *ган* в Корее».

Хоанг Тхи Тьяу (1969) пишет по этому поводу: «Реку Янцзы китайцы называют Янцзыцзян или Чанцзян — «длинная река». До этого она называлась просто Цзян — «река». В словаре Цихэ в толковании слова *цзян* сказано: «...река Чанцзян в древности была названа Цзян или Цзяншуйэй». Только позднее *цзян* стало нарицательным словом для обозначения любой большой реки, а указанная река с тех пор стала носить названия Чанцзян или Дацзян».

Все сказанное свидетельствует о том, что слово *цзян* не входило в основной лексический фонд древнего китайского языка. Первоначально оно было топонимом, чуждым китайскому языку, затем постепенно превратилось в нарицательное слово».

Хонг Тхи Тьяу приводит следующие модификации слова *цзян-конг*: вьетнамское произношение китайского слова — *занг*, классическое — *кьянг*, пекинское — *кянг*, фуцзянское — *канг*, шанхайское — *каонг*, кантонское — *конг*. Таким образом, гидроним Янцзыцзян включает видоизмененную форму *конг* — слово местного населения, бытовавшего на юге Китая до прихода туда ханьцев.

Все приведенные здесь слова, кроме одного, образуют единый семантический ряд — «река», а *люонг* и *донг* (*зонг*) — «течение, поток». Только *лонг* — «дракон» составляет исключение. Между тем широкое употребление этого слова позволяет усомниться в этом его значении. В

самом деле, какой смысл, кроме народно-этимологического, могут заключать следующие гидронимы: залив Ха-Лонг — «опустившийся дракон», р. Хоанг-Лонг — «золотой дракон», оз. Дам-Лонг — «болото дракона», р. Меконг (Кью-Лонг) — «девять драконов», северный дельтовый проток р. Меконг Хам-Лонг — «челюсть дракона» и т. д.

Мифологический дракон — водяное животное, и не случайно *лонг* *вионг* не только «царь драконов», но и «бог воды, бог дождя». Как будто вьетнамское *лонг* и китайское *лун* (ср. Хэйлуцзян — «река черного дракона» — р. Амур) в значении «дракон» оказываются вторичными. И видимо, не случайно совпадение понятий в одном вьетнамском слове *люонг* — «течение, поток, водная змея и дракон».

Лингвистический анализ этого ряда гидронимических терминов с успехом выполнила участница нашего семинара Хоанг Тхи Тьяу (1969), показавшая генетическое единство всего приведенного детерминативного ряда. В частности, ею проанализированы гидронимические ряды с *-лонг* и фонетически связанные с ним *-льионг* и *-лам*: Кью-Лонг (Меконг), Ти-Лонг, Банг-Лонг (Ло), Лонг-Дат, Фу-Лонг, Лонг-Биен, Льюнг (Кау), Фу-Льюнг (Красная), Лам (Ка), Льюнг (Тю) — раньше именовалась Лам.

Действительно, *лонг* оказывается в одном терминологическом ряду с *хлонг*, *кронг*, *хонг*, *ронг*, *шонг* со значением «река» для разных районов Юго-Восточной Азии: Вьетнама, Бирмы, Южного Китая, Камбоджи, Индонезии и Индии. Хоанг Тхи Тьяу на основании многочисленных примеров взаимозамены *л* и *ш* во многих словах (Ша и Дотла, Шай и Лайтэ, Шэт и Тиенлиет, Шэ и Нянлэ, Шоп и Нгноклап, Шао и Тхолао и т. д.) доказывает закономерность перехода *лонг* — «река» в современное вьетнамское *шонг* (*сонг*) — «река».

В. Н. Топоров (1969) указывает, что в палийской гидронимии чаще фигурирует термин *padī* — «река», но встречается и элемент *ganga* и самостоятельно *Ganga*, который автор относит не к индоарийской лексике, а к австроазиатской. В более ранней работе (1962) он считает этот термин нередким в древних текстах, где обнаружены следы доарийского слоя в топонимической стратиграфии.

Рек с финалью *конг* в Индокитае множество: Ме-

конг, протекающий через весь полуостров, Се-Конг* в Лаосе, Лам-Конг, Пак-Конг, Тин-Конг в провинции ДРВ Монг-Кай и китайская р. Сицзян, что во вьетнамском и кантонском оформлении звучит Тэй-Конг (Тай-Конг), чем еще раз подчеркивается идентичность элементов *конг=цзян*.

Но какова же этимология гидронима Меконг? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, остается раскрыть первый элемент — *ме*. Во вьетнамском *ме* — «мать», в тайских языках *ме* — «мать» и «большой». Констатация этого совпадения очень важна. Индокитай пережил в прошлом матриархат, и семантическое поле, объединяющее элементы «мать, большой, главный», кажется вполне реальным. Вот параллели такой синонимии:

1) в Чунгбо: *мау* — «мать», *та* — «большой»;

2) в современном вьетнамском *саі* — «самка», устаревшее «мать», но одновременно «главный, большой», что видно из следующего: во вьетнамском *саі* — «большой» сохранилось в сочетаниях *dua саі* — «большие палочки для размешивания при варке риса» в отличие от *dua сон* — «палочки малые для еды»; *ngon саі* — «большой палец»; ср. в языке мыонг *ке* — «мать», также в современном вьетнамском *са* — «большой, огромный, старший, много» и т. д.;

3) в индонезийских: *ibu* — «мать»; *kota* — «город», но *ibu kota* — «главный город, столица»;

4) в некоторых полинезийских: *mah* — «мать», *gugu* — «учитель» (оба слова заимствованы из санскрита), но *mah gugu* — «большой учитель, профессор».

Таким образом, Меконг — «главная, большая река», сюда же Менам в том же смысле (*пат* — «вода, река» в тайском), Сонг-Ка и Сонг-Кай с аналогичной семантикой и Сонг-Кон — «река малая», левый приток р. Ка. Кстати, слово *пат* — самое распространенное в гидронимии горной части ДРВ: Нам-Хет, Нам-Мык, Нам-Мок, Нам-Нан, Нам-Сап, Нам-Лай, Нам-Нга и др.

Помимо этого термина отмечу также активное участие в образовании имен рек следующих слов со значением «речка, ручей, река»: *hoi* — «ручей, приток» на

* Се — «река». В Лаосе помимо Се-Конга протекают реки: Се-Банг-Хиен, Се-Сан, Се-Банг-Фай, Бак-Се. Таким образом, гидроним Се Конг — «река+река» в какой-то мере типичен для формирования топонимов, когда наслаиваются разноязычные элементы с одинаковой семантикой. Сюда же вьет. Ха-Занг — «река+река».

равнинах; *lach* — «речка» на приморских низменностях; *khuoj* — «ручей»; *ngoi* — «приток, ручей» (в бассейне Красной реки многие притоки именуются при помощи этого термина); *ngiон* — «исток, верховье»; *nguyen* — «ключ, родник» (также «голова, начало»); упомянутое слово *gao* (читается — *зао*) — «река» в Чунгбо, где текут, например, реки: Зао-Нэй, Зао-Тян и др.; *ngon* — «исток, родник»; *suoi* — «источник, ручей в горах». Особенно часто встречается термин *khe* — «горная речка, горный поток» и *be* — «море, океан», причем он отмечается и в именах озер, *ho* — «озеро». Сложнее показать связь вьетнамских *suoi* и *khe* с китайскими *шуй* — «вода» и *хэ* — «река», тем более что *хэ* на вьетнамской почве дает *ha*. Тут важно отметить, что эти гидронимические термины обычны только в горах, где преобладают таи, яо, мяо и другие невьетнамские языки, и, таким образом, можно высказать гипотезу о наличии генетических связей с китайскими терминами, но пришедшими в Индокитай, миновав вьетнамское посредничество. Термин *khe* в названиях рек в горах ДРВ и Лаоса образует весьма плотные ареалы. Вот некоторые из них в горах западнее г. Винь: Кхе-Че, Кхе-Тыи-Лой, Кхе-Да-Бан, Кхе-Нам-Хом; в бассейне р. Ка: Кхе-Му, Кхе-Мой; многие притоки р. Сонг-Кон: Кхе-Тян, Кхе-Ла, Кхе-Са и др.

Среди рек выделяется большая р. Сонг-Да (*Da*) — крупнейший левый приток Красной. Через французскую географию проник в нашу литературу европейский вариант ее названия — *Riviere Noire* — «черная река». Но французский оригинал кажется более чем сомнительным: он возник, может быть, путем противопоставления (Хонг-Ха=Красная река, Сонг-Да=Черная река, Сонг-Ло=Светлая река). Из них только первый гидроним оказался, как уже отмечалось, прозрачной калькой с китайского — Хунхэ. Но у французских географов было еще одно, правда неубедительное, основание: *da* — «темно-коричневый», цвет весьма распространенный в окраске крестьянской одежды. И с меньшей уверенностью (в результате изменения тональности *da* — «камень, скала») можно принять понимание «каменная река». Действительно, в ряде мест Сонг-Да выступают известняковые пороги, перегораживающие русло. Однако мои спутники по дорогам ДРВ — вьетнамские географы — категорически отрицали связь названия Сонг-Да с вьетнамским *da*, также с китайским *да* — «боль-

шой». Ни одно из приведенных объяснений неприемлемо. Название это не одиноко в топонимии Индокитая и образует четкий географический ареал в горах южной части Чунгбо: Да-Ранг, Да-Зунг, Да-Ньим, Да-Лат и т. п. В этом ряду элемент да выступает в первой позиции, где во вьетнамском языке стоит определяемое — местный географический термин.

В горах Северного Вьетнама представители народности нун сообщили нам, что *ta* — «река» соответствует в языке мяо *de* — «река»; в моем дневнике от 3 декабря 1963 г. на оз. Ба-Бе (три моря), где селятся горные таи, записано: *ta* — «река», *ta kай* — «большая река», *nam* — «вода». Таким образом, объяснение этого гидронима кажется прозрачным: Сонг-Да — «река+река», так же как и Да-Кронг из приведенного ряда дает тот же тавтологический набор. К этому добавим, что в нижнем Лаосе рядом с термином *se* — «река» бытуют и *te* и *da*.

Еще больше трудностей оказалось на пути объяснения имени другой полноводной реки ДРВ — Сонг-Ма, образующей в низовье обширную дельту Тхань-Хоа: *ma* — «лошадь», так же и в китайском, и на китайских картах название этой реки записывается иероглифом «лошадь». Казалось бы, все ясно, тем более что наличие культа лошади в топонимии уже отмечалось в некоторых работах по разным странам земного шара.

Однако факты заставляют сомневаться в правдоподобности такой семантики. В самом деле, в верховьях реки Сонг-Да течет много рек и речек, так же образующих сходный ряд: Нам-Ма, Фи-Ма, Па-Ма, Ма-Хо и т. д. И можно ли находить в этих и других подобных названиях слово *ma* — «лошадь»? Не является ли такое понимание результатом переосмысления в народной этимологии?

В случаях с гидронимами *ma* можно, следовательно, сомневаться в достоверности этимологии «лошадь», тем более что это домашнее животное не играет и, видимо, никогда не играло большой роли в хозяйстве Индокитая. На одном из занятий ханойского семинара была поставлена задача выяснения данного гидронимического ряда, который, возможно, близок к именам рек Меконг, Менам и т. д. Результаты изысканий по этому вопросу изложены в упомянутой статье Хоанг Тхи Тъяу (1969), где сопоставляются инициальные *me* и *ma* в гидронимии Юго-Восточной Азии.

В заключение о французском влиянии на топонимию Вьетнама с определенностью можно утверждать, что оно ничтожно и выразилось двояко:

1) введение в мировую географическую литературу местных названий, например Тонкин, Кохинхина, или в форме вольных переводов, иногда калькированных или возникших в результате этимологизирования: Красная река, Черная река, Светлая река. Все эти названия, кроме оригинального Хонг-Ха — «красная река», не употребляются во вьетнамской географии;

2) возникновение новых названий на карте в результате крупномасштабной съемки, которую вели французские топографы. Так появились острова Сюрприз в Ха-Лонге; вершина Грудь Мадам Мадлен близ Ланг-Шона; перевал Клаво, по имени французского майора, проложившего трудную дорогу через горные джунгли к Лайтяу, мыс *Mui sar* или *Cap Saint Jacque* в Намбо. Ср. вьет. *muí* — «нос, мыс» и франц. *sar* — «мыс». Подобных примеров немного, и, взятые в сумме, они мало повлияли на современную топонимию Индокитая. В то время, когда началась французская колонизация этого полуострова, уже существовала исторически сложившаяся система географических названий.

Приведу таблицу гидронимических соответствий, составленную вместе с картой Ву Ван Вьетом:

Русский	Вьетнамский	Тайский	Кхмерский	Еле
Река	song, giang, ha, lach, rach	me, nam, se	tonle, stung, prek	sre, krong, kraung, da, dak, tam
Ручей	ngoi, hoi, ngan, nguon, suoi, khe	huei	an	a
Водопад, стремнина	thac	keng, hat		
Место слияния рек	nga ba	pak, sop	pak	
Место впаде- ния реки в море	cua	ta, pacnán	pak, piem	
Озеро	ho, dam, bau	nong	tre pang, nong	tanao, dag

Несколько слов в заключение

Очерковая форма позволяет автору пользоваться большой свободой в выборе тем и разной степенью подробности в их раскрытии. Читатель, познакомившись с этой книгой, видимо, заметил, что в ней одни темы показаны относительно полно, другие освещены менее обстоятельно, а третьи можно рассматривать только как заявки или наброски для будущих исследований, которые, надо надеяться, привлекут внимание топонимистов в ближайшие годы. Такая градация отнюдь не противоречит утверждению о том, что темы многих из опубликованных очерков, как бы полно они ни были изложены, при надлежащей разработке заслуживают монографического исследования.

Материалы как для первой части книги «Общие вопросы топонимики», так и для второй, где показаны особенности топонимии отдельных областей Евразии, могут создать впечатление некоторой пестроты. Это замечание в меньшей степени относится к региональным очеркам.

И все же не будет смелостью сказать (да простит меня читатель!), что все содержание книги объединяется несколькими принципиальными положениями, которые в краткой форме излагаются в следующих параграфах:

1. Географические названия вызывают глубочайший интерес не только у ученых, в первую очередь историков, географов и языковедов, но и у каждого любознательного человека. Совокупность географических названий, или топонимия, — народное творчество, создаваемое веками, а иногда и тысячелетиями. Искусственных книжных имен в процентном отношении очень мало.

2. Топонимика — пограничная научная дисциплина, развивающаяся на стыке трех наук: языкознания, истории и географии — и комплексно пользующаяся их методами, преследует одну цель — всестороннее, суммарное изучение географических названий. Одинокое географическое имя, даже совершенно прозрачное в отношении и морфологии и семантики, не дает достаточной топонимической информации, которая появляется при его исследовании в ряду подобных.

3. Географические названия возникали в конкретных исторических условиях, их происхождение тесно связано с общественной жизнью и языками народов, населявших или населяющих те или иные местности. Менялись исторические условия, языки и народы, менялись их ареалы и тем самым географическая среда. Поэтому ни в одной стране нет единообразной географической номенклатуры. Она создавалась постепенно как многослойное образование, состоящее из всегда разновозрастных и всегда разноязычных элементов.

4. Как топонимы, так и народные географические термины, участвующие в их образовании, очерчивают ареалы разной величины. Некоторые из них поражают наше воображение своими размерами, распространяясь на площади чуть ли не всей Евразии. Такие топонимические или терминологические ареалы, которые можно считать трансконтинентальными, своими истоками уходят в очень далекое прошлое человеческой истории. Оно известно нам только по материальным остаткам, как правило, ничего не говорящим о языке, создавшем субстратный слой названий, лежащий в основании стратифицированной колонки.

5. Сравнительный метод в науке — один из первых методов, известный еще в античную эпоху. И сегодня он важнейший инструмент познания как в языкознании, так и в географии. При этом добрым словом нужно упомянуть имена двух больших ученых XIX в. — братьев Вильгельма и Александра Гумбольдтов, которые положили начало современной стадии в развитии сравнительного изучения, один — в языкознании, другой — в географии.

Только сравнительное изучение географических названий на обширных территориях позволяет выявить основные закономерности их формирования, семантику, смысловые сдвиги, в отдельных случаях очень резкие и

заметные. Границы топонимических ареалов не считаются с современными лингвистическими границами пространства языковых семей или отдельных языков, что указывает на длительные в истории человечества процессы заимствования и далекого проникновения топонимических образований в результате подвижности населения, а также на ностратическое единство некоторых из них. Сравнительный метод позволяет достигнуть необходимой точности в понимании общих и региональных особенностей топонимических систем.

Очень хотелось бы, чтобы читатель заметил стремление автора настоящих очерков в силу своих возможностей использовать сравнительный метод в топонимических изысканиях и показать широкие пространственные связи географических названий и местных географических терминов.

6. В топонимике много спорного. Поэтому некоторые положения, приведенные в книге, следует рассматривать только как гипотезы, одни более аргументированные, другие менее убедительные. Но думается, и те и другие, даже если с ними не согласится какая-то часть читателей или оппонентов, будут полезны потому, что укажут направления дальнейших поисков, а как следствие этого — новых открытий и находок. Не мне судить, что в этой книге хорошо, а что плохо. Еще Конфуций говорил: «Три пути ведут к знанию: путь размышления — это путь, самый благородный, путь подражания — это путь самый легкий и путь опыта — это путь самый горький». Кажется, автор этой книги мучительно и долго шел по всем трем дорогам.

Литература

Принятые сокращения для названий журналов, некоторых сборников и других, часто повторяющихся слов и словосочетаний: АН — Академия наук, ВГ — «Вопросы географии», ВГО — Всесоюзное географическое общество, ВКТ — Всесоюзная конференция по топонимике СССР, ММТ — Топонимика (Материалы Московского филиала Географического общества), ВТО — «Вопросы топонимистики», ВЯ — «Вопросы языкознания», ГО — Географическое общество, зап. — записки, изв. — известия, Ин-т — Институт, КТСЗ — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР, ЛГУ — Ленинградский государственный университет, мат-лы — материалы, МГУ — Московский государственный университет, отд. — отдел, отделение, о-во — общество, ОП — «Ономастика Поволжья», РГО — Русское географическое общество, РР — «Русская речь», сб. — сборник, СТ — «Советская тюркология», ТВ — «Топонимика Востока», Тр. — «Труды», Уч. зап. — «Ученые записки», ун-т — университет, фил. — филиал, ЯТС — «Языки и топонимия Сибири». Остальные встречающиеся сокращения не нуждаются в объяснениях.

Абаев В. И. Этимологические заметки. — «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», т. 6. М., 1956.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. т. 1, А—К. М., 1958. т. 2. Л—Р. Л., 1973.

Абаев В. И. Из истории слов. Русское и украинское *лудан*. — В кн.: «Этимология». М., 1963.

Абдимурадов К. О происхождении названия «Нукус». — «Вестн. Каракалпакского фил. АН Узб. ССР», 1965, вып. 1. Нукус.

Абдимурадов К. Топонимика Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1966.

Абдимурадов К. Почему так названо? Нукус, 1970.

Абдрахманов А. А. Некоторые вопросы топонимики Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1954.

Абдрахманов А. Казакстандын жер-су аттары. Алма-Ата, 1969 (на казахск. яз.).

Агеева Р. А. Топонимика в трудах М. А. Кастрена. — В кн.: «История топонимии в СССР». М., 1967.

Агеева Р. А. Гидронимия псковских и новгородских земель. — В кн.: ММТ. М., 1972.

Адамович Е. М. О суффиксальном способе образования географических названий Белоруссии. — В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Адамович Е. М. Топонимика и микропонимия Случчины. Автореф. канд. дисс. Минск, 1966.

Акопян Т. Х. Об энциклопедическом словаре географических названий Армении. — ВКТ. Л., 1965.

Алиев Кемал. О названии реки Куры. — «Доклады АН Азерб. ССР», т. 15, 1959, № 4.

Альбрют М. И. О происхождении названия «Челябинск». Научная конференция, посвященная 225-летию г. Челябинска. Челябинск, 1961.

Альбрют М. И. Географические названия Челябинской области. — «Доклады научно-краеведческой конференции (физическая география и биология)», вып. 2. Челябинск, 1966.

Андреев М. С. Новые данные по установлению значения слова «Фергана». Сообщения Таджикского фил. АН СССР, вып. 24. Сталинабад, 1950.

Анрианов Б. В. О некоторых географических названиях Каракалпакии. — В кн.: ТВ. М., 1962.

Андроникашвили М. Иранские племенные и географические названия в древнегрузинских исторических памятниках V—XII вв. — «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», т. 1, 1954.

«Антропонимика». Сб. М., 1970.

Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингоркова «Георгий Мерчуле — грузинский писатель X века». — Тр. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории, вып. 27. Сухуми, 1956.

Ариста П. А. Lāti (Латвия, латвийский, латышский) в эстонской топонимии. — В кн.: КТЭС. Рига, 1966.

Арутюнян Н. В. Некоторые вопросы топонимии Урарту. Друга Республіканська ономастична нарада (тези). Киев, 1962.

Архангельский Н. П. Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. Ташкент, 1935.

Атаниязов С. Топонимика Юго-Восточного Туркменистана. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1966.

Атаниязов С. Топонимический словарь Туркменистана. Ашхабад, 1970 (на туркм. яз.).

Атаниязов С. Язык Земли. Ашхабад, 1971 (на туркм. яз.).

Атаниязов С. Отражение в топонимике природно-хозяйственных условий Туркменистана. — «Тр. Ин-та этнографии АН СССР». М., 1973.

Ахундов А. Этимология слова «Кура». — «Уч. зап. Азерб. ун-та», вып. 10. Баку, 1956 (на азерб. яз.).

Ашурбейли С. Б. О названии города Баку. — «Доклады АН Азерб. ССР», т. 14, 1958, вып. 9.

Бабкин П. В. Кто, когда, почему? Магадан, 1968.

Бабушкина В. И. Инструкция по передаче на картах географических названий с хинди. М., 1959.

Бальчионис Й. Названия литовских населенных пунктов от названий рек и озер. I. Międzynarodowa slawistyczna konferencja opomaz-tuszna. Wrocław, 1961.

Барандеев А. В. «Книга Большому чертежу», как источник топонимического исследования. — «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1973, № 5.

Баранников П. А. Некоторые случаи топонимической синонимии в языке хинди. — «Научные доклады Высшей школы (филологические науки)», 1960, вып. 3.

Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря древней Руси. Вильна, 1865.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — «Журнал сельского хозяйства и лесоводства», т. 244, 1914, вып. 1—6. Н. изд.: Соч., т. 3. М., 1965.

Бартольд В. В. Таджики. — Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925. Н. изд.: Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. Н. изд.: Соч., т. 2, ч. 1, АН СССР. М., 1963а.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии. — Соч., т. 3. М., 1965.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию. — Соч., т. 4. М., 1966.

Бартольд В. В. Сочинения в 9 томах (10 книгах). М., 1963—1973. (Вышли из печати 9 книг. Издание не окончено.)

Баскаков Н. А. и Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М., 1947.

Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — ТВ. М., 1969.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — В кн.: «Ономастика». М., 1969а.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — В кн.: «Антропонимика». М., 1970.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962.

Бгажба С. С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. — «Тр. Абхазского ин-та языка, литературы и истории», вып. 27. Сухуми, 1956.

Беленькая В. Д. Выступление на совещании по топонимике Востока. — В кн.: ТВ. М., 1962.

Беленькая В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969.

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.

Берг Л. С. О русской географической терминологии. — «Землеведение», т. 22, 1915, кн. 4.

Берг Л. С. О происхождении названия «Москва». — Географический вестник, т. II, вып. 3—4. Л., 1925.

Берг Л. С. Рельеф Туркмении. — Сб. «Туркмения», вып. 2. Л., 1929.

Берг Л. С. О русской географической номенклатуре. — «Изв. ВГО», т. 77, 1945, вып. 3.

Березин Н. И. Географические имена, объяснение их в связи с историей открытий. СПб., 1894.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. I. М.—Л., 1950.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.

Білецький А. О. (Белецкий А. А.). Этимологічна структура основних географічних термінів. Друга Республіканська ономастична нарада. Киев, 1962.

Бірыла М. В. (Бирыла Н. В.) и Ванагас А. П. Литоуския элементы в Беларускай анамастыцы. Минск, 1968.

Благова Г. Ф. В. В. Радлов и топонимика.— В кн.: «История топонимики в СССР». Тезисы докладов. М., 1967.

Благова Г. Ф. В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем.— В кн.: «Тюркологический сборник, 1971». М., 1972.

Богац Г. Ф. Заметки по молдавской топонимике и идиоматике.— «Изв. Молдавского фил. АН СССР», 1959, № 12 (45).

Богданович А. Е. Язык Земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Ярославль, 1966.

Богданович К. И. Геологические исследования в Восточном Туркестане. СПб., 1892.

Боголюбов М. Н. Древнеперсидские этимологии.— В кн.: «Древний мир». М., 1962.

Бондарук Г. П. Местные географические термины в топонимии Ярославской обл.— ВГ, вып. 70. М., 1966.

Бондарук Г. П. Топонимия Московской области. — В кн.: «Топонимика». Мат. лты. Моск. фил. ГО, вып. 1. М., 1967.

Бондарук Г. П. Местные географические термины и диалектология. — ВГ, вып. 81. М., 1970.

Брук С. И. Население Индокитая. М., 1959.

Будагов Б. А. К вопросу географических терминов Азербайджана.— «Изв. АН Азерб. ССР», серия геол.-геогр. наук, 1959, № 1 (на азерб. яз.).

Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. 2 тома. СПб., 1869—1871.

Будиловичи А. и С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1878.

Вальская Б. А. Вопросы изучения топонимики в Географическом обществе СССР.— «Тезисы докладов II республиканской конференции по ономастике». Киев, 1962.

Ванагас А. Образование названий рек Литовской ССР. Вильнюс, 1966.

Ванагас А. П. К стратиграфии семантики балтийских гидронимов.— В кн.: КТСЗ. Рига, 1966а.

Ванагас А. П. Ономастическая работа в Литве. Повідомлення української ономастичної комісії, вып. 7. Киев, 1968.

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940.

Василевич Г. М. Топонимы тунгусского происхождения.— В кн.: «Этнография имен». М., 1971.

Вахушти, царевич. География Грузии. — «Зап. Кавказск. отд. РГО», кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904.

Верхтратский Иван. Початки до уложения номенклатуры и терминологии природопосиной, народной... I и II. Львов, 1864, 1869.

Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории.— «Исторические записки», вып. 17. М., 1945.

Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка.— «Изв. археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те», т. VIII, вып. 1, 1890.

Владимирцов Б. Я. Поездка к кобдоским дэрбэтам летом 1908 г.— «Изв. РГО», т. 46. СПб., 1910, вып. 8.

Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке.— «Зап. восточного отд. Рус. археолог. о-ва», т. 20, 1910, вып. 2—3. СПб., 1911.

Владимирцов Б. Я. Mongolica. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии.— «Записки коллегии востоковедов», 1925, ч. 1.

Владимирцов Б. Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском.— «Доклады АН СССР», сер. В., вып. 10. Л., 1929.

«Вопросы географии». Сб. 58. М., 1962; сб. 70. М., 1966; сб. 81. М., 1970; сб. 94. М., 1974.

«Вопросы ономастики». Вып. 1—6. Свердловск, 1962—1972.

«Вопросы финно-угорского языкознания». Вып. 4. Ижевск, 1967.

Воробьева И. А. Топонимия «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова.— В кн.: «История топонимики в СССР». М., 1967.

Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Воробьева И. Язык Земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

Воскобойников В. И. Слово на карте. Петропавловск-Камчатский, 1962.

Востоков А. Х. Задача любителям этимологии.— «Санкт-Петербургский вестник», 1812, вып. 2.

«Восточно-славянская ономастика». М., 1972.

Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов. Географическое общество СССР. М., 1965.

Вылежнев Ю. Г. Поморский географический термин в Верхнем Прикамье.— ВГ, сб. 70. М., 1960.

Вылежнев Ю. Г. К вопросу о современном распространении топонимов типа Заберезник, Подгора на территории Пермской области.— В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Вяткин Л. В. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета.— «Справ. кн. Самаркандской обл. за 1921 год».

Гарипова Н. Д., Гарипов Т. Н. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии.— В кн.: ТВ. Новые исследования. АН СССР. М., 1964.

Гафуров А. Рассказы об именах. Душанбе, 1968.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. 1. М., 1949.

Гедин С. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан, т. 1. СПб., 1899.

Гельдыханов М. Географические термины, связанные с гидрографией Туркменистана.— «Проблемы освоения пустынь», 1967, вып. 6.

Гельдыханов М. Гидрографические термины Туркменистана.— ВГ, сб. 81. М., 1970.

Географические названия.— ВГ, вып. 58. М., 1962.

Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.

Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939.

Георгиев В. И. Проблемы возникновения индоевропейских языков.— ВЯ, 1956, № 1.

Глонти А. А. Топонимические материалы.— «Тр. Цхинвальского пед. ин-та», вып. 2, 1955 (на груз. яз.).

Глонти А. А. Топонимические материалы грузинского историка и географа XVIII века Вахушти Багратиони в свете новых записей. Питання ономастики. Киев, 1965.

Глонти А. А. Основные лексико-семантические группы грузинской гидронимики.— В кн.: ВТК, 1965.

Глонти А. А. Топонимические исследования в Грузии. — Повідомлення української ономастичної комісії, вып. 7. Киев, 1968.

Горбачевич К., Хабло Е. Их именами названы улицы Ленинграда. Л., 1961.

Горбачевич К., Хабло Е. Почему так названы? (О происхождении старинных названий в Ленинграде). Л., 1962.

Горбунов П. Я. К вопросу о топонимах Тамбовской обл. — В кн.: ВКТ, Л., 1965.

Горбев Ф. И. Балтийская гидронимия Волго-Окского междуречья. — В кн.: КТЭС. Рига, 1966.

Горнунг Б. В. Выступление на совещаниях «Принципы топонимики» в мае 1962 г. — В кн.: «Принципы топонимики». М., 1964.

Горнунг Б. В. Рецензия на словарь акад. Я. Эндзелина «Топонимические названия Латвийской ССР». — «Лексикографический сборник», вып. 2, АН СССР. М., 1957.

Григорьев В. В. Кабулистан и Кафиристан. Доп. к «Землеведению» К. Риттера. СПб., 1867.

Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Доп. к «Землеведению» К. Риттера. СПб., 1873.

Гринблат М. Я. Этническая топонимия и антропонимия Белоруссии. — В кн.: ВКТ, Л., 1965.

Гринкова Н. П. Из материалов по топонимике населенных мест Воронежской обл. — «Мовознавство», т. XIV. Киев, 1957.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. 4 тома. Киев, 1907—1909 гг.

Грот Я. К. Заметка о топографических названиях вообще. — «Журнал Министерства народного просвещения», ноябрь, 1867. СПб., ч. 136.

Грот Я. К. Заметка о названиях мест. — «Филологические разыскания», т. 1. СПб., 1876.

Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. 3 тома. СПб., 1896—1907.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 1. СПб., 1914.

Гумбольдт А. Центральная Азия. М., 1915.

Гусейнзаде А. О происхождении топонима Баку. — СТ, 1970, вып. 3. Баку.

Гусейнзаде А. Об этимологии топонима Куба. — СТ, 1971, вып. 2. Баку.

Гусейнзаде А. К этимологии топонима Кушчу. — СТ, 1971а, вып. 6. Баку.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4. СПб. — М., 1912.

Дамбе В. Ф. Актуальные проблемы гидронимики и топонимики в Латвийской ССР. — КТЭС. Рига, 1966.

Демирчизаде А. Каспий, Хазан, Кавказ. — «Тр. Азерб. пед. ин-та», т. 7. Баку, 1959.

Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. — «Вестн. древней истории», 1939, вып. 4.

Джанашиа Н. Н. Некоторые замечания о послесловах и служебных именах в азербайджанском и турецком языках. — «Тр. Тбилисского ун-та», т. 91, сер. востоковед., вып. 2, 1960.

Джанашиа С. Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. — «Сообщения Грузинского фил. АН СССР», т. 1, 1940, вып. 8.

Джикия С. С. Некоторые вопросы топонимики и исторической географии Санххе-Саатабаго. — «Тр. Тбилисского ун-та», т. 41, 1950.

Джикия С. С. Рецензия на статью А. Ахундова «Этимология слова «Кура»». — «Тр. Тбилисского ун-та», т. 91, серия востоковед., вып. 2, 1960.

«Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 1. Чебоксары, 1972; вып. 2. Чебоксары, 1973.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Додыхудоев Р. Х. К топонимике Западного Памира. — «Изв. АН Тадж. ССР». Отд. общественных наук, вып. 2(56). Душанбе, 1969.

Долгопольский А. Б. В поисках далекого родства. — РР, 1967, № 6.

Долгопольский А. Б. Древние корни и древние люди. — РР, 1968, № 2.

Доможаков Н. Г. Заметка о слове *уус*. — «Зап. Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 5. Абакан, 1957.

Донидзе Г. И. Глагольные топонимы в тюркских языках. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.

Донидзе Г. И. О грамматической характеристике тюркских топонимов. — В кн.: ОП, вып. 2. Горький, 1971.

Древнетюркский словарь. М., 1969.

Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. — «Уч. зап. Томского пед. ин-та», т. 6, 1950.

Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири. — «Уч. зап. Томского пед. ин-та», т. 18. Томск, 1959.

Дульзон А. П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам. — «Уч. зап. Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 7. Абакан, 1959а.

Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. — В кн.: «XXV Международный конгресс востоковедения». М., 1960.

Дульзон А. П. Дорусское население Западной Сибири. — В кн.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961.

Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики. — ВГ, вып. 58. М., 1962.

Дульзон А. П. Общее название реки у кетоязычных народов. — «Уч. зап. Дальневосточного ун-та», вып. 5. Владивосток, 1962а.

Дульзон А. П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — В кн.: ТВ. Новые исследования. М., 1964.

Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири. — ВГ, сб. 70. М., 1966.

Думин Б. Я. Охрана или слом топонимии (на примере УССР). — В кн.: ВКТ, Л., 1965.

Дьяков А. М. Некоторые вопросы современной индийской топонимики. — В сб. ТВ. М., 1962.

Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и

северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних ее жителей. СПб., 1874.

Ербен И., Ламанский В. Заметка о славянских географических названиях. — «Журнал Министерства народного просвещения», октябрь 1867, ч. 136. СПб., 1867.

Еремия А. И. Восточнославянская топонимия Молдавской ССР. — В кн.: «Питання ономастики». АН УРСР. Киев, 1965.

Еремия А. Нуме де локалитэць. Студну де топонимие молдовенскэ. Кишинев, 1970 (на молдав. яз., резюме рус.).

Ефремов Ф. С. Девятилетнее странствование. Изд. 5. М., 1952.

Ефремов Ю. К. К истории названий Большой и Малой Курьильских гряд. — ВГ, сб. 24. М., 1951.

Житков Б. М. Полуостров Ямал. — «Зап. РГО», т. 49. СПб., 1913.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Изд. 2. Минск, 1968.

Жучкевич В. А. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968а.

Жучкевич В. А. Местные географические термины в топонимии БССР. — ВГ, вып. 81. М., 1970.

Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Загоровский В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж, 1966.

Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973.

Зардалишвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района. — «Изв. ВГО», 1952, вып. 3.

Заходер Б. Н. Каспийский свод. М., 1962.

Зимин Б. И. Мордовские и татарские названия населенных пунктов Тамбовской области. — В кн.: «Вопросы краеведения в школах и пед. ин-тах». Тамбов, 1962.

Зимин Б. И. Мордовские и татарские названия населенных пунктов Тамбовской области. — В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Зимин Б. И. Иноязычные топонимы Тамбовской области. — В кн.: «Вопросы вузовского и школьного краеведения». Тамбов, 1969.

Ивановский А. А. Географические имена. М., 1914.

Износков И. А. О названиях населенных мест. — Сб. в память I Русского статистического съезда, вып. 2. Нижний Новгород, 1875.

Износков И. А. Каким могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей. — «Тр. III Археолог. съезда, т. II». Киев, 1878.

Износков И. А. Можно ли по одинаковым названиям населенных мест, находящихся в разных частях Европейской России, судить о колонизации этих частей. — «Тр. VI Археолог. съезда в Одессе (1884)». Одесса, 1886.

Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В кн.: «Этимология», 1965. М., 1967.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971.

«Иностранная литература по топонимике». Библиографический обзор. М., 1965.

Исаев Д. И., Текомбаев Ш. Т., Алиев З. А., Мурзахметов С. М. Словарь географических названий Киргизии (проект). Фрунзе, 1962.

Исаев Д. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972.

Ишаев А. Этимология топонимических названий Северного Хорезма. — В кн.: «Филология масилалари». Ташкент, 1962 (на узбек. яз.).

Кадырова Ш. М. Микротопонимия Ташкента. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970.

Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.

Казаков А. Н. О географических названиях Ловозерских тундр на Кольском полуострове. — «Уч. зап. ЛГУ», серия геогр., вып. 6. Л., 1949.

Казаков А. Н. Особенности и распространение саамских географических названий Мурманской области. — «Изв. ВГО», 1952, вып. 2.

Калакуцкая Л. П., Сталтмане В. Э. Выездное заседание топонимической комиссии в Рязань. — ВГ, вып. 70. М., 1966.

Калесник С. В. О классификации географических наук. — В кн.: «XIX Международный географический конгресс». М., 1961.

Капанцян Г. А. Историко-лингвистическое значение топонимии древней Армении. — «Науч. тр. Ереванского ун-та», т. 14. Ереван, 1940.

Капанцян Гр. Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии. Ереван, 1948.

Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Ереван, 1956.

Караев С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969.

Караев С. (Кораяев). О чем рассказывают географические названия. Ташкент, 1970 (на узбек. яз.).

Караев С. Древнетюркские топонимы Средней Азии. XI конгресс international des sciences onomastiques. Sofia, 1972.

Караев С. География этнопонимов Узбекистана. XI конгресс international des sciences onomastiques. Sofia, 1972.

Каримова Л. Г. Топонимы в североузбекских говорах. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972.

Карпенко Ю. О. Конспект лекций. Топонимика гірських районів Чернівецької області. Чернівці, 1964.

Карпенко Ю. О. Топонимія центральних районів Чернівецької області. Конспект лекцій. Чернівці, 1965а.

Карпенко Ю. О. Топонимія східних районів Чернівецької області. Конспект лекцій. Чернівці, 1965а.

Карпенко Ю. О. Топонімічні варіанти. — В кн.: «Ономастика». Киев, 1966.

Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимии. — ВГ, сб. 70. М., 1966а.

Карпенко Ю. А. Взаимосвязь географических терминов и топонимов. — ВГ, вып. 81. М., 1970.

Карпенко Ю. А. Лингвистика — география — история (Проблемы топонимического этимологизирования). — «Советское славяноведение», 1970, вып. 4.

Карпенко Ю. А. История этимологического метода в отечественной топонимике. — В кн.: «Развитие методов топонимических исследований». М., 1970а.

Кауфман И. М. Географические словари. Библиография. М., 1964.

- Киекбаев Д. Г.* Вопросы башкирской топонимики. — «Уч. зап. Башкирского пед. ин-та», вып. 8, серия филол., № 2, Уфа, 1956.
- Кизласов Л. Р.* К вопросу об этногенезе хакасов. — «Уч. зап. Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 7, Абакан, 1959.
- Ким Чер Лен.* Гидронимический ареал *-кан* в Средней Сибири. — В сб. ТВ. Новые исследования. М., 1964.
- Кисловской С. В.* Знаете ли Вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1968.
- Кисляков Н. А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в XIX — начале XX века. — «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. 74. М.—Л., 1962.
- Климчицкий С. И.* Название Согдианы в топонимике Таджикистана. — «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. 6. М.—Л., 1937.
- Кляшторный С. Г.* Кангюйская этнонимика в орхонских текстах. — «Советская этнография», 1951, вып. 3.
- Кожемьякин А. В.* О происхождении слова «Воронеж». — В кн.: «Южнорусские говоры и памятники письменности. Воронеж, 1964.
- Койчубаев (Койшыбаев) Е.* Историко-этимологический анализ имени Пишпек. — «Вестн. АН Казах. ССР» № 12 (225). Алма-Ата, 1963. (на казах. яз.).
- Койчубаев Е.* Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак, кара, кок, сары*. — В кн.: ВКТ. Л., 1965.
- Койчубаев Е.* Основные типы топонимов Семиречья. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.
- Койчубаев Е.* Казахские географические названия с формантами *-ты* и *-сы*. — ТВ. Исследования и материалы. М., 1969.
- Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимии Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- Коков Дж. Н.* Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
- Коков Дж. Н. и Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
- Кольс Р. Е.* Река Таз. Л., 1930.
- Комаров Ф. К.* Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвейских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. М., 1967.
- Конкашпаев Г. К.* Название города Алма-Ата. — «Изв. АН СССР», вып. 58, серия геогр., № 2. Алма-Ата, 1948.
- Конкашпаев Г. К.* Казахские народные географические термины. — «Изв. АН Казах. ССР», вып. 99, сер. геогр., вып. 3. Алма-Ата, 1951.
- Конкашпаев Г. К.* Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана. — «Изв. АН Казах. ССР», серия филологии и искусствоведения, вып. 1 (11). Алма-Ата, 1959.
- Конкашпаев Г. К.* Некоторые малопонятные географические названия в Казахстане. — «ВГ Казахстана», вып. 9. Алма-Ата, 1962.
- Конкашпаев Г. К.* Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963.
- Конкашпаев Г. К.* Цветовые слова в тюркских топонимах. — В кн.: «Географические науки». Алма-Ата, 1969.

- Конкашпаев Г. К.* Названия типа Алма-Аты. — «Вестн. МГУ», серия геогр., 1971, вып. 1.
- Кононов А. Н.* О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — «Изв. отд. обществен. наук АН Тадж. ССР», 1954, вып. 5.
- Концевич Л. Р.* К вопросу о современных собственно корейских географических названиях. — В кн.: ТВ. М., 1962.
- Коня И., Драгомирскую Ш., Нямю Г.* Тилеорманский лес и река Телеорман. — ВГ, сб. 58. М., 1962.
- Корепамова А. П., Симонова К. С.* Материалы до бібліографії з Української, радянської ономастики. — В кн.: «Повідомлення Української ономастичної комісії», вып. 5. Киев, 1968.
- Корженевский Н. Л.* Устюрт. — Бюлл. Среднеазиатского ун-та, вып. 25. Ташкент, 1947.
- Корнилов Г. Е.* Опыт классификации топонимов по степени развития свойств «быть собственным именем». — ВКТ. Л., 1965.
- Корнилов Г. Е.* Тиле орман—лисий лес. — ВГ, вып. 70. М., 1966.
- Корш Ф. Е.* Опыт объяснения заимствованных слов в русском языке. — «Изв. АН СССР», сер. VI, 1907, вып. 1.
- Корш Ф. Е.* Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Восточной Европы. — Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913.
- Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения, т. IV, АН СССР. М.—Л., 1957.
- Кривоцекова-Гантман А. С.* Следы древнепермской гидронимики на юг, юк в Прикамье. — ВКТ. Л., 1965.
- Кривоцекова-Гантман А. С.* Откуда эти названия? Пермь, 1973.
- Кудрявцева Т. В.* Названия населенных пунктов Калужской области. — В кн.: «Топонимика», вып. 1. М., 1967.
- Кузавинис К.* По поводу происхождения некоторых балтийских топонимов. — В кн.: КТЭС. Рига, 1966.
- Кузнецов В. А.* Об одном извращении истории народов Северного Кавказа. — «Вопросы истории», 1954, вып. 9.
- Кукушкина Е. И., Симонова А. Г., Степанова А. Г., Хотимская Н. З.* Литература по топонимике Зарубежного Востока. — В кн.: ТВ. М., 1962.
- Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
- Кяхрик Айме.* Об эрзянских микротопонимах. Советское финноугроведение, т. 5, 1969, вып. 1.
- Ламанский В. И.* Об изучении народных географических терминов и географических названий. Журнал заседаний отд. географии и этнографии. — «Вестник РГО», 1915, вып. 10.
- Лебедева А. И.* Топонимика Псковской области (лингвистический анализ). Автореф. канд. дисс. Л., 1952.
- Лебедева А. И.* Географические названия, образованные от личных имен и прозвищ. — «Вестник ЛГУ», 1959, № 4. Серия истории, языка и литературы, вып. 3.
- Лемцюгова (Лемтюгова) В. П.* Беларуская айканімія. Минск, 1970.
- Лешкевич В. К.* К вопросу о географических названиях в Приморье. — «Советское Приморье», 19, 1955.
- Лигетти Л.* О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана. — Acta orientalia, т. 4. Будапешт, 1955.

Лизанец П. Н. О венгерских заимствованиях в украинских говорах Закарпатья (на материалах названий рельефа). — «Вопросы финно-угорского языковедения», IV. Ижевск, 1967.

Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Любимова Е. Л. О распространении широколиственных пород на Русской равнине в историческое время (по данным топонимики). — В кн.: «Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира». М., 1962.

Любимова Е. Л. Опыт применения топонимов для составления ботанических карт (на примере Русской равнины). Принципы и методы геоботанического картографирования. АН СССР. М.—Л., 1962а.

Мазинг В. В. Немецко-английско-шведско-финско-эстонско-русский терминологический словарь по болотоведению. Тарту, 1960.

Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикской ССР, ч. 2. Ходжентский округ. Ташкент—Сталинабад, 1930.

Маллицкий Н. Г. О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии. — Изв. ВГО, т. 77. Л., 1945, вып. 5.

Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.

Мамаев Г. М. Азербайджанские служебные слова и вспомогательные обозначения в сложных названиях географических объектов. — Изв. ВГО, т. 79, 1947, вып. 3.

Маракуев А. В. Введение в тибетскую топонимику. Томск, 1945.

Маракуев А. В. Топонимика как географическая дисциплина, ее задачи и методы. — «Тр. 2-го Всесоюзного Географического съезда», т. 3. М., 1949.

Маракуев А. В. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины. — «Уч. зап. Казахского ун-та», т. 18, геология и география, вып. 2. Алма-Ата, 1954.

Март Н. Я. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории. — «Изв. АН СССР» № 5—6. Л., 1926.

Март Н. Я. К вопросу о топонимике Крыма. — «Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии», т. 1 (58). Симферополь, 1927.

Март Н. Я. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. — «Уч. зап. науч.-исслед. ин-та народов Советского Востока», вып. 1. М.—Л., 1931; *его же*. Избранные работы, т. 5. М.—Л., 1935.

Март Н. Я. О происхождении имени Анапа. — «Зап. разряда военной археологии и археографии Русского Военно-исторического о-ва», 1914; *его же*. Избранные работы, т. 5. М.—Л., 1935.

Март Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. Чебоксары, 1926; *его же*. Избранные работы, т. 5. М.—Л., 1935.

Март Н. Я. Сухуми и Туапсе. Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья. — Избранные работы, т. 5. М.—Л., 1935.

Маруашвили Л. И. Загадка географического фона поэмы Руставели и опыт ее решения. — «Изв. АН СССР», серия геогр., 1969, вып. 2.

Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. — В кн.: «Полесье». М., 1968.

Матвеев А. К. Историко-этимологические разыскания. Из опыта

изучения северорусской топонимики на -*ньга*. — «Уч. зап. Уральско-го ун-та», вып. 36. Свердловск, 1960.

Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. — «Вопросы археологии Урала», вып. 1, 1961.

Матвеев А. К. О происхождении названия Урал. — «Уч. зап. Уральского ун-та», вып. 39, ч. 1. Свердловск, 1961а.

Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера. — ВЯ, 1964, вып. 2.

Матвеев А. К. Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере. — «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1965, вып. 6.

«Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана». Баку, 1973 (на азерб. и рус. яз.).

Махмуд Кашигарский. Девону луготит турк. Ташкент, 1967.

Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

Маштаков П. Л. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пг., 1917.

Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934.

Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П. Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси, 1965.

Меликсет-Бек Л. М. Первые ахемениды и названия рек Закавказья. — «Тр. Тбилисского ун-та», т. 91, серия востоковед., вып. 2. Тбилиси, 1960.

Мельхеев М. Н. Местные географические термины Восточной Сибири. — «Тр. Иркутского ун-та», т. 24, вып. 1. Иркутск, 1958.

Мельхеев М. Н. Географические имена. Топонимический словарь. М., 1961.

Мельхеев М. Н. Происхождение географических названий Иркутской области. Словарь. Иркутск, 1964.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.

Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969а.

Меновицков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972.

Миков Васил. Происход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планины и места. София, 1943 (на болг. яз.).

Микротопонимия. М., 1967.

Милонов В. Н. Топонимика как источник для изучения истории края. — В кн.: «Историко-краеведческий сборник. Уч. зап. Рязанского пед. ин-та», вып. 11, 1953.

Мильков Ф. Н. Типология урочищ и местные географические термины Черноземного Центра. — «Науч. зап. Воронежского отдела Географического о-ва СССР», вып. 2. Воронеж, 1970.

Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи. СПб., 1879.

Миропольский Я. А. О географических названиях Китая и их русской транскрипции. — ТВ. Новые исследования. М., 1962.

Мокиенко В. М. Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф на славянском фоне). Автореф. канд. дисс. Л., 1969.

Мокиенко В. М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии. — ВГ, вып. 81, М., 1970.

- Молчанова О. Т.* Топонимия Горного Алтая — источник древней истории Южной Сибири. — В кн.: «Ономастика». М., 1969.
- Молчанова О. Т.* Географические термины горной части Алтая. — ЯТС. Томск, 1970.
- Морозова М. Н.* Гидронимия Тамбовской области. — В кн.: «Питання ономастики». Киев, 1965.
- Морозова М. Н.* Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей. — ВГ, сб. 70, М., 1966.
- Морозова М. Н.* Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы. Микротопонимия. М., 1967.
- Морозова М. Н.* Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области. — В кн.: ОП. Горький, 1971.
- Морозова М. Н.* Топонимия Орловской области. — В кн.: «Топонимия Центра». М., 1972.
- Мурзаев Э. М.* К географической терминологии туркмен. — Изв. Географ. о-ва, т. 71. Л., 1939, вып. 6.
- Мурзаев Э. М.* Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии. — ВГ, сб. 8. М., 1948.
- Мурзаев Э. М.* Средняя Азия. М., 1957.
- Мурзаев Э. М.* Центральноазиатские миниатюры. — В кн.: ТВ. Новые исследования. М., 1964.
- Мурзаев Э. М.* Монгольские топонимы в Курдистане. — ТВ. Новые исследования. М., 1964а.
- Мурзаев Э. М.* Основные направления топонимических исследований. — В кн.: «Принципы топонимики». М., 1964б.
- Мурзаев Э. М.* О происхождении названия Нукус. — «Вест. Каракалпакского фил. АН Узб. ССР», 1967, вып. 2. Нукус.
- Мурзаева В. Э. и Мурзаев Э. М.* Атлас Центральной Азии. — Изв. АН СССР, серия геогр. М., 1969, вып. 3.
- Мурзаевы Э. и В.* Словарь местных геогр. терминов. М., 1959.
- Муромцев И. В.* Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Киев, 1966.
- Мухамедова З. Б.* Естественные и искусственные гидронимы. — В кн.: КТСЗ. Рига, 1966.
- Мхитарян Т. Т.* Особенности передачи вьетнамских топонимов средствами русской графики. — В кн.: ТВ. М., 1962.
- Мытарев А. А.* От Абы до Яи. Географический словарь Кузбаса. Кемерово, 1970.
- Наврот М. И.* Топонимы северо-востока Сибири на карте Н. Витсена 1687 г. — В кн.: «История топонимики в СССР». М., 1967.
- Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира. — «Библиотека для чтения», т. 22, ч. 2. СПб., 1837.
- Нафасов Т.* Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968.
- Ниголь С.* Эстонские языковые островки на территории Латвийской ССР. — В кн.: «Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии». Петрозаводск, 1961.
- Никитин А. В.* Топонимика тоней и мелей озер Новгородской, Псковской и Калининской областей. — Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та. Труды кафедры русского языка, вып. 6, 1961.
- Никитин А. В.* Топонимические прилагательные теплицкий — североцкий и верхний — нижний. — В кн.: «Топонимика», вып. 4. М., 1970.

- Никонов В. А.* Областные работы по топонимике. — ВЯ, 1956, вып. 1.
- Никонов В. А.* Топонимика за пятилетие (1950—1954). — «Изв. ВГО», т. 90, 1958, вып. 3.
- Никонов В. А.* Закон ряда в географических названиях. — «Ономастика», ч. 4, вып. 1. Вроцлав — Краков, 1958а.
- Никонов В. А.* География русских суффиксов. — «Ономастика», сб. 9. Краков, 1959.
- Никонов В. А.* Послевоенные работы по топонимике в славянских странах. — Сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, т. 28. М., 1960.
- Никонов В. А.* Неизвестные языки Поочья. — ВЯ, 1960а, вып. 5.
- Никонов В. А.* История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимики. — ВГ, сб. 50. М., 1960б.
- Никонов В. А.* Ручей — ключ — колодезь — криница — родник. — «Мат-лы и исследования по русской диалектологии (новая серия)», вып. 2. М., 1961.
- Никонов В. А.* Славянский топонимический тип. — ВГ, вып. 58. М., 1962.
- Никонов В. А.* А. Х. Востоков и сегодня нашей топонимики. — «Изв. АН СССР», отд. языка и литературы, т. 22, вып. 1, 1963.
- Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никонов В. А.* Пласты русской топонимии Горьковской области. — В кн.: ОП, вып. 2. Горький, 1971.
- Никулина З. П.* Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра. Автореф. канд. дисс. Кемерово, 1964.
- Номинханов Ц. Д.* К этимологии города Алма-Ата. — «Вестн. АН Казах. ССР», 1958, вып. 3.
- Номинханов Ц. Д.* Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР. — «Зап. Калмыцкого научн.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 2. Элиста, 1962.
- Норвик М. К.* Изменения в эстонской топонимике. — В кн.: «Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии». Петрозаводск, 1961.
- «Ономастика». Київ, 1966.
- «Ономастика Поволжья», т. 1. Ульяновск, 1969; т. 2. Горький, 1971; т. 3. Уфа, 1973.
- Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Орлов А. (Ф.).* Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.
- Орлов Ю. А.* В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных. М., 1961.
- Ошанин И. М., Ву Данг Ата.* Вьетнамо-русский словарь. М., 1961.
- Ошанин Л. В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. — «Тр. Ср.-Аз. ун-та», новая серия, вып. 46—48, исторические науки, кн. 16—18. Ереван, 1957—1959.
- Паль В.* Об изучении эстонской топонимики. — В кн.: «Вопросы финно-угорского языкознания». М.—Л., 1962.
- Паль В.* О собирании топонимов в Эстонской ССР. — В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Паль В. О структуре эстонской топонимии.— В кн.: КТЭС. Рига, 1966.

Паргенадзе М. Х. Микротопонимика Аджарской АССР, отражающая эпоху турецкого ига.— В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Пахалина П. Н. Сарыкольский язык. М., 1966.

Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Куньлуню и северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. СПб., 1895.

Перетолчин С. П. Физико-географический очерк озера Косогол.— «Тр. о-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те», т. 37, вып. 6, 1903.

«Першая беларуская тапанімічная канферэнцыя». Мінск, 1967.

«Питання гідроніміки». Київ, 1971.

«Питання топоніміки та ономастика». Київ, 1962.

«Повідомлення Української ономастичної Комісії». Київ, 1966—1970.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Подольская Н. В. Некоторые формы славянизации иноязычных топонимов.— ВГ, сб. 58, М., 1962.

Подольская Н. В. Какую информацию несет топоним. Принципы топонимии. М., 1964.

Подольская Н. В. Вопросы исследования микротопонимии.— В кн.: «Питання ономастики». Киев, 1965.

Подольская Н. В. О развитии отечественной топонимической терминологии.— В кн.: «История топонимии в СССР». М., 1967.

Подольская Н. В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности.— В кн.: «Микротопонимия». МГУ. М., 1967а.

Подольская Н. В., Суперанская А. В. Терминология ономастики.— ВЯ, 1969, вып. 4.

Подольская Н. В. Народные географические термины в терминологической системе.— ВГ, сб. 81. М., 1970.

Позднеев А. М. Монголия и монголы, т. 1. СПб., 1896.

Полевой Б. П. О происхождении названия Камчатка.— В кн.: В. П. Кусков. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.

Поливанов Е. Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков.— «Изв. АН СССР», VI серия, т. 21, 1927, № 15—17.

Поливанов Е. Д. О происхождении названия Ташкент.— Сб.: «В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927а.

Попов А. И. К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании.— «Вест. ЛГУ», 1948, вып. 3.

Попов А. И. Топонимика Белозерского края.— «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковед. наук, вып. 2. Л., 1948а.

Попов А. И. Буртасы и мордва.— «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковед. наук, вып. 2. Л., 1948б.

Попов А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы.— «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковед. наук, вып. 2. Л., 1948в.

Попов А. И. О топонимике Карелии.— «Советское финно-угроведение», т. 5. Петрозаводск, 1949.

Попов А. И. Топонимика как историческая наука.— «Уч. зап. Ин-та языковедения АН УССР», т. 14. Киев, 1957.

Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957а.

Попов А. И. Основные принципы топонимического исследования.— В кн.: «Принципы топонимии». М., 1964.

Попов А. И. Географические названия (введение в топонимику). М.—Л., 1965.

Попов А. И. Основы топонимического исследования.— В кн.: ВКТ. Л., 1965а.

Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимуку. Л., 1973.

Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972.

Попова В. Н. Основные модели названий озер Северного Казахстана.— ВГ, сб. 70. М., 1966.

Попова В. Н. Структурная и семантическая классификация казахских названий озер Павлодарской области. Филологический сборник, вып. 5. Алма-Ата, 1966а.

Попова В. Н. К этимологии гидронима Иртыш.— ЯТС, вып. 3. Томск, 1970.

Поспелов Е. М. Транскрипция географических названий. М., 1957.

Поспелов Е. М. Топонимика и картография.— ВГ, сб. 58. М., 1962.

Поспелов Е. М. Топонимика в географическом образовании.— В кн.: «Принципы топонимии». М., 1964.

Поспелов Е. М. О балтийской гипотезе в северорусской топонимии.— ВЯ, 1965, вып. 2.

Поспелов Е. М. Современное состояние топонимии в СССР.— «Изв. АН СССР», серия геогр., 1966, вып. 4.

Поспелов Е. М. Математико-статистические методы в топонимике.— ВГ, сб. 70. М., 1966а.

Поспелов Е. М. Топонимика в трудах В. П. Семенова-Тян-Шанского.— ВГ, сб. 70. М., 1966б.

Поспелов Е. М. Топонимическая изученность центральных областей Европейской части СССР.— в кн.: «Топонимика», вып. 2. М., 1967.

Поспелов Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера.— В кн.: ВГ, вып. 81. М., 1970.

Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М., 1971.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 1 и 2. СПб., 1881—1883.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., 1946.

Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийский край. М., 1947.

Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948.

Происхождение аборигенов Сибири и их языков.— «Мат-лы Всесоюзной конференции, 14—16 июня 1973 года». Томск, 1973.

Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973.

«Пытанні беларускай тапанімікі». Мінск, 1970.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, 4 тома, 8 книг. СПб., 1893—1911.

Рамstedт Г. И. Этимология имени ойрат.— Сб. в честь 70-ле-

- тия Г. Н. Потанина. — «Зап. РГО по отд. этнографии», т. 34. СПб., 1909.
- Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рерих Ю. Н.* Кочевые племена Тибета. — Сб.: «Страны и народы Востока», вып. 2. М., 1961.
- Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1960.
- Реформатский А. А.* Топономастика как лингвистический факт. — В кн.: «Топономастика и транскрипция». М., 1964.
- Риттер К.* Землеведение. География стран Азии. Кабулистан и Кафиристан. СПб., 1867.
- Риттер К.* Землеведение. География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1. СПб., 1869.
- Розен М. Ф.* Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970.
- Розенфельд А. З.* Название Лянгар в топонимике Таджикистана. — Изв. ВГО, 1946, т. 72, вып. 6.
- Розенфельд А. З.* Qala — тип укрепленного поселения. — «Советская этнография», 1951, вып. 1.
- Розенфельд А. З.* Топонимика Ванджа. — ТВ. М., 1962.
- Розенфельд А. З.* Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
- Розенфельд А. З.* Гидрографические термины в топонимии Таджикистана. — ВГ, вып. 81. М., 1970.
- Романова Г. Я.* О названиях Китай-города в Москве. — «Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та», т. 148, русский язык, вып. 10. М., 1964.
- Роспонт С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — В кн.: «Восточнославянская ономастика». М., 1972.
- Руденко С. И.* Алтай и его древние обитатели. — «Чтения памяти Л. С. Берга», IV—VII, 1956—1959. М.—Л., 1960.
- Рудзите М. К.* О финских гидронимах Латвийской ССР. — В кн.: КТСЗ. Рига, 1966.
- Рыдылон Э. Р.* О названиях Байкал и Ангара. — «Изв. АН СССР», серия геогр., 1955, № 5.
- Рыдылон Э. Р.* Топонимические этюды. — «Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры», 20. Улан-Удэ, 1955а.
- Рыдылон Э. Р.* Топонимические этюды. — «Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры», 22. Улан-Удэ, 1956.
- Рябчиков А. М.* Закон о высшей школе и проблемы университетской географии. — «Мат-лы к 3-му съезду Географ. о-ва СССР». М., 1959.
- Саваренский Ф. П.* О географических названиях Тульской области в связи с почвенными данными. — «Тр. Тульской губернской ученой архивной комиссии». Тула, 1914; его же. Избранные сочинения. М.—Л., 1950.
- Савица В. И.* Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971.
- Савукина Б. К.* Методике этимологизирования гидронимов (по материалам балтийской гидронимии). — ВКТ. Л., 1965.
- Садыхов С.* Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: «Источник формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1966.
- Саттаров Г. Ф.* Антропотопонимы Татарской АССР (названия населенных пунктов Татарской АССР). Казань, 1973 (на татар. яз.).

- Севортян Э. В.* Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М., 1966.
- Седов В. В.* Из гидронимии Волго-Окского междуречья. — В кн.: «Питання ономастики». Киев, 1965.
- Седов В. В.* Топонимика и археология. — В кн.: КТСЗ. Рига, 1966.
- Седов В. В.* Гидронимия голяди. — Питання гідронімії. Київ, 1971.
- Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра. — В кн.: «Топонимия Центра». М., 1972, или ВГ, вып. 94. М., 1974.
- Селищев А. М.* Из старой и новой топонимии. Сб. по языковедению. — «Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы», т. 5. М., 1939.
- Сем Л. И. и Сем Ю. А.* О топонимике южной части Советского Дальнего Востока. — ВКТ. Л., 1965.
- Семенова М. Ф.* Из топонимии Латгале. — «Уч. зап. Латвийского ин-та», т. 11. Рига, 1956.
- Семенова М. Ф.* Русско-латышские языковые связи по данным географической терминологии. — ВГ, вып. 70. М., 1970.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Географические соображения о расселении человечества в Евразии и прародине славян. — «Землеведение», 1916, вып. 1—2.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест? — «Землеведение», 1924, вып. 1—2.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Топонимическая карта Восточно-Европейской равнины. — «Тр. I Всесоюз. географ. съезда», вып. 4. Л., 1934.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* О транскрипции и синонимии географических названий. — «Изв. ВГО», т. 72, 1940, вып. 6.
- Сергиевский М. В.* Топонимика Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. — «Изв. АН СССР», отд. литературы и языка, т. V, 1946, вып. 4.
- Серебренников Б. А.* Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР. — ВЯ, 1955, № 6.
- Серебренников Б. А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. — «Тр. АН Литовской ССР», серия А, вып. 1. Вильнюс, 1957.
- Серебренников Б. А.* О методах изучения топонимических названий. — ВЯ, 1959, вып. 6.
- Серебренников Б. А.* Топонимические загадки Сибири. — «Ономастика», сб. 8. Краков, 1959а.
- Серебренников Б. А.* О двух конвергентных фонетических явлениях в самодийских и обско-угорских языках. — «Советское финно-угроведение», 1965, № 4.
- Серебренников Б. А.* О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — «Советское финно-угроведение», т. II, 1966, № 1. Таллин.
- Симица Г. Я.* Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн р. Юлы, Пинежский р-н, Архангельская обл.). Л., 1969.
- Сихарулидзе Ю.* Топонимика Юго-Западной Грузии (Аджарская АССР). 2 кн. Батуми, 1958—1959 (на груз. яз.).

Сихарулидзе Ю. М. К вопросу о собирании и изучении географических названий.— ВКТ. Л., 1965.

Скрябин М. П. О происхождении названия Теллермановский лес.— «Изв. РГО», 1949, вып. 2.

Словарь русских народных говоров, т. 7. М., 1972.

Смирнов М. И. Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края.— «Тр. Переславль-Залесского историко-худож. и краевед. музея», вып. XI, 1929.

Смирнова О. И. Вопросы исторической географии и топонимики Верхнего Зеравшана.— «Мат-лы и исследования по археологии СССР», вып. 15. М.—Л., 1950.

Смолицкая Г. П. Топонимическая конференция в Ярославле.— ВГ, вып. 70. М., 1966.

Смолицкая Г. П. Карты генерального межевания России как источник топонимических исследований.— В кн.: «История топонимики в СССР». М., 1967.

Смолицкая Г. П. Карты генерального межевания России как источник топонимического исследования.— В кн.: «Развитие методов топонимических исследований». М., 1970.

Смолицкая Г. П. О каталоге гидронимов бассейна Оки.— В кн.: ОП, вып. 2. Горький, 1971.

Смолицкая Г. П. Из гидронимии среднего Поочья.— В кн.: «Питання гідроніміки», Київ, 1971а.

Соболевский А. И. Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии.— «Живая старина», вып. 1, 1895.

Соболевский А. И. Название озера Селигер в связи с вопросом о праславянской родине.— «Тр. Тверского областн. археол. съезда», 1904.

Соболевский А. И. Русские местные названия и язык скифов и сарматов.— «Рус. филол. вестник». Варшава, 1910, № 3—4.

Соболевский А. И. Как исследовать местные названия.— «Изв. отд. рус. языка и словесности», т. 23, 1918; кн. 1, Пг., 1919.

Соболевский А. И. Русско-скифские этюды.— «Изв. отд. рус. языка и словесности АН», т. 26. Л., 1923.

Соболевский А. И. Новые русско-скифские этюды.— «Изв. отд. рус. языка и словесности АН», т. 31. Л., 1926.

Соболевский А. И. Несколько местных названий Воронежского края.— «Изв. отд. рус. языка и словесности АН», 1926а, № 10—12.

Соболевский А. И. Названия рек и озер Русского Севера.— «Изв. отд. рус. языка и словесности АН», т. 32, 1927.

Соболевский А. И. Славяно-скифские этюды.— «Изв. отд. рус. языка и словесности АН», т. 1, 1928, кн. 2 и т. II, 1929, кн. 1.

Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И. Вьетнамский язык. М., 1960.

Солнцев Н. А. Использование народных географических терминов в ландшафтоведении.— В кн.: «Ландшафтоведение». М., 1963.

Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева.— «Зап. РГО по отд. этнографии», т. 10, вып. 1. СПб., 1882.

Спрогис И. Я. Географический словарь Жомойтинской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Российского земского суда. Вильна, 1888.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. 3 тома. СПб., 1893—1903.

Стратанович Г. Г. Проблема уточнения этнонимов и топонимов Юго-Восточной Азии.— В кн.: ТВ. М., 1962.

Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. АН УРСР. Київ, 1963.

Стрижак О. С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини. Київ, 1967.

Стрижак О. С. Про що розповідають географічні назви (Сліди народів на карті УРСР). Київ, 1967а.

Строгова В. П. К особенностям названий угодий в говорах бывшей Новгородской земли. Уч. зап. Новгородского пед. ин-та, т. 6, 1961.

Строгова В. П. Об одном новгородском топониме с суффиксом -иц(а). ВГ, вып. 70. М., 1966.

Струве В. В. Арийская проблема. «Советская этнография», 1947, вып. 5—6.

Субаева Р. Х. О названиях рек и озер Среднего Поволжья.— «Изв. Казанского фил. АН СССР», серия энергетики и водного хозяйства, 1961, вып. 3.

Субаева Р. Х. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР. Автореф. канд. дисс. Казань, 1963.

Сумцов Н. Ф. Малорусская географическая номенклатура. Киев, 1886.

Суперанская А. В. Грамматические наблюдения над собственными именами.— ВЯ, 1957, вып. 4.

Суперанская А. В. Вопросы орфографии географических названий.— В кн.: «Транскрипция географических названий». М., 1960.

Суперанская А. В. Против упрощенчества в топонимике.— ВГ, сб. 58. М., 1962.

Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964.

Суперанская А. В. Типы и структура географических названий.— В кн.: «Лингвистическая терминология и прикладная топонимика». М., 1964а.

Суперанская А. В. Склонение собственных имен в современном русском языке.— В кн.: «Орфография собственных имен». М., 1965.

Суперанская А. В. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Сыромятников Н. А. Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка.— «Народы Азии и Африки», 1967, вып. 2.

Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1952.

Сытин П. В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959.

Тайцкиий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук.— ВЯ, 1961, вып. 2.

Тенишев Э. О значении слова Такламакан.— «Тр. Ин-та языка и литературы АН Казах. ССР», т. 2. Алма-Ата, 1961.

Тепляшина Т. И. Топонимы на кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бессермян.— ВГ, вып. 81. М., 1970.

Тепляшина Т. И. Названия возвышенных мест Удмуртии.— «Топонимика», вып. 4. М., 1970а.

Тереженко Н. М. Характерные черты ненецкой топонимики.— В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Тизенгаузен В. Т. Сборник материалов, относящихся к исто-

- рин Золотой Орды, извлеченных из персидских сочинений, т. 2. М., 1949.
- Тимковский Е. П.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. СПб., 1824.
- Токомбаев Ш. Т.* Об одной ошибке в топонимике Тянь-Шаня.— «Изв. Кыргызского ГО», вып. 6. Фрунзе, 1966.
- Толстов С. П.* К вопросу о происхождении каракалпакского народа.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», № 2. М., 1947.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
- Толстой Н. И.* Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии. — В кн.: «История топонимики в СССР». М., 1967.
- Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии.— В кн.: «Славянское языкознание». М., 1968.
- Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Толстой Н. И.* К проблеме изучения славянских местных географических терминов.— ВГ, вып. 81. М., 1970.
- «Топонимика». Материалы Московского филиала Географического общества СССР. 5 выпусков. М., 1967—1971.
- «Топонимика Востока». 3 выпуска. М., 1962—1969.
- «Топонимический минимум». Указатель литературы. М., 1964.
- Топоров В. Н.* Две заметки из области балтийской топонимики.— Сб. статей, посвященный акад. Я. М. Эндзилину. Рига, 1959.
- Топоров В. Н.* Из области теоретической топониматики.— ВЯ, 1962, вып. 6.
- Топоров В. Н.* Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий.— ВГ, сб. 58. М., 1962.
- Топоров В. Н.* О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии.— ТВ. М., 1962.
- Топоров В. Н.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топониматики. Принципы топонимики. М., 1964.
- Топоров В. Н.* О палийской топониматике.— ТВ. Исследования и материалы. М., 1969.
- Топоров В. Н.* К восточной границе гидронимии балтийского типа.— В кн.: «Топонимия Центра». М., 1972.
- Топоров В. Н.* Baltica Подмосковья.— Балто-славянский сборник. М., 1972а.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений.— В кн.: «Этимология», 1965. М., 1967.
- Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968.
- Трубе Л. Л.* Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962.
- Трубе Л. Л.* О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области.— В кн.: КТСЗ. Рига, 1966.
- Трубе Л. Л.* Мордовские топонимы в Горьковской области.— «Вопросы финно-угорского языкознания», IV. Ижевск, 1967.
- Трусман Ю. Ю.* Этимология местных названий Псковского уезда. Ревель, 1897.
- Туркин А. И.* Топонимика Севера России в трудах финно-уг-

роведов XIX — начала XX в. История топонимики в СССР, М., 1967.

Туркин А. Гидронимика Коми АССР.— «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск, 1967а.

Умурзаков С. У. О киргизских географических терминах, обозначающих перевал.— ВКТ. Л., 1965.

Умурзаков С. У. Кыргызские топонимические заметки.— «Изв. АН СССР», серия геогр., 1970, вып. 4.

Умурзаков С. У. Топонимические заметки.— В кн.: «Вопросы киргизской терминологии». Фрунзе, 1971.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964; т. 2. М., 1967; т. 3. М., 1971; т. 4. М., 1973.

Федорова Р. В. К вопросу о распространении граба в последне-никовое время на территории европейской части СССР.— «Проблемы физической географии», вып. 16. М.—Л., 1951.

Федорович Б. А. Лик пустыни. М., 1954.

Филевич И. П. Угорская Русь и связанные с ней вопросы русской исторической науки. Варшава, 1894.

Филевич И. П. О разработке географической номенклатуры.— «Тр. X Археологического съезда в Риге в 1896 г.», т. 1. М., 1899.

Фоменко В. Г. О подмосковных топонимах Коломна и Кашира.— «Топонимика», вып. 4. М., 1970.

Хаджилаев Х.—М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

Хайдаков С. М. Место топонимических названий в лексике лакского языка.— «Изв. АН СССР, серия языка и литературы», т. 19, 1960, вып. 6.

Хайдаков С. М. Особенности аульных названий Чамала.— ВГ, сб. 70. М., 1966.

Халимов Р. Х. Топонимика восточной горной части бассейна Кашкадарьи.— «Географический сб.», вып. 1. Казань, 1966.

Хасанов Х. Х. Топонимика Средней Азии.— «Совет педагогикаси». Ташкент, 1940, вып. 5 (на узбек. яз.).

Хасанов Х. Х. Среднеазиатский географ-филолог XI века.— «Изв. Узбекист. фил. ГО СССР», т. 5. Ташкент, 1961.

Хасанов Х. Х. Транскрипция географических названий на узбекском языке. Ташкент, 1962 (на узбек. яз.).

Хасанов Х. Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии.— В кн.: ТВ. М., 1962а.

Хасанов Х. Х. Среднеазиатские географы и путешественники. Ташкент, 1964 (на узбек. яз.).

Хасанов Х. Х. Происхождение географических названий Средней Азии. Ташкент, 1965 (на узбек. яз.).

Хасанов Х. Х. Географическое наследие ученых Средней Азии. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967.

Хасанов Х. Беруни и топонимика.— В кн.: «Беруни и гуманитарные науки». Ташкент, 1972.

Хашимов Ж. А. Топонимика Нуратинских гор.— Геогр. сб., вып. 1. Казань, 1966.

Хоанг Тхи Тьяу. Названия рек Вьетнама.— В кн.: ТВ. Исследования и материалы. М., 1969.

Хромов А. Л. К вопросу о топонимике Матчи. — «Изв. АН Тадж. ССР». Отд. обществ. наук, 1963, вып. 1.

Хромов А. Л. Топонимика Ягноба. — В кн.: ВКТ. Л., 1965.

Хромов А. Л. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микротопонимии Ягноба. — «Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1966, вып. 3 (45).

Хромов А. Л. Тюркские названия в микротопонимии Ягноба. — Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1967, вып. 3 (49).

Хромов А. Л. Некоторые проблемы топонимического исследования. Таджикистана. — «Изв. АН Тадж. ССР». Отд. обществ. наук, 1968, № 1 (51).

Хромов А. Л. Изучение географических названий Таджикистана в СССР и за рубежом. — «Изв. АН Тадж. ССР». Отд. обществ. наук, 1969, № 3 (57).

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.

Цілуйко К. К. Топоніміка Полтавщини як джерело історії краю. — В кн.: «Полтавсько-Київський діалект — основа української національної мови». Київ, 1954.

Цілуйко К. К. Топонімія Покровського району Дніпропетровської області. — В кн.: «Мовознавство», т. 14. Київ, 1957.

Черножуков К. Н. Китайские географические названия. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.

Чихарж Вацлав. Характерные черты средиземноморского субстрата. — В кн.: «Сообщения чехословацких ориенталистов». М., 1960.

Шакирбай Г. З. Значение основы *кэа* в топонимии Абхазии. — В кн.: «Этнография имен». М., 1971.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка, 2-е изд. М., 1971.

Шостакович В. Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири. — Сб. «Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири», вып. II, ч. 1. Иркутск, 1926.

Шун Пун-хао. Краткое описание Синьцзяна. Шанхай, 1945 (на кит. яз.).

Шукин Н. С. Географическая и этнографическая терминология Восточной Азии. — «Вестник РГО», ч. 17. СПб., 1856.

«Этнография имен». Сб. М., 1971.

Югай Р. Л. О географическом изучении пустыни Кызылкум в связи с топонимикой. — «Изв. Узб. фил. ГО», т. 5. Ташкент, 1961.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Юзбашев Р. М. Опыт исследования азербайджанских географических терминов. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962.

Юзбашев Рамзи. Азербайджанские географические термины (на азерб. яз., рус. резюме). Баку, 1966.

Юферов В. Этнографический конгресс в Париже в 1878 г. — «Изв. РГО», т. 15, 1879, вып. 4. СПб., 1880.

«Языки и топонимия Сибири», вып. 1—5. Томск, 1966—1972.

Ямпольский З. И. О значении слова *ван* в имени Нахичевань. — «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук. Баку, 1961, № 1.

Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971 (на беларус. яз.).

Яшченко А. Към въпроса за произхода на някоя руски гидроними в областта Посемье. — «Език и литература», XXIII, кн. 6. София, 1968 (на болг. яз.).

Ященко А. И. Топонимика Курской области. Курск, 1958.

Ященко А. И. О некоторых народных названиях поселений Курской области. — «Уч. зап. Курского пед. ин-та», вып. 9, 1959.

Ященко А. И. Из опыта работы над гидронимическим словом Курской области. — ВКТ. М., 1965.

Ященко А. И. К этимологии некоторых гидронимов Курской области с начальным О-(Об). — В кн.: «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та», т. 293. Л., 1968.

Badjura R. Gorski prehodi v luci Ljudske geografije. Ljubljana, 1951.

Badjura R. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.

Barczy Geza. A magyar szokincs eredete. Budapest, 1958.

Capot-Rey R. Glossarie de principaux termes geographiques et hydrogeologiques Sahariens. Alger, 1963.

Endzelins J. Latvijas PSR vietvardi. 2 t. Riga, 1956—1961.

Gedin Sven. Central Asia Atlas. Stockholm, 1966, Memoir on maps. Vol. I. Records on Surveys. Vol. 2, Index of Geographical Names. Stockholm, 1967.

Gourou Pierre. Le paysans du delta Tonkinois. Etude de geographie humaine. Paris, 1936.

Gudelis V. Zodzio ir vietovardzio «gala(s)» etimologijos ir prieistorines geografijos klausimy. Lietuvos TSR geografine draugija, geografinis metraštis, III t., 1960.

Hambis L. Notes sur kan nom de l'Yenissei superieur. Journal Asiatique, vol. 244, 1956, N 3.

Jarring, G. Some Notes on Central Asian Turkic Place Names. The bulletin of the geological institutions of the University of Uppsala, v. 40, 1961, jine.

Laufer B. Sino-iranica. Chinese contribution to the history of civilisation in Ancient Iran. Field museum of Natural History. Anthropol. Series, v. 15, 1919, n. 3. Chicago.

Lecoq A. Ostturkische Namenliste mit Erklarungsversuch. In S. Hedn. Southern Tibet, v. 9, pt. 2. Stockholm, 1922.

Lorimer D. L. R. The Wakhi Language. London, 1958.

Minorsky V. Mongol-names in Mukri Kurdistan (Mongolica 4). Bulletin of the school of oriental and African studies university of London, vol. 19, 1957, pt. 1.

Moczynski K. Uwagi o slowianskiej terminologii topograficznej i fiziograficznej oparte przewaznie na materjale bialorusko-poleskim. Lwow — Warszawa, 1921.

Naert P. Autour de ajnou «to» — «lac». Revue Internationale D'Onomastique, 1962, N 1.

Otrebski J. O badaniach nad nazwami wodnymi i miejscowymi na obszarsie Litwy. I Miedzynarodowa slawist. konferencja onomastyczna. Wroclaw, 1961.

Pall Y. Pohja — Tartumaa kohaned. Tallin, 1969.

Pegorier A. Glossarie des termes dialectaux permettant de trouver

le sens d'un grand nombre des toponymes de la nouvelle carte de France. Paris, 1963.

Pelliot. P. Notes on Marco Polo, part. I. Paris, 1959.

Raquette G. Nagra turkiska Geografiska namn in Centralasien. Svensk Geografisk arsbok. Lund, 1928.

Reynolds J. H. Place-Names in Sinkiand. Geographical Journal, 1925, v. 65, N 3.

Sauvageot A. Les noms des Monts Oural. Revue Internationale D'Onomastique, 1961, N 1.

Shafer R. L'annamite et le tibeto-birman. — Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extrême Orient, t. 40, 1940.

Schütz I. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Stamp L. D. A Glossary of Geographical Terms. New York, 1961, 1962.

Šmilauer V. Metoda «malych typu» v toponomastice. Sbornik slavistických prací venovaných. IV Mezinárodními Sjezdu slavistu v Moskve. Praga, 1958.

Tarvydas St. Lietuvos Vietovardziai. Vilnius, 1958.

United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names. Geneva, 4—22 september 1967. New York, 1969.

Vamberg H. Die geographische Nomenklatur Zentralasien. Petermanns Geog. Mitteilungen, Bd. 37. Gotha, 1891.

Указатель географических названий

Здесь перечислены те географические названия, значение и смысл которых раскрывается полностью или частично в тексте книги, и те, которые фигурируют в качестве примеров, иллюстрирующих отдельные положения. Названия же, приводимые только в целях локализации объектов, имеющие адресную функцию, опущены.

Абай 218	Акхем 184
Абақан, Абуқан, Абукана 184, 186	Акшанга 191
Абасх 75	Акэа, Акэ 75
Абгара 75	Алабайтал 223
Абдулаевка 165	Алабель 218
Абия 184	Аладаг 169
Аблязово 84	Алайская долина 220
Абмекан 176	Алайский хр. 219, 220
Абрамова, ледн. 215	Алака 165
Ага 245	Алатаг 169
Агбан 184	Алатау 169, 217, 221, 224
Агван 76	Алатоо 169, 204, 221, 299
Агизел 189	Алатырь 58
Аза 71	Алатуу 169
Азас, оз. 294	Алашань, пуст. 168, 169
Азас, р. 294	Алашань, хр. 168, 169
Азов 75	Александрия 22
Азовское море 75	Александровка 84
Айдада 170	Алексеевского студгородка Шестой проезд 52
Айни 218	Алкужи 157
Айраг-Нур 238, 244	Алкучанский Говин 171
Ақарал 244	Алма-Ата 227, 228, 295
Ақбайтал 208, 223	Алмалык 228
Ақбаш 244	Алматы 227, 228
Ақдам 163	Алтай, Алтайн-Нуру, горн. сист. 185, 245, 248, 278, 284—286
Ақети 73	Алтай, гор. 248
Ақитиль 14	Алтан-Булак, Алтанбулаг 81, 236, 243, 249
Ақкем 184	Алтан-Хухэй, Алтанхөхий 187, 238
Ақкерман 21	Алтан-Ширэ 240
Ақкум 222	Алтан-Эмээл 236
Ақлянгар 281	Алты-Кудук 225
Ақсу, гор. 277, 285, 287	
Ақсу, р. 81, 213, 215, 218, 219, 244, 278, 285, 296	
Ақтаг 217	

Алты-Кунгей 225
Алтынтаг 286
Аманкара 109
Аманкутан 118
Амоголан-Батор 243
Амударья 14, 29, 185, 210, 212,
216, 218, 221
Амуль, Амуе 14, 216
Амур 189, 317
Анапа 63
Ангарская ул. 167
Андере-Лянгар 281
Андере-Тарим 296
Анды 74
Ангрен 225, 282
Андижансай 221
Анзоб 209
Ани 71
Аннам, Аннамский хр. 307, 308
Аньдунь 308
Аньси 308
Ань-Тяу 308
Аравийская пуст. 169
Аравис 71
Арагац 72
Арагви 73
Аразын голу 193
Аракаш 266, 290
Аракем 184
Аракс 4, 70—72
Арал-Тау 59
Арал-Тенгизи 227
Аральское море 175
Арамакан 176
Арарат 72
Ара-Хангайский аймак, Архан-
гай 249
Арбай-Хэрэ, Арвайхээр 248, 249
Арбакалды 284
Арбат 166
Ардуцент 275
Аржаргалант 241
Арзни 111
Аркалык 234
Армавир 72
Армения 72
Арсланбоб 211
Архааты 228
Архангельск 99
Архотэ 299
Арчман 110
Аршаты 228
Ас 190
Аскерово 165
Асралт-Хайрхан 256

Астара 229
Астрабад 229
Астрахань 164, 251
Астын-Артуш 286
Асхабад 229
Ата 295
Атабад 295
Атабай 295
Атакух 295
Атакую 295
Атасу 295
Атахан 295
Атачай 295
Ат ольген даван 282
Аулие-Ата 228, 295
Ауэзов 218
Афганистан 103
Афрасиаб 70
Ахматово 164, 165
Ачинск 84
Ашкала 229
Аш-Кара 229
Ашназ 229
Аштарак 229
Ашхабад, Ашгабат 225, 227—
—229
Аэрцзинь 286
Аяк Гарагум 174

Баб 211
Баба-Ата 228
Ба-Бе 320
Бабушкин 49
Баб-эль-Мандебский прол. 211
Ба-Ви 312
Бага-Богдо-Ула, Бага-Богд-
уул 236
Багалкот 119
Бага-Хэнтий 257
Бага-Цайдам 178
Баграшкель, Баграшкуль 274,
278, 286, 291
Бадахшан 10, 206
Бадхыз, Баткыз, Бадгис 198,
199, 210
Базартурук 218
Бай-Балык 245
Байдраг 186, 244
Байгал-Далай, Байгал-Мурэн
189
Байкал 189
Байлукем 184
Байракчи 260
Байрам-Али 20, 218
Байтаг-Богдо-Уул 222

Бай-Тайга 140
Байтал 223
Байгал-Баши 223
Байтыкем 184
Бакбо 305
Бак-Ниль 309
Бак-Се 318
Баку 70, 76
Балаклея 18
Баланди-Кинк 213
Бала-Четырман 60
Балаханы 197
Балахна 197
Балгасун 259
Балкан 197
Балканиа 197
Балканский п-ов, 197, 198, 267
Балканский хр. 197, 198, 267
Балканы, гор. 197
Балхан, Балханы 197, 198, 210,
267
Балчик 166
Балчуг 166, 167
Балаклавский проспект 167
Бэлик, нь 273, 287
Балыклей 162
Балыклы 162
Балыклыдере 162
Балыксу 162
Балыктыколь 162
Балыкчи 162
Бамбуковый канал 309
Бан-Бан 310
Бан-Ви 310
Банг-Лонг, см. Ло
Бан-Канг 310
Бан-Кон 310
Бан-Мо 310
Бан-На 310
Барановичи 20, 24, 84
Барахгол, Бархын-Гол 247
Баргол 287
Баркель, Баркуль, гор. 273, 286
Баркель, Баркуль, оз. 273, 286
Баркельтаг 286
Барлас 260
Барсакельмес, о. 284
Барсакельмес, пески 26, 85, 176,
284
Барсакельмес, слнч. 284
Барсуки 175
Бартанг 218
Барун-Баян 241
Барун-Тале 173
Барун-Туру 241

Барун-Урт, Баруун 250
Бархан 15
Баскаково 165
Басманная ул. 166
Басманово 165
Бастан 60
Батноров 237
Батуми 37
Баффина, море 8
Бахчисарай 60
Бачу 276
Башбулак 98
Баш Гарагум 174
Баш-Хем 184
Баян-Аул 259
Баян-Гол 193, 240
Баянгол 192, 193
Баян-Тумэн 258
Баян-Ула, Баянуул 236
Баян-Улэгэйский аймак, Баян-
Улгий 250
Баян-Хонгор 250
Бегазы 203
Беговатский Узбой 195
Белая, р. 14, 20, 189
Белгород 21, 44, 81, 84
Беловежская Пуца 143
Беловодское 108, 215
Белозерский 215
Белый Ключ 146
Белый Колодец 41
Белый Урюм 98
Бен-Хай 311
Бережоули 73
Березняки 41
Березовка 165
Бериккара 109
Берингово море 90
Бескиды 122
Бетпак-Дала 169, 170
Бетпактау 170
Бештау 21, 108, 232
Бешташ 232
Бештограк 276
Бештоо 232
Бзыбь 75
Биж-Алтай 239
Бийск 277
Бий-Хем 26, 184, 190, 247
Бикмурзино 165
Биктау 232
Билад-аль-араб 169
Бинкет 231
Бинь-Динь 307
Бинь-Тхун 307

Биранга 191
Биркот 37
Бирюсинка 167
Биюг 163
Бия 81, 190, 247
Бобр 44
Богдо 259
Богдоул (а) 169, 262
Богдо-Хан-Ула аймак 239
Богдо-хурэ 254
Богдошань 169, 279
Бозайгыр 223
Бозбурун 101
Болванский Нос 101
Болотная набережная 166
Большая Алмаатинка 228
Большая Вишера 20
Большая Соляная пуст. 173
Большевик 215
Большие Саурки 165
Большие Тарханы 164
Большой Балхан 196, 267
Большой Нефуд 169
Большой Юлдус 278
Бор, Борок 98
Бордзон-Гоби 171
Бородино 71
Боромля 18
Бортниково 41
Бостан, Бостанху, оз. 274
Бостан, с. 292
Бостон 21
Боткок кум 176
Бранденбург 64
Братовщина 41
Братск 27
Брест 25
Брюгге 74
Бугур, Бужур, Бюгур 274, 287
Бугуты 228
Бузауольген 284
Буздаг 294
Булган 250
Булганак 250
Булган-Гол 250
Булкот 118
Булунг-Тохой 287
Бургустай 286
Буркут 217, 260
Бурул-Тохой, Бурулу-Тохой 287, 299
Бурчум 277
Бустанаево 60
Бутеу-Канас 185
Бухоро чули 176

Бухэй-Мурэн 189
Быстровка 214
Бэйхай 273
Бэйцзин, см. Пекин
Бэйшань 168, 287
Бэйшань, см. Тянь-Шань

Валдайская возвышенность 114
Ванновский 215
Варгол 157
Варджанаули 73
Варзоб 209
Варшиде 297
Васюганская тундра 138
Васюганские болота 138
Вахан 218
Вахджир 14
Вахш 99, 206, 218
Вашингтон 20, 22
Великий Граб 146
Венец 22
Вепрева Пустынь 143
Вернадского, п-ов 8
Верный 228
Верхний Ломов 20
Веселый Кут 108
Вестервальд 105
Весь 41
Веглуга 82
Взвоз 52
Виктория 8
Винь 303
Винь-Йен 309
Винь-Кханг 309
Винь-Лок 309
Винь-Тхо 309
Винь-Ха-Лонг 303
Висла 14
Владыкино 215
Вож 49
Воже, оз. 49
Воже, р. 49
Волга 14, 81, 82, 189
Волгоград 14
Волжский 14
Волково 50, 85
Вологда 277
Воргол 157
Ворксла 157
Ворожба 157
Ворона 57
Воронеж 14, 57
Восток, полярн. ст. 8
Восточно-Гобийский аймак, Дорноговь 242, 243, 250

Восточно-Европейская (рус-ская) равнина 22
Восточный аймак, Дорнот 242, 251
Врангеля, о. 90
Вревское 215
Вудкот 118
Вудьявр 98
Вьет-Йен 309
Вырица 18
Вэйгань 274
Вэньсу 285
Вязьма 83
Вятка 4

Гава-Сай 227
Гавр 98
Гагра 75
Гагури 73
Гай 84
Галбын-Гоби 252
Галь 68
Гально 68
Ганг 316
Ганцхудук, Ганцхудаг 236
Гарагум, см. Каракум
Гарзой 109
Гаррыгала 223
Гарц 105
Гарчистан 267
Гаурдак 90
Гашуньская Гоби 273
Гёздарья 287
Гендаланчай 266
Гиссар 98
Гиссарская долина 211, 220
Гиссарский хр. 211, 220
Гоби, Говь 97, 108, 171, 174, 236, 241, 243, 249, 258
Гоби-Алтайский аймак, Говь-Алтай 251
Гобийский Алтай, Говьалтайн Нуру 251
Гобустад 173
Голвин-Остен, Годуин-Остен 301
Голицыно 24
Голодная степь 140, 169, 170
Голосиха 68
Гольное 68
Гольный Мох 68
Голя 68
Гора 106
Горелый Дуб 146
Горный Дубняк 146

Городок 98
Горохов 50
Горький 19
Граб 146
Грабовый Лес 146
Гренландия 8
Грудь Мадам Мадлен 321
Гуандун 310
Гуанси 310
Гуанчжоу 308, 310
Гузардарья 221
Гуз-Чули 175
Гуйцы 292
Гулистан 19
Гуляйполе 26
Гунделен 266
Гурван-Богдо 240
Гурван-Сайхан-Ула, Гурван сайхан уул 236, 240
Гурлан 217
Гутури 73
Гусь, р. 84
Гусь-Хрустальный 84
Гызылгум 175
Гырло 134
Гюльюрт 178

Дабан 260, 262
Дабасун-Гоби 171
Даван 263
Давид-Городок 44
Давс-Тойрим 237
Давут 279
Даду 306
Да-Зунг 320
Дай-Вай 312
Дайра 263
Дай-Су 312
Да-Кронг 320
Далакайнар 170
Далан-Дзадагад, Даланзадгад 236, 251
Да-Лат 320
Далян 307
Дамлимазар 163
Дам-Лонг 317
Данг-Лок 309
Даникам 185
Да-Ньин 318
Дапсанг 301
Дарби 239
Да-Ранг 320
Дарганата 295
Дариганга 237
Дархан, гор. 164, 239, 251

Дархан, с. 164
Дархан-Хан 164
Дархата 164
Дархитуй 164
Дахайцзы 299
Дахкат 119
Да-хурэ 254
Дашэян 316
Дашт, с. 172
Дашт, урч. 172
Даштаджур 172
Даштатук 172
Даштиангари 172
Даштиджум 172
Дашти-Зиарат 172
Даштимаркох 172
Дашти-Муган 172
Даштихоразм 172
Двин 74
Девкина Заводь 98
Девять Дубов 146
Дежнева, м. 8, 90
Делюгем 184
Демавенд 267
Демир-Тайга 140
Денгон 311, 312
Денизгёрюндю 284
Дербёлджун 261
Деркул 82
Дехмекан 176
Деште-Горган 172
Деште-Кевир 171, 172, 173
Деште-Лут 173
Деште-Наомид 172
Дешти-Кипчак 172
Джавхлант, Жавхлант 242, 251
Джагатучай 264
Джайхун, Джейхун 195, 212
Джалал-Абад 212
Джалилово 165
Джамбул 218, 295
Джанги-Шаар 26
Джантанг 173
Джаныдарья 175
Джар 196
Джаргалант, Жаргалант, гор. 239, 251, 262
Джаргалант, сомон МНР 251
Джаргалтхан 251
Джебел 211
Джерси 74
Джетыгара 267
Джеты-Огуз 195, 204, 225
Джеты-Сандык 225
Джетысу 21, 195, 225, 230
Джетышаар 287

Джинст 242
Джуванарык 218
Джугаани 72
Джультарс аткан кол 85
Джумгал 99, 218, 260, 262
Джумгалтау 219
Джунгария, Зуунгар 242, 273
Джунгарский Алатау 173, 285
Джунгарские Ворота 173
Джунгарская пуст. 173
Дзабхан, Завхан 186, 187, 239, 242, 245
Дзабханский аймак 243
Дзамын-Удэ, Замынууд 251
Дзержинск 83
Дзиньхо 277
Дзосотын-Элисун 273
Дзуун-Баян 241
Дзуун-Мод, Зуунмод 236, 251
Дзуун-Туру 241
Дзуун-Хара, Зуунхараа 251
Дивногорск 108
Дихуа 274, 299
Днепр 14
Днепропетровск 14
Днестр 4
Добровольский 8
Докучаевск 22
Долон-Даван, Долоо даваан 236
Долон-Хара 267
Дон 81, 82, 108
Донбасс 20
Донг-До 306, 307
Донг-Кинь 306, 307
Донгузляй 165
Донгул-Тайга 139
Донуз-Дабан 262
Дорноговь, Восточно-Гобийский аймак 243, 250
Дорнот, Восточный аймак 251
Дрезден 64
Дубки 41
Дубна 277
Дубовая Балка 146
Дубовая Гряда 147
Дубовая Колода 146
Дубовая Нива 146
Дубовая Роша 146
Дубово 85
Дубовый Пень 146, 147
Дубровский 50
Дунай 14, 99, 134
Дундговь, Средне-Гобийский аймак 243, 253
Дурбульджин, г. 262

Дурбульджин, с. 262
Дурбун-Булак 259
Душамбе-Базар 281
Душамбеково 60
Душанбе 60, 229
Дьайлукем 184
Дэлгэр 252
Дэлгэр-Мурэн 189, 237, 252
Дэлгэр-Хан 252
Дэлгэр-Хангай 252
Дэлгэр-Цогт 252
Дюшамбе 229

Евгении Корженевской пик 215
Евфрат 195
Едибурун 101
Еды-Адымлар 225
Екедже 225
Ельня 85
Еманча 163
Енисей 184, 190, 246
Ергиктаргак-Тайга 140
Ереванская ул. 167
Ерикла 165
Еркянь 301
Ессентуки 63
Еттикум 175
Етышаар 287
Ечен 274, 276, 289

Жаман-Дабан 262
Жаманты 228
Жаргалант-Хайрхан 251
Железноводск 108
Железнодорожск 108
Железные Ворота 22
Жыргаланг 262

Заалайский хр. 216, 220
Загора 23
Зайлийский Алатау 98, 217, 220
Зайсан 259
Закаталы 170
Залесное 165
Залесье 41, 138
Заля-Пуша 143
Замоскворечье 24
Замостье 23, 84
Зао-Нэй 319
Зао-Тян 319
Западно-Сибирская равнина 22
Западный Узбой 216
Захматабад 229
Заярск 108
Звенигород 44

Земля Мэри Бёрд-8
Зеравшан, Зарафшан 14, 206, 210, 218, 220
Зеравшанский хр. 219, 220
Зехмекан 176
Зна-Динь 309
Зоркуль 253

Иванов бор 51
Ивановка 20, 214
Иваново 84
Иву 300
Ижил-Мурэн 189
Изел 189
Или 220, 274, 278
Илимская ул. 167
Ингул 82
Индер 57
Инджебурун 101
Индиркаш 265
Индэр 259
Инзер 60
Инин, см. Или
Иньшань 168
Иордан 21
Иран 10
Ирва 69
Иргиз 26, 216, 223, 288
Ирен-Хабирга 272
Иркештам 265, 282
Иркуль 223, 288
Иркут 223, 288
Иркутск 26, 221, 277
Иркутская ул.-167
Иро 186, 223, 245, 288
Ирсу 223, 288
Иртыш 26, 29, 70, 190, 216, 223, 245, 246, 288
Иртышская ул. 167
Ирцис 246, 288
Искандара 210
Искандер 210
Искандердарья 210
Искандеркуль 20, 206, 210, 218
Искона 49
Иссык-Куль 81, 204
Исфахан 10
Итиль 14
Иу 300
Их-Тамир, Ихтамирын гол 236
Ихула 236
Итляй 157
Их-Хэнтэй 257
Ихэнор 253
Ихэ-хурэ 254

Ишек-Анжренкыр 282
Ишим 277
Ишкацим 266

Иен-Бай 309
Иен-Бинь 309
Иен-Бинь-Са 309
Иен-Лап 309
Иен-Тхинь 309
Иенчу 212
Иул 14

Ка 317
Кааха 210
Кабырга-Булак 261
Кавголово 84
Кавказ 22, 70
Кагул 82
Кадырэги-Тайга 140
Казанабад 126
Казанбулак 126
Казанджик 126
Казанлык 126
Казанское 162
Казас 294
Казахстан 22
Казакская степь 141
Казбек 203
Кайгород 44
Кайдухэ 300
Калайбар-Пандж 286
Калач 163
Кал катта 119
Калмакюре 279, 288
Калмак ольген булак 282
Калькутта 119
Калязин 49
Кам 290
Камахи, Ксамахи 34
Камбоджа 306
Каменка 81, 165
Каменная Степь 141
Камень, уроч. 52
Камень-на-Оби 49
Камизар 227
Кам-Канас 185
Кам-Кемчик 184
Камчатка 62
Камышлы 226
Кан, р. 186
Кан, с. 292
Канас 185, 190, 294
Канга 185
Кангагыра 200
Кангадарья 185, 200

Кангюй, Кангха 199
Канин Нос 101
Канчи 265
Каолин 74
Капак искан 282
Капчыгай 261
Караайгыр 223
Кара-Балкан 197
Карабалты 219
Кара-Бел 261
Карабиль 198
Карабиха 21
Карабиялла 198
Кара-Богаз-Гол 256
Карабурун 101
Караганты 228
Карагасьюрт 178
Карадаг 121
Карай-Марьино 162
Карай-Салтыки 162
Каракала 222
Каракаш 28, 266, 278, 288, 289, 301
Каракем 184
Каракол (Сусамырский) 192, 218, 219
Каракол (Чуйский) 99, 192, 193, 218, 219, 263
Каракорум 278, 288, 289
Каракужур 260
Каракульдарья 14
Каракум, Каракумы 81, 97, 121, 172—175
Каракыр 227
Каралар 267
Карасинка 57
Карасу 200, 201, 224
Карасье оз. 200
Каратау 198, 217, 224
Кара-Хем 184
Кара-Хошун 292
Карачай 63
Карашар 273, 287, 289
Караяб 194
Каргалеяка 165
Каргалык 274, 289
Кардж-Дабан 265
Каржан 301
Карлукол 192
Карлыктаг 276, 279
Карст, Крас 74, 122
Картли 73
Карфаген 26
Карья 290
Касара 166

Кастана 74
Катанца 190
Катанас 190
Катманду 119
Катон-Карагай 191
Катта-Арык 227
Каттак 119
Катунь 23, 81, 190, 191
Катэннга 190
Кау 317
Кафирнинган 26
Кахем 26, 184, 288.
Каховка 24
Качинское государство 306
Каш 266, 275, 288—290
Кашабад 289
Каша-Плава 166
Каш-Аре 166
Кашгар, гор. 15, 196, 271, 274, 275, 287, 289, 290
Кашгар, Кашгардарья, р. 266, 277, 290
Кашёнкин Луг 52
Кашира 165, 166
Кашиш-Плава 166
Кашка 165
Кашкаш 222
Кашкабулак 222
Кашкадарья 222
Кашкакум 222
Кашкасу 222
Кашкатау 222
Кая 226
Кварквож 115
Квиани 73
Кебирсай 172
Ке-Ва 310
Ке-Ван 310
Ке-Винь 310
Кевирабад 172
Кевире-Немек 172
Кеген, Кегенкол 192, 193, 259
Кегеты 219
Кек-Бел 261
Кежемерен 189, 218, 260, 262, 263
Ке-Лам 310
Келифский Узбой 195, 216
Кем, р. 108, 184, 245
Кем, Кемчик-Бом, ущелье 184
Ке-Минь 310
Кемчик 184
Кенгкол 192
Кендерли 226
Кентей, Гентей 242, 256

Керия, гор. 274, 276, 290
Керия, р. 14, 276, 277, 290
Керия-Дабан 279
Керулен, Хэрлэн-Гол 186, 242, 245, 247
Кеш 222
Кеш-и-Руд 222
Кзыл-Октябрь 164
Киев 106
Киём 184
Кипун 52
Кипчак, Кипчок 217, 230
Киргизский Алатау 217
Киренга 191
Киров 19
Кисловодск 108, 111
Китай 15, 306
Китай-город 167
Кичи-Арт 227
Кичи-Таш-Сай 227
Кичи-Эмел 262
Кичкене 165
Клаво 321
Клин 49
Клязьма 82, 83
Коба 173
Кобдо 242, 245, 251, 252, 262
Кобдоский аймак, Ховд 252
Кобе, Коббэ 173
Коби 173
Кобу 173
Кобыстан 173
Ковюк 263
Коджа-Балкан 197
Кодор, Кудра 75
Кожва 83
Койсу 219
Коканд 117, 188
Кок-Арт 208
Кок-Бел 208
Коклиани 72
Кокнгас 190
Кокшаал 290, 291, 297
Кокшаал-Тау 219, 291
Колва 82
Колдор 192
Коломна 165
Колтор 112
Колхозабад 215
Ком 185
Комияка 185, 227
Коммунизма, тик 23
Комсомолабад 215
Комсомолец 8
Комсомольск-на-Амуре 80

Комул, Камул 271, 300
Комун 300
Кондалан 266
Кон-Дао 311
Конделенсу 266
Кондома 4
Кончедарья 265, 278, 286, 291
Коньяк 74
Копетдаг 81, 98
Корельское 41
Корлук 217
Қоростень 18
Корочка 165
Косогол, Косогор 242, 255
Косорайте 166
Кострома, гор. 277
Кострома, р. 82
Косьва 83
Коськасыяр 222
Косья, Косью 60
Котагунг 119
Котабахару 119
Котабуна 119
Котадабок 119
Кот-Диджа 119
Коткала 37
Коттиям 119
Кохинхина 306, 321
Кохистан, 108
Ко-Чан-Лап 306
Кочатограк 292
Кочкор 218
Кошлак-Лянгар 281
Кошибеев 165
Кошкарата 295
Кошкозеро 222
Кран 187, 291
Красная, р. 92, 305—308, 319
Красная площадь 92
Красноводск 215
Краснореченское 108
Красноуральск 23
Красноярск 108
Красноярские Столбы 23
Красный Лиман 108
Кремль 51
Крестцы 23
Кресты 23
Ксанское ущелье 73
Ктай 230
Куа-Дай 313
Куа-Динь-Ан 313
Куа-Зао, Куа-Рао 313
Куанг-Бинь 309, 310
Куанг-Йен 309

Куанг-Нам 310
Куанг-Нгай 310
Куанг-Нинь 309, 310
Куанг-Чи 310
Куа-Тиеу 313
Куба, гор. 77
Куба, р. (Алтай) 77
Куба, р. (Вологодская обл.) 77
Кубадаг 77
Кубадереси 77
Кубалы 77
Кубань 63
Кубенское, оз. 77
Кубинское, оз. 77
Кува 77
Кугарт 219
Кудепста 75
Кудук 261
Кудымкар 53
Кузбасс 20
Кулаб, Гулаб 12
Кулан олди 85, 282
Ку-Лао-Хон 312
Кум 98
Кумах-Улах 174
Кумдарья 278
Кунар 290
Кунгей-Алатау 20, 217
Кунгес 12, 278
Кунгунг 292
Кунград 217, 230
Кунделен 266
Кундлун 266
Кундэлюн, Кунделюн 266
Кунцяохэ 291
Куньлунь 220, 278, 291, 292
Кура 70, 72, 75, 76
Курама 217
Курень-Рассоха 108
Курля 279
Куродакс 121
Куросиво 121
Куруктол 277
Курукдарья 278
Куруктаг 217
Курья 108
Кустана 275
Кутабад 119
Кутанси 38
Кутек 119
Кутли 163
Кутшейх 119
Кух-и-Могол 260
Кухистан 103, 309
Кухитанг 210

Куча, гор. 271, 287, 292
Куча, р. 277, 292
Кушчу 76
Кхао-Киен 313
Кхао-Кин 313
Кхао-Куа 313
Кхао-Ма 313
Кхау-Ме 313
Кхау-Фай 313
Кхе-Да-Бан 319
Кхе-Ла 317
Кхе-Мон 319
Кхе-Му 319
Кхе-Нам-Хом 319
Кхе-Са 319
Кхе-Тья-Лой 319
Кхе-Тян 319
Кхе-Че 319
Кхоай-Тяу 308
Кшень 165
Кызарт 218
Кызыл-Арват 211
Кызылбаш 299
Кызылдарья 175
Кызыл-Коба 173
Кызылкуль 271
Кызылкуп 175
Кызылсу 213, 218, 219, 276
Кызыл-Тайга 139
Кызылгузен 263
Кызыл-Хем 184
Кызылшарк 215
Кыу-Лонг, см. Меконг
Кята-Шаббаза 118
Кяхта 249

Лаба 293
Лабкар 290
Лагнур 89
Лайлы 89, 226
Лай-Тяу 307
Лам, см. Ка
Лам-Конг 316
Ланг-Бай 310
Ланг-Лао 310
Ланг-Нон 310
Ланг-Шон 307
Ланьчжоу 308
Лапар Конешар 293
Ларса Кристенсена, берег 8
Лаура 75
Лейпиг 64
Лемья, Лемью 60
Лена, зал. 8
Ленинабад 215, 218, 229

Ленинакан 22
Ленинград 19, 98
Ленинск 83
Ленкорань 10
Лермонтово 164
Лесное 138
Лесной Воронеж 157
Лесные Поляны 138
Лесостепь 141
Лечхум 73
Ливорно 74
Липляй 157
Литл-Америка, полярн. ст. 8
Лисий Нос 101
Ло 317
Лоб 271, 292, 293
Лобнор 241, 292, 293
Лобуху, Лобупо 293
Ловозеро 98
Лок-Занг 309
Локня 57
Лок-Тянь 309
Ломакينو 215
Ломбардия 21
Ломоносова, хр. 8
Лонг-Биен 316
Лонг-Дат 316
Лонья, Лонью 60
Лопнур 292
Лоуланхай 292
Лохэ 293
Луга 277
Лулиани 73
Лунвож 69
Лунтай 274, 287
Льонг, см. Кау
Льонг, см. Тю
Лэулань 275
Люйда 307
Люйшунь 307
Лянгар 210, 295

Магелланов пролив 90
Магнитная, г. 248
Магнитогорск 19, 108, 247
Мазари-Шариф 108
Маднеули 90
Майлису 227
Маймачен 243, 249
Маккензи 22
Мак-Мердо 8
Малая Алмаатинка 228
Малая Вишера 20
Малые Тарханы 164
Малый Балхан 196, 267

Малый Енисей 288
Малый Нефуд 169
Малый Юлдус 278
Маон 74
Манас 190, 293
Мангит, Мангыт 217, 230
Мандал-Гоби, Мандалговь 252
Мандал-Обо 252
Мансуровский пер. 167
Мантулинская ул. 167
Мараканда 208
Марв чули 175
Маргиана 10
Маргилян 10
Маркса, проспект 52
Мары 175
Маслен Нос 101
Маточкин Шар 88
Матросская Тишина 52
Матча 14
Махалля 276
Ма-Хо 320
Мацелста 75
Мацеста 63, 75
Мачахетское ущ. 73
Мачин 15
Маяковского, площадь 23
Меандр 74
Медведево 85
Медьнь 49
Мекан 176
Мекка 231
Меконг 311, 317, 318, 320
Мельниково 215
Менам 318, 320
Мёндюрсоккон 284
Мерв 175
Меренга 191
Меркет 279
Меря 41
Месхи 73
Мечасово 84
Мечетка 163
Мешхеда-и-Мисриян 211
Мещёра 41
Мзиани 73
Мзымта 75
Миас 14
Миклухо-Маклая, берег 90
Милославичи 24
Минбулак 225
Минкуш 225
Минск 82
Минтеке 225
Мирный, полярн. ст. 8

Миян-и-Канг 200
Могол 260
Моголтау 29, 217, 260
Моденвальд 105
Можайск 49
Моинты 228
Мокка 74
Мокрая Панда 157
Мок-Тяу 308
Молдагуловой ул. 167
Молога 82
Мончетундра 137
Морава 14
Морьт-Сомон 236
Москва, гор. 24, 36, 51, 81, 221, 277, 306
Москва, гор. (США) 24
Москва, р. 24, 82
Московская обл. 24
Московская ул. 24
Московский 24
Мосул 74
Мошляй 157
Моюй 288
Муганская степь 140
Мугань 10
Мудьюга 32
Музарт 274
Музгумс 42
Музкол, р. 192, 193, 263
Музкол, хр. 219
Музтаг 287, 294
Музтагата 294, 295
Музтау 294
Музтоо 294
Муи-Док 313
Муи-Лай 313
Муи-Нгок 313
Муи-Рон 313
Муи-Ронг 313
Мукры 217
Мулинхэ 189
Мулэйхэ 189, 262, 296
Мулянциан 262
Мунх-Хайрхан 240
Мургаб 210, 213, 218, 225, 227
Мурзицы 165
Мурзы 165
Мурун 189
Мурманск 84
Мурэн, Мёрён, гор. 252, 262
Мурэн, р. 98, 189, 237, 262
Мухор 265
Мухор-Тала 170
Мухтолово 84

Мыонг-Кхуж 310
Мыонг-Лам 310
Мыонг-Хинь 310
Мыонг-Шен 310
Мысья 45
Набережные Челны 58
Навои 218
Навур 265
Нагатино 51
Нагомари 73
Нагня 34
Назмекан 176
Накидоневн 73
Намаг-Нуур 237
Намангансай 221
Намбо 305
Нам-День 309
Намек 262
Намеряли 73
Нам-Лай 318
Нам-Ма 320
Нам-Мок 318
Нам-Мык 318
Нам-Нан 318
Нам-Нга 318
Нам-Сап 318
Нам-Хет 318
Наньнин 309
Наньшань 287
Наньшань, см. Куньлунь
Наньшань, см. Тянь-Шань
Нарийн-Харуул 110
Наримановская ул. 167
Наровож 49
Нарпай 212
Нарцанэ, Нарцана 111
Нарьян-Мар 55
Нарын, Нарин 259, 262
Нарынкол 192, 193
Нарын-Хара 109, 238
Нарын-Хараула 267
Насакирари 73
Натанеби 73
Нахичевань 76
Неаполь 26
Небит-Даг 215
Нева 82
Нежин 18
Нефтегорск 108
Нефтеюганск 14
Нижеудинск 277
Нижний Ломов 20
Нижняя Рача 73
Николаев 20

Нилова Пустынь 143
Нинь-Бинь 309
Нинь-Занг 309
Нинь-Тхуан 309
Ниса 208
Нихия 34
Ния 14, 277
Новабад 26, 229
Новгород 26, 44, 81
Новая Земля 8
Новая Ляля 20
Новтюга 69
Ноён-Ула 240
Нокис 230
Номин-Гоби, Немин говь 171, 236, 252, 276
Нон-Доай 313
Нордкап 8
Норильская ул. 167
Ноцян 274, 301
Нуи-Као 306
Нуи-Кон-Вой 306
Нуи-У-Бо 313
Нукус, Нукем 225, 230
Нурата 295
Нурлянгар 281
Нуха 34
Нха-Лож 309
Ньюкасл 26
Ньюсити 26
Обихингоу 209
Обоянь 165
Обручевская степь 215
Обь 81, 190
Озен 299
Озерки Поганые 41
Озкент 231
Ойхард 297
Ока 51
Оканица 51
Октябрьское 215
Окуз, Окс, Оксус 29, 195, 210
Оленты 228
Олимп 74
Олым 165
Омск 14, 221, 277
Омь 4
Онбир-Джилга 225
Онгон-Улан-Ула 240
Ондут-Тайга 139
Онега 49, 82, 99
Онего 49, 99
Онекотан 119
Онон 186, 239, 245

Опорто 74
Оптина Пустынь 149
Орго 254
Ордынка 167
Орта Гарагум 174
Орун 196
Орхон 186, 245
Осередь, Осереда 163
Осетия 73
Оскол 14, 57, 82
Оттуг-Тайга 139
Ош, Оч 195, 300
Ошнова Пустынь 143

Пак-Конг 311, 318
Палваната 295
Палта тышти 282
Па-Ма 320
Памир, нагорье 122
Памир, р. 218
Панама 21
Пап-Баб 211
Парапамиз 198, 208
Парапанис 208
Паргана 199
Паргар 199
Паулган 260
Пахта-Арал 19
Пекин 306
Пелакинна 197
Пенде 225, 230
Пенджикент 225, 230
Первомайск 92
Первомайское 215
Перевал 215
Перекумс 42
Пески 215
Петра Первого, хр. 215
Петрозаводск 19
Петропавловск 26, 214
Петухово 50
Печенга, Мурманская обл. 31, 191
Печенга, Сибирь 191
Пиа-Ма 314
Пигумс 42
Пижма 69, 82
Пинега 32, 82
Пиньцин 308
Пичаево 157
Пичан 274
Пичанка 157
Пичеляй 157
Пичер 157
Пичкасово 84

Пишпек 232
Плоские Тундры 137
Плющиха 21
По 82
Победы, пик 215
Подгорье 50
Подол 106
Подолля 81
Под сосной 52
Покровка 214
Поладаури 90
Полесье 138
Половецкая Степь 172
Полторацк 229
Полыново 85
Понора 51
Посьета, зал. 23
Пресня 51
Пржевальск 218
Пржевальского, хр. 276
Приаральские Каракумы 175
Приволжское 26
Пронеси Господи 23, 49
Псёл 57
Пскем 188, 227
Псков 18
Пугачев 19, 93
Пуля 274, 297
Пул 52
Пургасово 84
Пусан 111
Пустошка 143
Пуховичи 24
Пучанхай 292
Пушкин 19
Пушкино 22
Пуца-Водица 143
Пяндж 14, 218, 225, 230, 286
Пятигорск 21, 108, 232
Пятихатка 230

Ра 14
Райгород 44
Раменка 85
Раменское 85
Раменье 85
Раскем, Раскемдарья 14, 188, 278
Регистан 102
Редкодубы 146
Риони 70, 73
Рио-Гранде 98
Рокфор 74
Рона, Родан 82
Росстаг 276

Руб-эль-Хали 169
Ру-Бо-Бо 312
Рудьянка 51
Руза 49
Ру-Ла 312
Русский, хр. 276
Русский Канас 185
Ру-Тьоп-Динь 312
Рыбаки 41
Рязань 157

Сабан 74
Сагаан-Гоби 171
Сагырдашт 172
Сазановка 215
Сазлык 226
Сайтово 164
Сайгон 311
Сайкам 185
Сайкан 259
Сайлукем, р. 184
Сайлюгем, хр. 184
Сайн 265
Сайн-Кала 265
Сайнусу, Сайнус 236
Сайн-Худуг 240
Сайн-Шанд 237, 252, 265
Сайхан-Дулан 240
Сакаката 116
Сал 247
Салба 247
Сальск 247
Сальские степи 247
Самара 40, 81
Самарканд 29, 117, 188, 208, 225, 227
Самаркандская ул. 167
Самцхе 73
Сам-Шон 306
Сангийн-Далай-Нуур 237
Сангудаг 213
Санджи, Санджу 280
Санджугат 279
Санта-Маргац 239
Саньдаохэ, Сань-Дао 275, 276, 312
Сараево 60
Сарай 60
Сарайлы 60
Саржинети 90
Сары-Бия 223
Сарыджаз 278
Сарыжамыш 195, 196, 200
Сарык-Могол 217

Сарыкол, Шарагол, р. 192, 193, 263
Сарыкол, хр. 279
Сарысу 23
Сарытокой 299
Сарычелек 204
Сафарбай 280
Сахалинула 189
Сахара 97
Саче, Сачжэ 276, 302
Свальбард 8
Свердловск 22
Светлогорск 108
Светогорск 108
Свияга 82
Свияжск 82, 277
Святой Нос 101
Се-Банг-Фай 318
Се-Банг-Хиен 318
Сёва 8
Севан 71
Сейм 57
Сейхун 212
Сейшамбе-Базар 282
Секиз-Мурэн 21, 189
Се-Конг, Секонг 311, 318
Селенга, Сэлэнгэ 186, 189, 242, 245
Селенгинский аймак 243
Селигер 43
Сельба 247
Семеновка 214
Семеновский мост 215
Семипалатинск 214, 230
Семиречье 21, 215
Семь Колодезей 146
Серафимович 20
Сердаб 158
Сердабдап 158
Сердоба 158
Сердобск 158
Се-Сан 318
Сестра 55
Сефидруд 264
Сешамбе 230
Сибирь 22, 81
Симферопольский бульв. 167
Сиху 306
Сицзян 312, 318
Смоленск 23
Советская, поляри. ст. 8
Согдиана 70
Созва 69
Сожольники 41
Солнечногорск 108

Солова 83
Соловецкие о-ва 83
Сомеркот 118
Соминка 55
Сонг-Да 319, 320
Сонг-Дао 306
Сонг-Ка 318
Сонг-Кай 306, 318
Сонг-Кон 318
Сонг-Конг 306
Сонг-Ло 319
Сонг-Ма 320
Сонг-Хонг 92, 306
Сонкёль 204
Сосна 44
Сочи 63
Средне-Гобийский аймак, Дунд-
говь 242, 243, 253
Среднерусская возвышенность
114
Сталинабад 229
Стара-Планина 98
Старая Ляля 20
Старый Оскол 23
Стебелька 51
Стеблянка 51
Степь 141
Степняк 141
Стрелецкая степь 141
Субсэн-нор 253
Сугунур 246
Суджа 165
Сук 217, 218
Суйдин 275
Суйлай 275, 294
Сула 165
Сулэхэ, Сулэ, Сулайхэ, Шула
196
Сунак-Ата 228
Сурикаш 265
Сурхоб 209, 213, 218
Сусамыр 218
Сухая Панда 157
Сухиничи 20
Сухоозеро 222
Сухуми 75
Сухэ-Батор, Сухбаатар 20, 237,
242, 253
Сухэ-Баторский аймак, Сухба-
атар аймак 253
Сучжоу 308
Сходня 106
Съезжа 106
Сыктывкар 53
Сылва 82

Сын-Тайга 140
Сырдарьинский Каратау 216
Сырдарья 29, 185, 212, 218, 221,
263
Сырт-Лайли, Сырт-Дели 89
Сэлэнгдэ 248
Сэлэ 248
Сэлэмдэ 248
Сэлэнгэ 248
Сюрприз, о-ва 321
Сюзшань 275, 298
Сюхайцзы 299

Табын-Богдо-Ола, Таван Богд
уул 236, 276
Тавгач 15
Тавушган Окуз 195
Таганка 166
Тагарма, Тагхарма 295
Тагармасу 295
Тагнын-Нуру 241
Тайга, гор. 108, 140
Тайга, хр. 139
Тайга-Ужасы 139
Тайгонос 140
Тай-Конг 311, 318
Тай-Нинь 309
Тайшир 239
Такла-Макан 176, 177
Такот 37
Такыр-Тайга 139
Тала, р. 170
Тала, с. 170
Талакан 170
Талакит 170
Талас 221
Таласский Алатау 219
Талачай 170
Талимухэ 297
Таллин 49
Талышим-Тундра 137
Тамань 164
Там-Дао 312
Тамды 163
Тамлык 163
Танну-Ола 241
Тар, Т(х)ар 177
Таранто 74
Тарбагатай 228, 242, 259, 286
Тарбагатай-Нуру, Тарвагатай
Нуру 236
Тарзас 294
Тарим 14, 28, 278, 296, 297
Таримкишлак 296
Тарканд 231

Таркаш 265
Тарутино 71
Тарханка, р. 164
Тарханка, с. 164
Тарханкут 251
Тархановское болото 164
Тарханская Потьма 164
Тарханы 164, 251
Тарымкая 296
Таскыл-Тайга 140
Тасмания 90
Татарка 165
Татарская ул. 162
Татарский Брод 162
Таушкандарья 297
Тахти-Сулейман 212, 218
Тачэн 274, 276
Ташагун-Бель 260
Ташанка 163
Ташауз 225
Ташенка 165
Ташкан 291
Ташканд 232
Ташкент 117, 188, 225, 227, 230,
231
Ташкентская ул. 167
Ташкуртан, г. 279, 297
Ташкуртан, гор. 274, 297
Ташкуртан, р. 277
Ташлык 226
Ташсака 211
Таштыккамяк 165
Те-Бен 311
Теджен 221
Текес 12, 278
Телеорман, Румыния 163
Телеорман, СССР 163
Темир-Капыг 212
Темиртау 80, 227, 248
Тенгиз 108
Тенгрига, см. Тянь-Шань
Терской-Алатау 20, 217
Тесь 246
Тибани 72
Тиен-Лок 309
Ти-Лонг 317
Тин-Конг 312, 318
Тиркаш 265
Тихонова Пустынь 143
Ткварчели, Ткварчал 75
Тогракман 281
Тогуз-Торау 225
Тойда 163
Токай, гор. 74
Токай, р. 163

Тожла 177
Токсово 84
Токтогул 218
Тола 186, 244, 245
Толагай 259
Толгой 236
Толмачевские переулки 166
Толук 263
Томск 14, 84, 221, 277
Тонкент 231
Тонкин 306, 321
Тонкинский зал. 306
Тосна 56
Тохаристан 177
Тохта ахун ку аткан кель 282
Тохтакорум 279, 297
Тошканд 188, 230
Три Дуба 85, 147
Туапсе 63
Тузтаг 297
Туин-Гол 237
Туйен-Куанг 310
Тулуфань 274
Туманян 20
Тумат-Тайга 139
Тунгуска 190
Тундроявр 137
Тункат 119
Тура 33
Турадапай 33
Туран 10, 22
Турий п-ов 33
Туркестан 103, 220
Туркестанский хр. 220
Туркман чули 175
Туркменские Каракумы 195, 216
Туркменский проезд 162
Туржу 33
Турфан, Турпан 274, 298, 300
Турья 112
Тускарь 57
Тухариси 73
Тхай-Бинь 309
Тхань-Хоа 320
Тхемнари 73
Тьен-Йен 309
Тьмунторокань, Тьмунторакань,
Тьмунторхан 58, 164
Тьсина 56
Тэй-Конг 312, 318
Тэйсийн-Гол 246
Тэс 246
Тю 317
Тю-Лок 309
Тюль 21

Тюльжубс, Тюлькюбаш 223
Тюрингенский Лес 105
Гяньцинъ 98
Гяньчи 300
Гянь-Шань 22, 29, 111, 168, 220,
221, 273, 275, 278, 298, 299

У березы 52
Убсу-Нур, Увснуур 242, 253, 266
Убсунурский аймак, Увс 243,
253

Увэржаргалант 241
Увэр-Хангайский аймак 254
Угэй-Нуур 237

Узбой 195, 196
Узуу-Тайга 140

Узунтала 170
Уйгар, Ойгур 237

Уйгурсай 217
Уйрат 260

Ула 262
Улакол 262

Улан 262
Улан-Батор, Улаанбаатар хот

237, 242, 243, 254, 255, 262
Улан-Бургас, Улаанбургаас 236

Улангом, Улаангом 253, 262
Улан-Мурэн 264

Улан-Тайга 140
Улан-Ула, Улаануул 239

Улахол 99, 193
Улуг-Хем 26, 184

Улукам 185
Улуньгу 299

Улус 260
Улы Гарагум 174

Ульдза, Улз гол 239
Ульяновск 19

Улэгэй, Улгий 255
Улюнгур 299

Улжусатай, Улпастай 251
Умнэ-Гоби 236

Умнэговь аймаг 236, 243, 258
Унгуз 29, 194, 195

Ундэр-Унд 239
Ундэр-Хан, Ундэрхаан 239, 255

Ур, Уру-Гол 246
Уразовка 165

Урал 60
Уральск 84, 221

Уральский хр. 115
Урарту 72

Урга, МНР 243, 254
Урга, Самаркандской обл. 260

Урд-Тамир 241

Урумчи 272, 277, 278, 299
Урунгу 299

Ус, р., приток Мезени 84
Ус, р., приток Печоры 84

Ус, р., приток Цильмы 84
Уса 195

Усва, Усба 253
Уопа-холь, Усва-холь 253

Успенская Пустынь 143
Уссурийск 25

Усть-Каменогорск 26
Устьмурза 165

Устюрт 72, 178
Усу 275

Усу, р. 195
Усуа, Усва, Усба 253

Утмек 218
Уургол 246

Уфа 14
Ухань 305

Ухэ 299
Учан 307

Уч-Котон 262
Учкурган 225, 230

Учтаган 225
Учтурфан 274, 288, 299

Уш 274, 300
Ушкара 109, 267

Файзабад 276
Факрака 265

Фальгар 199
Федченко, ледн. 90

Фергана 199
Ферганская долина 199, 220

Ферганский хр. 220
Ферехто 113

Фиа-Линь 314
Фи-Ма 320

Франконский Лес 105
Фрунзе 20, 218, 232

Фукан 275
Фук-Йен 309

Фукуй 307
Фу-Ланг 314

Фу-Лонг 317
Фу-Лионг, см. Красная

Фунг-Лок 309
Фухай 287

Ха-Бак 307
Хабаровск 82

Хабату, Обату 266
Хаджи-Тархан 164

Ха-Донг 306

Ха-Занг 318

Хазрет-Аюб 212
Хайастан 103

Хайдаджан 300
Хайдык, Хайдык-Гол 278, 286,

300
Хай-Нинь 309

Хайра-Кудук 260
Хайрхан 240

Хайфон 307
Ха-Кой 306

Халдзан 239
Ха-Лонг 317

Халхин-Гол 237, 239
Хальк 273

Хамадан 10
Хамар-Дабан 98, 262, 265

Хами 271, 287, 300
Хамил 300

Хам-Лонг 317
Ха-Нам 307

Хангай 249
Хандагатай 286

Ханой 307, 308
Хан-Тенгри 111, 221, 261, 298

Хан-Тайга 140
Хан-Тайшири-Ула аймак 239

Ханты-Мансийск 27
Хан-Хонгор 250

Хан-Хухэй, Ханхокий 187, 238
Хан-Хэнтэй-Ула аймак 239

Ханькоу 307
Ханьян 307

Хараа 252
Хара-Куньлунь 289

Хара-Мурэн 121, 189
Харанлыг-Коба 173

Хараул(а) 217
Хара-Ус-Нур, Хара ус нуур 194,

236
Хар-Гол 236, 256

Харимкотан 119
Харкар 290

Харул 121
Харэлис 121

Хар-Эрчис-Гол 246
Хасавьют 178

Хатан-Булак 190
Хасарт 29

Хатанга 191
Хатан-Суудал 192

Хатунхэ 190
Хаш, Хашар, см. Кашгар

Хваризм, Хуваризма, Хваир-
зам 200

Хемус 198

Хибиногорск 108
Хибины, Хибинские тундры 98,

137
Хива 216

Хилково 215
Хирлис-Нур, Хяргас нуур 237,

238
Хоа-Бинь 309

Хоанг-Лонг 317
Хобук 173

Ховд, см. Кобдоский аймак
Ходжейли 230

Ходжентдарья 221
Хойт-Нурин-Тала 170

Хойт-Тамир 241
Хонг-Куанг 310

Хонгор 250
Хонг-Ха, Хонгха 92, 307, 321

Хон-Дау 313
Хон-Дуонг 312

Хон-Ко 312
Хон-Кон-Тим 312

Хон-Ла 312
Хон-Мак 312

Хон-Ме 312
Хон-Нам 312

Хон-Но 312
Хон-Нхон 312

Хон-Тай-Лон 313
Хон-Че 312

Хорасан 10
Хорезм 199, 200, 208

Хорезмская пуст. 172
Хорети 73

Хорремекан 176
Хорлос 260

Хорсан-Ата 228
Хор-Тайга 139

Хоста 75
Хотан, гор. 10, 117, 271, 275, 287

Хотан, р. 277, 278, 301
Хо-Тэй 306

Хочжоу 298
Хояньшань 297

Хреновская степь 141
Хуанг-Йен 309

Хуанхэ 21, 273
Хубсугул, Хубсугул нуур 186,

242, 255, 256
Хубсугульский аймак, Хувсугул

аймаг 243, 255, 256
Хунань 273

Хундэлэн 266
Хунхэ 92, 307, 319

Хуросон чули 175
Хуса-Орду 275
Хэбэй 307
Хэйлунцзян 189, 317
Хэйхэ 189
Хэлишань 287
Хэнань 307
Хэнтэй, Хэнтийн нуруу 239, 242, 256, 257
Хэнтэйский аймак, Хэнтий 243, 256
Хэнтэй-Хан 257
Хюндуркаш 266
Хяргас 237
Хяржан 301

Цагаан-Гол 244
Цаган-Нур, Цагаан нуур 236
Цаган-Олом 239
Цаганул 262
Цайдам, оз. 178
Цайдам, пуст. 98, 178
Цайдам, с. 178
Цайдамин-Барун-Ундур 179
Цайдамын-Нур 178
Цайдэму 178
Царица 23
Цастуул 236
Целиноград 19, 26, 80, 92, 215
Цемо 274
Центральный аймак, Тов, Тув 242, 257
Цэцаланьшань 169
Цэиньшань 286
Цзян, Цзяншүэй 316
Цинлинь, см. Куньлунь
Циннари 73
Циникар 257
Цна 56
Цогт-Джаргалант 251
Цогт-Сомон 236
Цулиндунхэ 292
Цулинсикхэ 292
Цунлинь, см. Куньлунь
Цунлинь, см. Тянь-Шань
Цэнхэргол 245
Цэцэрлэг 236, 257
Цюша 275

Чаган-Тюбе 260
Чакар 260, 279 -
Чамлык 163
Чанцзян, Янцзы 273, 316
Чаракар, Чарекар 290
Чарвак 210

Чарджоу 210, 225
Чарклык 274, 301
Чарсу 213
Чарчи 276
Чаршамбе-Базар 282
Чатырдаг 22
Чач 230
Чельтаг 217
Челябинск 60
Черак салди даван 283
Черкесск 27
Черкизово 167
Чермекан 176
Черменьяб 194
Черная, р. 20
Черная Речка 108, 201
Черновцы 25
Черногория 121
Черный Иртыш 246, 288
Чертов Палец 22
Черчен, р. 277
Черьмховый куст 52
Четатя-Альба 21
Чехов 19
Чечекты 257
Чечи 230
Чешме 22
Чешский Лес 105
Чжаосу 288
Чжэньси 275, 287
Чиглык 274
Чимбай 230
Чимкент 117, 188, 225
Чин, окр. Бирма 306
Чин, см. Китай 15
Чингис-Ула 237
Чиндомани-Ула аймак 239
Чира 277
Чирган-Акты 227
Чиринкотан 119
Чирчик 218
Читрал 290
Чншма 60
Чишмалы 60
Чишмэ 60
Чогори 301
Чойбалсан 237, 257
Чойжинима-Худаг 237
Чолпон-Ата 295
Чон-Эмел 262
Чу 204, 218
Чугучак 274
Чулуту 245
Чунгбо 305

Чыонг-Шон, Чыонгшон 111, 307
Чэлайцзы 275

Шагалы 226
Шакадам 215
Шала, Шал 236
Шамо, см. Гоби
Шамси 219
Шаньшан 274
Шаргын-Гоби, Шаргын говь 171, 237, 252
Шаст-Дабан 260
Шатуха 51
Шахабад 229
Шахидулла, Сайдулла, Шахид-ул-Лах 276, 280
Шахристан 219
Шахрисябз 222
Шачэ 274
Шаш 230
Шашкент 230, 231
Шварцвальд 105
Шевченко 22
Шемаха 34
Шереметьево 24
Шиашкотан 119
Шикотан 119
Шиих 217
Ширван 76
Шихо 275, 276
Шихоцзы 275
Шинш 246
Шишхид 246, 288
Шолон, Те-Лон 311
Шон-Ла 306
Шон-Тэй 306
Шордынь 88
Шофирком 185, 227
Шпидберген 8
Штейнгервальд 105
Шугнан 10
Шураб 87
Шуршкар 53

Эби-Нур 271, 277, 301
Эгийн-Гол 242, 256
Эгрикаш 265
Эдзүгэй-Гадзар, Эзгэй газар 237
Эдрэгийн-Нуруу 237
Эктаг-Алтай 217

Электросталь 19, 92
Эмел 261
Энтузиастов, шоссе 52
Энтуразово 162
Эргол, Эргоу 296
Эрен-Дабан 262
Эридан 82
Эргай 276
Эрцис 288
Эшек анкрен кыр 85

Югорский Шар 88
Южно-Гобийский аймак, Умнэ-говь 236, 242, 258
Юйли 274
Юйтхян 275
Юйтъян 274, 290
Юртказем 178
Юрункаш 28, 266, 278, 288—290, 301
Юсуи-Булак, Есэнбулаг 248
Юсупово 164

Ягноб 70, 209
Язьюрт 178
Яик, Ягак 60
Яксарт 29, 210
Якутск 27
Якшамбе 230
Якшамбе-Базар 281
Яманты 228
Яманяр 287
Ямская степь 141
Янадарья, Жанадарья 175
Янгигисар 287, 288
Янгиюль 215
Янтуково 84
Янцзы, Янцзыцзян 273, 316
Яньцзэ 292
Яньци 274, 289
Яренга 69
Яркань 301
Яркенд, гор. 188, 274, 287, 301, 277, 278; 301
Яр под Зайчиком, р. 108
Яртонгаз-Тарим 296
Ясногорск 108
Яхимов, Иоахимсталь 74
Яуза 57

Указатель местных терминов

Здесь указаны народные (местные) географические термины, которые формируют собственные географические имена и упоминаются в тексте книги. Термины, перечисляемые в двух списках-таблицах на стр. 127—132, опущены, так как они составлены также в алфавитном порядке.

Аб, об 12, 107, 194, 209, 226,
271, 278, 301.
Абад, обод 229
Агарак 229
Агыз 133
Адыр 203, 226
Азрага 224, 237
Айгыр 208, 223, 224
Аймак 236, 239, 242, 243, 248—
258, 263
Айн, эйн 122, 133
Айрык 107, 208, 224, 238
Акан, акын, агын 285
Аккум 174
Акин 133
Аксай 203
Аксу 224
Алас 22, 97
Алатау 97, 98, 285
Алд 286
Алтайга 139
Ам 23, 123, 133
Анга 133
Ап 158
Ап 14, 23, 241, 249, 261
Арал 59, 244, 261
Арасан 110, 111
Арка 132, 261
Арна 107, 221
Арт 203
Арха 72
Аршан 110, 111
Арык 36, 107, 221, 238

Ас 190, 294
Асман 158
Астын 286
Астырг 178
Ауз 133
Ашаг 15
Аштарак 229
Ашуу 203
Аян 39
Бадхис, бадкыз 198, 199
Базар 161, 226
Байри 260
Байтак 222
Бак 134
Балахана 197, 198
Балка 197
Балкан 197
Балкаш 203
Балхан 198
Балчуг 166
Барган 198
Баргана 199
Барун 14, 241
Барх 132
Бархан 198
Баткак 170, 171
Баш, бас 60, 134, 219
Бег, бек 203
Бел 261
Белок 100
Бель 203
Бент 221

Беран 133
Берек 51
Бескед, бескет 122
Бескид, бескидина 97, 122
Бетпак 171
Би, бу, бю 247
Бийик, бейек, бнек, буюк 203,
232
Биль, бэль 198
Бира 191, 247
Биракан 186
Богаз 22, 134
Богдо 169, 222, 243
Бор 51, 97, 102, 123
Бороо 224
Бостан, бустан 60, 286
Братовщина 41
Бу 305
Бугор 43
Бугра, богра, букра 287
Булаг, булак 81, 98, 242, 248,
261
Булга (н), булган 250
Булгунях 122
Бурун 101, 133
Бэй 305
Бэл 261
Бюгур 287

Ва 36
Вайгач 39
Варош 66
Веретье 51, 103
Вир, вирв 51, 157
Вирьнеже 157
Виска 97
Вож 49
Волок 42, 103
Вор, вор, вэр 157
Выселок 41, 43

Гай 51, 102
Гала (с) 68
Ган 316
Ганг, ганг(а) 109, 314
Гар 109, 116, 267, 289, 290
Гара 15, 86, 109
Гарагум 174
Гархи 109
Гез 133, 287
Гел, гель 193, 256
Гиря 301
Гирло 22, 134
Глава 134
Глаз 133

Глазовина 133
Глей 89
Гоби 97, 171, 252
Гобу 76
Говь 171
Гол 99, 109, 188, 193, 194, 213,
246, 256, 263, 272, 278
Гёл, голь 109
Голаджи 193
Голец 97, 100, 123
Голова 134
Гом 253
Гора 43, 65, 104—107, 109, 116,
139, 197
Гори 301
Горло 22, 134
Горняк 106
Город 43
Горыч 106
Град 98
Гребень 100
Грива 42, 134
Грло 134
Грудь, груд 187
Грьб 132
Грыда 69, 127
Гуан 310
Гуанко, гуанкоды, куанькоды
310
Губи 171
Гужи, см. кужи
Гум 213
Гурт 38
Гыр 114
Гырах 114

Дабан, даван 98, 203, 264
Даба, дабаа(н), даваа 241, 262,
272
Дабасун 277
Даг 10, 81, 90, 98, 106, 197, 213
Дайга 139
Дайра 210
Дала 170
Далай 256
Дам 281
Дара, дере 244
Дарбаза 203
Дарья, см. дарья
Дархан, тархан 164, 251
Дарья, дарье, дарьяб 108, 194,
210, 226, 262, 278
Дарьялык 196
Дарьяча 194
Даш 213

Дашт, дешт 171, 172
Двор 41
Деревня 43
Дерья, см. дарья
Джака 264
Джал, см. жал
Джалга, джилга 76, 261
Джуй 36, 107
Джур 38
Дзам, зам 252
Дзун 14, 173, 241
Дом 281
Дон 97
Донг 307
Дорно 243, 250
Ду 306
Дубна 97
Дубрава 103
Дун 305
Дыл 134
Дьайлу 184
Дэл 135
Дэлгэр 252
Ега 49
Ежаак 133
Елань 103, 161
Ельня 97
Ендова 103
Ер 301
Ереб 15
Ерик 103
Еруг 301
Жал 135, 226
Жылга, см. джалга
Заводь 98
Задгай 251
Занг 316
Зао 319
Затон 100
Зах 264
Зонг 316
Зуун 252, 262
Икша 49
Ильмень 123
Ир, ар 288
Ирим 203
Ирмак, ирмок 288
Кабир, кебир, кевир 172
Кад, када 117
Казан 126
Кайнар 170

Кала 97, 200, 281
Кам 36, 185, 186, 227
Камар, см. хамар
Камень 97, 101, 103, 116
Кан 117, 185, 186, 199, 291, 301
Канал 185, 199
Канг 316
Кан(г) 109, 186
Кангха 199
Канд, канда, см. кенд
Канчи 291
Каонг 316
Кар, город 53, 158
Кар, камень 109, 116, 290
Кара 109, 110, 116, 174, 198, 224, 267, 289
Каракум 97, 174
Карасу 57, 97, 174, 200, 201, 225
Карпа 116
Карст 122
Карья 290
Каскар 289
Кат, кот 37, 116—119, 230
Ката 37, 117, 118
Катаг 167
Катаджуй 185
Катай 167
Катун, катын, хатан 118, 190, 191
Каш 12, 265, 266, 283, 289, 290
Кашка 222
Кваби 126
Кварк 115
Кед 230
Кёл, кель 193, 256
Кем, хем 107, 184—188, 227
Кемер 203
Кенд, кент, канд 117, 188, 230, 231
Кет 230, 231
Кеш 230
Кешир 166
Кинд 117
Киндуш 117
Кир 115
Кит 167
Кия 226
Клин 22
Коба, кобы, кобе, кобу 173
Кодру 22
Кол 99, 192, 193, 263
Кёл, кёль 109, 120
Коломень 165
Ком 133, 185, 188, 227

Конг 109, 314, 316, 318
Корум, корым, курум 115, 116
Кот, когац, котец 118, 119
Кот, см. кат
Котан 118, 119, 262
Котел 126
Котец 118, 119
Котта 117
Котух 118
Коу 133
Кох, см. кух
Кош 165, 166
Краунг 316
Криница 126
Кронг 314, 317
Круэнг 316
Куа-ай 313
Куа-биен 313
Куанг 310
Куаньду 310
Кужи, гужи 157
Кул, куль, кюль 12, 81, 109, 193, 213, 226, 246, 256
Кум 81, 174, 213, 226
Кумак, кумах 174
Купол, куполок 126
Курган 102, 161, 226, 281
Курья 97, 100
Курьк 115
Кус, кеш 230
Кутан 118
Кух, кох 187, 208, 209
Куча 38, 292
Куш 222
Кую 226
Кша 165
Кьянг 316
Кър 115
Кыр 36, 103, 113—116, 198, 261
Кыран, кырат, кырах 114
Кыргак 114
Кырге 115
Кыргуйик 115
Кырдалы 115
Кыргетш 115
Кыры 115
Кырый 114
Кырык 115
Кша, кош 165
Кшень 165
Кянг 316
Кяриз 221
Кят 118
Лаг 89

Лай 89, 196
Лайда 89, 97, 103, 123
Лайсу 89
Лам 317
Левит 134
Ледина 103
Лей 157, 162
Лес 65, 100, 104—106, 138, 143
Лесинник 138
Лесовая вода 138
Лешая земля 138
Лин 105, 313, 314
Линь 105, 314
Лис 138
Ло 293
Лоб, лоп, люб, лаб 292, 293
Лонг 314, 317
Лоу 293
Лощина 42
Луг 51
Лун 293, 317
Луонг 314
Лут 173
Лучон 314
Льонг 317
Лядо 51, 103
Ляй 157
Лянгар 280, 281
Мазар 211
Майдан, мадан, маэдан 102, 161, 177
Макан, механ 176
Мавдал 243, 252
Мани 108
Мано 108
Мар 55
Махалля 211
Медресе 212
Мёрён 262
Мо 191
Мокроводница 39
Мочар 51
Муль 189
Мурун 133
Мурэн, мёрён 107, 188, 189, 245, 252, 278, 296
Мухар 265
Мэль 189
Мэрэ, мэль 189
Нам 320
Намаг 262
Нань 305
Нарзан 97, 111
Нахр 212

Новинки 41
Новоселок 41, 43
Нор, ноур, нур, нуур 241, 244,
247, 265, 293
Нос 22, 101, 133
Нуру, нуруу 132, 251
Ньол 133

Об, см. аб
Обо, овоо 265, 297
Овор 14
Озеро 65, 69, 98
Окно 126
Окуз 195, 210
Ола 169, 241, 244
Олен 299
Олом, олым 165
Онг-бои 195
Ондок 189
Орго 254
Орман 163
Отгар 109
Отмёк, отёк 203
Памир 122
Пандо 157
Парган, паргана, паркана 198,
199

Пата, патанган 178
Пек 232
Печененг 31
Пик 100
Пильгин 134
Планина 98, 197
Плесо 51
Подол 97
Подошва 22
Полонь 51
Посад 43
Починок 43, 97
Прилавок 100
Пусту 142
Пустоплесье 142
Пустошь 142
Пустынь 142, 143
Пустыня 100, 142, 143, 170
Пушта 142
Пуша 142
Пушага 142

Рабат, рабат, рибат 36, 166,
211
Раг 132
Рамень, раменье 97
Рег, регистан 102, 103
Река 65

Релка 100
Риг 133
Рио 98
Рог 133
Ронг 317
Ро 133
Рукав 100
Ручей 69

Саз 58, 203, 215
Сай, сой 103, 111, 208, 213, 226,
261
Сайлик 277
Сайр 103, 208, 261
Сака 211
Сала 97, 247
Самар 216
Сам-тал прадеш 177
Сан 111
Сар 134
Сарай 60
Сардоба, сердаб 158
Саур 165
Сахра 97
Се 318
Седловина 204
Село 43
Сельцо 41, 43
Сес 288
Си 305
Сис 246
Слобода 43
Сой, см. сэй
Сом, см. сом
Сонг 314, 317
Сондок 189
Сор 21, 87, 88
Спина 132
Старича 69, 100
Степь, степ 100, 123, 140, 141,
143, 170
Су 44, 81, 165, 194, 196, 203, 226,
256, 278
Су-бою 196
Сувук, суваг 208
Сулау 165
Сунна 71
Суоло 84
Сырт 100, 123, 163, 203
Сэр 132

Та 320
Табла 66
Таг 10, 169, 213, 222
Таг-бою 196

Тагын-букури 287
Тайга 100, 101, 105, 106, 123,
139, 140, 143
Такла 177
Тал, тала, талаа 163, 170, 224
Талаб 170
Талай 170
Талват 170
Там, тамуй 12, 163, 280, 281,
283

Тамак 134
Тангах 113
Тангис, тэнгес 113
Тап, тапа, тапастан 141
Тар 178, 296
Тара 296
Тараи, тераи 178
Тари 108
Тарим 296
Тарйя 108
Таркань 164
Тармак, тармок 296
Тархан 36, 164
Таря 296
Тау 10, 105, 203, 213, 226
Тахт 297

Таш 165, 211, 213
Ташкан 296
Тес, тис 246
То 111, 113
Тоголок 107
Тожой 163, 226
Толгой 134
Тоо 10, 105, 213
Тоором 113
Тор 111
Трунда 137, 138
Трясина 69
Тув 242
Тугай 97, 123, 163
Тузлык 277
Тумшук 133
Тундра 100, 123, 137, 138, 140,
143
Тундрица 137
Турткуль 36, 118
Туу 10, 105, 114
Тыш 246
Тыа 105
Тэ 105
Тяу 308

Уака 263
Увэр 241, 253
Угуз, угус, у(н)гуз 194, 195, 210

Угуз-бои, угуз-бою 195, 196
Уз, ус, усу 84, 194, 195, 253, 277
Узбой 195, 196
Уир 171
Уй 281
Уйёр 261
Ула, ола 169, 241, 244
Улгий 250
Улс 260
Улус 264
Уль 246
Ундэр 57, 255, 259, 265
Ур 246
Урд 241
Урема 161
Урман 100, 163
Урюм 98, 299
Ус, см. уз
Уст 72, 178
Уста 133
Устье, устие 122, 133
Устирт 178
Ууд 252
Уул 110, 222, 262
Уур 246
Уюр 261

Ха 307
Хавирга 261
Хавцал 261
Хавчил 261
Хай 293
Хайр 260
Хайрхан 240
Хамада 171
Хамар 133
Хан, хон 185
Хангай 249
Ханцуй 265, 291
Хара 110, 116, 224
Хара-усан 238
Хаси 289
Хат 37, 117
Хата 37, 116, 117
Хатын 237
Хаш 266, 289
Хем, см. кем
Хира 115, 261
Хлонг 317
Хо 278
Хойт 241
Хон, см. хан
Хонг 317
Хонгор, хонхор 250
Хоолой 134

Хорон, орон 186
Хото 117, 119
Хотон 117, 119, 262
Хөх, хөхөө 187
Хошань 298
Хошу 133
Хошун 292
Хребет 132
Ху 286, 306
Худаг 261
Хундлэн 266
Хурэ 255
Хух 187
Хутор 43
Хыр 114
Хэ 196, 278, 299, 306, 319
Хэр, хээр 115
Хэрэ 249
Хэрэлгэн 245

Цагаан газар 238
Цайдам 179
Цас 239, 260
Цзан 306
Цзин 306
Цзинь 98
Цзуй 133
Цзэ 292
Цзян 109, 316, 318
Цзяо 134
Цис 288
Цом, сом 311

Чай 44, 103, 111, 213, 264
Чал 58
Чам 163
Чау, тяу 308
Чель, цель 242
Чешм, чишме, чэшме 22, 60,
123, 133
Чжоу 226, 308
Чжун 305
Чиганак 39
Чингыллы 76
Чирак, чирак-таш 283
Чис 246
Чёл 277
Чулуу 58, 245
Чуль 176
Чынгыл 76

Шанд 252
Шань, сань 111, 168, 169, 306
Шаньлин 105
Шар, шаар 88

Шахристан 36
Шелоник, шалоник 101
Шеш, шиш 246, 288
Шонг, сонг 111, 314, 317
Шор, шоор, шорбок 24, 58, 87,
88, 112
Шоуду 306
Шуй 306, 319
Шур 38, 87, 112

Ылай 89

Эбе, ибе 301
Эмель, эмээл 203, 262

Югур 287
Юкары 15
Юрт 36

Я 45
Яб, яп 107, 194, 221, 226
Явр 98
Яйла, яйлу, дьяйлу 184
Ям 264
Яр 42, 161, 301

Abad 229
Arvi 44
Ava 69

Bac 305
Back 132
Bad 76
Bad land 198
Baku, bāku 76
Ban 310
Bana 200
Be 319
Bekkōy 76
Ben 311
Binh 308, 309
Bo 305
Bois 143
Bouche 133

Caο 314
Cap 321
Carra 116
Chau 307
Chine 132
Cho 209
Cid 117
Cita 167
Clay 89

Cot 117, 118
Cote 118
Cottage 118
Crest 135
Cua 313

Da 319
Da 320
Dahyu 297
Dai 312
Damas 281
Dao 312
Dasht 172
De 320
De 311
Deo 314
Desert 143
Dien 311
Dinh 304, 313
Do 306
Doai 313
Doi 314
Domos 281
Domus 281
Dong 305
Dong 316
Dong 312
Dong 314
Dorsum 132
Dur 38

Erkir 116

Farvar 200
Forest 143
Forêt 143
Forst 143

Gairi 109, 290
Ganga 317
Gar 290
Gardlo 134
Gargara 134
Gari 290
Gb(b) 120
Giang 306
Giri, giris 109, 290
Girila 134
Gob, goby 120
Gorge 134
Griva 135
Gubrys 132
Gur 109
Gurges 134
Gurf, kurt 38

Ha 306, 319
Hardt 105
Haz 117
Head 134
Ho 306, 319
Hochgebirge 187
Hoi 318
Hon 312
Hora 104
Horn 22, 134
Hrdlo 134
Huvarazmi 200
Hu-warazam 200

Jok, joki 31, 44

Ibu kota 318

Kad, kand, knt, kt 117, 118, 188
Kam 188
Kandai 117
Kant 117
Kantha 117
Karpe 116
Kat, kata, katai 116—118, 188
Kaubre 132
Ke cho 310
Kedai 117
Kel 120
Keo 314
Ke que 310
Keterà 134
Khasa 290
Khau 133, 313
Khau 134, 313
Khe 319
Khlo 314
Khlon 314
Khong 314
Khuoi 319
Khyon 314
Kira 116
Klung 314
Koca 292
Kol 120
Kol 193
Kom 185
Kota 318
Kran 187, 291
Ktk, ktyk 117
Kud 117
Kul, kula 120
Kuore, kuora 132
Kupra 132

Kur 115
Kurandan 187
Kurt 38
Kut 117
Kuta 38

Lach 319
Lahti 22
Lande 143
Lang 310
Langar 280
Las 138
Latava 69
Leason, lesew 138
Les, lesy 138
Linh 313
Lofos 135
Long 316
Lung 314
Luong 316, 317
Ly 307

Ma 320
Mezc 49
Mören 190
Mouth 133
Mu 190, 245
Mui 133, 313, 321
Muke 190, 245
Mul 190, 245
Muong 310

Nadi 317
Nam 305
Nam 318
Näs 133
Nasus 133
Naze 133
Nez 133
Ngoi 319
Ngon 311, 314, 319
Nguon 319
Nguyen 314
Nguyễn 134, 319
Nohur 265
Noi 308
Non 313
Nui 312

Ol 120
Os 133

Parvar, farvar 200
Phia 314
Pia 314
Po 314

Ponto 113
Pou 314
Poust, pusty 142
Pustiu, pustie 142, 143
Pusty 142
Puszcza 142
Pusztá, pusztasag 142

Qaqsal 290
Qas 290
Qoca 292
Qurt 38

Ragavas 134
Raguva 134
Rao 313, 319
Raxia 132
Raxic 132
Roh 133
Roklina 134
Ron 305
Ru 312

Salo 84
Salu 84
Se 320
See 44
Selkä 132
Sirt 132
Son 306, 312
Song 314
Steppe 141, 143
Sui 306, 319
Suon 313

Ta 320
Tabla 66
Taiga 143
Takilik 177
Tan 170
Tängir, tängiz 113
Tani 170
Taph 141
Tay 305, 313
Te 320
Tenger 113
Tête 134
Throat 134
To 113
Tong 310
Tonger 113
Topo 113
Toro 113
Toundra 143

Trach 311
Trang 310
Tri 311
Trung 305
Tu 113
Tundar 137
Tundra 143
Tunturi 137
Tusnan 56

U 313
Ust 178

Var 66, 200
Varos 66, 200

Vesi 44
Vi 312
Vor 157

Wald 105, 143
Wood 143
Wüste 143

Xatoen 117
Xom 311
Xot, xat 117
Xota 117
Xuong 316
Xvairizam 200

Содержание

К читателю	3
Общие вопросы топонимики	
Место топонимики. Терминология	7
Развитие топонимики в нашей стране	28
Топонимика и география	80
Местные географические термины и их роль в топонимии	94
Анатомическая лексика в народной географической терминологии	126
Региональные исследования	
Названия географических зон	136
Топонимические свидетельства географических условий прошлого Русской равнины	144
Изучение топонимии Центра и ее тюркского горизонта	155
Имена азиатских пустынь	168
Азиатские топонимические миниатюры	180
Географические названия Средней Азии и Казахстана	202
Система географических названий Монголии	235
Монгольские топонимы в Киргизии и Курдистане	259
Топонимика Синьцзяна	269
Вьетнамские географические названия	303
Несколько слов в заключение	322
Литература	325
Указатель географических названий	351
Указатель местных терминов	372

Мурзаев Э. М.

М91 Очерки топонимики. М., «Мысль», 1974.

382 с. с карт. (АН СССР. Ин-т географии).

Книга доктора географических наук Э. М. Мурзаева «Очерки топонимики» — результат многолетнего изучения географических названий. В первой части книги он показывает значение топонимики, ее развитие, образование географических названий, их эволюцию.

Вторая, большая часть книги посвящена конкретному рассказу о географических названиях отдельных республик и областей СССР, а также некоторых зарубежных стран.

М 20901-171 БЗ-3-9-74
004(01)-74

91+4

Мурзаев, Эдуард Макарович

ОЧЕРКИ ТОПНИМИКИ

Редактор С. Н. Кумкес

Редактор карт Г. Н. Мальчевский

Младший редактор З. В. Кирьянова

Оформление художника В. П. Логинова

Художественный редактор В. И. Харламов

Технический редактор О. О. Сергеева

Корректор Н. С. Приставко

Сдано в набор 26 февраля 1974 г. Подписано в печать 25 сентября 1974 г. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 20,16. Учетно-издательских листов 22,16. Тираж 45 000 экз. А01890. Заказ № 468. Цена 1 р. 49 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.